

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

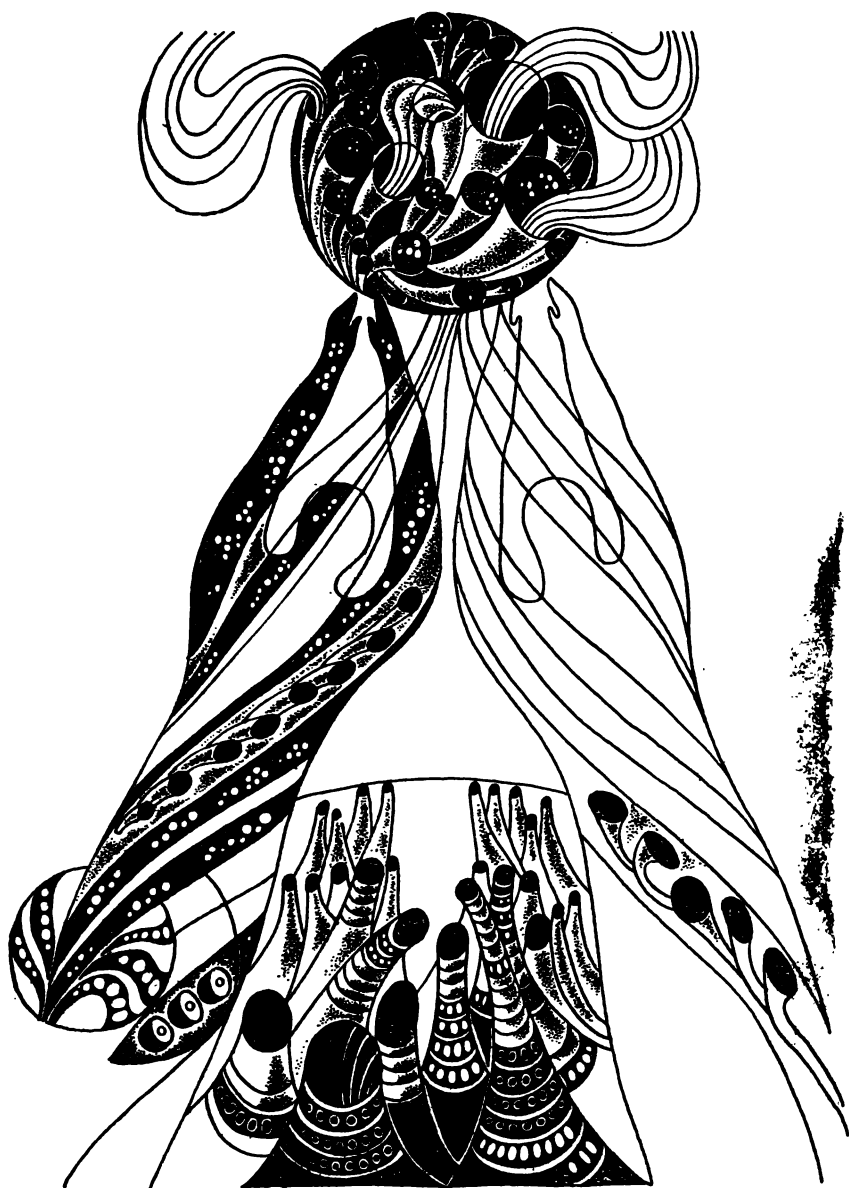
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА
ПУТЕШЕСТВИЯ

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ

**АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ**

ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

РИГА «ЛИЕСМА» 1986

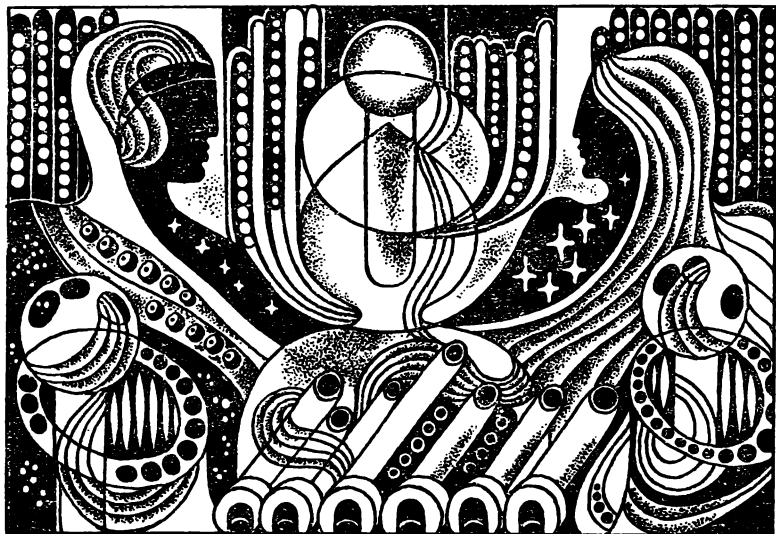
84 К7---44
С 87

Составитель ВАЛЕНТИНА ЩЕРБАЦКАЯ

Художник МАРИЯ ДУБИНИНА

4702010200—40
С ————— 159—86
М 801 (11) —86

© Оформление издательство «Лиесма»
1986

ИСПЫТАНИЕ СКР»

I

Ночь была ясная и лунная. Было очень холодно и тихо. Но они не замечали ни холода, ни тишины, ни лунного света. Потом Акимов увидел, что Нина сутулится и прячет ладони под мышки, и накинуд на нее свою куртку. Нина остановилась.

— Ты рад, что я прилетела?— спросила она.

— Очень. А ты?

— Очень. Очень, милый,— она встала на цыпочки и поцеловала его.— Милый, я уж-жасно счастлива. Просто ужасно.

Акимов обнял ее за плечи и повернул лицом к долине.

— Смотри,— сказал он.— Здесь Серая Топь.

Над долиной висели седые полосы тумана. Вдали они сливались в плотное серебристое полотно, за которым застывшими волнами чернели холмы. Еще дальше, в мутно-голубом небе, были видны бледные тени вершин горного хребта. Было очень тихо, пахло росой на увядшей траве.

— Серая Топь,— повторил Акимов.— Наш полигон.

Нина прижалась к нему, пряча подбородок в куртку.

— Ты стал выше,— сказала она.— Тебе не холодно?

— Нет.

— И ты похудел.

— Не может быть,— он вытянул губы дудкой и выдохнул в лунный свет облачко пара.— Я себя отлично чувствую, малыш.

Они пошли дальше. Акимов продолжал обнимать ее за плечи, и это было удивительно хорошо, хотя и немного неудобно, потому что он был гораздо выше ее. Нина смотрела под ноги и старалась наступать на толстую тень, скользившую впереди по тропинке.

«Нам пора быть вместе,— подумал Акимов.— Мы знаем друг друга два года, а вместе были всего несколько недель. Как будто я межпланетник! И мы начинаем забывать друг друга. Например, я забыл, как она сердится. Помню только, что она очень забавна, когда сердится. Просто прелесть. Завтра я прогоню «СКР» по Серой Топи, и мы вернемся домой».

Он остановил ее и сказал торжественно:

— Завтра мы вернемся домой. Завтра мы будем дома вместе и навсегда.

— Вместе и навсегда,— повторила она с наслаждением.— Вместе и навсегда. Даже не верится.

Потом она сказала:

— А вот Быков...— она не знала, почему вспомнила Быкова,— Быков вернется домой не скоро.

Он промолчал.

— Быков будет лететь долгие годы. День за днем, месяц за месяцем. Вокруг ледяная пропасть,— она поежилась.— Далеко впереди сверкает крохотная звездочка. Интересно, какая у него жена? И кто она? Ты не знаешь?

— Не знаю, не видел,— сказал Акимов.— Я и Быкова никогда не видел.

— А на аэродроме? Ты ведь встретил нас на аэродроме.

— Я видел только тебя,— признался он.

Она улыбнулась и закрыла глаза. Можно было идти с закрытыми глазами. Он вел ее.

«Завтра мы вернемся домой,— вспомнила она.— Быков улетит к звездам. Большой, угрюмый Быков. Когда нас познакомили, он как-то странно поглядел на меня — словно прицеливался. Или мне показалось? У него

широкое лицо и маленькие холодные глаза. Лицо, как у большинства межпланетников, покрыто пятнистым коричневым загаром. В турболете Быков молчал и перелистывал журналы».

— Слушай,— сказала она.— Эти твои... «СКР», они очень важны для космолетчиков?

Он подумал: «Хотел бы я знать!»

— Вероятно,— сказал он.

— Я тоже думаю, что важны. Иначе зачем бы Быкову приезжать за ними самому, правда?

— Правда.

Она не заметила, как они поднялись на холм. Бетонные ступеньки привели их на широкую бетонную площадку. Посередине темнел купол из гофрированной пластмассы. Пластмасса была мокрая от росы и на ней лежали скользкие лунные блики.

— Что это?— спросила Нина.

— Наша мастерская. Здесь мы держим наше Панургово стадо. Хочешь посмотреть?

— Конечно, хочу.

— Кстати, ты немножко согреешься.

Акимов повел ее к куполу. Толстая тень бежала теперь сбоку по бетону. Бетон был весь в трещинах, из них кое-где пробивалась чахлая травка. Они обошли купол кругом. Акимов пошарил в кармане, достал плоский свисток и приложил к губам. Нина не успела зажать уши. Она ощутила неприятный толчок в барабанные перепонки и сморщилась. Часть стены купола, шурша, сдвинулась, открывая низкую прямоугольную дверь.

— Терпеть не могу ультразвук,— жалобно сказала Нина.— По-твоему, обыкновенный замок хуже?

— Это не я,— сказал Акимов.— Это Сермус. Входи.

Они вошли, и дверь сейчас же закрылась за ними. Мастерская осветилась. Нина тихонько ойкнула, попятилась и наступила Акимову на ногу. Акимов взял ее за плечи.

— Не бойся, малыш,— сказал он весело.

В нескольких шагах перед ними стоял странный механизм. Нина уже несколько лет работала мастером-наладчиком автоматов и видела немало странных машин, но такого чудовища не видела никогда. Оно было похоже на гигантского муравья, ставшего на дыбы. Приплюснутое овальное брюхо покоилось на шести суставчатых рычагах, а над ним, как восклицательный знак, торчала

не то грудь, не то шея, увенчанная тяжелой рогатой головой с крохотными тусклыми глазками. Перед грудью, словно передние лапы кенгуру, висели сложенные втрое мощные манипуляторы. Машина была величиной с годовалого теленка и выкрашена в сиреневый цвет. На спине ее четко выделялась черная двойка. Нина оглянулась. В стороне стояли еще два таких же чудовища. На их спинах были выведены единица и тройка. Она спросила:

— Это и есть «СКР»?

— Да,— сказал он.—«СКР». Система кибернетических разведчиков. Собственно, это «кентавры». Хороши?

Она ответила напряженным голосом:

— Они похожи, знаешь, на кого? На богомолов.

— На богомолов?— Акимов с интересом оглядел машины, словно видел их впервые.— Пожалуй. Да, очень похожи. Но мы назвали их «кентаврами». Тоже похожи, правда? Пойдем.

Они направились к столу в глубине мастерской. Головы «богомол-кентавров», словно по команде, повернулись к ним. Это было неожиданно и как-то страшновато. Нина остановилась.

— Они следят за нами,— сказала она вполголоса.

— Не за нами,— сказал Акимов.— За тобой. Меня они знают. А потом это не они, а он.

— Кто?

— Он. «Оранг».

Только теперь Нина заметила позади «кентавров», занумерованных единицей и тройкой, нечто вроде цистерны на широких гусеницах. В верхней части цистерны оживленно мигали разноцветные огоньки.

—«Оранг»?— сказала Нина.

— Я тебе объясню. Понимаешь.— Акимов повел Нину к столу и усадил на единственную табуретку; сам он сел на стол.— Понимаешь, «СКР»— это система роботов, кибернетическая система. «Оранг»— управляющий орган системы, ее «большой мозг», а «кентавры»— ее эффекторы, исполнительные органы. Собственно, «Оранг» и три «кентавра»— это единый организм, части которого не связаны между собой механически. «Оранг» управляет «кентаврами», как мы управляем своими руками, ногами... глазами, скажем. Но управляет на расстоянии. Вот сейчас «Оранг» рассматривает тебя глазами своих «кентавров».

— Пусть бы уж он лучше не рассматривал,— сказала Нина, демонстративно поворачиваясь к роботам спиной. Но она не удержалась и спросила:— И это все ты сделал сам?

— Нет, что ты!— он даже засмеялся.— Конечно, нет. Я всего-навсего программист. «СКР» строили шесть заводских лабораторий и два института. Нам — Сермусу и мне — осталось только доводка — тонкое программирование. Правда...

Нина оглянулась и увидела, что «кентавр» с тройкой на спине как-то боком приближается к ним, неторопливо переступая шестью лапами-рычагами и тихонько покачивая головой.

— Что это он?— спросила Нина.

«Кентавр» остановился.

— Видишь, «Оранг» хочет познакомиться с тобой поближе,— сказал Акимов.— Он любит знакомиться.

— В другой раз, если можно,— сказала Нина.— Как-нибудь в другой раз.

Акимов засмеялся и достал из кармана ультразвуковой свисток. Нина заложила уши. Акимов свистнул, и «кентавр», не поворачиваясь, прежним неспешным аллюром вернулся к «Орангу». Нина проводила его любопытным взглядом.

— Странная форма для машины,— сказала она.— Настоящий богомол.

Акимов сказал наставительно:

— По-моему, для эффекторного механизма форма очень рациональная. К тому же выдумали ее не мы.

— Кто же?

— «Оранг».

Нина покусала губу и оглянулась на «Оранга». Сиреневая цистерна на гусеницах выглядела очень мирно.

— Слушай,— сказала Нина.— Как устроен «мозг» этой «СКР»? Ведь это не полупроводники, конечно?

— Ага,— сказал Акимов.— Специалист все-таки остается специалистом.

Нина и глазом не моргнула.

«СКР» представляла собой чрезвычайно сложный механизм, непрерывно ощущающий обстановку и непрерывно реагирующий на нее в соответствии с требованиями основной программы — собирать и передавать самую разнообразную информацию об этой обстановке. Создание такого механизма потребовало отказа от клас

сических форм кибернетической техники — полупроводников, губчатых метапластов, волноводных устройств. Необходимо было принципиально новое решение, и оно было найдено в использовании замороженных почти до абсолютного нуля квантово-вырожденных сложных кристаллов с непериодической структурой, способных претерпевать изомерные переходы в соответствии с поступающими сигналами. Были отысканы средства и регистрации этих переходов и превращения их в сигналы на эффекторы...

Нина вздохнула.

— Нет, для меня это слишком сложно,— сказала она.— Вырожденные кристаллы. Изомерные переходы...

— Я всегда говорил тебе, чтобы ты занялась теорией,— сказал Акимов.

— А время? Ведь я рисую.

— Да,— сказал Акимов.— Конечно. Я совсем забыл.

Он наклонился, взял ее руки в свои и приложил ее ладони к своим щекам. Щеки были горячие и колющие.

— Тебе бриться надо,— шепнула она.

— Угу,— сказал он. Он испытывал блаженство. «Навсегда и вместе,— подумал он.— Вместе и навсегда».

Сиреневые страшилища почтительно таращились на них, «Оранг» меланхолично мигал цветными огоньками.

— Слушай,— сказала Нина.— А почему они сиреневые?

Акимов пожал плечами.

— Откуда я знаю? Если бы они были оранжевыми, ты спросила бы, почему они оранжевые. Это «Оранг» решает. Сегодня утром они были желтыми.

Нине стало смешно. Она прыснула и закашлялась. Акимов похлопал ее по спине.

— Я серьезно говорю,— сказал он.— Ведь это самоорганизующая система. И характеристики системы определяет сам «Оранг». И чем он руководствовался, окрашиваясь в сиреневый цвет, знает только он сам. Мы можем только догадываться. Может быть, это он из-за тебя.

— Поразительный нахал,— сказала Нина.— Интересно, что он этим хотел сказать? Подумай, ведь он и тебя мог бы выкрасить в сиреневый цвет. Или в желтый.

Она снова вспомнила Быкова и замолчала. Акимов

сидел, закрыв глаза, и думал, какие у нее мягкие, теплые, сильные руки.

— Слушай,— сказала Нина.— Ты думаешь, они помогут Быкову? Ты думаешь, Быков серьезно рассчитывает на них?

«Хотел бы я знать»,— снова подумал он.

— Вероятно. Во всяком случае, с ними лучше, чем без них. Все-таки меньше риска. Вот Быков сажает корабль на неизвестной планете. О ней ничего нельзя сказать заранее. Сейчас нельзя даже наверняка сказать, что она существует. Он сажает корабль. Может быть, там камни взрываются под ногами. Или океаны из фтороводорода. Или электрические разряды в миллионы вольт. В общем, неизвестно и опасно. И Быков посылает на разведку роботов. Вот эту «СКР». Роботы узнают все, расскажут, посоветуют, что делать. Так я себе это представляю.

— Тогда это очень важно,— проговорила Нина.

— Да...— ответил Акимов и мысленно добавил: «Если Быков решит садиться. Если вообще будет где садиться. Но главное — почему Быков приехал сам? Почему не приехал его кибернетист?»

Нина сказала:

— Мне уж-жасно хочется, чтобы Быкову понравилась ваша «СКР».

— Мне тоже,— сказал Акимов.— Завтра он посмотрит. Наше стадо в порядке генеральной репетиции пройдет по Серой Топи. Десять километров сюрпризов и развлечений.

— Каких сюрпризов?

— Всевозможных,— он взглянул на часы.— Малыш, у нас еще целых шесть часов! Пойдем ко мне, я напою тебя великолепным чаем. Чудесным, горячим чаем...

Они вышли из мастерской (сиреневые «кентавры» качнулись им вслед, но не двинулись с мест) и остановились на краю бетонной площадки.

Ночь шла на убыль. Туман над Серой Топью стал плотнее, небо на востоке заметно посветлело. Над бледными тенями далекого горного хребта висела яркая звезда — искусственный спутник «Цифэй», с которого фотонный исполин Быкова будет стартовать в межзвездное пространство.

Утром с юга приползли тяжелые тучи, и на землю посыпалась мелкая водяная пыль. Но туман над Серой Топью разошелся. Стали видны кусты с пожелтевшими листьями, кочковатые пригорки в щетинистой травке, темные болотные лужи.

Около одиннадцати к мастерской подъехал вездеход на шаровых шасси. Из вездехода вышел огромный, грузный человек с коричневым неподвижным лицом — Антон Быков, знаменитый межпланетник, сын и внук межпланетников, командир фотонного корабля «Луч». Он молча протянул руку сначала Акимову, затем Сермусу и медленно кивнул Нине, которая стояла в стороне, кутаясь в плащ.

— Здравствуйте, товарищ Быков,— сказал Акимов.— Можно начинать?

— Можно,— сказал Быков. У него был глухой, бесцветный голос.

Сермус, очень взволнованный и поэтому непривычно суетливый, поднес к губам плоский свисток и беззвучно свистнул три раза. Дверь мастерской отползла в сторону.

Первыми, как скаковые лошади из конюшни, выбежали сиреневые «кентавры», гуськом спустились по склону холма, огляделись, смешно и страшно поворачивая рогатые головы, и замерли. Послышалось стрекотание, и из мастерской выкатился «Оранг». Быков крикнул — «кентавры» и «Оранг» вдруг, словно по волшебству, окрасились в серо-стальной цвет. «Оранг» перевалился через край площадки, осторожно сполз с холма и остановился рядом с «кентаврами».

— Фот наши шелесные тетишки,— сказал Сермус.

Акимову стало смешно. Во-первых, в «детिशках» не было ни одного атома железа — они были построены из кремний-органических пластиков, а привод их был биохимический, энергия генерировалась и использовалась непосредственно в их рабочих деталях. Во-вторых, сентенция Сермуса звучала не к месту высокопарно. Этот хороший парень, приехавший несколько лет назад из Дортмунда, обожал прочувствованные слова. Акимов покосился на Быкова. Но Быков только кивнул, не отрывая взгляда от роботов.

Акимов кашлянул и сказал:

— Дано задание провести детальную разведку Серой

Топи точно с севера на юг в полосе шириной в пятьсот метров. Длина маршрута — десять километров. Маршрут осложнен различного вида искусственными препятствиями.

Он остановился, ожидая, что Быков спросит о препятствиях. Но Быков не спросил. Он смотрел на роботов и время от времени платком стирал с лица дождевую пыль. Акимов продолжал:

— При посадке на неизвестной планете рационально будет пускать «СКР» по спирали вокруг корабля. Здесь я не решился на это, так как в семи километрах к северу отсюда проходит шоссе. Большое движение.

— Вы опасаетесь, что роботы натворят на шоссе что-нибудь?— спросил Быков бесцветным голосом.

— Собственно...— Акимов посмотрел на Сермуса, оглянулся на Нину и улыбнулся:— Год назад у нас была небольшая неприятность.

Быков, наконец, отвернулся от роботов и уставился на Акимова. У него были маленькие, без ресниц, острые светлые глаза.

— А именно?— спросил он.

Год назад, когда тонкая доводка программы была еще далеко не завершена, Акимов и Сермус выпустили «СКР» в первый пробный поход. «Кентавры» должны были пройти через сосновый лес к шоссе, дойти до мачты релейной передачи и вернуться обратно, спилив предварительно дерево в тридцать сантиметров толщиной. Сначала все шло хорошо. «Кентавры» довольно аккуратно прошли через лес, понюхали шоссе, подошли к мачте... и спилили ее.

— Спилили мачту релейной передачи?— удивился Быков.

— Да. И у нас были неприятности с радистами.

Быков покачал головой.

— Это еще не так страшно. Вот если бы вместо мачты там оказался кто-нибудь из радистов... Радист, перепиленный пополам при исполнении служебных обязанностей!..

Акимов ответил на эту вспышку межпланетного юмора вежливой улыбкой. Сермус, как всегда, все принял всерьез.

— О нет,— горячо сказал он.— Это нефосможно. Ропоты никогда не причинят фрета лютям.

— Теперь, разумеется, ничего подобного случиться

не может,— сказал Акимов.— Но, знаете, уйти от зла... Все готово, Сермус?

— Котово.

— Пускай.

Сермус поднял к губам свисток, и испытание «СКР» началось. «Кентавры» неторопливо пошли вперед. Они шли зигзагами, то сходились, то расходились, шлепали по лужам и продирались через кусты. «Оранг», помигивая цветными огоньками, полз метрах в двадцати от них, подминая под гусеницы мокрую осоку.

Акимов повернулся к Быкову:

— В мастерской есть телевизоры. Можно наблюдать за системой со стороны или глазами «кентавров», как хотите.

— Я предпочел бы ехать вслед за ними,— сказал Быков.

— Можно и так,— согласился Акимов.— Но «Оранг» будет передавать данные разведки в мастерскую.

— Меня не интересуют данные разведки,— сказал Быков и пошел к вездеходу.

— Но метод перетачи информации...— растерянно начал Сермус.

— Меня не интересует метод передачи информации,— сказал Быков, не оборачиваясь.

«Что же тебя интересует тогда, старая черепаха?»— подумал Акимов. Ему очень захотелось двинуть Быкову кулаком в толстую коричневую шею. Быков ему не нравился. Кроме того, теперь было очевидно, что Быков, космонавт и старый межпланетный волк, не сможет оценить по достоинству великолепные качества «СКР». В лучшем случае Быков похлопает в ладоши и одобрительно улыбнется, если он умеет улыбаться, черти бы его побрали. Но тут Акимов вспомнил, что через два-три часа испытание закончится и он с Ниной вернется домой, а Быков на долгие годы, если не навсегда, улетит к звездам. Он посадил Нину в вездеход и сел рядом с нею. Она улыбнулась, но в ее улыбке было что-то неуверенное. Вездеход заворчал и медленно покатился, переваливаясь через кочки, за огоньками «Оранга».

Дождь продолжался, но спектролитовый колпак вездехода оставался чистым и прозрачным. Впереди, метрах в пятидесяти, маячили за пеленой водяной пыли серые фигурки «кентавров». «Оранг» сильно отстал от них и полз теперь рядом, справа от вездехода, удивительно

похожий на мокрого серого слоненка, неуклюжего и добродушного. Акимов сказал в широкую спину Быкова:

— При необходимости «кентавры» могут удаляться от «мозга» на расстояние до пяти-шести и даже восьми километров.

Широкая спина даже не шевельнулась. Акимов почувствовал, что краснеет.

— В случае нарушения связи,— сказал он, повысив голос,— «кентавры» сами возвращаются и ищут «мозг». Тогда они переходят на световую и звуковую сигнализацию. Сами ищут,— сказал он отдельно.

Быков не отвечал.

Нина положила пальцы на руку Акимова. Сермус смущенно кашлянул. Вездеход круто накренился, объезжая замшелый пенёк, и в этот момент Акимов увидел глаза Быкова. Он увидел их всего на одну секунду в овальном зеркале перед местом водителя. Глаза разглядывали Акимова с каким-то странным, мучительно напряженным выражением. Вездеход выпрямился, и в зеркале запрыгала полуседая щетина над коричневым лбом.

Сермус кашлянул еще раз и сказал, галантно наклонившись к Нине:

— Феликолепные машины, не прайфа ли, Нина Ифановна?

Нина улыбнулась ему и поглядела на Акимова. Акимов хмурился и кусал губы. Во всяком случае, он больше не сердился. Нина сказала:

— Они слишком умны, эти ваши машины.

Сермус засиял и несколько раз кивнул головой.

— О, пока не столь удифительно, Нина Ифановна. Интересное путет посше.

Прошло минут сорок. Половина маршрута осталась позади. «Кентавры» бежали деловито и немного суетливо, словно борзые на сворке, временами останавливаясь, чтобы не то осмотреть, не то обнюхать почву под ногами. Длинные шеи-груды и рогатые головы плавно покачивались на ходу. «Кентавры» без задержки проламывались сквозь кустарник, расчищая широкие просеки для «Оранга», с ходу перебирались вброд через ручьи и топкие участки, оставляя за собой для «Оранга» надежные гати из высохших веток и охапок сухой травы.

На берегу рыжего заболоченного озера, самого скверного места Серой Топи, «кентавры» замешкались, за-

прыгали взад и вперед по брюхо в грязи. Затем они бросились в воду и поплыли, взбивая желтую пену, а «Оранг» пошел в обход, протиснулся между озером и границей пятисотметровой полосы и встретил их на противоположном берегу, облепленных тиной и скользкими водорослями.

Нина захлопала в ладоши. Сермус улыбнулся и сказал:

— Он перехитрил нас. Но это пока не столь утифительно.

Он огляделся, подумал и повернулся к Акимову.

— Фремя?— сказал он.

Акимов кивнул. Тогда Сермус достал из нагрудного кармана черный коробок радифона и нажал кнопку вызова.

— Архангельский слушает,— послышался слабый голос.

— Кофорит Сермус. Фремя, Коля.

— Есть, Эрнест Карлович!

Сермус спрятал радифон и стал глядеть вперед, вытянув шею, через голову водителя.

Вездеход шел почти бесшумно, поэтому они сразу же услышали прерывистый механический рев, и скрежет, и лязг металла. Нина почувствовала на спине неприятный холодок. Где-то в глубине ее подсознания эти звуки будили странные образы, жуткие и отвратительные. Вероятно, виноват был ее прадед, артиллерист, по семейным преданиям, четыре года имевший дело с фашистскими танками на дымных полях Великой Отечественной войны.

Это был танк. Старинный боевой механизм, широкий и приземистый, весь в ярких пятнах оранжевой ржавчины. Он появился сбоку на гребне холма и, разбрызгивая грязь, покатился на остановившихся «кентавров».

— Имитация активного нападения,— сказал Акимов.— На танке — киберводитель, настроен на частоту управления «СКР».

— Где вы его откопали?— проворчал Быков.— Он не стреляет?

— Нет,— сказал Акимов.

«Действительно, где они его откопали?»— подумала Нина. Последние танки пошли в мартены десятки лет назад, и раздобыть этот уникальный экземпляр было, вероятно, не просто.

«Кентавры» ждали. «Оранг» тихонько отполз ближе к вездеходу. Казалось, он колеблется, не зная, что пред-

принять. В искусственном мозгу с неуловимой быстротой менялись пространственные ориентации кристаллических решеток, возникали и мгновенно распадались диковинные, никем и никогда не зарегистрированные молекулярные связи, проносились электронные вихри и вихрики... «Оранг» думал — искал аналогии, сопоставлял, рассчитывал. Но ему еще не хватало данных. Нина подумала о настоящих живых людях, о тех, кто когда-то давным-давно впервые увидел перед собой танки.

— Он раздавит их,— шепнула Нина.

— Тогда наша работа ни к черту не годится,— сказал Акимов. Чтобы лучше видеть, он привстал, держась за спинку сиденья.— Ага, наконец-то!

«Кентавры» перестроились, вытянулись цепочкой навстречу танку. Танк двигался на крайнего слева, помеченного единицей. Сетка дождя искажала перспективу, и казалось, что он уже среди «кентавров». Нине бросилась в глаза удивительная легкость, пожалуй, даже грация, шестиногих роботов рядом с громоздкой зловещей машиной. Они даже пританцовывали на месте, словно боксеры перед схваткой.

В последний момент, когда испачканные мокрой землей гусеницы нависли над «кентавром», тот прыгнул в сторону. Танк проскочил несколько метров, окатив «единицу» водопадом грязной воды, выпустил клуб сизого дыма и с ревом развернулся на одной гусенице.

«Кентавры» вновь перестроились. «Единица» затаивалась на месте, «двойка» и «тройка» перебежали, отрезая танку дорогу к «Орангу». «Оранг» неторопливо, даже как-то с ленцой, попятился еще немного. Огоньки на его корпусе погасли. Танк с грохотом и лязгом ринулся вперед, похожий на чудовищного носорога, ослепшего от ярости. «Кентавры», пританцовывая, дожидались его и снова легко расступились. Тогда на серых боках «Оранга» вновь вспыхнул сложный рисунок огоньков, и в тот же момент танк остановился. Он остановился мгновенно, как вкопанный, надрывный рев двигателя стих, и все три «кентавра» мигом вскарабкались на него, активно шевеля манипуляторами. «Оранг» стоял, уютно пофыркивая и совершенно индифферентно мигая разноцветными огоньками.

— Он переменял частоту настройки,— сказал Акимов.

— Я думала, «Оранг» его уничтожит,— проговорила Нина, переводя дух.

— Сачем?— вскричал Сермус очень пронзительно.— «Оранг» просто фсял на сепя упрафление! Сачем разрушать, если мощно испольтсофать? Молотец «Оранк»! Умница «Оранк»!

— И что теперь будет?— деревянным голосом спросил Быков.

— Посмотрим,— ответил Акимов сдержанно.

— А вы что, не знаете?

— Предполагаю,— сказал Акимов, и Нина тотчас положила ладонь на его рукав.

«Кентавры» перестали возиться на танке, спрыгнули, выстроились в цепь и побежали дальше. «Оранг» двинулся следом, а танк вдруг затрясся, лязгнул гусеницами, неуклюже развернулся и пополз в хвосте, уныло переваливаясь на кочках. По его ржавым бокам стекали дождевые струйки. У него был очень покорный и смиренный вид.

— Мы отстаем,— сказал Быков.— Поехали.

Вездеход догнал «Оранг» и покатился рядом. «Оранг» деловито («Как ни в чем не бывало»,— подумала Нина) шлепал гусеницами по мокрой траве. Покоренный танк полз левее, расплескивая грязь, оставляя за собой длинный шлейф сизого дыма. «Кентавры» бежали метрах в тридцати впереди. Они были изумрудно-зеленого цвета.

Дождь немного усилился, когда впереди появилась длинная высокая стена, сложенная из огромных гранитных глыб. Стена пересекала поперек полосу маршрута и выглядела очень солидно. Сермус крепко потер ладошки и покашлял насмешливо.

«Кентавры» медленно подкрались к стене, потрогали ее манипуляторами и вдруг разбежались в разные стороны вдоль гранитной преграды — один вправо, двое влево. «Оранг» повернулся к стене боком и стал терпеливо ждать.

— Давайте немного отойдем,— сказал Акимов водителю. Вездеход отполз на несколько метров назад.— Так, хватит.

«Кентавры» снова собрались вместе и выстроились перед стеной в ряд. «Оранг» неторопливо подполз к ним и остановился рядом. Танк сиротливо торчал в стороне, всеми покинутый и забытый.

— Берегите глаза,— сказал Акимов.

Что-то треснуло, и по серому граниту скользнула ослепительная фиолетовая молния. Стена дрогнула. «Друмм! Друмм!» Над стеной взлетел фонтан сероватого дыма вперемишку с гранитной щебенкой. «Друмм! Друмм!» На граните вспыхивали малиновые пятна, и было видно, как разлетаются циклопические глыбы и стена оседает, разорванная широкими уродливыми трещинами. «Друмм! Дррах!» «Кентавры» и «Оранг» стояли перед стеной и по очереди расстреливали ее крошечными ампулами с замкнутыми в магнитные кольца струйками дейтериевой плазмы. Расстреливали спокойно, деловито, не торопясь.

Через минуту все было кончено. Стрельба прекратилась, стало очень тихо, слышно было, как что-то шипит и трещит в раскаленном щебне. «Кентавры» двинулись в широкий пролом, окутанный серым облаком дыма и пыли. «Оранг» подождал немного, пропустил вперед себя танк и тоже нырнул в горячее облако.

— Хорошо,— коротко сказал Быков, но Акимов снова поймал в зеркальце его взгляд — странный, мучительно напряженный, словно межпланетник хотел и не мог себя заставить сказать что-то. Прославленный Быков был чем-то встревожен, и эта тревога была непонятным образом связана с ним, Акимовым, рядовым инженером-программистом. Это было очень странно.

Вездеход, тяжело скрипя по гранитным обломкам, миновал пролом. Стена была толстая, очень толстая — не менее двух метров.

— Фон, фитите, Нина Ифановна,— сказал Сермус.— Фон пелый столпик. Это конец маршрута. Но сначала путет очень интересно.

Нина нашла глазами белый столбик, и в тот же момент «Оранг» остановился. «Кентавры» бежали еще некоторое время, потом тоже остановились и начали пятиться. Они пятились очень осторожно, остановились рядом с «Орангом» и медленно налились красным светом.

— Глядите,— шепнула Нина.— Покраснели! Засмушались...

— Неушели он почуял?— благоговейно проговорил Сермус.

— Что почуял?— спросила Нина.

Видимо, «Оранг» принял решение. Покорный и утихший, танк вдруг ожил. Взревел двигатель, комья грязи

рванулись из-под широких гусениц, и огромная машина, грохоча и лязгая, кинулась вперед к заветному столбику. Никто не успел сказать ни слова. Раздался громовой удар, из-под гусениц танка взлетел оранжевый веер огня, чудовище подпрыгнуло и застыло на месте, перекошенное, почерневшее, искалеченное. Густой черный дым повалил от него, пачкая топь жирной копотью.

— Опнарушил!— крикнул Сермус.— Опнарушил! Сейчас путет расминировать!

— Имитация икс-обстановки,— торопливо пояснил Акимов.

— Имитация чего?— спросил Быков.

— Икс-обстановки. Обстановки, которую невозможно предвидеть. Минное поле.

— Час от часу не легче,— пробормотал Быков.— Как в историческом фильме...

— «Оранг» обнаружил мины?— спросила Нина.

— Та, та,— сказал Сермус нетерпеливо.— Сейчас путет расминирофать.

Но «Оранг» не стал разминировать. Во всяком случае, не стал разминировать так, как ожидал Сермус. «Кентавры» не полезли на минное поле, не стали выкапывать мины и вывинчивать их взрыватели. Они взобрались все трое на горящий танк и открыли пальбу. Прежде чем оглушенные и ослепленные наблюдатели успели прийти в себя, через минное поле к белому столбику — теперь уже не белому, а черному от огня и пыли — протянулась широкая полоса перевороченной земли и булькающей кипящей воды. «Кентавры» — на этот раз нежно-голубые — торопливо приблизились к столбику, вновь окрасились в серо-стальной цвет и вернулись к «Орангу». Испытание «СКР» окончилось.

— Вот и все,— сказал Акимов устало.— Теперь можно домой.

Нина счастливо улыбнулась.

— Вместе и навсегда,— прошептала она.

— А?— спросил Акимов, не расслышав.

И тут Быков обернулся.

— Мне нравятся ваши машины,— сказал он.— Они нам нужны. И вот что,— он помолчал.— Мне нужно поговорить с вами, Акимов. Если не трудно, зайдите ко мне после обеда.

III

Вероятно, Быков просто не знал, с чего начать. Он шурился на серое небо за прозрачной стенкой, кряхтел, гладил колени и барабанил по подлокотнику кресла толстыми сильными пальцами. Пальцы были коричневые, в неправильных белых пятнах — следах космических ожогов. «Интересно, долго он будет молчать?» — подумал Акимов. Потом он подумал, что турболет в Новоенисейск улетает через два часа. Потом он вспомнил, что оставил в мастерской подарок Нины — букет «вечных» цветов. Потом он подумал, что Нина, вероятно, уже упаковала чемоданы и теперь болтает с Сермусом. Сермус оставался в мастерской еще на неделю, и Акимову было немного неловко перед ним.

— Так вот, — сказал Быков бесцветным голосом. — Дело вот в чем.

После этого он замолчал на минуту, хрустнул пальцами и пожевал губами. Акимов нетерпеливо заерзал в кресле.

— Да. Дело вот в чем, — сказал Быков. — Скажите, Акимов, вы... Вы ведь работали над «СКР» около двух лет, так?

— Так, — согласился Акимов.

— Сложное это дело — тонкое программирование...

Тонкое программирование «мозга» нового типа потребовало строжайшей изоляции места работы от всех внешних влияний. Поэтому работы пришлось проводить не в исследовательском центре, а здесь, вдали от крупных предприятий, от мощных линий силовых передач, от шума и гула большого города, в изостатических помещениях на глубине пятидесяти метров под холмом с пластмассовым колпаком. И поэтому Акимов провел здесь два года почти безвыездно, в напряженной ювелирной работе.

Но Акимов не стал говорить об этом Быкову. Он сказал только:

— Да, довольно сложное.

— Чем вы думаете заниматься дальше? — спросил Быков.

Акимов неохотно сказал:

— Буду работать в Новоенисейском университете. Нельзя тратить по два года на каждую систему. У меня есть кое-какие идеи. Программирование программирования.

У него были кое-какие идеи, и эти идеи очень увлекли его. Рассчитать криотронные кристаллизаторы, выращивать готовый, запрограммированный «мозг»... Привлечь к этому делу математиков, физиков, в первую очередь «гения кибернетики» профессора Сунь Си-тао из Кайфына. Но он не стал говорить и об этом.

Впрочем, Быков не настаивал. Он помолчал, побарабанил пальцами по подлокотнику и с трудом произнес:

— Дело, собственно, в том, что... Да. Видите ли, две недели назад наш кибернетист сломал позвоночник. Спортивные игры, несчастный случай. Да. Он лежит в госпитале... Говорят, уже никогда не сможет летать.

«Турболет улетает через полтора часа», — подумал Акимов. И вдруг он понял, о чем говорит Быков.

— Сломал позвоночник? — спросил он. — И никогда уже не сможет летать?

Быков кивнул, не поднимая глаз.

— Никогда. А мы стартуем через неделю.

Тогда Акимов вспомнил ночь, многие ночи, яркий спутник «Цифэй» над бледными тенями далекого хребта. И маленькую хрупкую Нину, которая так счастлива, что они будут вместе и навсегда.

— Я понимаю, — сказал Акимов.

Быков молчал, глядя себе в колени.

— Я понимаю, — сказал Акимов. — Я тоже кибернетист. Вы хотите, чтобы я...

— Да, да, — сказал Быков. — Мы стартуем через неделю. У нас совсем нет времени... Да, конечно. Я тоже понимаю, это тяжело. Шесть лет туда и шесть обратно... И большой риск, конечно... Только... — он растерянно взглянул на Акимова. — Вы понимаете, экспедиция немислима без кибернетиста.

Акимов медленно поднялся.

— Что касается работы, — поспешно заговорил Быков, — пожалуйста. Вы можете работать во время рейса. Книги, микрофильмы, консультации... У нас есть отличные математики... Я понимаю, это слабое утешение, но...

Не год, не два, а двенадцать. Это будет двенадцать лет без Нины. Акимов не знал, как он скажет ей. Он знал только, что в его глазах сейчас то же выражение мучительного напряжения, какое он видел сегодня в глазах Быкова.

Он повернулся и пошел к двери. На пороге он обернулся и сказал с горьким удовлетворением:

— Вы, оказывается, совершенно обыкновенный человек.

Быков стоял лицом к прозрачной стене, глядел на серое небо и думал. Да, он, Быков, совершенно обыкновенный человек. Такой же, как и остальные восемь миллиардов обыкновенных людей, которые работают, учатся, любят на нашей планете... и вдали от нашей планеты. И любому из них было бы так же тяжело на его месте. Просто невыносимо тяжело.

ЧАСТНЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Поэт Александр Кудряшов

Валя Петров пришел ко мне сообщить об этом. Он стянул с головы берет, пригладил волосы и сказал:

— Ну вот, Саня, все решено.

Он сел в низкое кресло у стола и вытянул свои длинные ноги. Он улыбался совершенно так, как всегда. Я спросил:

— Когда?

— Через декаду.— Он сложил берет пополам и разгладил на колене.— Все-таки назначили меня. Я было совсем потерял надежду.

— Нет, почему же,— сказал я.— Ведь ты опытный межпланетник.

Я достал из холодильника вино. Мы чокнулись и выпили.

— Мы стартуем с Цифэя,— сказал он.

— Где это?

— Спутник Луны.

— Вот как,— сказал я.— Я думал, Цифэй — это созвездие.

— Созвездие — это Цефей. А Цифэй по-китайски значит «старт». Собственно, это стартовая площадка для фотонных кораблей.

Он поставил рюмку на стол, надел берет и встал.

— Ладно. Я пойду.

— А Ружена?— спросил я.— Ружена знает?

— Нет,— ответил он и снова сел.— Она еще не знает. Я еще не говорил ей.

Мы помолчали.

— Это надолго?— спросил я. Я знал, что это — навсегда.

— Нет, не очень,— сказал он.— Собственно, мы рассчитываем вернуться через сто пятьдесят лет. Или через двести. Ваших, земных, конечно. Очень большие скорости. Почти круглое «це».

Валя задумался на минуту.

— Ладно,— сказал он.— Мне надо идти.

Но он не поднимался.

— Выпьем еще вина,— предложил я.

— Давай.

Мы выпили еще по рюмке.

— Что ж,— сказал он.— Перед нами был Горбовский, а перед Горбовским — Быков. Я третий. Готовятся еще две экспедиции. Десять лет рейса, ну, от силы пятнадцать.

— Да, конечно,— сказал я.— Эйнштейновское сокращение времени и все такое.

Он встал.

— Ты будешь провожать меня, Саня?— спросил он.

Я кивнул. Он поправил берет и пошел к двери. У дверей он остановился.

— Спасибо,— сказал он.

Я не ответил. Просто не мог сказать ни слова.

С Петровым на «Муромце» уходили еще пять человек. Трех я знал — Ларри Ларсена, Сергея Завьялова и Сабуро Микими. Провожатых было человек десять. Когда до старта осталось около часа, все расселись в кают-компаниях. На Цифэе не было тяжести, и нас обули в ботинки с магнитными подковами. Ружена и Валя держались за руки. Ружена сильно изменилась за это время. Она похудела, глаза ее стали еще больше. Она была очень красива. Валя держал ее руку в своей

и улыбался. Мне показалось, что мысленно он уже с невероятной скоростью несется среди отдаленных звезд. Он и Ружена молчали. Только один раз она что-то сказала вполголоса, и он погладил ее по руке.

Остальные тоже молчали. Молоденькая девушка в оранжевом, провожавшая межпланетника, которого я не знал, время от времени всхлипывала.

Мне не раз приходилось провожать людей в пространство. Другим, наверное,— тоже. Но сейчас все было по-иному. С этими шестерыми мы прощались навсегда. Я подумал, что они вернутся, когда никого из нас не останется в живых — ни меня, ни Ружены, ни девушки в оранжевом. Этих шестерых встретят наши потомки. Может быть, даже их собственные потомки.

— Ты не огорчайся,— сказал Валя громко.

— Я не огорчаюсь,— ответила Ружена.

— Это ведь очень нужно.

— Я понимаю.

— Нет,— сказал Петров.— Ты не понимаешь, Руженка. Ты совсем ничего не понимаешь. Вот и Александр не понимает. Сидит Александр и думает: «Ну зачем им это нужно?» Верно, Саня?

Он смеялся. Нет, он не угадал, о чем я думаю. Я знал Валентина с детства и очень любил его. Но мы были разными людьми. Он всегда был немножко фанфароном и позером. Ему все удавалось, и он привык к этому. Он с улыбочкой шел над пропастями. Наверное, он нравился себе такой — веселый, небрежный и неуязвимый. Я подумал, что и через полтора года лет он сойдет на землю, весело улыбаясь, постукивая себя по изношенному ботинку тросточкой, вырезанной бог знает на какой планете.

В кают-компанию вошел беловолосый загорелый юноша и сказал:

— Пора, товарищи.

Мы встали. Девушка в оранжевом громко всхлипнула. Я поглядел на Ружену и Петрова. Они обнялись, и он зарылся носом в ее волосы.

— Прощай, ласонька,— сказал он.

Ружена молчала.

Она отстранилась от него и попыталась поправить прическу. Волосы не ложились.

— Иди,— сказала она.— Иди. Я не могу больше.

Пожалуйста, иди.— У нее был низкий, непривычно ровный голос.— Прощай.

Он поцеловал ее и попятился к выходу. Он пятился, клацая подковами по полу, и глядел на нее не отрываясь. Лицо у него было белым и губы тоже были белыми. У люка его заслонил широкий Ларри Ларсен, затем незнакомый межпланетник, которого провожала девушка в оранжевом, затем Сережа Завьялов.

— До свидания, Руженка,— сказал Петров.

Я только позже вспомнил, что он сказал «до свидания», и подумал, что он оговорился. Когда они вышли и люк за ними захлопнулся, беловолосый юноша нажал какие-то кнопки на стене. Оказалось, что сферический потолок кают-компания служил чем-то вроде стереотеатра. Мы увидели «Муромца». «Муромец» был первоклассным кораблем с прямоточным фотонным приводом на аннигиляции. Он захватывал и сжигал в реакторе космический газ, и пыль, и еще что-то, что бывает в пространстве, и имел неограниченный запас хода. Скорость у него тоже была неограниченной — в пределах светового барьера, конечно. Он был огромных размеров, что-то около полукилометра в длину. Но мне он показался серебряной игрушкой, фужером для шампанского, повисшим в центре экрана на фоне частых звезд.

Мы глядели на него как замороженные. Вдруг экран осветился. Свет был очень яркий, как молния, белый с лиловым. Этот свет ослепил меня. А когда разноцветные пятна уплыли из глаз, на экране остались только звезды.

— Стартовали,— сказал беловолосый юноша. Помому, он завидовал.

— Улетел,— сказала Ружена.

Она подошла ко мне, неуклюже переставляя ноги в подкованных ботинках, и положила руку на мой рукав. У нее дрожали пальцы.

— Мне очень тоскливо, Саня,— сказала она.— Я боюсь.

— Если позволишь, я буду возле тебя,— сказал я.

Но она не позволила. Мы вернулись в Новосибирск и расстались. Я сел за поэму. Мне хотелось написать большую поэму о людях, которые уходят к звездам, и о женщине, которая осталась на прекрасной зеленой Земле. Как она стоит перед уходящим другом и говорит низким ровным голосом: «Иди. Я не могу больше. Пожалуйста, иди». А он улыбается белыми губами.

Через полгода рано утром Ружена позвонила мне. Она была такой же бледной и большеглазой, как тогда на Цифэе. Но я подумал, что в этом виноват сиреневый оттенок, какой иногда бывает у видеоэкранов.

— Саня,— сказала Ружена.— Я жду тебя на аэродроме. Приезжай немедленно.

Я ничего не понял и спросил, что произошло. Но она повторила: «Жду тебя на аэродроме»,— и повесила трубку. Я сел в машину и помчался на аэродром. Утро было ясное и прохладное. Это немного успокоило меня. На аэродроме меня проводили к большому пассажирскому конвертоплану, готовому к отлету. Конвертоплан взлетел, едва я вскарабкался в кабину. Я больно ушиб грудь о какую-то раму. Затем я увидел Ружену и сел рядом с ней. Она действительно была бледна. Она смотрела перед собой и покусывала нижнюю губу.

— Куда мы летим?— осведомился я.

— На Северный ракетодром,— ответила она. Она долго молчала и вдруг сказала:— Валя возвращается.

— Да что ты?— сказал я.

Что я мог еще сказать? Мы летели два часа и за это время не сказали ни слова. Зато другие пассажиры разговорились. Они были возбуждены и настроены недоверчиво. Из разговоров я узнал, что вчера вечером была получена радиограмма от Петрова. Начальник Третьей звездной сообщил, что на «Муромце» вышли из строя какие-то устройства и он вынужден идти на посадку на земной ракетодром, минуя внешние станции.

— Петров просто испугался,— сказал пожилой толстый человек, сидевший позади нас.— Это неудивительно. Это бывает в пространстве.

Я поглядел на Ружену и увидел, как у нее дрогнул подбородок. Но она не обернулась. Оборачиваться не стоило. Петров не умел пугаться.

Мы опоздали. «Муромец» уже сел, и мы сделали над ним два круга. Я хорошо разглядел корабль. Это уже была не игрушка, похожая на фужер для шампанского. Посреди тундры под синим небом стояло, накренившись, громадное сооружение, изъеденное непонятными силами, покрытое странными потеками. Конвертоплан приземлился километрах в десяти от «Муромца». Ближе было нельзя. Прибыло еще несколько конвертопланов. Мы ждали. Наконец послышалось стре-

котание, и низко над нашими головами прошел вертолет. Вертолет сел в сотне шагов от нас.

Затем произошло чудо.

Из вертолета вышли трое и медленно направились к нам. Впереди шел высокий худой человек в поношенном комбинезоне. Он шел и похлопывал себя по ноге тростью изумрудного цвета. За ним следовали приземистый мужчина с пушистой рыжей бородой и еще один мужчина, сухой и сутулый. Мы молчали. Мы еще не верили. Они подошли ближе, и тогда Ружена закричала:

— Валя!

Человек в поношенном комбинезоне остановился, отбросил трость и почти бегом кинулся к нам. У него было странное лицо: без губ. Не то лицо было таким темным, что губы не выделялись на нем, не то губы были слишком бледными. Но я сразу узнал Петрова. Впрочем, кто, кроме Петрова, мог прилететь на «Муромце»? Но этот Петров был стар, и у него не было левой руки — пустой рукав был заправлен за пояс комбинезона. И все же это был Петров. Ружена побежала к нему навстречу. Они обнялись. Человек с рыжей бородой и сутулый человек тоже остановились. Это были Ларри Ларсен и незнакомый пилот, которого полгода назад провожала девушка в оранжевом.

Мы молча окружили их. Мы смотрели во все глаза. Петров сказал через голову Ружены:

— Здравствуйте, товарищи. Простите, многих из вас я, вероятно, позабыл. Ведь мы виделись в последний раз семнадцать лет назад...

Никто не сказал ни слова.

— Кто начальник ракетодрома?— спросил Петров.

— Я,— сказал начальник Северного ракетодрома.

— Я потерял свои авторазгрузчики,— сказал Петров.— Будьте добры, разгрузите корабль. Мы привезли много интересного.

Начальник Северного ракетодрома смотрел на него с ужасом и восхищением.

— Только не трогайте шестой отсек, хорошо? В шестом отсеке две мумии. Сергей Завьялов и Сабуро Микими. Мы привезли их, чтобы похоронить на Земле. Мы везли их пять лет. Так, Ларри?

— Так,— сказал Ларри Ларсен.— Сергея Завьялова мы везли пять лет. Микими мы везли три года. А

Порта остался там.— Он улыбнулся, борода его за-тряслась, и он заплакал.

Петров нагнулся к Ружене.

— Пойдем, Руженка. Пойдем. Ты видишь, я вернулся.

Она смотрела на него так, как никогда ни одна женщина не смотрела и не посмотрит на меня.

— Да,— сказала она.— Ты вернулся.

Она зажмурилась и помотала головой. Они пошли, обнявшись, через толпу, и мы расступались перед ними. Она прощалась с ним навсегда, а встретила его через полгода. Он уходил на двести лет, а вернулся через семнадцать. Ему удалось это. Ему всегда все удавалось. Но как?

Я не знаю, как это объяснить и можно ли это объяснить. Я ведь только поэт. Я не физик.

А р т и с т к а Р у ж е н а Т о м а н о в а

В тот день Валя вернулся поздно. Он долго мешкал в своем кабинете, что-то фальшиво насвистывал, превеличенно сердито накричал на мартышку. Я поняла, что все кончено. Я села и не могла подняться. Валя вошел и остановился возле меня. Я чувствовала, как ему трудно заговорить. Потом он нагнулся и поцеловал меня в волосы. Так он делал всегда, когда возвращался домой, и на секунду у меня появилась сумасшедшая надежда. Но он сказал тихо:

— Я улетаю, Руженка.

— Когда?— спросила я.

— Через декаду.

Я встала и принялась собирать его в дорогу. Он любил, чтобы я собирала его в дорогу. Обычно он ходил вокруг меня, пел, мешал и дурачился. Но сейчас, когда я собирала его в последний раз, он стоял в стороне и молчал. Может быть, он тоже вспомнил вечер на взморье.

Десять лет назад мы давали шефский концерт в санатории межпланетников в Териоках. Было страшно выступать перед самыми смелыми в мире людьми. Страшнее, чем перед обычными слушателями, пусть каждый третий из них артист, каждый пятый — ученый, а каждый десятый — и артист и ученый. Объявили меня, я спела

арию Сольвейг и «Звездный гимн». Кажется, получилось удачно, потому что меня несколько раз вызывали.

На обеде после концерта возле меня сел молодой межпланетник. Некоторое время он молчал, потом сказал:

— Мне понравилось, как вы поете.

— Спасибо,— сказала я.— Я очень старалась.

Но я знаю, что ему понравилось не только мое пение. Он тоже понравился мне. Он был длинный, не очень складный, с худым загорелым лицом. Лицо у него было некрасивое и очень милое. И хороши были умные веселые глаза. Хотя, вероятно, я заметила это гораздо позже. Ему было лет двадцать пять. Я спросила, как его зовут.

— Петров,— сказал он.— Собственно, Валентин Григорьевич Петров.

Тут он почесал согнутым пальцем кончик носа и добавил:

— Но вы зовите меня просто Валя. Хорошо?

Он поглядел на меня испуганно и даже втянул голову в плечи. Я засмеялась. Он был необыкновенно милый.

— Хорошо,— сказала я.— Я буду звать вас просто Валя.

Потом мы танцевали, потом стемнело, и мы пошли гулять на взморье. Мы стояли лицом к желто-красному закату. Валя рассказывал мне о последней — неудачной — экспедиции к Ганимеду. Я слушала, и мне представлялось, что, кроме меня, он никому в целом свете не рассказывал бы так о своей ошибке, которая привела экспедицию к неудаче. Я слушала, глядела на закат, и больше всего мне хотелось сказать Вале что-нибудь доброе и ласковое. Но я еще не смела. Валя остановился и сказал:

— Ружена, я тебя люблю.

Я не знала, что ответить, и он спросил:

— Ты на меня сердишься?

Мы поцеловались. Я осталась в Териоках, и это была самая счастливая неделя в моей жизни. Так я стала женой межпланетника.

Мало-помалу я все лучше узнавала Валью. Он всегда был веселый, внимательный, ласковый. («Ласковый! — возмутился однажды Сережа Завьялов.— Все мы ласковые под голубым небом. Ты бы поглядела на своего Валечку, когда «Навои» попал в метеорный поток...») И он был совершенно особенный человек. Похожих на

него я не встречала даже среди его друзей. Конечно, он не один такой, но я-то таких больше не встречала.

Он очень любил свою профессию и знал о ней все новое из теории и техники. Но довольно скоро я обнаружила, что главные его интересы лежат в какой-то другой области. В промежутках между рейсами (и, наверное, во время рейсов) он штудировал новейшие исследования по теории тяготения, по асимметричной механике, по специальным разделам математики. У нас собирались его друзья и ночи напролет спорили на ужасном русско-французско-китайско-английском жаргоне. У них были какие-то грандиозные планы, но я и не пыталась понять что-либо.

Как-то весенним вечером, четыре года назад, Валя спросил, как бы я отнеслась к его участию в звездной экспедиции. Я знала, что такое звездные экспедиции, о них много говорили и писали в последнее время. Корабль улетает с возлесветовой скоростью к дальним мирам и возвращается через сотни лет. Я сказала:

— Я умру.

Я знала, что умру, если он навсегда уйдет от меня. И еще я сказала:

— Ты не сделаешь этого. Пожалуйста, не делай этого.

Он испуганно посмотрел на меня и втянул голову в плечи. Затем он сказал с улыбкой:

— Собственно, это еще не так скоро.

Но я знала, что он уже решил. Тень этого разговора легла на мою жизнь. Через два года стартовала Первая звездная. Ее вел ближайший друг Вали, Антон Быков. Еще через год улетел Горбовский. Валя сказал мне:

— Следующим буду я, Руженка.

Он знал, что причиняет мне боль. Но он хотел подготовить меня. А мне хотелось кричать от боли. Мне захотелось, чтобы он ослеп или сломал позвоночник, только бы остался со мной. Но я знала, что все бесполезно. Он был разведчиком великой и проклятой вселенной и не мог быть никем другим. Поэтому я ничего не сказала.

Нас часто навещал Саня Кудряшов. Валя и Саня знали друг друга с детства. Саня был поэт. Мне казалось, что он был единственным человеком, который понимал и жалел меня. Нет, конечно, Валя тоже понимал и жалел.

И вот осталась последняя неделя. Она прошла быст-

ро — самые горькие семь дней в моей жизни. Нас доставили на стартовую станцию Цифэй, с которой совсем недавно ушли корабли Быкова и Горбовского. С нами был Саня. Я знала, что это Валя пригласил его, и знала, для чего. Валя все понимал. Я глядела на Валю, а куда глядел он и что видел, я не знаю. Но его пальцы сжимали и мяли мою руку, словно старались запомнить ее.

Было объявлено время старта. Валя обнял меня. Я думала, что сойду с ума. Я оттолкнула его, и он попятился, глядя мне в глаза, пока не исчез в люке. Между нами легли столетия.

Я осталась одна. Я сказала Сане, что хочу быть одна. Рядом со мной кипела огромная прекрасная жизнь, люди учились, любили, строили, а я не могла быть с ними. Я перестала петь, никуда не выходила, ни с кем не разговаривала. Я завидовала. Или, может быть, я надеялась. Вероятно, где-то в глубине моей души упорно жила уверенность, что Валя может совершить невозможное.

А потом мне сообщили, что «Муромец» возвращается. Я не удивилась. Оказывается, я все время ждала этого. Не помню, как я позвонила Сане, как я попала на аэродром. Кто-то осторожно, но очень решительно втолкнул меня в кабину конвертоплана и опустил в кресло. Я поблагодарила. Появился Саня, и конвертоплан взлетел. Пассажиры — межпланетники, ученые, инженеры — гадали о причинах возвращения «Муромца». Один отвлеченный человек даже сказал, что Петров струсил. Мне было смешно: никто из них не догадывался, что Валя возвращается ко мне.

Мы бесконечно долго стояли и глядели на черный силуэт «Муромца» на горизонте. Потом с синего неба упал вертолет. Из вертолета вышли трое и направились к нам. Впереди шел высокий худой человек в потрепанном комбинезоне. Он был однорукий, лицо его было похоже на глиняную маску, но это был мой муж — самый смелый и прекрасный человек на свете. Я закричала и побежала к нему. Он побежал мне навстречу.

В тот день я никому не отдала его. Я заперла дверь и выключила видеофон. Может быть, мне не следовало так поступать. Ведь Валю ждала вся планета. Но я ждала его больше всех.

— Тебе было трудно? — спросила я.

— Нам было очень трудно, Руженка,— ответил он.

— Ты любил меня там?

— Я любил тебя везде. Там осталась планета, которую я назвал твоим именем. Только я уже не знаю где. Там остался Порта. И моя рука тоже осталась там. Это была злая планета, Руженка.

— Почему же ты назвал ее моим именем?

— Не знаю. Собственно, это прекрасный мир. Но он дорого нам достался.

Он улыбался, и мне казалось, что он такой же, как десять лет назад на взморье в Териоках. Я взяла его за плечи и поглядела в глаза.

— Как тебе удалось вернуться, Валя?

Он ответил:

— Я очень хотел, Руженка. Я очень люблю тебя поэтому я вернулся. Ну и, конечно, немного физики.

Астролетчик Валентин Петров

Третья звездная началась. «Муромец», неторопливо набирая скорость, пошел прочь от Солнца по перпендикуляру к плоскости эклиптики. Теперь мне предстояло рассказать о своем замысле товарищам. На Земле я думал, что самое сложное — это добиться согласия у Совета Космогации. В том, что согласится экипаж, я не сомневался. Но сейчас я не был так уверен. Я посмотрел на Сережу — он сидел у пульта и ел тянучку — и немного успокоился. Сережа согласился еще на Земле, и мы вместе отстаивали эту идею в Совете. Я кивнул ему, и мы вышли в кают-компанию. Там Ларри играл с Сабуро в японские шахматы, маленький Людвиг Порта копался в фильмотеке, а Артур Лепелье старался забыть девушку в оранжевом.

— Вот что,— сказал я.— Вы все хорошо представляете себе, что такое звездная?

Они посмотрели на меня с изумлением. Конечно, они все хорошо представляли себе. Десять лет непрерывных будней и отрешение навсегда, потому что к тому времени, когда мы вернемся, память о нас превратится в легенду.

Я сказал:

— Я хочу вернуться на Землю раньше, чем через сто лет.

— Я тоже,— сказал Сабуро.

— Я тоже,— сказал Ларсен.— Например, сегодня к ужину.

Артур Лепелье заморгал, а Людвиг сказал неторопливо:

— Вы хотите уменьшить скорость?

— Я хочу вернуться домой гораздо раньше, чем через сто лет,— сказал я.— Есть возможность проделать всю работу и вернуться домой не через сто лет, а через несколько месяцев.

— Это невозможно,— сказал Микими.

— Фантастика,— вздохнул Артур.

Ларри положил подбородок на огромные кулаки и спросил:

— В чем дело? Объясни, капитан.

До выхода в зону АСП (абсолютно свободного полета) оставалось еще около суток. Я сел в кресло между Ларсеном и Артуром и сказал Сергею:

— Объясни.

Известно, что чем меньше скорость звездолета отличается от скорости света, тем медленнее течет в звездолете время, подчиняясь законам теории тяготения. Но этот закон тем справедливее, чем меньше ускорение звездолета и чем короче время работы двигателя. Если же при околосветовых скоростях звездолет идет с двигателем, работающим непрерывно, если ускорения при этом достаточно велики, если у светового барьера создаются перепады ускорений, тогда... Трудно сказать, что получится тогда. Современный математический аппарат бессилён дать общие результаты. Однако при некоторых частных предположениях теория тяготения не исключает возможности явлений иного порядка. Время в звездолете ускорит свое течение. Десятки лет пройдут на корабле, и только месяцы — на Земле. («Муромец» — первый в мире прямоточный фотонный корабль. На нем можно поставить этот эксперимент.) Правда, это невыносимо трудно. Это потребует годы полета с чудовищными перегрузками — в пять — семь раз...

— Фантастика,— сказал Артур. Он снова вздохнул.

— Не так,— сказал Порта.— Не совсем.

Я очень рассчитывал на Порта. Он был биолог, но знал, по-моему, все, кроме дескриптивной лингвистики.

— Я слышал об этом,— сказал он.— Но это — теория. И это... — он неопределенно пошевелил пальцами.

Но это была не только теория. Три года назад я испытывал «Муромца» в зоне АСП. Я сорок дней про-

сидел в амортизаторе, ведя звездолет с ускорением в 4 «g». Когда я вернулся, оказалось, что бортовой хронометр ушел на четырнадцать секунд вперед. Я провел в пространстве на четырнадцать секунд дольше, чем это зафиксировали земные часы. Я рассказал про свой эксперимент.

— О,— сказал Порта.— Это хорошо.

— Но это должны быть лютые перегрузки,— сказал я. Об этом надо было предупредить непременно, хотя в состав экспедиции я отобрал только опытных межпланетников, хорошо переносящих удвоенную и даже утроенную тяжесть

— Какие?— спросил Ларри.

— Раз в пять. Или в семь.

— О,— сказал Порта.— Это плохо.

— Значит, я буду весить полтонны,— сказал Ларсен и захохотал так, что все вздрогнули.

— А Совет знает?— осведомился Сабуро. Он обладал большим чувством ответственности.

— Они не верят, что из этого что-нибудь получится,— сказал Сергей.— Но они разрешили... если вы согласитесь, конечно.

— Я тоже не верю,— сказал Артур очень громко.— Перегрузки, частные предположения... Как вы создадите эти самые частные предположения?

Они разом заспорили, и я ушел в рубку. Конечно же, они не испугались перегрузок, хотя все отлично знали, что это такое. Они все согласились, возражал только Артур, которому ужасно хотелось, чтобы его убедили. Через полчаса они все пришли в рубку.

— Надо действовать, капитан,— сказал Ларри.

— Мы вернемся домой,— сказал Артур.— Домой. Не просто на Землю, но домой.

— Даже если у нас не получится,— сказал Сабуро,— опыт сделать необходимо.

— Правда, пятикратные перегрузки...— Порта пошевелил пальцами.

— Да, пятикратные,— сказал я.— И даже семикратные. И не на день и не на неделю. Если выдержим.

Это было так тяжело, что иногда казалось, что мы не выдержим. Первые месяцы я медленно наращивал ускорение. Микими и Завьялов составили программу для кибернетического управления, и ускорение автоматически увеличивалось на один процент в сутки. Я на-

деялся, что мы сумеем хотя бы немного привыкнуть. Это оказалось невозможным. Мы вынуждены были отказаться от твердой пищи и питались бульонами и соками. Через сто дней наш вес увеличился в три раза, через сто сорок — в четыре. Мы неподвижно лежали в гамаках и молчали, потому что трудно было разговаривать. Через сто шестьдесят дней ускорение достигло 5 «g». Только Сабуро Микими к тому времени мог пройти от кают-компания до рубки, не потеряв при этом сознания. Не помогали амортизаторы, не помогал даже анабиоз. Попытка применить анабиотический сон в условиях такой перегрузки провалилась. Порта мучился больше всех, но когда мы уложили его в «саркофаг», он никак не мог заснуть. На него было страшно смотреть. На любого из нас было страшно смотреть. Мы лежали перед «саркофагом» и глядели на Порту.

— Хватит, Валя,— сказал Сережа.

Мы поползли в рубку. Там стоял — стоял! — Сабуро с отвисшей челюстью.

— Хватит, Сабуро,— сказал я. Сережа попробовал встать, но снова припал щекой к полу.

— Хватит,— сказал он.— Порта плохо. Он может умереть. Выключай реактор, Сабуро.

— До троекратного,— сказал я.

Сабуро, еле шевеля пальцами, царапал ногтями по пульту. И стало легко. Удивительно легко.

— Троекратное,— сказал Сабуро и сел рядом с нами на мягкий пол. Мы полежали, привыкая, затем поднялись и пошли в кают-компанию. Нам было гораздо легче, но скоро мы переглянулись и снова встали на четвереньки.

Шло время. Собственная скорость¹ «Муромца» перевалила за световую и продолжала увеличиваться на тридцать два метра в секунду. Нам было очень тяжело. Я думаю, никто по-настоящему не верил в успех опыта. Зато каждый понимал, к каким последствиям может привести успех. И Ларри Ларсен, сопя и отдуваясь, мечтал за срок одной только жизни обежать всю вселенную и подарить ее людям.

¹ Собственная скорость — скорость, вычисленная по расстояниям, измеренным неподвижным наблюдателем (например, земным), и по промежуткам времени, измеренным по часам движущейся ракеты. Определенная таким образом скорость, естественно, может превышать скорость света.

Порта стало лучше, он много читал и усиленно занимался теорией тяготения. Время от времени мы укладывали его на несколько недель в «саркофаг», но это ему не нравилось: он не желал терять времени. Ларри и Артур вели астрономические наблюдения, Сергей, Сабуро и я стояли на вахте. В промежутках между вахтами мы рассчитывали ход времени в ускоренно движущихся системах при различных частных предположениях. Ларри заставлял нас заниматься гимнастикой, и к концу года я уже мог без особого труда подтянуть на перекладине свои два центнера.

Между тем Тайя все ярче разгоралась в перекрестии нитей курсового телескопа. Тайя была целью первых трех звездных. Она была одной из ближайших к Солнцу звезд, у которых давно уже были отмечены неравенства в движении. Считалось, что Тайя может иметь планетную систему. Перед нами к Тайе ушел Быков на «Луче» и Горбовский на «Териэле». Быков через каждые пятьдесят тысяч астрономических единиц сбрасывал мощные радиобакены. Новая трасса должна была быть отмеченной шестнадцатью такими радиобакенами, но мы уловили сигналы только семи. Может быть, бакены погибли или мы сбились с трассы, но скорее всего мы просто обогнали Быкова. Бакены были оборудованы воспринимающим устройством, работающим на определенной частоте. Можно было оставить запись для тех, кто пойдет вслед. Один из бакенов в ответ на наш вызов просигналил: «Был здесь. Четвертый локальный год. Горбовский». Совершенно невозможно сказать, за сколько лет до нас он проходил.

Тайя не имела планетной системы. Это была двойная звезда. Ее невидимый с Земли компонент оказался слабой красной звездой, почти угасшей, истощившей свои источники энергии. Мы были первыми землянами, увидевшими Чужие Солнца. Тайя была желтая и очень походила на наше Солнце. Но спутник ее был хорош. Он был малиновым, и по нему ползли вереницы черных пятен. Вдобавок он не был обыкновенной звездой: Ларсен обнаружил медленную и неправильную пульсацию его гравитационного поля. Две недели мы крутились возле него, пока Артур и Ларри вели наблюдения. Это были блаженные недели отдыха, нормальной тяжести, временами даже невесомости.

Затем мы пошли к соседней звезде — ВК 71 016. Этого

потребовал Порта, и я не знаю, правильно ли я сделал, уступив ему. Порта был биолог, и его больше всего интересовали проблемы жизни. Он требовал планету — теплую, с атмосферой, влажную, полную жизни. Мы тоже хотели увидеть Чужой Мир. Мы надеялись встретить себе подобных. Каждый из нас до того, как стал межпланетником, мечтал об этом во весь голос. И мы уступили Порта.

Мы летели к этой звезде четыре года, и снова свирепые перегрузки прижимали нас к полу, и мы задыхались в амортизаторах. Но все же нам было гораздо лучше, чем в начале пути. Видимо, мы приспособлялись. И мы долетели до желтого карлика ВК 71 016.

Да, там была планетная система. Четыре планеты, из которых одна обладала кислородной атмосферой и была немножко больше Земли. Это была прекрасная планета, зеленая, как Земля, покрытая океанами и обширными равнинами. Братьев по разуму на ней не оказалось, но жизнь кишела на ней. Я сказал, что хочу назвать ее именем Ружены. Никто не возразил. Но она встретила нас так, что мне не хочется вспоминать об этом. Она отвратительно встретила нас. Порта остался там, мы даже не знаем, где его могила, и там осталась моя рука, а Сережа Завьялов и Сабуро Микими оставили там столько своей жизни, что не сумели выдержать обратного пути.

Мы очень спешили. Мы торопились попасть в наше время, потому что до самого конца не знали, удался наш опыт или нет. Мы три года шли с семикратной нагрузкой, и об этом тоже не хочется вспоминать. После этого мы отдыхали на трехкратном ускорении. «Муромец» плохо слушался управления, и мне пришлось отказаться от внеземной станции и садиться прямо на Землю. Конечно, это стыдно, но я не хотел рисковать. Мы приземлились удачно. Мы долго не решались выйти из корабля, но потом сели в свой вертолет и вылетели к людям. И только увидев Ружену, я понял, что опыт удался.

Тяжелый, жестокий опыт, но он удался. Мы привезли людям своего времени чужие миры. Может быть, всю вселенную, как мечтал Ларри Ларсен. Это славно — не отдаленным потомкам у памятников самим себе, а близким и родным людям своего века подарить ключи от Пространства и Времени. Конечно, мы только испол-

нители. Спасибо людям, которые создали теорию тяготения. Спасибо людям, которые создали прямоточную ракету. Спасибо людям, которые создали наш светлый и прекрасный мир и создали нас самих такими, какие мы есть.

Вот только Быков и Горбовский. Что ж, когда они вернутся, нас уже не будет, но я думаю, они не рассердятся на нас.

НОЧЬ В ПУСТЫНЕ

Когда рыжий песок под гусеницами краулера вдруг осел, Петр Алексеевич Новаго дал задний ход и приказал Манделю соскакивать. Краулер задергался, разбрасывая тучи песка и пыли, и стал переворачиваться кормой кверху. Тогда Новаго выключил двигатель и вывалился из краулера. Он упал на четвереньки и, не поднимаясь, побежал в сторону, а песок под ним оседал и проваливался, но Новаго все-таки добрался до твердого места и сел, подобрав под себя ноги.

Он увидел Манделя, стоявшего на коленях на противоположном краю воронки, и окутанную паром корму краулера.

Теоретически было невозможно предположить, что с краулером типа «Ящерица» может случиться что-либо подобное. Во всяком случае, здесь, на Марсе. Краулер «Ящерица» был легкой быстроходной машиной — пяти-местная открытая платформа на четырех автономных гусеничных шасси. Но вот он медленно сползал в черную дыру, где жирно блестела глубокая вода. От воды валил пар.

— Каверна,— хрипло сказал Новаго.— Не повезло, черт.

Мандель повернул к Новаго лицо, закрытое до глаз кислородной маской.

— Да, не повезло,— сказал он.

Ветра совсем не было. Клубы пара из каверны поднимались вертикально в черно-фиолетовое небо, усыпанное крупными звездами. Низко на западе висело солнце — маленький яркий диск над дюнами. От дюн по красноватой долине тянулись черные тени. Было совершенно тихо, слышалось только шуршание песка, стекающего в воронку.

— Ну ладно,— сказал Мандель и поднялся.— Что будем делать? Вытащить его, конечно, нельзя,— он кивнул в сторону каверны.— Или можно?

Новаго покачал головой.

— Нет, Лазарь Григорьевич,— сказал он.— Нам его не вытащить.

Раздался длинный сосущий звук, корма краулера скрылась, и на черной поверхности воды один за другим вспучились и лопнули несколько пузырей.

— Да, пожалуй, не вытащить,— сказал Мандель.— Тогда надо идти, Петр Алексеевич. Пустяки, тридцать километров. Часов за пять дойдем.

Новаго смотрел на черную воду, на которой уже появился тонкий ледяной узор. Мандель поглядел на часы.

— Восемнадцать двадцать. В полночь мы будем там.

— В полночь,— сказал Новаго. Чувствовалось, что он с сомнением поджал губы под маской.— Вот именно — в полночь.

Осталось километров тридцать, подумал он. Из них километров двадцать придется идти в темноте. Правда, у нас есть инфракрасные очки, но все равно перспектива малоутешительная. Надо же такому случиться... На краулере мы были бы там засветло. Может быть, надо вернуться на Базу и взять другой краулер? До Базы сорок километров, и там все краулеры в разгоне, и мы прибудем на плантации только завтра к утру, когда будет уже поздно. Ах, как нехорошо получилось!

— Ничего, Петр Алексеевич,— сказал Мандель и хлопал себя по бедру, где под дохой болталась кобура с пистолетом.— Пройдем.

— А где инструменты?— спросил Новаго.

Мандель огляделся.

— Я их сбросил,— сказал он.— Ага, вот они.

Он сделал несколько шагов и поднял небольшой саквояж.

— Вот они,— повторил он, стирая с саквояжа песок рукавом дохи.— Пошли?

— Пошли,— сказал Новаго.

И они пошли.

Они пересекли долину, вскарабкались на дюну и снова стали спускаться.

Идти было легко. Даже пятипудовый Новаго вместе с кислородными баллонами, системой отопления в меховой одежде и свинцовыми подметками на унтах весил здесь всего сорок килограммов. Маленький сухопарый Мандель шагал как на прогулке, небрежно помахивая саквояжем. Песок был плотный, слежавшийся, и следов на нем почти не оставалось.

— За краулер мне страшно влетит от Иваненки,— сказал Новаго после долгого молчания.

— При чем здесь вы?— возразил Мандель.— Кто мог предположить каверну здесь, на трассе, которая исхожена сто пятьдесят раз? Послушайте, Петр Алексеевич,— воскликнул он весело.— Какое там влетит, ведь вас на Базе целовать будут! Ведь вы воду нашли!

— Вода нас нашла,— поправил Новаго.— Но за краулер все равно влетит. Знаете, как Иваненко: «За воду спасибо, а машину вам больше не доверю».

Мандель засмеялся.

— Ничего, обойдется. Да и вытащить этот краулер будет не так уж трудно... Глядите, какой красавец!

На гребне недалекого бархана, повернув к ним страшную треугольную голову, сидел мимикродон — двухметровый ящер, крапчато-рыжий, под цвет песка. Мандель кинул в него камешком и не попал. Ящер сидел, раскорячившись, неподвижный, как кусок камня.

— Удивительно невозмутимый гражданин,— сказал Мандель.

— Спицын говорит, что их очень много на плантациях,— сказал Новаго.— Ирина Викторовна подкармливает их...

Они, не сговариваясь, прибавили шаг.

— Молодец она все-таки,— сказал Мандель.— Не побоялась. Первая на Марсе.

— Кто-нибудь должен быть первым,— проворчал Новаго.

Дюны кончились. Они шли теперь через плоскую солончаковую равнину. Свинцовые подошвы звонко постукивали на мерзлом песке. В лучах белого закатного солнца горели большие пятна соли — глауберовой соли, какая на Земле добывается на озере Кара-Богаз. Вокруг пятен, ошетинясь длинными иглами, желтели шары «кактусов». Их было очень много на равнине, этих странных растений без корней, без листьев, без стволов.

— Бедный Спицын,— сказал Мандель.— Вот беспокоится, наверное.

— Я тоже беспокоюсь,— проворчал Новаго.

— Ну, мы с вами врачи,— сказал Мандель.

— А что врачи? Вы хирург, я терапевт. Я принимал всего раз в жизни, и это было десять лет назад в лучшей поликлинике Архангельска, и у меня за спиной стояли опытные специалисты...

— Ничего,— сказал Мандель.— Я принимал несколько раз. Не надо только волноваться. Все будет хорошо.

Под ноги Манделю попал колючий шар. Мандель ловко пнул его. Шар описал в воздухе длинную пологую дугу и покатился, подпрыгивая и ломая колючки.

— Удар, и мяч медленно выкатывается на свободный,— сказал Мандель.— Меня беспокоит другое. Будет ли ребенок нормально развиваться в условиях уменьшенной тяжести.

— Это меня как раз совсем не беспокоит,— сердито отозвался Новаго.— Я уже говорил с Иваненко. Можно будет оборудовать центрифугу.

Мандель подумал.

— Это мысль,— сказал он.

Когда они огибали последний солончак, что-то пронзительно свистнуло, один из шаров в десяти шагах от Новаго взлетел высоко в небо и, оставляя за собой белесую струю влажного воздуха, перелетел через врачей и упал в центре солончака.

— Ох!— вскрикнул Новаго. Мандель засмеялся.

— Ну что за мерзость!— плачущим голосом сказал Новаго.— Каждый раз, когда я иду через солончаки, какой-нибудь мерзавец...

Он подбежал к ближайшему шару и неловко ударил его ногой. Шар вцепился колючками в полу его дохи.

— Мерзость!— прошипел Новаго, на ходу с трудом отдирая шар сначала от дохи, а затем от перчаток.

Это были знаменитые «летающие кактусы», растения, почему-то приспособившиеся к передвижению. Такой вот колючий шар в течение нескольких суток лежал совершенно неподвижно, засасывая и сжимая в себе разреженный марсианский воздух, а потом вдруг разом выпускал его с оглушительным свистом и ракетой пролетал метров на десять-пятнадцать.

Мандель вдруг остановился, поглядел на солнце и поднес к глазам часы.

— Девятнадцать тридцать пять,— сказал он.— Солнце сядет через полчаса.

— Что вы сказали, Лазарь Григорьевич?— спросил Новаго.

Он тоже остановился и оглянулся на Манделя.

— Блеяние козленка манит тигра,— сказал Мандель.— Не разговаривайте громко перед заходом солнца.

Новаго огляделся. Солнце стояло уже совсем низко. Позади на равнине погасли пятна солончаков. Дюны потемнели. Небо на востоке сделалось черным, как китайская тушь.

— Да,— сказал Новаго, озираясь.— Громко разговаривать, пожалуй, не стоит. Говорят, у нее очень хороший слух.

Мандель поморгал заиндеветыми ресницами, изогнулся и вытащил из кобуры теплый пистолет. Он щелкнул затвором и сунул пистолет в глубокий карман дохи. Новаго тоже достал пистолет и сунул за отворот левого унта.

— Вы стреляете левой?— осведомился Мандель.

— Да,— ответил Новаго.

— Это хорошо,— сказал Мандель.

— Да, говорят.

Они поглядели друг на друга, но ничего уже нельзя было рассмотреть выше маски и ниже меховой опушки капюшона.

— Пошли,— сказал Мандель.

— Пошли, Лазарь Григорьевич. Только теперь пойдем гуськом.

— Ладно,— весело согласился Мандель.— Чур, я впереди.

И они пошли дальше, впереди Мандель с саквояжем в левой руке, в пяти шагах за ним Новаго.

Как быстро темнеет, думал Новаго. Осталось километров двадцать пять. Ну, может быть, немного меньше. Двадцать пять километров по пустыне в полной темноте. И каждую секунду она может броситься на нас. Из-за той дюны, например. Или из-за той, подальше. Новаго зябко поежился. Надо было выехать утром. Но кто мог знать, что на трассе есть каверна? Поразительное невезение. И все же надо было выехать утром. Даже вчера, с вездеходом, который повез на плантации пленки и аппаратуру. Впрочем, вчера Мандель оперировал. Темнеет и темнеет. Спицын, наверное, места себе не находит от беспокойства. То и дело бегают на башню поглядеть, не едут ли долгожданные врачи. А долгожданные врачи тащатся пешком по ночной пустыне. Ирина Викторовна успокаивает его, но тоже, конечно, волнуется. Это у них первый ребенок, и первый ребенок на Марсе, первый марсианин... Она очень здоровая и уравновешенная женщина. Замечательная женщина. Ничего, все будет благополучно. Только бы не...

Новаго все время глядел вправо, на сереющие гребни дюн. Мандель тоже глядел вправо. Поэтому они не сразу заметили Следопытов. Следопытов было тоже двое, и они появились слева.

— Эхой, друзья!— крикнул тот, что был повыше.

Другой, короткий, почти квадратный закинул карабин за плечо и помахал рукой.

— Эге,— сказал Новаго с облегчением.— А ведь это Опанасенко и канадец Морган. Эхой, товарищи!— радостно откликнулся он.

— Какая встреча!— сказал, подходя долговязый Гэмфри Морган.— Добрый вечер, доктор,— сказал он, пожимая руку Манделя.— Добрый вечер, доктор,— повторил он, пожимая руку Новаго.

— Здравствуйте, товарищи,— прогудел Опанасенко.— Какими судьбами?

Прежде чем Новаго успел ответить, Морган неожиданно сказал:

— Спасибо, все зажило,— и снова протянул Манделю длинную руку.

— Что?— спросил озадаченный Мандель.— Впрочем, я рад.

— О нет, он еще в лагере,— сказал Морган.— Но он тоже почти здоров.

— Что это вы так странно изъясняетесь, Гэмфри?— осведомился сбитый с толку Мандель.

Опанасенко схватил Моргана за край капюшона, притянул к себе и закричал ему прямо в ухо:

— Все не так, Гэмфри! Ты проспорил!

Он вернулся к врачам и объяснил, что час назад канадец случайно повредил в наушниках слуховые мембраны и теперь ничего не слышит, хотя уверяет, что может отлично обходиться в марсианской атмосфере без помощи акустической «техник».

— Он говорит, что и так знает, что ему могут сказать. Мы спорили, и он проиграл. Теперь он будет пять раз чистить мой карабин.

Морган засмеялся и сообщил, что девушка Галя с Базы здесь совершенно ни при чем. Опанасенко безнадежно махнул рукой и спросил:

— Вы, конечно, на плантации, на биостанцию?

— Да,— сказал Новаго.— К Спицыным.

— Ну, правильно,— сказал Опанасенко.— Они вас очень ждут. Но почему вы пешком?

— О, какая досада!— виновато сказал Морган.— Не могу слышать совсем ничего.

Опанасенко опять притянул его к себе и крикнул:

— Подожди, Гэмфри! Потом расскажу!

— Гуд,— сказал Морган. Он отошел и, оглядевшись, стащил с плеча карабин. У Следопытов были тяжелые двухствольные полуавтоматы с магазином на двадцать пять разрывных пуль.

— Мы потопили краулер,— сказал Новаго.

— Где?— быстро спросил Опанасенко.— Каверна?

— Каверна. На трассе, примерно сороковой километр.

— Каверна!— радостно сказал Опанасенко.— Слышишь, Гэмфри? Еще одна каверна!

Гэмфри Морган стоял к ним спиной и вертел головой, разглядывая темнеющие барханы.

— Ладно,— сказал Опанасенко.— Это после. Так вы потопили краулер и решили идти пешком? А оружие у вас есть?

Мандель похлопал себя по карману.

— А как же,— сказал он.

— Та-ак,— сказал Опанасенко.— Придется проводить вас. Гэмфри! Черт, не слышит...

— Погодите,— сказал Мандель.— Зачем это?

— Она где-то здесь,— сказал Опанасенко.— Мы видели следы.

Мандель и Новаго переглянулись.

— Вам, разумеется, виднее, Федор Александрович,— нерешительно сказал Новаго,— но я полагал, что мы могли бы пойти на риск. В конце концов мы вооружены и...

— Сумасшедшие,— убежденно сказал Опанасенко.— У вас там, на Базе, все какие-то, извините, блаженные. Предупреждаем, объясняем — все без толку. Ночью. Через пустыню. С пистолетиками. А завтра придется разыскивать по всему Сырту ваши обглоданные кости... Вам что, Хлебникова мало?

Мандель пожал плечами.

— По-моему, в данном случае...— начал он, но тут Морган сказал: «Ти-хо!», и Опанасенко мгновенно сорвал с плеча карабин и встал рядом с канадцем. Новаго тихонько кашлянул и потянул из унта пистолет.

Солнце уже почти скрылось — над черными зубчатыми силуэтами дюн светилась узкая желто-зеленая полоска. Все небо стало черным, и звезд было очень много. Звездный блеск лежал на стволах карабинов, и было видно, как стволы медленно двигаются направо и налево.

Потом Гэмфри сказал: «Ошибка. Прошу прощения», и все сразу зашевелились. Опанасенко крикнул на ухо Моргану:— Гэмфри, они идут на биостанцию к Ирине Викторовне! Надо проводить!

— Гуд. Я иду,— сказал Морган.

— Мы идем вместе!— крикнул Опанасенко.

— Гуд. Идем вместе.

Врачи все еще держали в руках пистолеты. Морган повернулся к ним, всмотрелся и воскликнул:

— О, это не нужно. Это спрятать.

— Да-да, пожалуйста,— сказал Опанасенко.— И не вздумайте стрелять. И наденьте очки.

Следопыты были уже в инфракрасных очках. Мандель стыдливо сунул пистолет в глубокий карман дохи и перехватил саквояж в правую руку. Новаго помедлил немного, затем снова опустил пистолет за отворот левого унта.

— Пошли,— сказал Опанасенко.— Мы поведем вас не по трассе, а напрямик, через раскопки. Это ближе.

Теперь впереди и правее Манделя шел с карабином под мышкой Опанасенко. Позади и правее Новаго вы-

шагивал Морган. Карабин на длинном ремне висел у него на шее. Опанасенко шел очень быстро, круто забирая на запад.

В инфракрасные очки дюны казались черно-белыми, а небо — серым и пустым. Это было похоже на рисунок свинцовым карандашом. Пустыня быстро остывала, и рисунок становился все менее контрастным, словно заволакивался туманной дымкой.

— А почему вас так обрадовала наша каверна, Федор Александрович?— спросил Мандель.

— Ну как же,— сказал Опанасенко, не оборачиваясь.— Во-первых — вода, а во-вторых — в одной каверне мы нашли облицованные плиты.

— Ах, да,— сказал Мандель.— Конечно.

— В нашей каверне вы найдете целый краулер,— мрачно проворчал Новаго.

Опанасенко вдруг резко свернул, огибая ровную песчаную площадку. На краю площадки стоял шест с пониженным флажком.

— Зыбучка,— проговорил позади Морган.— Чтоб взял ее дьявол.

Зыбучие пески были настоящим проклятием археологов и инженеров на Марсе. Месяц назад был организован специальный отряд разведчиков-добровольцев, который должен был отыскать и отметить все зыбучие участки в окрестностях Базы.

— Но ведь Хасэгава, кажется, доказал,— сказал Мандель,— что вид этих плит может объясняться и естественными причинами.

— Да,— сказал Опанасенко.— В том-то и дело.

— А вы нашли что-нибудь за последнее время?— спросил Новаго.

— Нет. Нефть нашли на востоке, окаменелости нашли очень интересные. А по нашей археологической линии — ничего.

Некоторое время они шли молча. Затем Мандель сказал глубокомысленно:

— Пожалуй, ничего странного в этом нет. На Земле археологи имеют дело с остатками культуры, которым самое большее сотня тысяч лет. А здесь — десятки миллионов. Напротив, было бы странно...

— Да мы и не очень жалуемся,— сказал Опанасенко.— Мы сразу получили такой жирный кусок — два искусственных спутника. И нам даже копать не пришлось.

И потом,— добавил он, помолчав,— искать не менее интересно, чем находить.

— Тем более,— сказал Мандель,— что освоенная вами площадь пока так мала...

Он споткнулся и чуть не упал. Морган проговорил вполголоса:

— Петр Алексеевич, Лазарь Григорьевич, я подозреваю, что вы все время беседуете. Это сейчас нельзя. Федор меня подтвердит.

— Гэмфри прав,— виновато сказал Опанасенко.— Давайте лучше молчать.

Они миновали очередную гряду барханов и спустились в долину, где слабо мерцали под звездами пятна солончаков.

Опять, подумал Новаго. Опять эти проклятые кактусы. Ему никогда еще не приходилось видеть кактусы ночью. Кактусы испускали ровный яркий инфрасвет. По всей долине были разбросаны светлые пятна. Очень красиво, подумал Новаго. Может быть, ночью они не взбрыкивают. Это было бы приятной неожиданностью. И без того нервы как струны. Опанасенко сказал, что она где-то здесь. Она где-то здесь. Новаго попытался представить себе, каково бы им было сейчас без этого заслона справа, без этих спокойных людей с их тяжелыми смертоубойными пушками наготове. Запоздалый страх морозом прошел по коже, словно наружный шестидесятиградусный мороз проник под одежду и коснулся голого тела. С пистолетиками среди ночных дюн... Интересно, умеет ли Мандель стрелять? Умеет, конечно, ведь он несколько лет работал на арктических станциях. Но все равно... Пистолетики. И обглоданные кости. Не догадался взять ружье на Базе, дурак, подумал Новаго. Хороши бы мы сейчас были без Следопытов. Правда, о ружье некогда было думать. И сейчас надо думать о другом, о том, что будет, когда доберемся до биостанции. Это поважнее. Это сейчас вообще самое важное — важнее всего.

...Она всегда нападает справа, думал Мандель. Все говорят, что она нападает только справа. Непонятно. И непонятно, почему она вообще нападает. Как будто последний миллион лет она только тем и занималась, что нападала справа на людей, неосторожно удалившихся ночью пешком от Базы. Понятно, почему на удалившихся. Можно себе представить, почему ночью.

Но почему на людей и почему справа? Неужели на Марсе есть свои двуногие, легко уязвимые справа и трудно уязвимые слева? Тогда где они? За пять лет колонизации Марса мы не встретили здесь животных крупнее мимикродоны. Она появилась всего два месяца назад. За два месяца восемь случаев нападения. И никто ее как следует не видел, потому что она нападает только ночью. Интересно, что она такое. У Хлебникова было разорвано правое легкое, пришлось ставить ему искусственное легкое и два ребра. Судя по ране, у нее необычайно сложный ротовой аппарат. По крайней мере восемь челюстей с режущими пластинками, острыми как бритва. Хлебников помнит только длинное блестящее тело с гладким волосом. Она прыгнула на него из-за бархана шагах в тридцати... Мандель быстро огляделся по сторонам. Вот бы мы сейчас шли вдвоем, подумал он. Интересно, умеет Новаго стрелять? Наверное, умеет, ведь он долго работал в тайге с геологами. Он хорошо это придумал — центрифуга. Семь-восемь часов в сутки нормальной тяжести для мальчишки будет вполне достаточно. Хотя почему для мальчишки? А если будет девочка? Еще лучше, девочки легче переносят отклонения от нормы...

Долина с солончаками осталась позади. Справа потянулись длинные узкие траншеи, пирамидальные кучи песку. В одной из траншей, уныло опустив ковш, стоял экскаватор.

Экскаватор надо увести, подумал Опанасенко. Что он здесь зря болтается? Скоро бури начнутся. На обратном пути, пожалуй, и уведу. Жаль, что он такой тихоходный — по дюнам не более километра в час. А то было бы славно. Ноги гудят. Сегодня сделали с Морганом километров пятьдесят. В лагере будут беспокоиться. Ничего, с биостанции дадим радиограмму. Как там еще на биостанции будет! Бедный Спицын. Но это все-таки здорово — на Марсе будет малыш. Значит, будут люди, которые когда-нибудь скажут: «Я родился на Марсе». Только бы не опоздать. Опанасенко пошел быстрее. А доктора каковы, подумал он. Воистину докторам закон не писан. Хорошо, что мы их встретили. На Базе, видимо, плохо понимают, что такое пустыня ночью. Хорошо бы ввести патруль. А еще лучше — облага. На всех краулерах и вездеходах Базы.

Гэмфри Морган, погруженный в мертвую тишину, ша-

гал, положив руки на карабин, и все время глядел вправо. Он думал о том, что в лагере, кроме дежурного, обеспокоенного их отсутствием, все уже, наверное, спят; что завтра нужно перевести группу в квадрат Е-II; что теперь придется пять вечеров подряд чистить «Федор'з ган»; что придется еще чистить слуховое устройство. Затем он подумал, что врачи — молодцы и смельчаки и что Ирина Спицына — тоже молодец и смельчак. Затем он вспомнил Галю, радистку на Базе, и с сожалением подумал, что при встречах она всегда спрашивает его о Хасэгава. Японец — превосходный товарищ, но в последнее время он тоже зачастил на Базу. Правда, трудно спорить — Хасэгава умен. Это он первый подал мысль о том, что охота на «летающую пиявку» («со-ра-тобу-хиру») может иметь прямое отношение к задачам Следопытов, потому что может навести людей на след марсианских двуногих... О эти двуногие! Соорудить два гигантских сателлита и не оставить больше никаких следов! Ничего, кроме облицованных камнем каверн...

Опанасенко вдруг остановился и поднял руку. Все остановились, а Гэмфри Морган вскинул карабин и круто развернулся вправо.

— Что случилось? — спросил Новаго, стараясь говорить спокойно. Ему очень хотелось вытащить пистолет, но он постеснялся.

— Она здесь, — негромко сказал Опанасенко. Он помахал рукой Моргану. Тот подошел, и они наклонились, всматриваясь в песок. В плотном песке виднелась неглубокая широкая колея, как будто здесь протащили мешок с чем-то тяжелым. Колея начиналась в пяти шагах справа и кончалась в пятнадцати шагах слева.

— Вот и все, — сказал Опанасенко. — Она нас выследила и идет за нами.

Он перешагнул через колею, и они пошли дальше. Новаго заметил, что Мандель снова переложил саквояж в левую руку, а правую сунул в карман дохи. Новаго усмехнулся, но ему было нехорошо. Он испытывал страх.

— Что ж, — сказал Мандель неестественно веселым голосом. — Раз она нас уже выследила, давайте разговаривать.

— Давайте, — сказал Опанасенко. — А когда она прыгнет, падайте лицом вниз.

— Зачем? — оскорбленно спросил Мандель.

— Лежачего она не трогает,— пояснил Опанасенко.

— Ах да, правда.

— Остается пустяк,— проворчал Новаго.— Узнать, когда она прыгнет.

— А вы это заметите,— сказал Опанасенко.— Мы начнем палить.

— Интересно,— сказал Мандель,— нападает она на мимикродонов? Когда они стоят столбиком, знаете? На хвосте и на задних лапах... Да,— воскликнул он.— Может быть она принимает нас за мимикродонов?

— Мимикродонов не стоит выслеживать и нападать на них именно справа,— сказал Опанасенко немного раздраженно.— К ним можно просто подойти и есть — с хвоста или с головы, как угодно.

Через четверть часа они снова пересекли колею, и еще через десять минут другую. Мандель замолчал. Теперь он не вынимал правую руку из кармана.

— Минут через пять она прыгнет,— напряженным голосом сказал Опанасенко.— Теперь она справа от нас.

— Интересно,— тихонько сказал Мандель.— Если идти спиной вперед, она тоже прыгнет справа?

— Да помолчите же, Лазарь Григорьевич,— сказал сквозь зубы Новаго.

Она прыгнула через три минуты. Первым выстрелил Морган. У Новаго зазвенело в ушах, он увидел двойную вспышку выстрела, прямые, как лучи, следы двух трасс и белые звезды разрывов на гребне бархана. Секундой позже выстрелил Опанасенко. «Бах-ба-бах, бах-ба-бах»,— гремели выстрелы карабинов, и было слышно, как пули с тупым треском рвутся в песок. На мгновение Новаго показалось, что он увидел оскаленную морду с выпученными глазами, но звезды разрывов и трассы уже сместились далеко в сторону, и он понял, что ошибся. Что-то длинное и серое стремительно пронеслось невысоко над барханами, пересекая гаснущие нити трасс, и только тогда Новаго бросился животом в песок. «Тах, тах, тах»,— Мандель стоял на одном колене и, держа пистолет в вытянутой руке, торопливо опустошал обойму куда-то в промежуток между Морганом и Опанасенко. «Бах-бах-бах, бах-бах-бах»,— гремели карабины. Теперь Следопыты стреляли по очереди. Новаго увидел, как длинный Морган на четвереньках вскарабкался на бархан, упал, и

плечи его затряслись от выстрелов. Опанасенко стрелял с колена, и белые вспышки раз за разом озаряли огромные черные очки и черный намордник кислородной маски. Затем наступила тишина.

— Отбили,— сказал Опанасенко, поднимаясь и отряхивая песок с колен.— Вот так всегда: если вовремя открыть огонь, она прыгает в сторону и удирает.

— Я попал в нее один раз,— сказал Гэмфри.

— Ты разглядел ее?— спросил Опанасенко.— Да, он же не слышит.

Новаго, кряхтя, поднялся и посмотрел на Манделя. Мандель, завернув полу дохи, втискивал пистолет в кобуру.

— Ну, знаете... сказал Новаго.

Мандель виновато покашлял.

— Я, кажется, не попал,— сказал он.— Она передвигается с исключительной быстротой.

— Оч-чень рад, что вы не попали,— с сердцем сказал Новаго.— Здесь было много мишеней!

— Но вы видели ее, Петр Алексеевич?— спросил Мандель. Он нервно потирал руки в меховых перчатках.— Вы разглядели ее?

— Серая и длинная, как щука.

— И у нее нет конечностей!— возбужденно сказал Мандель.— Я отчетливо видел, что у нее нет конечностей! И, по-моему, у нее нет глаз!

Следопыты подошли к врачам.

— В такой кутерьме,— сказал Опанасенко,— очень легко перечислить, чего у нее нет. Гораздо труднее сказать, что у нее есть.— Он засмеялся.— Ну ладно, товарищи. Самое главное — нападение мы отбили.

— Я пойду поищу тело,— неожиданно сказал Морган.— Я попал один раз.

Опанасенко повернулся к нему.

— Что ты сказал, Федор?— спросил Морган.

— Ни в коем случае,— сказал Новаго.

— Нет,— сказал Опанасенко. Он притянул Моргана к себе и крикнул:— Нет, Гэмфри! Нет времени! Поищем завтра вместе на обратном пути!

Мандель поглядел на часы.

— Ого,— сказал он.— Уже десять пятнадцать. Сколько еще идти, Федор Александрович?

— Километров десять, не больше. К двенадцати будем там.

— Отлично,— сказал Мандель.— А где мой саквояж?— Он завертелся на месте.— А, вот он...

— Пойдем, как раньше,— сказал Опанасенко.— Вы слева. Может быть, она здесь не одна.

— Теперь бояться нечего,— проворчал Новаго.— У Лазаря Григорьевича пустая обойма.

И они пошли, как раньше. Новаго — в пяти шагах позади Манделя, впереди и правее — Опанасенко с карабином под мышкой, а позади и правее — Морган с карабином на шее.

Опанасенко шел быстро и думал, что больше так продолжаться не может. Независимо от того, убил Морган эту гадину или нет, послезавтра надо пойти на Базу и организовать облаву. На всех краулерах и вездеходах, с ружьями, динамитом и ракетами.

...Ему пришел в голову аргумент для несговорчивого Иваненко, начальника транспорта, и он улыбнулся. Он скажет Иваненко: «На Марсе уже появились дети, пора очистить Марс от всякой гадости».

Какова ночка!— думал Новаго. Не хуже любой из тех, когда я заблудился в учурской тайге. А самое главное еще и не начиналось и кончится не раньше, чем к пяти утра. Завтра в пять, ну, скажем, в шесть утра парень уже будет вопить на всю планету. Только бы Мандель не подкачал. Нет. Мандель не подкачает. Папаша Спицын может быть спокоен. Через несколько месяцев мы будем всей Базой таскать парня на руках, однообразно вопрошая: «А кто это у нас такой маленький? А кто это у нас такой славненький?» Только надо все очень тщательно продумать с центрифугой. И вообще пора вызвать с Земли хорошего педиатра... Парню совершенно необходим педиатр. Жаль, что следующие корабли будут только через год.

В том, что родится именно парень, Новаго не сомневался. Он очень любил парней: которых можно носить на руках, время от времени осведомляясь: «А кто это у нас такой маленький?»

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

«...Исследователи сообщают о межзвездном планктоне, о спорах неведомой жизни в пространстве. Протяженные скопления их встречаются только за орбитой Марса. Происхождение их до сих пор остается неясным...»

Титан не понравился Виктору Борисовичу. Планетка слишком быстро вращалась и обладала темной беспокройной атмосферой. Зато Виктор Борисович досыта любовался кольцами Сатурна и странной игрой красок на его поверхности. Планетолет разгрузился — продовольствие, сжиженный дейтерий, кибернетическое оборудование для планетологов, — принял на борт двадцать восемь тонн эрбия и биолога Малышева и сейчас же отправился в обратный рейс. Как всегда в поясе астероидов планетолет потерял скорость и уклонился от курса. Пришлось помучиться. Вымотались все, и больше всех биолог Малышев. Бедняга не выносил перегрузок. Когда его вытащили из амортизатора, он был желтый, как сыр. Он ощупал себя, помотал головой и молча

устремился в свою каюту. Он торопился поглядеть, как перенесла перегрузку его улитка — жирный синий слизняк в многостворчатой раковине, выловленный в нефтяном океане недалеко от Эрбиевой долины.

Теперь, как и все на свете, плохое и хорошее, перелет подходил к концу. Меньше чем через сутки планетолет прибывал на ракетодром в кратере Ломоносова, затем неделя карантина и Земля, полгода отпуска, полгода синего моря, шумящих сосен, зеленых лугов, залитых солнцем.

Виктор Борисович улыбнулся, перевернулся на другой бок и сладко зевнул. До вахты оставалось два часа. Сейчас на вахте стоял Туммер, носатый и длинный как палка. Виктор Борисович представил себе Туммера, как он сидит, сутулясь, у вычислителя и, выпятив челюсть, просматривает голубую ленту записи контрольной системы. Затем Туммер расплылся, а вычислитель стал похож на замшелый валун с шершавыми боками. Под валуном темнела голубая вода, и, если присмотреться, в шевелящихся водорослях стоит щука с черной спиной, неподвижная и прямая как палка. И вдруг около уха загудел шмель. Виктор Борисович всхрипнул и проснулся. В каюте было темно. Он пожевал губами и замер. Где-то очень близко гудел шмель.

— Не может быть,— громко и уверенно сказал Виктор Борисович.

Он поднялся в постели и включил лампу. Шмель замолк. Виктор Борисович огляделся и увидел на простыне черное пятно. Это был не шмель. Это была муха.

— Мама моя,— сказал Виктор Борисович.

Муха сидела неподвижно. Она была совсем черная, с черными растопыренными крыльями. Виктор Борисович тщательно прицелился, подвел к мухе ладонь с подобранными пальцами и схватил. Он поднес кулак к уху. В кулаке шевелилось, шуршало и вдруг загудело так знакомо, что Виктор Борисович сразу вспомнил уроки рисования.

— Муха в планетолете,— сказал он и поглядел на кулак с изумлением.— Вот это да! Надо показать ее Туммеру.

Действуя одной рукой, он натянул брюки, выскочил в коридор и пошел в рубку, огибая выпуклую стену. В кулаке шуршало и щекотало.

В рубке стоял Туммер с темным тощим лицом. На

экране телепроектора покачивались два узких серпа — голубой побольше, белый поменьше — Земля и Луна.

— Здравствуй, Тум,— сказал Виктор Борисович.

Туммер качнул головой и посмотрел на него запавшими глазами.

— А ну, угадай, что у меня здесь,— сказал Виктор Борисович, осторожно потрясая кулаком.

— Дирижабль,— ответил Туммер.

— Нет, не дирижабль,— сказал Виктор Борисович.— Муха. Муха, старый сын!

Туммер сказал скучно:

— Ферритовый накопитель работает скверно.

— Я сменю,— сказал Виктор Борисович.— Ты понимаешь, она меня разбудила. Она гудит, как шмель на полянке.

— Меня бы она не разбудила,— сказал Туммер сквозь зубы.

— Шуршит,— нежно произнес штурман,— шуршит, скотинка.

Туммер посмотрел на него. Виктор Борисович сидел, приложив кулак к уху, и счастливо улыбался.

— Виктор,— сказал Туммер,— ну что у тебя за лицо?

В рубку вошел капитан планетолета Константин Ефремович Станкевич и следом бортинженер Лидин.

— Я же говорил — не спит,— сказал Лидин, тыча пальцем в штурмана.

— С ним что-то случилось,— ядовито сказал Туммер.— Поглядите на его физиономию.

Виктор Борисович объявил:

— Я поймал муху.

— Ну да?— удивился Лидин.

— Я спать пойду, Константин Ефремович,— сказал Туммер.— Виктор, принимай вахту.

— Погоди,— сказал Виктор Борисович.

— А ну, покажи,— потребовал Лидин. У него был такой вид, словно он никогда в жизни не видел мух.

Виктор Борисович приоткрыл кулак и осторожно просунул туда два пальца левой руки.

— Откуда на корабле муха?— спросил капитан.

— Не знаю,— ответил штурман. Он разглядывал муху, держа ее за ножки двумя пальцами.— Она жужжит совершенно как шмель,— сообщил он.

— Осторожно, Витя,— с придыханием сказал Лидин,— ты сломаешь ей ногу. У-у, негодяйка... Жужжит!

— Все-таки откуда на корабле муха?— спросил капитан.— Это, между прочим, ваше дело, Виктор Борисович.

Штурман выполнял обязанности сантехника.

— Вот именно,— сказал Туммер.— Расплодил на корабле мух, и ферритовый накопитель работает отвратительно. Принимай вахту, слышишь?

— Слышу,— сказал штурман.— Мне еще десять минут осталось. Надо показать ее Малышеву. Он тоже давно не видел мух.

Он двинулся к выходу, держа перед собой муху, как тарелку с борщом.

— Мухолов,— сказал Туммер презрительно.

Капитан засмеялся. Дверь отворилась, и в рубку шагнул Малышев. Штурман отскочил в сторону.

— Осторожно,— сердито сказал он.

Малышев извинился. У него был встрепанный вид и растерянные глаза.

— Дело в том, что...— начал он и остановился, уставясь на муху в пальцах штурмана.— Можно?— спросил он, протягивая руку.

— Муха,— с гордостью сказал Виктор Борисович. Малышев взял муху за крыло, и она завопила на всю комнату.

— У нее восемь ног,— сказал Малышев медленно.

— Ай-яй-яй,— сказал Туммер.— И что же теперь будет? Виктор, принимай вахту.

— Это не муха,— сказал Малышев. Его брови поднялись чуть ли не до волос и снова опустились на глаза.— Я думал, что это траурница-антракс морию. Но это не муха.

— А что же это?— осведомился штурман несколько раздраженно.

— Послушайте,— сказал Малышев.— Какие у вас есть дезинсекторы? И потом мне нужен микроскоп.

— Да в чем дело?— спросил штурман. Капитан нахмурился и подошел к ним. Лидин тоже подошел ближе.

— Послушайте,— повторил Малышев,— мне нужен микроскоп. Пойдемте в мою каюту. Я покажу вам кое-что.

Туммер сказал им вслед:

— Пожалуйста, не уроните муху.

В коридоре Лидин вдруг закричал: «Муха!». Они увидели муху, ползущую по стене под самым потолком. Муха была черная, с черными растопыренными крыльями.

В каюте биолога их было целых три. Одна сидела на подушке, две ползали по стенкам большого стеклянного баллона с синей титанианской улиткой. Лидин, войдя последним, хлопнул дверью, и мухи поднялись в воздух, гудя как шмели.

— З-зabавные мухи,— неуверенно сказал Виктор Борисович и посмотрел на Станкевича.

Капитан стоял неподвижно и следил глазами за мухами. Лицо его наливалось краской.

— Дрянь,— сказал он.

— Что случилось?— сказал Лидин. Малышев повернул к нему хмурое лицо.

— Я же сказал: это не земные мухи, понимаете?

— Мама моя,— проговорил Виктор Борисович и вытер правую ладонь о сорочку.

— Ах, вот оно что,— сказал Лидин. Черная муха закрутилась у него перед глазами, он отшатнулся и ударился затылком в закрытую дверь.— Пшла!— крикнул он, судорожно отмахиваясь.

— Нужен дезинсектор,— сказал капитан.— Что у нас есть?

— Есть леталь,— сказал штурман.

— Еще?

— Все.

— Хорошо,— сказал капитан.— Я сам это сделаю. Ступайте помойте руки, оботрите формалином.

Малышев все еще рассматривал муху, держа ее у самого носа. Виктор Борисович видел, как сильно дрожат его пальцы.

— Бросьте вы эту гадость,— сказал Лидин. Он уже стоял в коридоре и то и дело озирался.

— Она мне нужна,— ответил Малышев.— Вторую вы мне, что ли, поймаете?

В ванной Виктор Борисович торопливо стянул сорочку, бросил ее в мусоропровод и кинулся к умывальнику. Он мылил руки, тер их губкой и намыливал снова. Руки стали красными и распухли, а он все тер, тер и снова намыливал.

Произошло самое страшное, что может произойти на корабле. Это бывает очень редко, но лучше бы этого не случалось никогда. У планетолета толстые стены, и все, что через эти стены проникает, смертельно опасно. Все равно что — метеорит, жесткие излучения или какие-нибудь восьминогие мухи. И опаснее всего мухи.

Три года назад Виктор Борисович участвовал в спасении экспедиции на Каллисто. В экспедиции было пять человек — два пилота и трое ученых,— и они занесли в свой корабль протоплазму ядовитой планетки. Коридоры корабля были затянуты клейкой прозрачной паутиной, под ногами хлюпало и чвакало, а в рубке лежал в кресле капитан Рудольф Церер, белый и неподвижный, и лохматые сиреневые паучки бегали по его губам.

Виктор Борисович вытер опухшие руки формалином и вышел в коридор. По потолку ползали мухи. Их было много, штук двадцать. Навстречу шел Лидин. Лицо его было перекошено.

— Откуда они берутся?— спросил он сипло.— М-мерзость.

Из-под ног его с гудением взлетела муха, и он остановился, подняв над головой кулаки.

— Спокойно,— сказал Виктор Борисович.— Спокойно, бортинженер. Ты куда?

— Мыться.

— Как дезинсектор?

Лидин оскалится и молча прошел в ванную. Виктор Борисович забежал в свою каюту, надел свежую сорочку и куртку и отправился в рубку. У дверей мимо его лица с тонким воем пронеслась стайка черных мошек.

В рубке на столе перед вычислителем стояла стеклянная баночка, наполовину наполненная мутноватой жидкостью, от которой воняло даже через притертую пробку. В жидкости плавала муха. Малышев, видимо, помял-таки ей крылья, и она не могла взлететь, только время от времени гудела густым басом. Станкевич, Туммер и Малышев стояли у стола и глядели на муху. Виктор Борисович подошел и тоже стал смотреть на муху.

Мутная жидкость в баночке была дезинсектором «Леталь». Леталь убивала насекомых практически мгновенно. Он мог бы убить и быка. Но восьминогая муха об этом, по-видимому, не знала и даже не догадывалась. Она плавала в летале и время от времени злобно гудела.

— Пять с половиной минут,— сказал Туммер.— Что же ты, голубушка? Пора.

— Может быть, есть какой-нибудь другой дезинсектор?— спросил Малышев.

Виктор Борисович покачал головой. Он оглядел потолок. Мух в рубке еще не было. Потом он заметил,

что Туммер, ухмыляясь, рассматривает его опухшие руки. Он сунул руки в карманы и зашипел от боли. И все зря, подумал он, эту дрянь не берет даже леталь. «Кубический сантиметр на квадратный метр поверхности Уничтожает все виды насекомых, их личинки и яйца» Он посмотрел на муху в банке. Муха плавала и отвратительно гудела. Виктор Борисович вздохнул, вынул руки из карманов и сказал:

— Сдавай вахту, Тум.

Он принял вахту и доложил капитану о смене. Станкевич рассеянно кивнул.

— Где Лидин? — спросил он.

— Моется.

— Дезинфицируется, — сказал Туммер.

— Слушать меня, — сказал капитан. — Всем надеть защитные спецкостюмы. Сделать прививку против песчаной горячки. Далее. Леталь не годится. Но не исключено, что на этих мух подействует что-нибудь другое. Как вы полагаете, товарищ Малышев?

— Что? — сказал Малышев. Он оторвался от созерцания мухи в банке и поспешно сказал: — Да, возможно. Не исключено.

— У нас есть петронал, буксил, нитросиликель... сжиженные газы...

— Слюни, — тихонько сказал Туммер.

Станкевич холодно взглянул на него.

— Оставьте ваши остроуты при себе, Туммер. Так. Опыты проведем в медицинском отсеке. Я могу рассчитывать на вас, товарищ Малышев?

— В вашем распоряжении, — быстро сказал Малышев. — Но мне нужен микроскоп.

— Микроскоп в медицинском отсеке. Вы остаетесь в рубке, Виктор Борисович. Спецкостюм вам принесут.

— Слушаюсь, — сказал Виктор Борисович. Послышалось звонкое бодрое гудение. Все посмотрели на банку и сейчас же, как по команде, подняли лица к потолку. Под потолком с победным воем носилась большая черная муха.

Спецкостюм Виктору Борисовичу принес Туммер. Он быстро приоткрыл дверь, козлом прыгнул через комингс и захлопнул дверь за собой. На секунду в рубку ворвался многоголосый стонущий вой. Туммер откинул с головы спектролитовый колпак.

— В коридоре мух — не протолкнешься, — сказал он. — Черно. Засучи рукав.

Он достал шприц и впрыснул штурману сыворотку против песчаной горячки — единственной внеземной инфекционной болезни, против которой имелось противоядие. Это было явно бессмысленно, потому что единственным местом, где были найдены возбудители песчаной горячки, была Венера, но капитан не хотел упускать ни малейшего шанса.

— Как там наши? — спросил Виктор Борисович, опуская рукав.

— Костя злой как черт, — сказал Туммер. — Этих мух ничто не берет. А Малышев в восторге. Прямо на седьмом небе. Режет мух и разглядывает в микроскоп. Говорит, что в жизни не представлял себе ничего подобного. Говорит, что у этих мух нет ни глаз, ни рта, ни пищевода, ни чего-то там еще. Говорит, что не может понять, как они размножаются...

— А он не говорит, откуда они взялись?

— Говорит. Он считает, что это споры неизвестной формы жизни. Он говорит, что они миллионы лет носились в Пространстве, а в корабле нашли благоприятную почву. Он говорит, что нам повезло. Таких случаев еще не бывало.

— Блуждающая жизнь, — сказал штурман и стал влезать в защитный спецкостюм. — Я слышал об этом. Но я как-то не считаю, что нам повезло. Кстати, как они могли попасть в корабль?

— Помнишь, неделю назад Лидин вылезал наружу. Кажется, это было в поясе астероидов.

— А может быть они с Титана?

Туммер пожал плечами.

— Малышев говорит, что на Титане нет восьминогих мух. Да не все ли равно? Скажи спасибо, что это не осы.

Туммер ушел, снова прыгнув через комингс, и хлопнул за собой дверь. Виктор Борисович сел у пульта. В спецкостюме и спектролитовом колпаке он чувствовал себя в безопасности и даже принялся что-то напевать себе под нос. Под потолком уже носились десятки мух, некоторые крутились перед телеэкраном и ползли по лентам записи контрольной системы. Но их гудения не было слышно: спецкостюм обладал хорошей звукоизоляцией. Виктор Борисович оглядел пульт управления.

На пульте у его локтя сидела муха. Виктор Борисович прицелился и крепко прихлопнул ее ладонью в силиконовой перчатке. Муха перевернулась, пошевелила лапками и замерла. Виктор Борисович, наклонившись, с любопытством оглядел ее. Дохлая черная муха. Восемь ног... Пакость, конечно, но почему они опасны? Ни одно насекомое не опасно, опасны инфекция или яд, а инфекции может и не быть и яда тоже. Впрочем, если представить, что несколько этих космических мух попало на Землю...

Штурман обернулся. Листок бумаги, лежавший на столе, соскользнул на пол и, крутясь, полетел к двери. Дверь в коридор была приоткрыта.

— Эй, кто там?— крикнул Виктор Борисович.— Дверь.

Он подождал немного, затем поднялся и выглянул в коридор. В коридоре ползли и летали мухи. Их было так много, что стены казались черными, а под потолком висела как бы траурная бахрома. Виктор Борисович передернул плечами и закрыл дверь. Взгляд его упал на листок бумаги у комингса. Какое-то смутное подозрение, тень догадки мелькнула у него в голове. Несколько секунд он стоял, соображая.

— Чепуха,— сказал он вслух и вернулся к пульту.

В рубке стало заметно темнее. Плотные мушиные тучи вились под потолком, заслоняя голубые осветительные трубки. Виктор Борисович поднес к глазам часы. С начала биологической атаки прошло полтора часа. Он поглядел на дохлую муху на пульте, почувствовал тошноту и зажмурился. И зачем я ее раздавил?— подумал он. Гадость все-таки, ядовитая или нет — все равно. Сквозь полусомкнутые веки он увидел, что лента идет неровно. Он поправил ее, потом невольно поискал глазами раздавленную муху.

Сначала ему показалось, что она исчезла. Но он снова увидел ее. Раздавленная дрянь шевелилась. Штурман пригляделся и проглотил слюну. Он стал весь мокрый. Остатки мухи были покрыты мельчайшей черной мошкой. Мошкара суетливо ползала по расплюсненному брюху — крошечные черные мошки с черными растопыренными крыльями. Их было штук тридцать, и они копошились, расплзаясь в стороны по гладкой светлой поверхности пульта. Они еще не могли летать.

Это продолжалось минут десять, не меньше. Голубая

лента ползла из вычислителя и ленивыми витками ложилась на пол. Вокруг нее вились большие черные мухи. Штурман сидел наклонившись, сдерживая дыхание, и глядел не отрываясь на дохлую муху. На бывшую дохлую муху. Было видно, как шевелится черная голая нога мухи. Если присмотреться — она вся покрыта мельчайшими порами, и из каждой поры торчит головка микроскопической мушки. Они вылезали прямо из тела. Вот почему они так быстро размножаются, подумал Виктор Борисович. Они просто вылезают друг из дружки. Каждая клетка несет в себе зародыш. Эту муху просто нельзя убить. Она возрождается стократно повторенная.

Мошкара ползала по пульту, по кнопкам и верньерам, по прозрачной пластмассе приборов. Мошек было много, и некоторые уже пытались взлететь. От дохлой мухи остался мелкий черный порошок, и штурман смахнул его с пульта, как на Земле смахивают со стола табачный пепел.

— Штурман проветривает рубку, — раздался в наушниках голос Туммера.

В рубку вошли четверо в блестящих силиконовых костюмах и серебристых шлемах.

— Зачем вы открыли дверь, Виктор Борисович? — спросил капитан.

— Дверь? — Виктор Борисович оглянулся на дверь. — Я не открывал ее.

— Дверь была открыта, — сообщил капитан.

Виктор Борисович пожал плечами. Он все еще видел, как черная мошкара вылезает из дохлой мухи.

— Я не открывал дверь, — повторил он.

Он снова оглянулся на дверь. Он увидел клочок бумаги у комингса, и снова смутная догадка мелькнула у него в голове.

Лидин сказал нетерпеливо:

— Давайте решать, что делать дальше.

— Штурман не в курсе дела, — сказал капитан. — Товарищ Малышев, повторите ваши выводы.

Малышев покашлял.

— Аппаратура у вас неважная, — сказал он. — Микрофон, например, в полном запустении...

Он замолчал, и стало слышно, как Лидин втолковывает вполголоса кому-то, вероятно Туммеру: «... взять баллон со спиртом, ходить, поливать их и тут же поджигать...»

— Словом, так, — сказал Малышев. — Состав у них

странный — кислород, азот и в очень малых количествах кальций, водород и углерод. Я делаю вывод, что это не белковая жизнь. И тогда, во-первых, опасность инфекции сомнительна; во-вторых, это открытие высокого класса. Я это подчеркиваю, потому что вот товарищ Лидин только и думает, как их уничтожить. Это неверный подход к проблеме.

— Пауков бы сюда,— сказал Лидин,— старых матерых крестовиков...

— Совершенно неясно,— продолжал Малышев,— чем они питаются. Совершенно неясен механизм их размножения. Я считаю, что есть основания полагать...

— Я все-таки не понимаю,— сказал Туммер.— Я убивал их, давил ногами, но покажите мне хоть одну дохлую муху.

— Не ищи,— сказал штурман,— даже не пробуй.

— Это почему же?

Виктор Борисович увидел, что дверь снова тихо открылась. Бумажка на полу взлетела, словно пытаясь перепрыгнуть через комингс, и снова бессильно опустилась на пол.

— Я потом расскажу. Потом, когда все кончится.

Виктор Борисович подошел к двери, закрыл ее и вернулся к столу. Капитан легко хлопнул ладонью по столу.

— Слушать меня!— сказал он.— Я решил очистить корабль от мух.

— Каким образом?— осведомился Малышев.

— Мы наденем пустолазные костюмы, поднимем в корабле давление — можно использовать запасы жидкого водорода — и откроем люки...

— Мама моя!— пробормотал штурман.

—...Впустим Пространство в корабль. Вакуум и абсолютный нуль. И ток сжатого водорода выбросит эту гадость.

— Идея,— сказал Лидин. Туммер сел в кресло и вытянул ноги.

— Все равно мы так не избавимся от спор,— сказал он.

— Спор, я думаю, на корабле не осталось,— сказал Малышев. В голосе его слышалось сожаление.— Они все развились.

— Мы избавимся от мух,— сказал Лидин.— От этих омерзительных, проклятых, чертовых...

— Слушайте,— сказал Виктор Борисович,— я, кажется, понял.

Он подошел к двери, нагнулся и зачем-то потрогал пальцами клочок бумаги у комингса.

— Что ты понял?— спросил Туммер.

— Так,— сказал Станкевич.— Пойдемте за вакуум-скафандрами. Лидин, помогите Малышеву надеть скафандр.

— Мушки повымерзнут,— сказал Лидин, хихикая. Ему ужасно хотелось, чтобы мушки повымерзли.

Виктор Борисович огляделся. Стены были черными. Под потолком висели бархатистые фестоны. Пол был покрыт сухой шевелящейся кашей. Сгущались сумерки — кучи мух облепили осветительные трубки.

— Слушайте,— сказал Виктор Борисович.— Вы знаете, почему открывается дверь?

— Какая дверь, штурман?— нетерпеливо спросил капитан.

— Которая дверь?— спросил Туммер.

— Вот эта, дверь в коридор. А теперь она больше не открывается.

— Ну?

— Вот в чем дело,— торопливо сказал Виктор Борисович.— Дверь отворяется наружу, так? В коридоре падает давление, так? И избыток давления в рубке выталкивает дверь. Все очень просто. А теперь избытка давления нет.

— Ничего не понимаю,— сказал капитан.

— Мухи,— сказал Виктор Борисович.

— Ну, мухи,— сказал Туммер.— Ну?

— Мухи жрут воздух. Вот откуда они берут живой вес. Они жрут воздух, кислород и азот.

Биолог издал неясное восклицание, а капитан повернулся к приборам циркуляционной системы. Несколько минут он вглядывался в приборы, яростно смахивая мух. Все молчали. Наконец капитан выпрямился.

— Расходомеры показывают,— медленно сказал он,— что за последние два часа на корабле израсходовано около центнера жидкого кислорода.

— Великолепно,— проговорил Малышев.

— Ну и твари,— сказал Лидин.— Вот так твари.

— Я же говорил,— сказал Туммер.— Это всего-навсего восьминогие мухи.

— Логически рассуждая,— заметил биолог,— атмосфера из водорода должна быть для них летальной.

— Что ж, это упрощает,— сказал капитан.— Слушать меня. Лидин, помогите товарищу Малышеву облачиться в скафандр. Туммер, перекройте по кораблю циркуляционную систему. Штурман, подготовьте корабль к обработке вакуумом и сверхнизкими температурами. Готовность доложить через десять минут.

Виктор Борисович направился к выходу, размышляя, что произойдет, если хоть несколько мух попадет на Землю. Землю не обрабатываешь вакуумом и сверхнизкими температурами.

Он вздохнул, отворил дверь и нырнул головой вперед в черную мохнатую дыру, еле освещенную красноватым светом.

Они натянули вакуум-скафандры прямо на спецкостюмы. Затем они шли к рубке длинным тоннелем с черными стенами, сумрачным незнакомым тоннелем. Стены тоннеля медленно колыхались, словно дышали. Они пришли в рубку. Здесь тоже все было незнакомо и сумрачно. Капитан спросил:

— Туммер, циркуляция?

— Выключена.

— Штурман, люки?

— Открыты... За исключением внешних.

— Лидин, состояние вакуум-скафандров?

— Проверено, товарищ капитан.

— Начнем,— сказал капитан.

Виктор Борисович нагнулся к манометру. Давление в корабле упало на тридцать миллиметров, а ведь Туммер выключил циркуляционную систему всего несколько минут назад. Мухи пожирали воздух и размножались с чудовищной быстротой. Капитан открыл подачу водорода. Стрелка манометра остановилась, затем медленно поползла в обратную сторону. Атмосфера... Полторы... Две...

— Есть у кого-нибудь мухи в скафандре или в спецкостюме?— осведомился капитан.

— Пока нет,— сказал Лидин.

Снова наступила тишина. В наушниках было слышно только дыхание. Кто-то чихнул, кажется Туммер.

— Будьте здоровы,— вежливо сказал Малышев.

Никто не ответил. Пять атмосфер. Черная каша на стенах тяжело заворочалась. «Ага!»— злорадно сказал Лидин. Шесть атмосфер.

— Внимание, — сказал капитан.

Виктор Борисович напрягся и ухватился за пояс Малышева. Малышев ухватился за Лидина, Лидин — за кресло, в котором сидел Туммер. Капитан согнал с пульта мушиную тучу и нажал кнопку. Четыре грузовых люка — широкие пластметалловые шторы, покрывающие грузовой отсек, — раскрылись мгновенно и одновременно.

Виктор Борисович ощутил мягкий толчок, сотрясший его с ног до головы. Кто-то ахнул. Водородно-воздушная смесь под давлением в шесть атмосфер устремилась к люкам и в пространство. В рубке закрутилась черная вьюга. И стало светло. Ярко, ослепительно светло. Рубка стала прежней стерильно-чистой рубкой. Только искрились в отблесках голубых трубок изморось на стенах да у комингса остался налет серой пыли.

— Как хорошо! — сказал незнакомый хриплый голос в наушниках.

— Внимание, — сказал капитан. — Второй этап!

Затем был третий этап, и четвертый, и пятый. Пять раз корабль наполнялся сжатым водородом, и пять раз вихри сжатого газа промывали каждый угол, каждую щель в корабле. Налет серой пыли перед комингсом рубки исчез, исчезла изморось на стенах. Затем корабль наполнился водородом в шестой раз. Капитан на полную мощность включил пылеуловители, и только после этого в корабль был снова подан воздух.

— Вот и все, — сказал Станкевич. — Пока, по крайней мере.

Он первым стащил с головы тяжелый шлем скафандра.

— Может быть, все это нам приснилось? — задумчиво сказал Лидин.

— Сладостное сновидение, — сказал Туммер.

Виктор Борисович помогал Малышеву освободиться от скафандра. Когда он стянул с правой руки биолога коленчатый рукав, капитан вдруг сказал:

— А это что у вас, товарищ Малышев?

В кулаке Малышева была пластмассовая коробочка, похожая на очешницу. Биолог спрятал руку за спину.

— Ничего особенного, — сказал он и сразу насупился.

— Товарищ Малышев! — ледяным голосом сказал капитан.

— Что, товарищ Станкевич? — отозвался биолог.

— Дайте сюда эту штуку.

— Мама моя,— сказал Виктор Борисович,— у вас там мухи!

— Ну и что же?— сказал биолог.

Лидин побледнел, затем покраснел.

— Немедленно уничтожьте эту гадость,— сказал он сквозь зубы.— В реактор ее, немедленно!

— Спокойно, бортинженер,— сказал Виктор Борисович.

Малышев стряхнул с себя пустолазный панцирь и сунул коробочку в карман. Брови его поднялись до волос и снова надвинулись на глаза.

— Мне стыдно за вас, товарищи,— объявил он.

— Ему стыдно за нас!— Лидин так и взвился.

— Да, стыдно. Я понимаю, это было неожиданно и... по-человечески страшно...

— Да вы представляете,— сказал Лидин,— что будет, если хоть одна муха попадет в земную атмосферу?

— Вы знаете, как они размножаются?— спросил штурман.

— Знаю. Видел. Это все чепуха.— Малышев перешагнул через скафандр и сел в кресло.— Выслушайте меня. Жизнь в Космосе иногда бывает враждебна земной жизни, это правда. Глупо это отрицать. Если бы мухи угрожали жизни, хотя бы здоровью человека, я бы первым потребовал отвести корабль подальше от Земли и взорвать его. Но мухи неопасны. Небелковая жизнь не может — не может, понимаете?— угрожать белковой жизни. Меня поражает ваша неосведомленность. И ваша, простите, нервозность.

— Малейшая ваша неосторожность,— упрямо сказал Лидин,— и они расплодятся на Земле. Они сожрут всю атмосферу.

Малышев презрительно щелкнул пальцами.

— Вот,— сказал он.— Пусть они даже расплодятся на планете, и я берусь в два дня вывести двадцать две расы азотно-кислородных вирусов, которые уничтожат мух, и споры, и двести двадцать поколений потомства. Это во-первых. А во-вторых, мы пробовали и леталь, и буксил, и петронал, и еще что-то. Но я уверен, что эффективнейшим средством против наших мух были бы простые слюни.

Туммер захохотал.

— Черт знает, что вы говорите,— проворчал Станкевич.

— Ну, не слюни, конечно, но простая вода. Обыкновенная аква дистиллята. Я уверен в этом.

Малышев обвел межпланетников торжествующим взглядом. Все молчали.

— Но вы по крайней мере понимаете, что нам повезло?— спросил он.

— Нет,— сказал Станкевич.— Еще нет.

— Нет? Ладно,— сказал Малышев.— Во-первых, в наших руках,— он похлопал себя по карману,— уникальнейшие экземпляры небелковых существ. До сих пор небелковая жизнь воспроизводилась только искусственно. Понимаете? Оч-чень рад. Во-вторых. Представьте себе завод без машин и котлов. Гигантские инсектарии, в которых с неимоверной быстротой плодятся и развиваются миллиарды наших мух. Сырье — воздух. Сотни тонн первоклассной неорганической клетчатки в день. Бумага, ткани, покрытия... А вы говорите — в реактор.

Биолог замолчал, извлек пластмассовую коробочку и поднес ее к уху.

— Гудят,— сообщил он.— Уникальнейшие существа. Редчайшие... Редчайшие.

Глаза его вдруг округлились, на лице появилась растерянность.

— Моя улитка,— сказал он и кинулся из рубки.

Межпланетники переглянулись.

— Биология — царица наук, бортинженер,— сказал Туммер.

— Много я знаю о небелковой жизни!— сказал Лидин брезгливо.

Капитан поднялся.

— Все хорошо, что хорошо кончается,— сказал он, не глядя на Туммера.— Если мне еще кто-нибудь когда-нибудь станет болтать про угрозу из Космоса... Кто вахтенный?

Виктор Борисович поглядел на часы. «Мама моя,— подумал он,— еще не кончилась моя вахта! Неужели прошло всего три часа?»

Сменившись с вахты, он зашел к Малышеву. Биолог

горестно вздыхал над донышком стеклянного баллона. Во время вакуумной чистки внутреннее давление разорвало и баллон и титанианскую улитку, и высушенные Пространством клочья слизняка присохли к стенам и потолку каюты.

— Это был такой экземпляр, — жалобно сказал Малышев, — такой экземпляр!

— Зато у вас теперь есть мухи, — сказал штурман. — А в следующий рейс я привезу вам другого слизняка. Пойдите в медотсек и покажите мне, что там с микротомом. Понимаете, нам еще не приходилось им пользоваться.

ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

I

— Хороший сегодня будет день! — сказал вслух Вадим.

Он стоял перед распахнутой стеной, похлопывая себя по голым плечам, и глядел в сад. Ночью шел дождь, трава была мокрая, кусты были мокрые, и крыша соседнего коттеджа тоже была мокрая. Небо было серое, а на тропинке блестели лужи. Вадим подтянул трусы, прыгнул в траву и побежал по тропинке. Глубоко, с шумом вдыхая сырой утренний воздух, он бежал мимо отсыревших шезлонгов, мимо мокрых ящиков и тюков, мимо соседского палисадника, где, выставив напоказ внутренности, красовался полуразобранный «колибри», через мокрые, пышно разросшиеся кусты, между стволами мокрых сосен; не останавливаясь, прыгнул в озерцо, выбрался на противоположный берег, поросший осокой, а оттуда, разгоряченный, очень довольный собой, все наращивая темп, помчался обратно, перепрыгивая через огромные спокойные лужи, распугивая маленьких серых

лягушек, прямо к лужайке перед Антоновым коттеджем, где стоял «Корабль».

«Корабль» был совсем молодой, ему не исполнилось и двух лет. Черные матовые его бока были абсолютно сухи и едва заметно колыхались, а острая вершина была сильно наклонена и направлена в ту точку серого неба, где за тучами находилось солнце: «Корабль» по привычке набирал энергию. Высокая трава вокруг «Корабля» была покрыта инеем, поникла и пожелтела. Впрочем, это был приличный, тихого нрава звездолет типа «турист». Рейсовый рабочий звездолет на ночь выморозил бы весь лес на десять километров вокруг.

Вадим, оскальзываясь на поворотах, обежал «Корабль» и направился домой. Пока он, стеноя от наслаждения, растирался мохнатым полотенцем, из дачи напротив вышел сосед дядя Саша со скальпелем в руке. Вадим помахал ему полотенцем. Соседу было полтора года лет, и он день-деньской возился со своим вертолетом, но все было втуне — «колибри» летал неохотно. Сосед задумчиво поглядел на Вадима.

— У тебя нет запасных биоэлементов? — спросил он.

— Что, сгорели?

— Не знаю. У них ненормальная характеристика.

— Можно связаться с Антоном, дядя Саша, — предложил Вадим. — Он сейчас в городе. Пусть привезет вам парочку.

Сосед подошел к вертолету и стукнул его скальпелем по носу.

— Что ж ты не летаешь, дурачок? — сказал он сердито.

Вадим принялся одеваться.

— Биоэлементы... — ворчал дядя Саша, запуская скальпель во внутренности «колибри». — Кому это надо? Живые механизмы... Полуживые механизмы... Почти неживые механизмы... Ни монтажа, ни электроники... Одни нервы! Простите, но я не хирург. — Вертолет дернулся. — Тихо ты, животное! Стой смирно! — Он извлек скальпель и повернулся к Вадиму. — Это негуманно наконец! — объявил он. — Бедная испорченная машина превращается в сплошной больной зуб! Может быть, я слишком старомоден? Мне ее жалко, ты понимаешь?

— Мне тоже, — пробормотал Вадим, натягивая рубашку.

— Что?

— Я говорю: может быть, вам помочь?

Дядя Саша некоторое время переводил взгляд с вертолета на скальпель и обратно.

— Нет,— сказал он решительно.— Я не желаю применяться к обстоятельствам. Он у меня будет летать.

Вадим сел завтракать. Он включил стереовизор и положил перед собой «Новейшие приемы выслеживания тахоргов». Книга была старинная, бумажная, читанная-перечитанная еще дедом Вадима. На обложке был изображен пейзаж планеты-заповедника Пандоры с двумя чудовищами на первом плане.

Вадим ел, листая книжку, и с удовольствием поглядывал на хорошенькую дикторшу, рассказывавшую что-то о боях критиков по поводу эмоциализма. Дикторша была новая, и она нравилась Вадиму уже целую неделю.

— Эмоциализм!— со вздохом сказал Вадим и откусил от бутерброда с козьим сыром.— Милая девочка, ведь это слово отвратительно даже фонетически. Поедем лучше с нами! А оно пусть остается на Земле. Оно наверняка умрет к нашему возвращению — можешь быть уверена.

— Эмоциализм как направление обещает многое,— невозмутимо говорила дикторша.— Потому что только он сейчас дает по-настоящему глубокую перспективу существенного уменьшения энтропии эмоциональной информации в искусстве. Потому что только он сейчас...

Вадим встал и с бутербродом в руке подошел к распахнутой стене.

— Дядя Саша,— позвал он,— вам ничего не слышится в слове «эмоциализм»?

Сосед, заложив руки за спину, стоял перед развороченным вертолетом. «Колибри» трясся, как дерево под ветром.

— Что?— сказал дядя Саша, не оборачиваясь.

— Слово «эмоциализм»,— повторил Вадим.— Я уверен, что в нем слышится похоронный звон, видится нарядное здание крематория, чувствуется запах увядших цветов.

— Ты всегда был тактичным мальчиком, Вадим,— сказал старик со вздохом.— А слово действительно скверное.

— Совершенно безграмотное,— подтвердил Вадим, жуя.— Я рад, что вы это тоже чувствуете... Послушайте, а где ваш скальпель?

— Я уронил его внутрь,— сказал дядя Саша.

Некоторое время Вадим разглядывал мучительно трепещущий вертолет.

— Вы знаете, что вы сделали, дядя Саша?— сказал он.— Вы замкнули скальпелем дигестальную систему. Я сейчас свяжусь с Антоном, пусть он привезет вам другой скальпель.

— А этот?

Вадим с грустной улыбкой махнул рукой.

— Смотрите,— сказал он, показывая остаток бутерброда.— Видите?— Он положил бутерброд в рот, прожевал и проглотил.

— Ну?— с интересом спросил дядя Саша.

— Такова в наглядных образах судьба вашего инструмента.

Дядя Саша посмотрел на вертолет. Вертолет перестал вибрировать.

— Все,— сказал Вадим.— Нет больше вашего скальпеля. Зато «колибри» у вас теперь заряжен. Часов на тридцать непрерывного хода.

Сосед пошел вокруг вертолета, бесцельно трогая его за разные части. Вадим засмеялся и вернулся к столу. Он доедал второй бутерброд и допивал второй стакан простокваши, когда щелкнул замок информатора и тихий, спокойный голос сказал:

— Вызовов и посещений не было. Антон, уходя в город, желает доброго утра и предлагает немедленно после завтрака начать отрешение от всего земного. В институт поступило девять новых задач...

— Не надо подробностей,— попросил Вадим.

—...Задача номер девятнадцать пока не решена. Пэл Минчин доказала теорему о существовании полиномиальной операции над Ку-полем структур Симоняна. Адрес: Ричмонд, семнадцать-семнадцать-семь. Все.

Информатор щелкнул, помолчал и добавил поучающе:

— Завидовать дурно. Завидовать дурно.

— Балбес!— сказал Вадим.— Я совершенно не завидую. Я радуюсь! Молодчина, Пэл!— Он задумался, глядя в сад.— Нет,— сказал он.— Сейчас все это долой. Надо отрешаться от земного.

Он швырнул грязную посуду в мусоропровод и вскричал:

— На тахоргов! Украсим кабинет Пэл Минчин — Ричмонд, семнадцать-семнадцать-семь — черепом тахорга!
И он спел:

Пусть тахорги в страхе воют,
Издавая визг и писк!
Ведь на них идет войною
Структуральнейший лингвист!

— Теперь так,— сказал Вадим.— Где радиофон?— он набрал номер.— Антон? Как дела?

— Стою в очереди,— ответил Антон.

— Что ты говоришь? И все на Пандору?

— Многие. И кто-то распространяет слух, что охота на тахоргов скоро будет запрещена.

— Но мы-то успеем?

Антон некоторое время молчал.

— Успеет,— сказал он.

— А девушки там рядом есть?

— Как не быть...

— А они тоже успеют?

— Сейчас спрошу... Они говорят, что успеют.

— Передавай им привет от знакомого структурального лингвиста шести футов росту, с благородной осанкой... Слушай, Антон, что я хотел тебе сказать? Да! Привези, пожалуйста, дяде Саше скальпель. И пару «БЭ-6». И заодно «БЭ-7».

— И заодно новый вертолет,— сказал Антон.— Что этот старец сделал со своим скальпелем?

— Ну как ты думаешь, что можно сделать со скальпелем?

— Не знаю,— сказал Антон, подумав.— Скальпель — это вещь на века. Как Баальбекская платформа.

— Он уронил его в желудок своему «колибри».

В радиофоне захихикало несколько голосов. Очередь развлекалась.

— Ладно уж,— сказал Антон.— Жди, я скоро буду. Будь моим суперкарго и начинай погрузку.

Вадим сунул радиофон в карман и прикинул через три комнаты расстояние до выхода.

— Дух ног слаб,— процитировал он,— рук мощь зла!

Он встал на руки и живо побежал к выходу. На крыльце он сделал сальто и с криком «У-ух!» упал на четвереньки в траву перед крыльцом. Поднявшись и почистив руки, он произнес с выражением:

На войне и на дуэли
Получает первый приз —
Символ счастья и веселья —
Структуральный лингвист.

Затем он неторопливо отправился в аллею, где были свалены тюки и ящики. Груза было довольно много. Надо было везти с собой оружие, боеприпасы, запас пищи, одежду — отдельно для охоты и отдельно, чтобы посетить знаменитое кафе «Охотник» на плоской вершине Эвериной, где между столиками вольно гуляет пряный ветер, а под обрывом на трехсотметровой глубине грохочут, подобно грозовым тучам, непроходимые черные заросли; где исполосованные колючками охотники с хохотом осушают пузатые фляги «Крови тахорга» и вывихивают себе плечи в тщетных попытках показать, какой череп они могли бы добыть, если бы знали, с какой стороны у карабина приклад; где в темно-зеленых сумерках пары скользят на усталых ногах в «Светлом ритме», а над хребтом Смелых поднимаются в беззвездное небо зыбкие сплюснутые луны.

Вадим присел на корточки спиной к самому тяжелому ящику, приладился и рывком поднял ящик на плечи. В ящике было оружие — три автоматических карабина с прицелами для стрельбы в тумане и шесть сотен патронов в плоских пластмассовых обоймах. Пружина при каждом шаге, Вадим понес ящик через сад к «Кораблю». Он зашел со стороны приемника и пнул ногой в борт. Мембрана, затягивавшая овальный люк, лопнула, и Вадим свалил ящик в темноту, из которой пахло холодом.

Вадим пошел обратно, обрывая на ходу с кустов громадные ягоды какого-то гибрида. И каждый куст сбрасывал на него заряд холодного крупного дождя.

Надо взять не меньше пяти тахоргов, думал он. Один череп для Пэл Минчин Ричмондской. Пусть знает, что я хороший парень. Один череп маме. Мама череп не возьмет, она человек серьезный, и тогда я подарю этот череп первой девушке, которая пройдет мимо меня на углу Невского и Садовой после десяти утра. Третьим черепом я брошу в Самсона, чтобы умерить его скепсис: он странно вел себя у Нели, когда я рассказывал ей о последнем походе на Пандору. Четвертый череп — Нели, чтобы она верила мне, а не Самсону. А пятый череп я повешу над стереовизором. Он с наслаждением

представил себе, как отлично будет выглядеть хорошенькая дикторша под оскаленным черепом чудовища.

Он перенес на «Корабль» четыре больших ящика с живым мясом, восемь ящиков с овощами и фруктами, два мягких тюка с одеждой и еще один большой ящик с подарками для старожилов и с корявой надписью: «Шкатулка для Пандоры».

Где-то за тучами солнце поднималось все выше и выше, становилось жарко. Все вокруг высыхало. Лягушки попрятались в траву. В пустых коттеджах с шелестом распахивались стены. Дядя Саша повесил гамак и разлегся возле своего «колибри» с газетой. Вадим кончил перетаскивать груз и пристроился к кусту крыжовника.

— Итак, вы улетаете,— сказал дядя Саша.

— Угу.

— На Пандору улетаете?

— Ага.

— Вот тут пишут, что заповедник собираются закрыть. На несколько лет.

— Ничего, дядя Саша,— сказал Вадим.— Успеем.

Дядя Саша помолчал и сказал негромко:

— Мне здесь очень скучно будет одному.

Вадим перестал жевать.

— Да мы же вернемся, дядя Саша! Через месяц.

— Все равно. Я на этот месяц вернусь в город. Что я здесь один буду делать в пяти коттеджах?— он посмотрел на вертолет.— С этим дурачком. Полуживым.

В небе послышалось негромкое фыркание.

— Вон еще один летит,— сказал дядя Саша.

Вадим задрал голову. Невысоко над поселком медленно выписывал восьмерку ярко-красный «рамфоринх». На тощем брюхе четко выделялся белый номер.

— Так-то я тоже могу,— сказал дядя Саша.— А вот вы, голубчик, спикируйте винтом, и чтобы не боком и не в пруд, а рядом...

«Рамфоринх» улетел. На бетонной дорожке за садом послышалось сопение машины.

— В нашем поселке становится оживленно,— сказал дядя Саша.— Движение как на Невском.

— Это Антон!— Вадим вскочил и побежал к «Кораблю».

Антон загонял машину в гараж. Выйдя из гаража, он рассеянно сказал:

— Все в порядке, Димка. Штурманскую книгу я зарегистрировал, «добро» получил...

— Но?— спросил проницательный Вадим.

— Что — но?

— Я отчетливо слышу в твоей речи «но».

Антон сказал неохотно:

— Я заезжал к Галке. Она не поедет.

— Из-за меня?

— Нет...— Антон помолчал.— Из-за меня.

— М-да,— глубокомысленно сказал Вадим.

Антон спросил:

— А как у нас с погрузкой, суперкарго?

— Все в порядке, шкип. Можно стартовать.

— А как у нас в доме? Прибрано ли?

— В чьем доме?

— Например, в моем?

— Нет, шкип. Виноват, шкип. Я только что кончил грузить, шкип.

Низко над крышами снова пролетел красный «рамфоринх». Антон поглядел.

— Что за притча?— удивился он.— Опять ЦЩ-268. По-моему, я стал объектом пристального внимания. Этот красный «рамфоринх» с бортовым номером ЦЩ-268 гонится за мной с Дворцовой площади.

— Не замешана ли здесь женщина?— осведомился Вадим.

— Не думаю. Никогда еще женщины не гонялись за мной.

— Они могли бы и начать... — сказал Вадим, но тут его осенила новая мысль.— А может быть, это член тайного общества покровителей тахоргов?

«Рамфоринх» снова пролетел над головами и вдруг затих.

— Э, да это к дяде Саше,— сказал Вадим.— Пойдет на запасные органы. Бедный «рамфоринх»! Кстати, ты привез?

— Привез,— сказал Антон, глядя мимо него.— Нет, структуральный суперкарго, то не к дяде Саше...

Из-за кустов появился высокий костлявый человек в широкой белой блузе и белых брюках. У него было очень смуглое лицо с мохнатыми бровями и большие коричневые уши. В руке он держал объемистый портфель.

— Он,— сказал Антон.

— Кто?

— Человек в белом. Он все время бродил около очереди. И смотрел всем в глаза.

— Сейчас я ему объясню, что такое тахорги,— проговорил Вадим,— и он поймет.

Человек в белом подошел вплотную и внимательно осмотрел обоих охотников.

— Вы знаете, что тахорги нападают на людей и иногда серьезно калечат их?— сказал Вадим.— Наносят им серьезные увечья.

— Вот как?— сказал человек в белом.— Тахорги? В первый раз слышу. Впрочем, это не по моей части. Я пришел к вам с просьбой. Здравствуйте,— он коснулся двумя пальцами виска.

— Здравствуйте,— сказал Антон.— Вы ко мне?

Незнакомец бросил портфель под ноги и вытер со лба пот. В портфеле что-то глухо брякнуло. Это было огромное, битком набитое вместилище, сильно потертое, с огромным количеством ремней и медных застёжек. «Портфель» по-японски — «кабан»,— подумал Вадим. Японцы правы.

Незнакомец медленно проговорил:

— Да. Я к вам,— он зажмурился и снова с силой провел ладонью по лицу.— Только, пожалуйста, не спрашивайте, почему именно к вам. Совершенно случайно к вам... Мог к кому-нибудь другому...

— Нам необыкновенно повезло,— весело сказал Вадим.— Просто удивительно, как нам сегодня везет.

Незнакомец поглядел на него без улыбки.

— Капитан вы?— спросил он.

— Я капитан потенциально,— ответил Вадим.— А кинетически я суперкарго и старший специалист по тахоргам... Если угодно, зверовед-аматер...

Вадима понесло, он уже не мог удержаться. Он должен был во что бы то ни стало вызвать на лице незнакомца улыбку, хотя бы вежливую.

— Кроме того, я второй пилот-аматер,— говорил он.— Это на тот случай, если у капитана вдруг случится отложение солей или колено горничной...

Незнакомец молча слушал. Антон сказал негромко:

— Очень смешно.

Наступила тишина.

— Как я понял, вы летите на Пандору,— сказал незнакомец. Он смотрел на Антона.

— Да, мы идем на Пандору,— Антон покосился на портфель.— Вы хотите что-нибудь переслать с нами?

— Нет,— сказал незнакомец.— Пересылать мне нечего. У меня совсем другое... У меня есть к вам предложение. Ведь вы едете развлекаться?

— Да,— сказал Антон.

— Если опасную охоту можно считать развлечением,— значительно добавил Вадим.

— Это славный отдых,— сказал Антон.— Турперелет и охота.

— Турперелет...— медленно, словно удивляясь, проговорил незнакомец.— Туристы... Послушайте, молодые люди, вы совсем не похожи на туристов. Вы молодые, здоровые ребята-открыватели... Зачем это вам — обжитые планеты, электрофицированные джунгли, автоматы с газировкой в пустынях? Да что говорить! Почему вам не взять неизвестную планету?

Ребята переглянулись.

— Какую именно планету?— спросил Антон.

— Не все ли равно? Любую. На которой человека еще не было...— незнакомец вдруг широко раскрыл глаза.— Или таких уже нет?

Он не шутил. Это было совершенно очевидно, и ребята снова переглянулись.

— Почему же?— сказал Антон.— Таких планет сколько угодно. Но мы всю зиму собирались поохотиться на Пандоре.

— Лично я,— подхватил Вадим,— уже раздарил знакомым черепа своих неубитых тахоргов.

— И потом — что мы будем делать на новой планете?— мягко сказал Антон.— Мы не научная экспедиция, мы не специалисты. Вот Вадим лингвист, я звездолетчик, пилот... Мы не сумеем даже составить первичного описания... Впрочем, может быть, у вас есть какая-нибудь идея?

Незнакомец сдвинул мохнатые брови.

— Нет у меня никаких идей,— резко сказал он.— Просто мне нужно на неизвестную планету. И вопрос стоит так: можете вы мне помочь или нет?

Вадим стал застегивать и расстегивать «молнию» на куртке. Тон незнакомца его покорибл: это был не тот тон, к которому Вадим привык. И тем не менее положение было тяжелое. Человеку, который едет развлекаться, трудно спорить с человеком, которому нужно ехать по делу.

Аргументов у Вадима не было, и поэтому он совсем было решил придраться к манерам, но тут случилось странное происшествие.

За деревьями залаяла собака. Это был дяди Сашин эрдель Трофим, дряхлый глупый пес с признаками аристократического вырождения и необыкновенно густым голосом. Залаял он скорее всего потому, что на нос ему села оса и он не знал, что с ней делать, но лицо незнакомца вдруг страшно исказилось. Он пригнулся и прыгнул далеко в сторону. Вадим даже не понял, что произошло. Прыгнув, незнакомец выпрямился и нарочито медленными шагами вернулся на место. На лбу у него блестела испарина. Вадим оглянулся на Антона. Лицо Антона было задумчиво-спокойным.

— Ну что ж, — сказал он рассудительно. — Во второй окрестности много желтых карликов с приличными планетами земного типа. Давайте слетаем. Возьмем хотя бы ЕН 7031. Туда уже собирались лететь, да отложили. Показалось неинтересно. Добровольцы не любят желтых карликов — им подавай гиганта, лучше кратного... Устроит вас ЕН 7031?

— Да, вполне, — сказал незнакомец. Он уже пришел в себя. — Если только это действительно необитаемая планета.

— Это не планета, — вежливо поправил Антон. — Это звезда. Солнце. Но там есть и планеты. По всей видимости, необитаемые. А как вас зовут?

— Меня зовут Саул, — сказал незнакомец и впервые улыбнулся. — Саул Репнин. Я историк. Двадцатый век. Но я постараюсь быть полезным. Я умею готовить, водить наземные машины, шить, чинить обувь, стрелять... — Он помолчал. — И кроме того, я знаю, как все это делалось раньше. И еще я знаю несколько языков — польский, словацкий, немецкий, немного французский и английский...

— Жалко, что вы не умеете водить звездолет, — вздохнул Вадим.

— Да, жалко, — сказал Саул. — Но это ничего, звездолет умеете водить вы.

— Не вздыхай, Димка, — сказал Антон. — Пора и тебе посмотреть на странные пейзажи безымянных планет. Танцевать в кафе можно и на Земле. Покажи себя там, где нет девушек, воздыхатель...

— Я вздыхаю от восторга, — отозвался Вадим. — В

конце концов что такое тахорги? Громоздкие и всем известные животные...

Саул любезно осведомился:

— Надеюсь, я не вырвал согласие силой? Надеюсь, ваше согласие является в достаточной степени добровольным и свободным?

— А как же,— сказал Вадим.— Ведь что такое свобода? Осознанная необходимость. А все остальное — нюансы.

— Пассажир Саул Репнин,— сказал Антон.— Старт в двенадцать ноль-ноль. Ваша каюта третья, если вы не захотите занять каюту четвертую, пятую, шестую или седьмую. Пойдемте, я вам покажу.

Саул нагнулся за портфелем и у него из-за пазухи выскользнул и тяжело шлепнулся на траву большой черный предмет. Антон поднял брови. Вадим пригляделся и тоже поднял брови. Это был скорчер — тяжелый длинноствольный пистолет-дезинтегратор, стреляющий миллионовольтными разрядами. Такие предметы Вадим видел только в кино. На всей Планете было не больше сотни экземпляров этого страшного оружия, и оно выдавалось только капитанам сверхдальних десантных звездолетов.

— Какой я неуклюжий,— пробормотал Саул, подобрал скорчер и сунул его под мышку. Затем он поднял портфель и объявил:— Я готов.

Некоторое время Антон смотрел на него, словно собираясь спросить о чем-то. Затем он сказал:

— Пойдемте, Саул. А ты, Вадим, приberi дома и отнеси старику инструмент. Он в багажнике. Я имею в виду, конечно, инструмент.

— Слушаю, шкип,— сказал Вадим и пошел в гараж.

Трудно быть оптимистом, размышлял он. Ведь что есть оптимист? Помнится, в каком-то старинном вокабулярии сказано, что оптимист есть человек, полный оптимизма. Там же, статьей выше, сказано, что оптимизм есть бодрое, жизнерадостное мироощущение, при котором человек верит в будущее, в успех. Хорошо быть лингвистом — сразу все становится на свои места. Остается только совместить бодрое, а равно и жизнерадостное мироощущение с пребыванием на борту тяжело вооруженного лунатика...

Он забрал из багажника скальпель и биоэлементы

и направился к дяде Саше. Старик сидел на корточках под красным «рамфоринхом».

— Дядя Саша,— сказал Вадим.— Вот вам новый скальпель и...

— Не надо,— сказал дядя Саша. Он вылез из-под «рамфоринха».— Спасибо. Мне подарили вот это,— он похлопал «рамфоринха» по полированному боку.— Говорят, он очень живуч, а?

— Подарили?

— Да, один молодой человек, весь в белом.

— Ах, вот как,— сказал Вадим.— Значит, он был уверен, что улетит с нами. Или, может быть, он намеревался прорваться в «Корабль» с боем?

— Что?— спросил дядя Саша.

— Дядя Саша,— сказал Вадим,— вы знаете, что такое скорчер?

— Скорчер? Да, знаю, конечно. Это микроразрядное устройство на ткацких автоматах. Правда, теперь их нет, но, помню, лет семьдесят назад... А что, этот человек в белом тоже старый ткач?

— Может быть, он и ткач тоже, но скорчер у него, дядя Саша, не микроразрядный.

Вадим задумчиво пошел к своему коттеджу. Дома он бросил постельное белье в мусоропровод, переключил хозяйственную автоматику на режим отсутствия и, выйдя на крыльцо, написал карандашом на двери: «Уехал в отпуск. Прошу не занимать». Затем он отправился к Антону. Прибирая Антонов коттедж, он продолжал размышлять. В конце концов не все потеряно. Тахорги, надо признаться, уже основательно приелись. Пандора, если говорить честно,— это всего-навсего очень модный курорт. Можно только удивляться, как я там высидел три сезона. Какой стыд, подумал он вдруг с энтузиазмом. Ведь было время, когда я хвастался ожерельем из зубов тахорга и разводил несусветную пандориану! Швырять в Самсона черепом тахорга — какая банальность! Самсон достоин большего, и Самсон будет увековечен. Неизвестная планета — это неизвестная планета. По неизвестной планете бродят неизвестные звери. Они, бедняги, еще не знают, как их зовут. А я уже знаю. Там я добуду первого в истории «самсона непарноногого перепончатоухого» или, скажем, «самсона неполнозубого гребенчатозадаго»... Запустить в Самсона черепом самсона — такого еще не было.

Когда он вернулся на лужайку, «Корабль» был готов к старту. Верхушка его больше не следила за солнцем, иней на траве вокруг исчез.

Вадим удобно устроился в люке, свесив ногу. Он смотрел на Антонов коттедж с распахнутой стеной, на зеленые кроны сосен, на низкие облака, в которых то появлялись, то исчезали голубые проталины. Да, друг Самсон, непарноногий брат мой, мстительно подумал он. Может быть, ты и не плох против какого-нибудь библейского льва, но где тебе тягаться со структуральным лингвистом... Но что забавно: мне бы и в голову не пришло тащиться отдыхать на неизвестную планету, если бы не этот старик в белом. До чего же мы косный народ, даже лучшие из структуральных лингвистов! Вечно нас тянет на обжитые планеты...

На лужайку вышел эрдель Трофим. Он помигал на Вадима добрыми слезящимися глазами, зевнул, сел и принялся чесать задней ногой у себя за ухом. Жизнь была прекрасна и многообразна. Вот Трофим, подумал Вадим. Стар, глуп, добр, но — смотрите-ка! — может еще напугать... А может быть, все лунатики боятся собачьего лая? — Вадим уставился на Трофима. — А почему я, собственно, решил, что Саул Репнин лунатик или как это там называлось?.. Зачем такое искусственное предположение? Проще предположить, что историк Саул никакой не историк, а просто соглядатай какой-нибудь гуманоидной расы у нас на планете. Как Бенни Дуров на Тагоре... Это было бы славно — целый месяц неизвестных планет и таинственных незнакомцев... И как все отлично объясняется! Самостоятельно с Земли он выбраться не может, собак боится, а на неизвестную планету ему нужно, чтобы за ним туда прислали корабль — на нейтральную, так сказать, почву. Вернется он к себе и расскажет: так, мол, и так, люди они хорошие, полны оптимизма, и завяжутся у нас с ними нормальные гуманоидные отношения...

Вадим спохватился и крикнул в коридор:

— Антон, я на борту!

— Наконец-то, — откликнулся Антон. — Я было решил, что ты дезертировал.

Из-за деревьев, безобразно крутя хвостом, появился тощий красный «рамфоринх» и, неестественно завывая, начал описывать вокруг «Корабля» круг почета. Дядя

Саша, откинув дверцу, махал чем-то белым. Вадим помахал в ответ.

— Старт!— предупредил Антон.

«Корабль» пошевелился и, мягко подпрыгнув,— Вадим успел оттолкнуться от земли ногой,— стал подниматься в небо.

— Димка!— крикнул Антон.— Закрой-ка люк! Сквозняк.

Вадим в последний раз помахал дяде Саше, поднялся и зарастил люк.

II

Антон передал управление на киберштурман и, сложив руки на животе, задумчиво глядел на обзорный экран. «Корабль» шел на север по меридиану. Вокруг было густо-фиолетовое небо стратосферы, а глубоко внизу белела мутная пелена облаков. Пелена эта казалась гладкой и ровной, и только кое-где угадывались провалы исполинских воронок над макропогодными станциями — синоптики, пролив над Северной Европой дождь, загоняли облака в ловушки.

Антон размышлял над странностями человеческими. Он вспоминал странных людей, с которыми встречался. Яков Осинowski, капитан «Геркулеса», терпеть не мог лысых. Он их просто презирал. «А вы меня не убеждайте,— говорил он.— Вы мне лучше покажите лысого, чтобы он был настоящим человеком». Наверное, с лысыми у него были связаны какие-то нехорошие ассоциации, и он никогда никому не говорил какие. Он не переменялся даже после того, как начисто облысел сам во время сарандакской катастрофы. Он только восклицал с заметной горечью: «Единственный! Заметьте, единственный среди них!»

Вальтер Шмидт с базы «Гаттерия» так же странно относился к врачам. «Врачи... — цедил он с неприличным презрением.— Знахарями они были, знахарями и останутся. Раньше была пыльная паутина и гнилая змеинная кровь, а теперь психодинамическое поле, о котором никто ничего не знает. Кому какое дело до того, что у меня внутри? Головоногие живут по тысяче лет безо всяких врачей и до сих пор благополучно остаются владыками глубин...»

Волкова звали Дредноут, и он был этим очень доволен:

Дредноут Адамович Волков. Канэко никогда не ел горячего. Ралф Пинетти верил в левитацию и упорно тренировался... Историк Саул Репнин боится собак и не хочет жить с людьми. Я не удивлюсь, если окажется, что он не хочет жить с людьми именно потому, что боится собак. Странно, правда? Но он от этого не станет хуже.

Странности... Нет никаких странностей. Есть просто неровности. Внешние свидетельства непостижимой тектонической деятельности в глубинах человеческой натуры, где разум насмерть бьется с предрассудками, где будущее насмерть бьется с прошлым. А нам обязательно хочется, чтобы все вокруг были гладкие, такие, какими мы их выдумываем в меру нашей жиденькой фантазии... чтобы можно было описать их в элементарных функциях детских представлений: добрый дядя, жадный дядя, скучный дядя. Страшный дядя. Дурак.

А вот Саулу нисколько не странно, что он боится собак. И Канэко не кажется странным, что он не терпит ничего горячего. Так же, как и Вадиму никогда в голову не придет, что его дурацкие стишки кое-кому кажутся не забавными, а странными. Галке, например.

Возьмем теперь меня. Вот я собрался было на Пандору. Если бы об этом узнал, скажем, капитан Малышев, он бы с изумлением на меня посмотрел и сказал: «Если ты собираешься отдыхать, то лучшего места, чем Земля, тебе не найти. А если ты решил поработать, то возьми черную систему ЕН 8742, которая стоит на очереди в плане, или возьми гиганта ЕН 6124— им почему-то интересуются специалисты на Тагоре». И Малышев был бы прав. И чтобы Малышев меня понял и перестал смотреть с изумлением, пришлось бы сказать, что я соскучился по Димке и что Димка хочет стрелять та-хоргов.

Антон усмехнулся. Зачем так сложно? Просто теперь все летают на Пандору, и однажды Галка сказала мне, что слетала бы туда. Так организуются в наше время перелеты. И так легко меняются планы. А мог бы я признаться Малышеву, что все дело в Галке? Почему человек никак не научится жить просто? Откуда-то из бездонных патриархальных глубин все время ползут тщеславие, самолюбие, уязвленная гордость. И почему-то всегда есть что скрывать. И всегда есть чего стесняться.

Антон посмотрел на букетик гвоздики, лежащий перед

экраном. Эх, Галка, подумал он. Он подышал на пульт и написал пальцем на исчезающем матовом круге: «Эх ты, Галка...» Буквы быстро растаяли, он даже не успел поставить восклицательный знак. Тогда он еще раз подышал на пульт и поставил восклицательный знак отдельно. Потом он снова откинулся в кресле и в сто первый раз попытался логически решить задачу: «Я люблю девушку, девушка меня не любит, но относится хорошо. Что делать?»

Что, собственно, изменилось бы, если бы она меня полюбила? Можно было бы обнимать ее и целовать. Можно было бы быть все время вместе с ней. Я бы гордился. Все, кажется. Глупо, но все. Просто исполнилось бы еще одно желание. Как все это убого выглядит, когда рассуждаешь логически! А по-другому рассуждать я не умею. Пустой я человек, циник. Он увидел Галку, как она говорит, — немного через плечо, и глаза у нее прикрыты ресницами... Почему все устроено так глупо: можно спасти человека от любой неважной беды — от болезни, от равнодушия, от смерти, и только от настоящей беды — от любви — ему никто и ничем не может помочь... Всегда найдется тысяча советчиков, и каждый будет советовать сам себе. Да и потерпевший-то, дурак, сам не хочет, чтобы ему помогали, вот что дико.

— Позвольте, однако же, куда вы? — громко спросил Саул.

— В рубку, — ответил Вадим.

— Подождите! Ведь мы, по существу, еще не познакомились...

Дверь в рубку была открыта, Антон все время краем уха слышал, как в кают-компании бубнят что-то о та-хоргах, о зарослях и о теории исторических последовательностей. Теперь он стал слушать внимательней.

— Ведь вас, кажется, зовут Вадим! — сказал Саул.

— Как правило, — серьезно ответил Вадим. — Но иногда меня зовут Структуральнейшим, иногда Летящим Быком, а в специальных случаях — Димочкой.

— Стало быть, Вадим... И сколько же вам лет?

— Двадцать два локально-земных.

— Локально... Ну да, разумеется... Как вы сказали? Локально-земных?

— Да. В старых звездных я не участвовал.

— Совершенно верно. Я так и думал. А отец ваш, извините, кем будет?

— Кем будет? Наверное, так и останется мелиоратором.

— Э-э... Понимаю, понимаю... Я это, собственно, и имел в виду.

Наступила пауза.

— Очень изящный стол,— стесненно сказал Саул.

Снова пауза.

— Стол хороший. Прочный.

— А мамаша ваша?

— Мамаша? Она у меня... это... станционный смотритель. Работает на мезоядерной станции.

Было слышно, как Саул нервно забарабанил по столу пальцами.

— Не надо так, Вадим,— попросил он.— Вы не должны обращать на это внимания... — Конечно, я странно говорю, и это, вероятно, смешно немножко... Здесь, видите ли, вот какое дело... Мой образ жизни... Мой, так сказать, модус вивенди... Я узкий специалист. Весь в двадцатом веке. Как говорилось когда-то, книжный червь. Вечно в музеях, вечно со старыми книгами...

— Влияние обстановки.

— Да-да, вот именно. Я редко бываю на людях, а теперь вот пришлось. Вы знаете профессора Арнаутова?

— Нет.

— Очень крупный специалист. Мой идейный противник. Он попросил меня проверить некоторые аспекты его новой теории. Ведь я не мог не согласиться, правда? Вот так мне и пришлось... покинуть пенаты. Вот... Но что это мы все обо мне да обо мне!.. Вы, кажется, структуральный лингвист?

— Да.

— Интересная работа?

— А разве бывает неинтересная работа?

— Да, конечно... И чем же вы занимаетесь?

— Я занимаюсь структурным анализом. Но учтите, Саул, я отрешился от земного. Давайте я расскажу вам еще что-нибудь про тахоргов.

— Да нет, благодарю вас, про тахоргов не надо. Лучше расскажите, как вы работаете.

— Саул, я же сказал, что отрешился.

— Ну как это так — отрешился? Что ж, вы теперь совсем не думаете о работе?

— Наоборот. Все время думаю. Я всегда думаю о той работе, которой занят в данный момент. Сейчас я суперкарго и второй пилот — это на тот случай, если у Антона вдруг случится отложение солей. Впрочем, об этом я, кажется, уже... Так вот, мне сейчас очень хочется пойти и немножко поводить «Корабль».

— Да вы еще успеете поводить! И потом я прошу рассказать не о сущности вашей работы, а о внешней форме, так сказать... Вот вы приходите на работу. Обычные трудовые будни...

— Хорошо. Будни. Я ложусь на вычислитель и думаю.

— Ну-ну... Постойте — на вычислитель? Ну да, понимаю. Вы лингвист, и вы ложитесь на... И что же дальше?

— Час думаю. Другой думаю. Третий думаю...

— И наконец?

— Пять часов думаю, ничего у меня не получается. Тогда я слезаю с вычислителя и ухожу.

— Куда?

— Например, в зоопарк.

— В зоопарк? Отчего же в зоопарк?

— Так. Люблю зверей.

— А как же работа?

— Что ж работа... Прихожу на другой день и опять начинаю думать.

— И опять думаете пять часов и уходите в зоопарк?

— Нет. Обычно ночью мне в голову приходят какие-нибудь идеи, и на другой день я только додумываю. А потом сгорает вычислитель.

— Так. И вы уходите в зоопарк?

— При чем здесь зоопарк? Мы начинаем чинить вычислитель. Чиним до утра.

— Ну, а потом?

— А потом кончаются будни и начинается сплошной праздник. У всех глаза на лоб, и у всех одно на уме: вот сейчас все застопорится, и начинай думать сначала.

— Ну, ладно. Это будни. Однако же нельзя все время работать...

— Нельзя, — сказал Вадим с сожалением. — Я, например, не могу. В конце концов заходишь в тупик, и приходится развлекаться.

— Как?

— Как придется. Например, гоняю на буерах. Вы любите гонять на буерах?

— Э-э... Мне как-то не приходилось.

— Что же вы, Саул! Я вас обязательно покатаю. Какой у вас индекс здоровья?

— Индекс здоровья? Я вполне здоров. А над чем вы теперь работаете?

— Над свертками разобщенных структур.

— А зачем это нужно?

— Что значит — зачем?

— Ну, кому от этого будет польза?

— Каждому, кто этим заинтересуется. Вот сейчас проектируют универсальный транслятор. Универсальный транслятор должен уметь свертывать разобщенные структуры.

— Скажите, Вадим, а здесь, на «Корабле» можно послушать музыку?

— Конечно. Что бы вы хотели? Хотите «Трели» Шеера? Под эту музыку изумительно ведется «Корабль».

— А Бах?

— О, Бах! По-моему, у нас есть и Бах. Слушайте, Саул, а ведь с вами, наверное, слушать музыку будет очень приятно.

— Почему?

— Не знаю. Всегда приятно слушать музыку с человеком, который хорошо ее знает. Мендельсона вы любите?

— Вы знаете Мендельсона?

— Саул! Мендельсон — это лучший из старых! Я надеюсь, вы любите Мендельсона. Правда, его плохо слушать в «Корабле». Вы меня понимаете?

— Пожалуй... Я слушаю Мендельсона в своем уютном кабинете...

Разговорились наконец, подумал Антон. Он взглянул на часы. «Корабль» входил в стартовую зону над Северным полюсом. На экране в фиолетовой глубине возникли темные точки звездолетов, ожидающих старта. Антон крикнул в дверь:

— Простите, что прерываю. Скоро старт. Димка, покажи Саулу, как пользоваться безынерционной камерой.

Антон послал на контрольную станцию запрос о программе предстоящего перелета и через тридцать минут, в течение которых «Корабль» плавал в стратосфере вместе с двумя десятками других больших и малых звездолетов, получил программу на переход, семь ва-

риантов программы обратного пути и разрешение на выход в Подпространство. Тогда он попросил пассажиров укрыться в камерах, вошел в камеру сам, произвел переключку и дал «Кораблю» команду на старт.

Как всегда, Антона сильно затошнило. Через все тело прошла раскаленная волна, лицо и спина покрылись холодным потом. Антон ословелым взглядом следил, как красная стрелка рывками прыгает по шкале, отмечая стремительно меняющуюся кривизну пространства. Двести риманов... четыреста... восемьсот... тысяча шестьсот риманов на секунду... Пространство вокруг «Корабля» скручивалось все туже. Антон знал, как это выглядит со стороны. Четкий черный конус «Корабля» становится зыбким, медленно тает и вдруг исчезает совсем, а на его месте вспыхивает на солнце огромное облако твердого воздуха. Температура на сто километров вокруг резко падает на пять-десять градусов... Три тысячи риманов. Огненная стрелка остановилась. Эпсилон-деритринитация закончилась, и «Корабль» перешел в состояние Подпространства. С точки зрения земного наблюдателя он был сейчас «размазан» на протяжении всех полутора ста парсеков от Солнца до ЕН 7031. Теперь предстоял обратный переход.

При выходе из Подпространства всегда существует опасность оказаться слишком близко к какой-нибудь тяготеющей массе, а может быть, даже и внутри нее. Правда, опасность эта является чисто теоретической. Вероятность ее гораздо меньше вероятности угодить точно в печную трубу Эрмитажа, вывалившись над Ленинградом из стратоплана. Во всяком случае, ни то, ни другое событие ни разу не имело места за всю историю человечества. Корабль Антона благополучно выскочил в нормальное пространство на расстоянии двух астрономических единиц от желтого карлика ЕН 7031.

Антон отдышался, вытер пот со лба и вышел из камеры. В рубке все было в порядке. Он прошелся вдоль пульта, скользнул взглядом по обзорному экрану, затем выключил автоматику перехода. На пульте перед экраном по-прежнему лежал букетик гвоздики. Антон остановился. «Жалко», — пробормотал он. Он коснулся букетика пальцем, и цветы рассыпались в зеленоватую пыль. «Бедняги, — подумал Антон. — Не выдержали. Да и кто выдержит?» Он вспомнил о пассажирах и спустился в кают-компанию.

Зал кают-компаний был круглый, сюда выходили двери всех восьми кают и люк в нижний этаж, где были кладовые, кухня-синтезатор, душ и прочее. Антон оглядел стол, кресла, поправил крышку мусоропровода и направился в каюту Вадима. Там он отодвинул заслонку камеры, и Вадим вывалился из него. Он был белый и мокрый, как мышь.

— Плохо? — участливо спросил Антон.

Вадим грудным голосом пропел:

Воеет ветер дальних странствий,
Раздается жуткий свист —
Это вышел в Подпространство
Структуральнейший лингвист.

Впрочем, он сейчас же откинул диван и сел.

— Вот почему я не стал звездолетчиком, — сказал он немного хрипло и прилег.

— Каждый раз ты это говоришь, — сказал Антон. Вадим промолчал. — Пойду освобожу Саула, — сказал Антон.

— Ты слушал нашу беседу? — спросил Вадим, не открывая глаз.

— Да.

— Интересный человек, а?

— Не знаю, — сказал Антон. — По-моему, он человек в беде.

— Еще бы! Другого бы ты на «Корабль» не взял. Стоит нам собраться куда-нибудь вдвоем, как ты начинаешь альтруировать. Постой, не уходи...

Антон остановился в дверях.

— Ты несешь болезненную чепуху, — сказал он, — а Саулу там сейчас, наверное, плохо. Это трудно представить, но он, я думаю, еще более хилый межпланетник, чем ты.

Вадим неожиданно вскричал трагическим шепотом:

— Слепец! О слепец!.. Нет, не уходи — мне тоже плохо... Неужели ты еще не понимаешь, кто он?!

— Что ты имеешь в виду?

Вадим, наконец, сел.

— Он же ничего не смыслит в лингвистике, — сказал он. — Надеюсь, это ты заметил?

— А что ты понимаешь в истории?

— Ты мне еще скажи, что он книжный червь. Мы

все знаем одного такого червя. Его зовут Бенни Дуров. Поговори о нем с тагорянами.

Антон нехотя улыбнулся.

— Ладно,— сказал он.— Только ты все-таки воздерживайся. Я-то тебя переносу в любых дозах, а вот на свежего человека ты иногда производишь совершенно удручающее впечатление. Поменьше жеребьячьего оптимизма и побольше такта.

— Слушаю, шкип,— серьезно сказал Вадим.— Есть, шкип.

Антон вышел. Огибая стол, он опять улыбнулся: с Вадимом не соскучишься. В каюте номер три он прежде всего откинул диван и только тогда откатил заслонку, готовясь подхватить падающее тело. Вместо этого из камеры повалил синий дым. Антон отпрянул.

— Что, разве уже?— раздался из клубов дыма голос Саула.

Антон взгляделся. Саул сидел на своем портфеле, поставленном на попа, и курил длинную черную трубку. Вид у него был рассеянный и благодушный.

— Вас не тошнит?— спросил Антон, попятился и сел на диван.

— Отнюдь нет. Что, можно выходить?

— Прошу вас,— сказал Антон.

Саул поднялся, взял портфель и, наклоняясь, вышел из камеры.

— Мы почти на месте,— сказал Антон.— Остается только выбрать планету и решить, где высадиться.

Саул сел рядом с ним.

— Мы далеко от Земли?— спросил он.

— Полтораста парсеков. Почти на пределе для нашего «Корабля».

Вадим заорал из своей каюты:

— Саул! Требуйте землеподобную планету! В скафандре вам не понравится, а кислородная маска — это еще туда-сюда...

Антон встал и плотно прикрыл дверь.

— Мне все равно, какую планету,— тихо сказал Саул.— Но, конечно, лучше такую, где можно дышать,— он вдруг усмехнулся.— Это очень важно, чтобы можно было дышать.— Антон внимательно смотрел на него.— Но самое важное — чтобы там никого не было...

— Вот что, Саул,— сказал Антон.— Планету мы вам найдем. Это пустяки. У нас на борту есть жилой купол

на шесть человек, есть глайдер, есть запас пищи для инициирования цикла, есть хорошая радиостанция. Мы поможем вам устроиться и сейчас же уйдем. Хорошо?

Саул сидел, опустив голову.

— Да,— сказал он хрипло.— Так будет лучше всего. Наверное.

— Ну, вот и хорошо,— Антон толкнул дверь.— Я пойду в рубку, а вы... Если захотите, тоже приходите в рубку.

В рубке Антон включил бортовой каталог и просмотрел сведения о системе ЕН 7031. Сведения были неинтересные. Вокруг желтого карлика крутились четыре планеты и два пояса астероидов. Пожалуй, больше всего подходила вторая планета: она была землеподобна и находилась на расстоянии полутора астрономических единиц от своего солнца. Антон подал эфемериду на киберштурман.

Из кают-компаний доносились голоса.

— Как вы перенесли переход, Саул?

— Какой переход? Я не заметил никакого перехода.

— Я так и думал.

— Что?

— Что вы не заметите. Хотите душ?

— Нет. Нам долго еще?

— Наверное, нет. Чувствуете?—«Корабль» шевельнулся, и пол поплыл из-под ног.— Это он ложится на курс. Пойдемте в рубку, а?

— А мы не помешаем?

— Конечно, нет. Мы же туристы. Вот в десантном или рейсовом звездолете нас бы не пустили... Зачем вы носите с собой портфель?

— Он мне дорог...

— Тогда не ставьте его на крышку мусоропровода.

Антон внимательно рассматривал изображение планеты на обзорном экране. Планета была голубая, как Земля, покрытая белой пеленой облаков, но очертания материков были незнакомые — один большой материк тянулся вдоль экватора, другой поменьше, тяготел к полюсу.

— Вот ваша планета, Саул,— сказал Антон и взял листок, выпавший из вывода антенны-анализатора.— Прекрасная планета. Сжатия нет. Сутки — двадцать восемь часов, масса — один и одна десятая. Вредных газов тоже нет. Кислорода много. Маловато углекислоты, но пусть это вас не беспокоит.

Он поглядел на Саула. Саул смотрел на свою планету с каким-то странным выражением. Мохнатые брови его поднялись дугами, и Антону показалось даже, что он может заплакать. Антон был тронут.

— Товарищи!— сказал вдруг Вадим.— Давайте назовем эту планету Саулой.

— Нарекается Саулой!— сказал Антон.

Он пригнул к себе раструб бортового дневника и продиктовал:

— Юлианский день двадцать пять сорок два девятьсот шестьдесят семь. Вторая планета системы ЕН 7031 нарекается Саулой, по имени члена экипажа историка Саула Репнина.

Все это не имело ровно никакого значения. Планеты нарекались по названиям кораблей и городов, по именам любимых литературных героев, названиями приборов и просто громкими звукосочетаниями. А у кого не хватало фантазии, тот брал какую-нибудь книгу, открывал на какой-нибудь странице, выбирал какое-нибудь слово и как-нибудь его переделывал. И тогда получалось что-нибудь вроде Смеховины, Подраки или Бровии.

Но Саул был растроган необычайно. Он бормотал: «Спасибо, спасибо, друзья»,— и жал Вадиму руку. Это было очень трогательно.

А между тем планета росла. Когда на экране остался только материк, растопырившийся вдоль экватора, Антон спросил:

— Так где же мы будем высаживаться, Саул?

Саул ткнул пальцем почти в центр материка. Антону показалось, что он сделал это зажмурившись.

— Това-арищи,— протянул Вадим,— давайте поближе к побережью.

Было ясно, что ему хочется искупаться. Искупаться в океане Саулы, в волнах, которые не омывали еще ни одного землянина, которые не омывали, может быть, вообще ни одно разумное существо.

— Н-ну... К побережью так к побережью,— неуверенно сказал Саул. Он посмотрел на Антона.— Для моих целей,— он кашлянул,— выбор места не является существенным.

— Чудесно!— сказал Вадим. Он проворно уселся в кресло рядом с Антоном.— Хватит!— заявил он.— Капитана разбил паралич, и он в дурном состоянии отнесен в каюту. Широкоплечий и статный второй пилот взял

управление на себя.— Он положил пальцы на контакты биоуправления, и «Корабль» сейчас же провалился в пропасть. Материк на экране стал тошнотворно поворачиваться. Вадим провозгласил:

Все от ужаса рыдает
И дрожит как банный лист!
Кораблем повелевает
Структуральнейший лингвист.

Саул с шумом уронил портфель и вцепился Антону в плечо.

— Димка, скажи хоть, куда ты целишься,— попросил Антон.

— Туда,— смутно ответил Вадим.— Где синие волны ласкают песок.

Корабль завалило на правый борт.

— Легче, легче,— сказал Антон.— Меньше эмоций. В материк не попадешь.

— Авось попаду.

— Тормоза! Ты же видишь — заносит!

— Я все вижу.

— Ох, и грохнет он нас сейчас,— сказал Антон в пространство.

— Небось, небось,— приговаривал Вадим.

Экран помутнел. «Корабль» вошел в атмосферу. Вспыхнула и пропала радуга на тучах твердого воздуха. Замелькали белые и черные пятна.

— Обдув,— посоветовал Антон.

— Знаю...

— Ох, и валит тебя и кривит!

Вадим быстро сказал:

— Перехватишь управление — я тебе не друг.

— Вы, Вадим, и в самом деле не промахнитесь,— сказал Саул осторожно.

Карусель на экране прекратилась. Быстро надвинулось белое поле, потом экран потемнел и погас. Корабль вздрогнул.

— Вот и все,— сказал Вадим. Он потянулся, хрустнув пальцами.

— Что все?— спросил Саул.— Сломали?

— Сели,— сказал Антон.— Добро пожаловать на Саулу.

— Однако же вы лихой пилот,— сказал Саул Вадиму.

— Весьма лихой,— согласился Антон.— Знаешь, на сколько ты промахнулся, Димка? Километров на двести. Но экран выключить успел, молодец.

— Привычка,— небрежно сказал Вадим.

Антон встал.

— Между прочим, что такое «банный лист»?— спросил он.

Вадим тоже встал.

— Это, Тошка, вопрос темный. Есть такая архаическая идиома: «дрожать как банный лист». Банный лист — это такая жаровня,— он стал показывать руками.— Ее устанавливали в подах курных бань, и, когда поддавали пару, то есть обдавали жаровню водой, раскаленный лист начинал вибрировать.

Саул неожиданно захохотал. Он смеялся густо и с наслаждением, вытирая слезы ладонью и топая башмаками. Никто ничего не понимал, и через минуту смеялись уже все.

— Забавный обычай, верно?— сказал Вадим, кашляя от смеха.

— Правда, Саул, отчего вы смеетесь?— спросил Антон.

— Ох!— сказал Саул.— Я так рад, что прибыл на свою планету...

Вадим перестал смеяться.

— В конце концов я не славяновед,— сказал он с достоинством.— Моя специальность — структурный анализ.

— Ну ладно,— сказал Антон,— пойдемте наружу.

Все пошли из рубки. Вадим, придерживая Саула под локоть, говорил:

— Это не мой вывод. Это наиболее распространенная гипотеза.

— Неважно, важно,— быстро отвечал Саул. Он стал серьезным.— Эта ваша гипотеза настолько далека от истины, что я не мог удержаться. Если я вас заде — простите...

— А вы как считаете?— спрашивал Вадим.

Саул раздраженно сказал:

— Нет такого выражения: «дрожать как банный лист». Есть выражения: «дрожать как осиновый лист» и «липнуть как банный лист».

— Но липнуть как лист — это примитивная метафора. Она восходит к липким листьям липы. Как может липнуть

банный лист? Это же не лист растения. Чего ради листья каких-то растений попадут в баню? Это смешно!

Антон вскрыл мембрану люка. Крепкий морозный воздух хлынул в «Корабль». Саул оттолкнул Вадима и крикнул:

— Подождите! Пропустите меня, пожалуйста!

Антон, уже перенесший ногу через порог, остановился. Саул, держа над головой скорчер, протиснулся вперед.

— Хотите ступить первым?— спросил Антон улыбаясь.

— Да,— пробормотал Саул.— Лучше я.

Он пролез в узкий люк и остановился, загораживая дорогу. Антон, лезший следом, боднул его головой.

— Вперед, Саул,— сказал он.

Саул был как каменный. Сзади Вадим нетерпеливо постучал Антона по согнутой спине.

— Дайте же пройти, Саул,— попросил Антон.

Саул, наконец, посторонился, и Антон выбрался наружу. Вокруг был снег. И сверху падал снег большими ленивыми хлопьями. «Корабль» стоял среди однообразных круглых холмов, едва заметных на белой равнине. Под ногами из снега торчала короткая бледно-зеленая травка и много мелких голубых и красных цветов. А в десяти шагах от люка, припорошенный снегом, лежал человек.

III

Вадим вылез из «Корабля» последним и сейчас же обратился к Саулу:

— Проще всего было бы проверить это по старинным словарям Даля и Ушакова. Но на борту...

Тут он заметил, что Саул его не слушает. Саул держал скорчер на изготовку — стволом на согнутом локте, — и лицо у него было обеспокоенное. Глаза его бегали. Вадим быстро огляделся и тоже увидел человека.

— Вот тебе на,— растерянно сказал он.

Антон подошел к лежащему, а Саул остался на месте. Неужели я сбил его «Кораблем» при посадке?— с ужасом подумал Вадим. Внутри у него всё сжалось от этой мысли. Он бросился вслед за Антоном и тоже наклонился над телом. Он только взглянул, затем сейчас же выпрямился и стал смотреть в сторону. Вокруг тянулись унылые холмы, заснеженные и одинаковые, небо

было затянуто низкими облаками, а на горизонте угадывались бледные очертания горного хребта. Какая печальная планета, подумал он.

И поля и горы —
Снег тихонько все укрыв...
Сразу стало пусто.

Антон опустился на колени и осторожно потрогал руку лежащего. Рука была узкая, белая, с тонкими фарфоровыми пальцами, длинные ногти отливали золотом.

— Ну? — сказал Вадим и глотнул.

Антон поднялся и тщательно стер снег с голых колен.

— Замерз. Несколько дней назад. И он очень истощен.

— Безнадёжно?

Антон кивнул.

— Это уже камень.

— Камень... — повторил Вадим. — Как же так? Смотри, он совсем мальчишка... — он заставил себя смотреть на лицо мертвого. — Смотри, он похож на Валерку! Помнишь Валерку?

Антон положил ему руку на плечо.

— Да, похож.

— Я так испугался. Я думал, что сбил его при посадке.

— Нет, он лежит уже несколько дней. Он упал от слабости и замерз.

— Слушай, Антон, а почему он в рубашке?

— Не знаю. Пойдем на «Корабль».

Вадим не двинулся.

— Я не понимаю. Значит, мы не первые?

Он огляделся, ища взглядом Саула. Саула не было.

— Антон, может быть, ты ошибся? Может быть, еще можно что-нибудь сделать?

— Пойдем, пойдем, Димка.

— А как же... он?

— Откуда я знаю? Пойдем.

Они увидели Саула. Саул медленно спускался по склону холма, скользя по сыроватому снегу. Они стояли и ждали, пока он не подошел. Лицо у него было грустное, на щеках таяли большие снежинки. Колени были в снегу. Он подошел, вынул изо рта погасшую трубку и сказал:

— Плохо дело, молодые люди. Там еще четверо. — Он

посмотрел на мертвого.— Тоже раздеты. Что вы намерены предпринять?

— Идемте в «Корабль»,— сказал Антон,— там все тщательно обдумаем.

В кают-компании они сели в кресла и некоторое время молчали. Вадима бил озноб. И почему-то очень хотелось говорить.

— Ну и планета!— сказал он, напрягая челюсти.— Никогда о таком не слышал. Ничего не понять. Что? Откуда? Почему? Ведь говорили, что никто здесь раньше не бывал. И главное — мальчик. Мальчик-то как сюда попал?— Он замолчал и закрыл глаза, стараясь прогнать видение припорошенного снегом лица.

Антон поднялся и стал ходить вокруг стола, опустив голову. Саул набил трубку.

— Разрешите мне закурить,— попросил он.

— Да, пожалуйста,— сказал Антон рассеянно. Он остановился.— Сейчас мы сделаем вот что,— решительно заговорил он.— У нас есть глайдер. Возьмем продовольствие и одежду и проведем спиральный поиск вокруг «Корабля». На холмах могут оставаться живые.

В голосе его звучали твердые, незнакомые Вадиму нотки. Вадим с любопытством поглядел на него, и Антон заметил его взгляд.

— Видите ли, товарищи,— сказал он мягче,— турпохода у нас не вышло. Обстоятельства, по-моему, чрезвычайные. Мне, наверное, придется приказывать, а вам придется подчиняться,— он поглядел на Саула и виновато развел руками.— Вы видите, Саул, ничего не поделаешь...

— Да,— сказал Саул.— Да. Конечно. Я готов, капитан. Приказывайте.

— А ты что, уже все понял?— спросил Вадим.

— Потом поговорим,— сказал Антон. — Сначала надо вырастить глайдер. Пойдем, Вадим.

Саул положил трубку и тоже поднялся, поправляя на плече ремень скорчера.

— Спасибо, Саул, мы сами справимся,— сказал Антон.

— Я хотел бы с вами,— сказал Саул. — Я вам не помешаю, капитан.

Они вынесли Яйцо и уложили его на вершине холма поодаль. Снег пошел гуще, снежинки щекотали щеки, и Вадим раздраженно размазывал их по лицу. Дул

ветер, и было холодно стоять и смотреть, как Антон неторопливо и аккуратно укрепляет активаторы на гладкой поверхности механозародыша. Ветер обжигал голые руки и ноги, и Вадим вдруг подумал, что, может быть, где-то за холмами бредут сейчас, проваливаясь в сугробы, босые люди в длинных серых рубахах.

Антон выпрямился и подышал на покрасневшие руки.

— Кажется, так,— сказал он. — Проверь, Дима.

Вадим осмотрел расположение активаторов. Все было в порядке. Они пошли обратно к «Кораблю». Саул шел следом — он все время держался у них за спиной. «Корабль» уже набирал энергию, он черной горой возвышался на белом, изогнутая верхушка его следила за невидимой ЕН 7031. По дороге Вадим сорвал несколько цветков и пожалел их — какие они жалкие и бледные.

И живых и мертвых —
Снег тихонько все укрывает...
Сразу стало пусто.

Снег валил все сильнее и сильнее, и, когда они подошли к «Кораблю», Саул сказал:

— Скоро все заметет. Неплохо бы произвести вскрытие.

— Зачем,— сказал Антон. — Он безнадежно мертв.

— Вот именно. Надо бы выяснить, почему они умерли.

— Они замерзли,— сказал Антон. — И не нужно нам никакого вскрытия.

— Мне казалось... — начал Саул, но тут же замолчал и полез в люк.

В кают-компании Антон сказал:

— Поймите, я не настоящий врач. Мне... не хочется.

— Я понимаю,— сказал Саул.

— Вадим,— сказал Антон,— упакуй продовольствие. Все наличные запасы. Саул, вы говорили, что умеете шить. Надо подогнать костюмы. А я соберу медикаменты.

Комбинезоны были безразмерные, но разница в росте между Саулом и Антоном была слишком велика. Комбинезон для Антона надо было сжимать, а для Саула — растягивать. И сразу же выяснилось, что шить Саул не умеет. Он растерянно вертел в руках ультразвуковую насадку, мял и разглаживал костюмы и смущенно поглядывал на Антона. По-видимому, историки, сидя в своих уютных кабинетах, понятия не имели о

таких простых вещах. Вероятно, их главным образом интересовало, как это делалось раньше. Вадиму пришлось отобрать у Саула насадку и показать, как это делается сейчас. К его изумлению, историк оказался понятлив, и через несколько минут каждый уже занимался своим делом.

Саул сказал, не поднимая головы от работы:

— Почему вы думаете, капитан, что остались еще живые?

— Я не думаю,— ответил Антон. — Я надеюсь.

Вадим кончил укладывать мешок, застегнул его и присел к столу.

— А те остальные четверо тоже молодые?— спросил он.

— Да,— сказал Саул. — Совсем мальчишки. Почти подростки. Гораздо моложе вас.

— Лет пять назад,— проговорил Вадим,— мы с ребятами хотели взять корабль и слетать на Тагору. Нам, конечно, не дали... Может быть, этим повезло?

— Непонятно,— сказал Антон. — Корабль может получить только пилот со стажем. А какой у этих стаж... Мальчишки! Вообще все непонятно. Золоченые ногти. Какие-то дикие рубахи на голое тело... И главное, как они попали сюда?

— Очень просто,— сказал Вадим. — Кто-нибудь собирался лететь, оставил звездолет перед домом, они ночью забрались и стартовали. Играли в Румату-Искателя. А здесь вылезли и заблудились. Ударил мороз. Вот и все.

— То, что ты говоришь,— холодно сказал Антон,— совершенно невозможно. Если бы даже все было так, то я бы об этом знал. Они погибли несколько дней назад. На Земле был бы объявлен глобальный поиск.

— А если они здесь с кем-нибудь из старших?

Антон помолчал.

— Тогда поищем старших,— сказал он наконец.

— Меня смущает одно,— сказал Вадим. — Эти невообразимые рубахи...

— Это не рубахи,— сказал Саул неожиданно.

Ребята повернулись к нему.

— Это мешки. С дырками для головы и рук. Грубые джутовые мешки. Теперь таких не бывает,— он невесело усмехнулся.— Понимаете, Вадим, мальчикам было бы

легче раздобыть скорчер или батисферу, чем один такой вот мешок. Это было очень, очень давно. И мне очень не нравится, что они голые и что вместо одежды на них мешки.

Вадим почувствовал, что у него перестало биться сердце. Станным и жутким показалось ему это — джутовые мешки, которые были очень, очень давно. Это было ощущение не опасного, а именно жуткого. Как будто на твоих глазах человек вдруг стал стареть, стареть, стареть и превратился в дряхлого, морщинистого старика. Он встряхнулся, и ощущение пропало. Саул развернул комбинезон, поднял его на вытянутых руках и осмотрел.

— И поэтому я не согласен с вами,— продолжал он. — Я думаю, это местные жители. И... не знаю, поймете ли вы меня... Во времена джутовых мешков происходили странные вещи. Мне представляется, что этих юношей раздели до нитки. И бросили здесь в пустыне. Примерьте, Антон.

Антон взял комбинезон.

— Значит, по-вашему, на Сауле существует своя цивилизация?— недоверчиво спросил он. — И здесь времена джутовых мешков?

— Ну, откуда я могу это знать, капитан? Я говорю только то, что вижу. Я вижу джутовые мешки, я знаю, что джутовых мешков на Земле в наше время нет. Значит, это не земляне. Может быть, это ограбленные. А может быть, это паломники. Фанатики. Шли на поклонение святым мощам, шли, по обету одетые в мешковину, сбились с дороги, попали в метель... Не знаю.

До Вадима все это плохо доходило. Все эти слова — «паломник», «мощи», «обет» — они были знакомы ему, это было что-то связанное с религиозной обрядностью, но они не имели для него никакого реального содержания. Мельком он подумал с уважением, что Саул, по-видимому, настоящий специалист. Но не это поразило его.

— Позвольте,— сказал он. — Значит, цивилизация? Вот так так... Отправились на прогулку и между делом открыли цивилизацию! Не верю,— заявил он.

— Между делом,— сказал Антон задумчиво.— Между делом ли? ЕН 7031 значит в плане исследований...

— Да, ты говорил об этом. Экспедиция не состоялась.

— Экспедиция не состоялась. А между тем ЕН 7031

находится в списке звезд, лежащих на гипотетическом пути Странников.

— Никогда не слыхал о таком списке,— сказал Вадим.

— Такой список есть. Список Горбовского-Бадера. Так что шансы найти цивилизацию были, Вадим. И может быть, Саул прав, это местные мальчики. А вот какое они имеют отношение к Странникам — это уже другой вопрос...

Вадим сидел, поставив локти на стол и обхватив голову руками. Вот так цивилизация! Хорошо, думал он, пусть это жертвы грабителей. Но это же чушь: здоровые шестнадцатилетние мальчики дали себя раздеть без сопротивления и покорно замерзли. Но не фанатики же они! Он представил себе фанатика. Это был изможденный плешивый старик с безумными глазами, с огромной ржавой цепью через плечо. Нет, подумал он. Какие это фанатики!.. Может быть, это сами Странники? Да. В джутовых мешках. Он вспомнил циклопические сооружения, оставленные Странниками на Владиславе, и его охватила тоска. Такая тоска наваливалась на него каждый раз, когда он брался за непосильную задачу.

— Антон,— сказал он.— Как там глайдер?

Антон взглянул на часы.

— Пора,— сказал он. — Пойдемте. Одевайтесь и берите по мешку.

— Позвольте, однако же, уточнить,— сказал Саул.— Что мы будем искать?

Вадиму показалось, что Антон колеблется.

— Мы будем искать терпящих бедствие.

Саул застегнул комбинезон.

— А если, по счастью, здесь больше никто не терпит бедствие? Я имею в виду вариант с грабителями.

— При этом варианте я бы не стал стесняться,— пробормотал Вадим.

— При любом другом варианте,— раздельно сказал Антон,— прошу не делать ни одного движения без моего приказа.

Он пошел к двери.

— Вы не берете оружия?— спросил Саул.

— Нам не понадобится оружие,— ответил Антон.

— Хватит здесь мертвецов,— сказал Вадим.

Они вышли из «Корабля» и сразу провалились в глубокий снег. Глайдер был еле виден за белой завесой. Это был глайдер-антиграв «кузнечик», надежная шес-

тиместная машина, очень популярная у десантников и следопытов. Он стоял на краю громадной ямы-проталины, откуда поднимался густой пар, и гладкие борта его были еще теплыми, а в кабине было даже жарко.

Они свалили мешки в багажник и забрались в машину под гладкий прозрачный фонарь.

— Ах, досада!— сказал Антон неожиданно.— Димка, прости, пожалуйста. Ведь тебе для перевода, наверное, понадобится анализатор.

— Для какого перевода?— спросил Саул.

Вадим потер подбородок.

— Анализатор не анализатор,— сказал он медленно,— а без мнемокристаллов на первый случай не обойтись. Придется кому-то сходить в «Корабль».

— Эх,— сказал Антон и полез из глайдера.— Сколько тебе их нужно?

— Одной пары будет достаточно. Только бери с присосками, чтобы не держать в руках.

Антон побежал по снегу к «Кораблю».

— О чем здесь шла речь?— осведомился Саул.

— Надо же будет как-то общаться с людьми, если мы их найдем,— ответил Вадим.

— И вы об этом так,— Саул пошевелил пальцами,— легко говорите?

Вадим посмотрел на него с удивлением.

— А как я должен говорить?

— Ну да, естественно,— сказал Саул.

«Вот странный человек,— подумал Вадим.— Неужели он действительно всю жизнь просидел в своем кабинете, слушая Мендельсона?»

— Саул,— сказал он.— После работ Сугимото общение с гуманоидами — задача чисто техническая. Вы что, не помните, как Сугимото договорился с тагорцами? Это же была большая победа, об этом много писали и говорили...

— Ну как же!— с энтузиазмом произнес Саул.— Как такое забудешь! Но я думал почему-то, что... э-э... на это способен только Сугимото.

— Нет,— сказал Вадим пренебрежительно.— Это может сделать любой структуральный лингвист.

Вернулся Антон, сунул Вадиму коробку с кристаллами и забрался на свое место.

— Вперед,— сказал он и посмотрел на Саула.— Что тут у вас произошло?

— А в чем дело?

— Мне показалось... Ну, это неважно. Вперед.

— Слушай,— сказал Вадим, глядя на еле заметный снежный холмик возле «Корабля». — Нехорошо оставлять их так. Может, сначала похороним?

— Нет,— сказал Антон. — Честно говоря, даже на это мы не имеем права.

Вадим понял. Это не наши мертвые, и не нам хоронить их по нашим законам. Он взялся за рукоятку руля и включил двигатель. Глайдер плавно взмыл над сугробами и кинулся в белую мглу.

Вадим сидел, привычно ссутулившись, и только чуть шевелил руль, проверяя устойчивость. Навстречу мчался снег. Вадим видел только белую тысячехвостую звезду, центр которой медленно плавал перед его глазами. Он включил поисковые локаторы.

— Что это за экраны?— спросил позади Саул.

Вадим объяснил:

— Во-первых, я ничего не вижу, а во-вторых, их могло засыпать снегом.

— Спасибо,— сказал Саул.— Я понял.

Глайдер выскочил из метели. Он несся над заснеженной холмистой равниной. Вадим медленно наращивал скорость, и двигатель густо свистел, и бешено неслись под днищем округлые вершины холмов. Небо было совершенно белое, невысоко над горизонтом справа светилось слепящее пятно — ЕН 7031, а на севере отчетливо проступили очертания скалистых гор. Слепящее пятно медленно смещалось вправо и назад: глайдер шел по десятикилометровой дуге вокруг «Корабля». И впереди, и справа, и слева были только холмы, холмы, холмы. Антон вдруг сказал:

— Глядите, стадо!

Вадим затормозил и развернулся. Глайдер повис неподвижно. В ложбине между холмами быстро двигалась кучка каких-то животных. Это были некрупные четвероногие, похожие на безрогих оленей, и они, выбиваясь из сил, прыгали, проваливаясь в снег, закидывая назад длинные черноносые головы. Тонкие ноги их застревали в сугробах, и они падали, барахтались, поднимая тучи снежной пыли, и снова вскакивали, и снова бежали, изгибаясь при каждом прыжке. За ними оставалась борозда взрытого снега. А по этой борозде, низко пригнув длинные вытянутые шеи, мчались на голых голенастых

ногах громадные, похожие на страусов птицы. Только клювы у этих птиц были не как у страусов — мощные, горбатые, с загнутым вниз страшным острием.

Вадим спикировал и пошел вдоль ложбины. Стадо пробежало под глайдером, даже не заметив его, а птицы — их было три — разом остановились, присели на согнутых ногах и, задрав головы, страшно разинули клювы. Какая охота, мельком подумал Вадим, какая могла бы быть охота! Он снова поднял глайдер и перевел его в джамп-режим. Совсем близко, едва не царапнув по спектролиту фонаря, шелкнули чудовищные клювы и сразу исчезли. Теперь глайдер мчался двухкилометровыми прыжками, взлетая к низкому небу, и каждый раз равнина словно распаивалась внизу, и было видно, что на десятки километров вокруг тянется бескрайняя снежная пустыня.

— Плохо дело,— пробормотал Саул.

— Почему?

— Птицы...

Ну и цивилизация, подумал Вадим. Не могли организовать поиск. Дали мальчишкам уйти голыми, безоружными. Здесь, наверное, и шагу нельзя пройти без оружия. А ведь смелые, наверное, были ребяташки...

Глайдер замкнул десятикилометровый виток и начал второй, в двадцать километров. И сейчас же Антон сказал:

— Вот они откуда, наверное... Тридцать градусов вправо по курсу!

На краю равнины под серо-синей массой хребта виднелись какие-то смутные, правильной формы темные пятна.

— Похоже на большой населенный пункт,— сказал Саул.— Здесь нет бинокля?

Спектролит фонаря рассеивал дымку, и Вадим, нагнувшись к окулярам, различил очертания зданий, зубчатых стен и куполов.

— Город,— сказал он. — Что будем делать?

— Город?— спросил Саул. — Любопытно. И сколько до него?

— Километров пятнадцать.

— Так. Значит, до «Корабля» от города километров тридцать... При известной выдержке это можно пройти даже босиком.

Вадима передернуло.

— В жизни не стал бы пробовать,— пробормотал он.

Глайдер, чуть подрагивая под порывами ветра, висел в двух десятках метров над землей. До чего же здесь все нелепо устроено, думал Вадим. Где поисковые партии? Где глайдеры и вертолеты с добровольцами? Люди замерзли рядом с городом, и здесь на десятки километров вокруг ни одной живой души, кроме этих птичек. А птичкам здесь как раз совершенно нечего делать. Надо было их выбить еще сто лет назад и не устраивать под боком заповедника хищников. И чего медлит Антон? Почему бы нам не явиться в город и не наставить обитателей на путь истинный? Честное слово, формальностями первого контакта можно для такого случая пренебречь, он поглядел на Антона.

Антон медлил. Он сидел, выпрямившись, сильно прищутив глаза и сжав губы. Такое лицо у него было, когда он решал в уме навигационную задачу.

— Итак, шкип?— сказал Вадим.

Лицо Антона приняло обычное выражение.

— Честно говоря,— проговорил он,— нам следует сейчас вернуться на «Корабль». Но... Вперед. Остановишься на окраине. Держись повыше.

Глайдер преодолел расстояние до города в три прыжка, и уже в конце второго Вадим понял, что это не город. Во всяком случае, он сразу понял, почему здесь никто не беспокоится о судьбе пропавших мальчиков.

— Здесь произошел ужасный взрыв,— пробормотал за спиной Саул.

Глайдер повис над краем исполинской воронки, похожей на жерло действующего вулкана. Воронка шириной в полкилометра была до края наполнена тяжелым шевелящимся дымом. Дым был сизый, и он лениво слоился и покачивался и был, вероятно, намного тяжелее воздуха, потому что ни одной струйки не поднималось над воронкой. Со стороны казалось, что это не дым, а жидкость. К краям воронки лепились засыпанные снегом развалины. Из сугробов торчали обглоданные остатки разноцветных стен, покосившиеся башни, скрученные металлические конструкции, проломленные купола.

Вадим ошеломленно глядел вниз. Саул бормотал невнятно.

— Ну, это нам знакомо... Бомбежка... Взорвались

склады... и совсем недавно — дым еще не рассеялся, что-то там горит...

Вадим помотал головой:

— В таком городе жить нельзя. Люди разбежались кто куда, конечно. Удивительно, что мы нашли только пятерых.

— Остальные там, — сказал Саул, глядя в воронку.

— Это не цивилизация, а безобразие, — проворчал Вадим. — Что за подлое легкомыслие? Кто же ставит такие опыты в городе? Нужно быть последним...

Антон сказал негромко:

— А вон там идут машины...

С севера к воронке подходила узкая, едва заметная отсюда лента дороги. По ней густо и неторопливо ползли темные точки. Ага, подумал Вадим, значит, еще не все потеряно. Он повернул глайдер, пересек воронку, и они увидели превосходное шоссе, уходящее прямо в дым, а на шоссе — бесконечную колонну машин. Машины занимали все полотно шоссе. Они плотным строем шли с севера, только с севера, плоские зеленые машины, похожие на пассажирские атомокары, но без ветрового стекла; маленькие бело-синие машины, тащившие за собой длинный хвост пустых открытых платформ; оранжевые машины, похожие на полевые синтезаторы; огромные черные башни на гусеницах и маленькие машины с широкими раскинутыми крыльями — все они неодолимо, ряд за рядом, в полном порядке катились по шоссе, с отчетливой точностью сохраняя интервалы и дистанции, и ряд за рядом скрывались в сизом дыму воронки.

— Это всего лишь автоматы, — сказал Вадим.

— Да, — сказал Антон.

— Значит, их кто-то посылает. Скорее всего на восстановительные работы. И мы найдем людей на другом конце шоссе... — Вадим запнулся. — Послушайте, Саул, — сказал он, — а были такие машины в эпоху джутовых мешков?

Саул не отвечал. Как замороженный он глядел вниз, и на лице его были восхищение и благоговение. Он поднял на Вадима вытаращенные глаза. Мохнатые брови его торчали дыбом.

— Какая техника! — проговорил он. — Какое гомерическое шествие! Какие грандиозные масштабы! Им конца нет!

Вадим удивился и тоже посмотрел вниз.

— А что такого?— спросил он. — А! Масштабы! Да, масштабы безобразные. На восстановление города хватило бы десятка киберов.

Он снова посмотрел на Саула. Саул быстро замигал.

— А мне вот нравится,— сказал он. — Это же очень красиво. Разве вы не видите, что это красиво?

— Вадим,— сказал Антон,— давай вдоль шоссе. Разбираться так разбираться.

Вадим пустил глайдер. Поток машин внизу слился в пеструю полосу.

— Вот теперь красиво,— сказал Вадим.— Но вы мне не ответили, Саул. Совмещаются джутовые мешки с этой техникой?

— А почему же нет? Из разрушенных городов люди убегали и вовсе без ничего. Дались вам эти джутовые мешки! Джутовые мешки существовали несколько веков. Дешевая удобная вещь. Дрова носить, например.

— Какие дрова?

— Деревянные. Баню топить.

Вадим вспомнил про банный лист и замолчал, глядя вперед. Ни конца шоссе, ни конца колонне машин видно не было. По обе стороны шоссе уходила к горизонту нетронутая заснеженная равнина. Вадим прибавил скорость. Какое-то бессмысленное предприятие, размышлял он. Уходят в дым как в пропасть. Он прикинул возможные размеры воронки и количество падающих в нее машин. Получалась нелепость. Впрочем, я не инженер. Рядовой гуманоид с Тагоры — они там все инженеры — решил бы, что это шоссе просто довольно большой конвейер, несущий детали какой-то средних размеров машины, которую собирают под землей. А вот простой буколический леонидянин был бы убежден, что это стада животных, перегоняемых с пастбища на бойню.

— Антон,— позвал он.— Представляешь леонидян на нашем месте?

Антон ответил:

— Глупый леонидянин вообразил бы, что все ясно. А умный сказал бы, что информации недостаточно.

Да, информации недостаточно. Все машины идут на юг, и ни одна не возвращается. Если они действительно идут на восстановление города, то они восстанавливают его из самих себя. А почему бы, собственно, и нет?

— Вы знаете,— сказал вдруг Саул,— мне даже

как-то страшно. Сколько мы уже прошли? Километров сорок? А они все идут и идут.

— Лучше бы они пустили эту технику, чтобы искать разбежавшихся,— сказал Вадим.

— Ну, это вы зря,— возразил Саул. — В такой каше не до отдельных людей.

— Как это так — не до людей? Для кого же они город восстанавливают? Тем мальчикам город уже не нужен...

Саул пренебрежительно махнул рукой.

— Во время взрыва погибло, наверное, тысяч десять таких мальчиков. Жалко, конечно, да не до них.

Вадим взбеленился. Глайдер рыскнул в сторону.

— Вы, Саул, извините меня, но ваш уютный кабинет и занятия историей повлияли на вас странно. Вы рассуждаете, как я не знаю кто. Вы еще нам тут скажете, что цель оправдывает средства.

— А что же,— согласился Саул хладнокровно,— бывает, что и оправдывает.

Вадим сдержался. Кабинетный реликт, подумал он. А вот оставь его без штанов в снегу, и он будет страшно обижен, почему вся техника Планеты не спешит к нему на помощь. Тут Вадим увидел проселок и резко затормозил.

Проселок уходил от шоссе на восток, петляя между холмами.

— Это первая дорога в сторону,— сообщил Вадим.— Будем сворачивать?

— Да не стоит,— сказал Саул.— Ну, что там может быть интересного?

Антон колебался. Ну что он все время мямлит, с раздражением подумал Вадим. Словно подменили человека.

— Так как же?— сказал он.— Я за то, чтобы идти дальше по шоссе.

— Я тоже,— сказал Саул.— Вернуться мы всегда успеем. Ведь правда, Вадим?

— Хорошо, лети прямо,— нерешительно сказал Антон.— Лети прямо. Хотя... имейте в виду... Ладно, лети прямо.

Вадим снова погнал глайдер вдоль шоссе.

— Что с тобой сегодня, Тошка?— осведомился он.— Ты мямлишь, как витязь на распутье: пойдешь

направо — глайдер потеряешь, пойдешь налево — голову потеряешь...

— Вперед, вперед смотри,— ответил Антон спокойно.

Вадим пожал плечами и стал демонстративно смотреть вперед. Через пять минут он увидел впереди серое пятно.

— Опять яма с дымом,— сказал он.

Это была точно такая же воронка. Края ее были запорошены снегом, в ней тяжело колыхался все тот же сизый дым, и из дыма непрерывным потоком поднимались машины.

— Нечто подобное я ожидал увидеть,— сказал Антон.

— Но здесь же нет людей,— растерянно сказал Вадим.— Мы опять ничего не узнаем.

Странная мысль поразила его. Он взглянул на компас и нагнулся к окулярам. Развалин по краям воронки не было. Это была другая воронка.

— Потрясающе,— сказал Саул.— Выходят из дыма и уходят в дым.

— Давайте поворачивать,— нетерпеливо сказал Вадим. Он уставился на Антона. На лице Антона была опять та же отвратительная нерешительность.

— Виноват,— сказал Саул.— Пройти мимо такого удивительного феномена!..

— Да какой там феномен!— вскричал Вадим.— Что вы все восхищаетесь? Какой-то бездарный инженер перебрасывает машины через Подпространство... Нашел место для нуль-транспортировки! Развалил город, бесталанный дурак... Ну, что ты все размышляешь, Антон?

— Шумно у нас что-то стало,— сказал Антон, глядя в сторону.

— Ну, а в чем дело? Тебя что, интересуют местные производственные процессы?

— Да нет... — вяло сказал Антон.— Какое мне до них дело?

Вадим повернулся вместе с креслом кругом, упер руки в колени и принялся рассматривать по очереди Антона и Саула. У Антона был такой вид, словно он засыпает. Он даже руки сложил на животе и сцепил пальцы. А Саул смотрел на Вадима с выражением какого-то удивленного восхищения и умиления. Рот у него был полуоткрыт.

— В чем дело?— сказал Вадим.— Чего вы оба наплюхались?

Саул встрепенулся.

— Да, конечно!— воскликнул он.— Как я сразу не подумал! Все понятно: имеем две дыры на расстоянии восьмидесяти километров. Из одной дыры выходят машины, проходят по превосходной автостраде и безо всякого видимого эффекта уходят в другую дыру. Из другой дыры они по подземному ходу возвращаются в первую...

Вадим тяжело вздохнул.

— Они не возвращаются в первую,— сказал он.— Это нуль-транспортировка, понимаете? (После каждого слова Саул истово кивал.) Элементарная нуль-транспортировка. Кто-то использует это место, чтобы перегонять технику на большие расстояния кратчайшим путем. Может быть, на тысячи километров. Может быть, на тысячи парсеков. Неужели не понятно?

— Да нет, почему же, все понятно!— воскликнул Саул. Вид у него был несколько обалделый.— Чего тут не понять? Типичная нуль-транспортировка...

— Ну да,— сказал Вадим.— И нет нам до нее никакого дела. Людей надо искать!

— Хорошо,— сказал Антон.— Будем искать людей. Поворачивай на проселок.

Вадим развернул глайдер и погнал его по шоссе обратно.

— Антон, ты что, плохо себя чувствуешь?— спросил он, помолчав.

— Чувствую я себя неважно,— сказал Антон.— Потом не забудь подтвердить это, если тебя спросят...

— Кто спросит?

— Спросят,— сказал Антон.— Будут такие... интересные...

Вадим не стал расспрашивать — было ясно, что это бессмысленно. Он посмотрел на машины внизу, затем на спидометр.

— Примитивные автоматы,— пробормотал он.— Постоянная скорость, постоянные интервалы... Стоило из-за них сворачивать пространство...

Показался проселок.

— Как лететь?— спросил Вадим.— Над проселком или срезать?

— Над проселком,— ответил Антон.— И спустись пониже.

Вадим с удовольствием опустил почти к самой земле и пошел точно над дорогой — он очень любил быструю

езду с крутыми поворотами. Сбоку, прыгая на неровностях, неслась по снегу округлая тень глайдера.

— Ну вот, опять птицы,— сказал Саул сердито.

Впереди у самой дороги топталось несколько давешних голенастых чудовищ. Они разгребали когтистыми лапами сугробы и шарили в разрыхленном снегу. Когда глайдер приблизился, они разом присели на лапы, закинули шеи и распахнули черные клювы. С клювов свисали какие-то лохмотья.

— Что за мерзкие твари!— сказал Саул с отвращением. Он перегнулся на сиденье и поглядел назад. — Что они там выкапывают?

Вадим вдруг понял, что они там выкапывают, но это было так страшно, что он не поверил.

— Вы не видели тахоргов, Саул,— сказал он с принужденной веселостью.— По сравнению с тахоргами это желтоносые цыплята. Надо будет подстрелить одну, Антон, а?

— Можно,— сказал Антон.

Саул сел прямо.

— Мне не нравится, что они там что-то выкапывают,— сказал он мрачно.

Никто не ответил. Так в молчании они летели еще минут десять. Снег на проселке был какого-то скверного навозного цвета. На нем виднелись следы не то гусениц, не то колес, а справа и слева по снежной целине местами тянулись цепочки человеческих следов. Круглые холмы по сторонам были пусты. Кое-где из сугробов торчали чахлые прутьики да черные кривые корни, похожие на скрюченные руки.

— Еще одна,— сказал Саул.

На вершине холма стояла птица. Заметив глайдер, она стремительно ринулась наперерез. Она мчалась, высоко задирая ноги, растопырив маленькие крылья, вытянув жилистую шею и пригнув клюв к самому снегу. Маленький горящий глаз был устремлен на глайдер.

— Не успеет!— с сожалением проговорил Вадим.

Но птица успела. «Тэ-эк!»— крикнул Вадим с удовольствием. Глайдер содрогнулся. В воздухе мелькнула растопыренная когтистая лапа. Антон и Саул сейчас же обернулись.

— Еще катится!— сообщил Саул.— На редкость мерзкое животное... Ух ты!— изумленно воскликнул он.

Вадим сейчас же включил экран заднего вида. Взя-

рошенная птица была уже на ногах и, прихрамывая, мчалась следом за глайдером. Вид у нее был остревенелый. Скоро она отстала и скрылась за поворотом.

— Если мы встретим людей,— сказал Вадим,— я им предложу истребить эту мерзость на всей равнине. Раз у них у самих руки не доходят... Как ты полагаешь, Тошка?

— Там видно будет,— сказал Антон.

IV

Холмы стали ниже, и вдруг впереди открылся высокий снежный вал. Антон сразу заметил крошечные черные фигурки, копошившиеся на его гребне. Ну, начинается, подумал он и сказал:

— Останови.

— Зачем?— возразил Вадим.— Ты что, не видишь — там люди!

— Останови, говорят тебе!

— Ну вот,— недовольно сказал Вадим, но повиновался.

Сейчас он повернется и посмотрит на меня с неодобрением, подумал Антон. До чего же мне трудно...

Ему было трудно. Шанс столкнуться с неизвестной цивилизацией был чрезвычайно мал, но реален, и каждый звездолетчик знал инструкцию Комиссии по контактам, запрещающую самостоятельные контакты с неизвестными цивилизациями. Теперь глупо отступить, думал он. Надо было покинуть Саулу сразу же, едва мы увидели трупы. Надо было... Только никто бы этого не сделал. И все же существует инструкция. И составлена она как раз на такой вот случай — когда у тебя в экипаже один так и горит от жажды деятельности, а другой вообще непонятно чего хочет. А самого тебя раздрают противоречия. Ведь почти наверняка где-то поблизости тысячи людей терпят бедствие. Во-он те самые человечки, которые бессмысленно бродят по гребню... И Димка смотрит с неодобрением... И Саул смотрит с совершенно неуместным любопытством. Историк со скорчером. Кстати, не забыть о скорчере... И инструкция, очень толковая и простая инструкция: «...никаких самостоятельных контактов с аборигенами...» Очень просто: вышел, осмотрелся, заметил признаки живой цивилизации и... «не-

обходимо немедленно покинуть планету, тщательно уничтожив все следы своего пребывания». А у меня там огромная яма из-под глайдера, а рядом с ямой — пять трупов...

— Ну в чем дело? — спросил Вадим. — Приступ меланхолии?

Разумеется, структуральные лингвисты и историки понятия не имеют об инструкции. Объяснить им — наверняка воспримут как личное оскорбление: «Мы не дети! Сами знаем, что хорошо, а что плохо!»

Тут Антон обнаружил, что глайдер медленно ползет по направлению к валу. И он решил.

— Поднимайся на гребень, — сказал он. — Сядь подальше от людей. И вот что, товарищи. Я вас очень прошу. Не устраивайте вы там братства цивилизаций.

— Мы не дети, — с достоинством сказал Вадим, увеличивая скорость.

Глайдер рывком взлетел на гребень вала. Вадим откинул фонарь, высунулся и изумленно свистнул. Внизу за валом открылся гигантский котлован, и там было полно людей и машин. Но Антон не смотрел вниз.

Он с ужасом и жалостью смотрел на сгорбленного, синего от стужи человека в рваном джутовом мешке, который медленно, с трудом переставляя ноги, шел прямо на глайдер. Лицо его казалось пестрым от коросты, голые руки и ноги были покрыты цыпками, слипшиеся грязные волосы торчали во все стороны. Человек скользнул по глайдеру равнодушным взглядом и, обогнув его, пошел дальше по гребню. Оступаясь, он жалобно и привычно постанывал. Это же не человек, подумал Антон, это же только похоже на человека...

— Господи боже мой! — хрипло воскликнул Саул. — Что же там делается!

Тогда Антон посмотрел вниз. На дне котлована на грязном растоптанном снегу среди десятков разнообразных машин копошились, сидели и даже лежали, бродили и перебегали люди, босые люди в длинных серых рубахах. Вокруг на границе цельного снега люди стояли неровными изломанными шеренгами. Их было много — сотни, а может быть, и тысячи. Они стояли понуро, глядя себе под ноги. Кое-где в шеренгах были видны лежащие, и на них никто не обращал внимания.

Машин в котловане было несколько десятков. Некоторые из них зарылись в землю, другие были скрыты

под снегом, но Антон сразу увидел, что это такие же машины, как и те, что двигались по шоссе. Несколько машин судорожно дергались, разбрызгивая комья грязи и снега, безо всякого порядка и видимой цели.

Антон вдруг сообразил, что в котловане несоответственно тихо. Тысячи людей находились там, а слышно было только приглушенное ворчание механизмов да изредка пронзительные жалобные выкрики.

И кашель. Время от времени кто-то где-то начинал хрипло, надсадно кашлять, задыхаясь и сипя, так что начинало першить в горле. Этот кашель немедленно подхватывали десятки глоток, и через несколько секунд котлован наполнялся трескучими сухими звуками. На некоторое время движение людей останавливалось, затем раздавались жалобные выкрики, резкие, как выстрелы, щелчки, и кашель прекращался...

Антону было двадцать шесть лет, он давно уже работал звездолетчиком и повидал многое. Ему приходилось видеть, как становятся калеками, как теряют друзей, как теряют веру в себя, как умирают, он сам терял друзей и сам умирал один на один с равнодушной тишиной, но здесь было что-то совсем другое. Здесь было темное горе, тоска и совершенная безысходность, здесь ощущалось равнодушное отчаяние, когда никто ни на что не надеется, когда падающий знает, что его не поднимут, когда впереди нет абсолютно ничего, кроме смерти один на один с безучастной толпой. Не может быть, подумал он. Просто очень большая беда. Просто я никогда еще не видел такого.

— Никогда мы не сможем им помочь,— пробормотал Вадим.— Тысячи людей, и у них ничего нет...

Антон пришел в себя. Два десятка грузовых звездолетов, подумал он. Одежда. Пять тысяч комплектов. Еда, десяток полевых синтезаторов. Госпиталь, штук шестьдесят домов. Или мало? Может быть, здесь не все? И может быть, не только здесь?..

Хорош бы я был, если бы приказал с шоссе вернуться на «Корабль», подумал он с удовлетворением.

Они стояли молча, не выходя из глайдера. Было непонятно, чем заняты люди на дне котлована. Они возились с машинами. Наверное, машины были их надеждой. Может быть, они хотели исправить их или использовать, чтобы выбраться из снежной пустыни.

Вадим сел и включил двигатель.

— Стой,— сказал Антон.— Ты куда?

— На Землю,— ответил Вадим.— Нам не справиться.

— Выключи двигатель. Начинаются нервы.

— При чем здесь нервы? Нашими семью хлебами ты их не накормишь.

Антон поднял мешок с медикаментами и перебросил через борт. Потом он поднял мешок с продовольствием.

— Возьмите,— сказал он Саулу.— Вадим, приготовь свой транслятор. Будешь переводить.

— Зачем это?— сказал Вадим.— Зачем так усложнять? Мы только теряем время, а здесь умирают каждую минуту, наверное.

Антон перебросил через борт мешок с продовольствием.

— Узнаем, сколько их. Узнаем, что им нужно. Узнаем все. С чем ты собираешься возвращаться на Землю?

Вадим, не говоря ни слова, прыгнул в снег и взял на плечо мешок с медикаментами. Антон выжидательно посмотрел на Саула. Саул вынул изо рта трубку.

— Все это правильно,— проговорил он.— Но не берите еду.

— Почему? Самых слабых мы накормим сразу же.

— Не делайте глупостей. Они увидят еду. Они увидят одежду. Они вас растопчут вместе с вашими мешками.

— Это не для всех,— вразумляюще сказал Антон.— Мы объясним, что это для самых слабых.

Несколько секунд Саул с выражением странного сожаления глядел на него. Затем спросил:

— Вы знаете, что такое толпа?

— Берите мешок,— тихо сказал Антон.— Что такое толпа, вы мне расскажете потом.

Саул со вздохом взвалил мешок на плечо и нагнулся за скорчером, валявшимся на сиденье.

— Нет, эту штуку вы оставьте,— попросил Антон.

— Нет, это я возьму,— возразил Саул. Он с сопением продел голову в ремень скорчера.

— Я вас прошу, Саул. Вы боитесь и можете выстрелить.

— Конечно, боюсь. Я боюсь за вас.

— Я понимаю, что не за себя,— сказал Антон терпеливо.

Саул, оскалившись, полез через борт.

— Саул Репнин,— железным голосом сказал Антон.— Дайте сюда оружие!

Саул сел на борт.

— Вы не умеете стрелять,— заявил он.

— Умею,— сказал Антон, глядя ему в глаза.

И каждый раз так, с досадой подумал он. Каждый раз в самый важный момент объявляется кто-нибудь с нервами. И приходится урезонивать, вместо того, чтобы заниматься делом.

Саул отдал скорчер. Антон сунул оружие за пазуху и прыгнул в снег рядом с Вадимом. Вадим с мешком на плече стоял, наклонив голову, и, поправляя на виске мнемокристалл, с любопытством следил за действиями шкипа.

— Так я возьму третий мешок,— сказал Саул как ни в чем не бывало.

— Да, пожалуйста,— сказал Антон вежливо.

Они стали спускаться в котлован.

— В случае чего,— сказал Саул,— стреляйте в воздух. Все сразу разбегутся.

Антон не ответил. Он думал, как действовать дальше.

— Вадим,— окликнул он.— Ты сумеешь с ними договориться?

— Как-нибудь. Главное — ты. Будь ты настоящим врачом, я бы ни о чем не беспокоился.

Да, подумал Антон, если бы я был настоящим врачом... Конечно, они гуманоиды. И анатомия их, наверное, не очень отличается от нашей. Но вот физиология... Он вспомнил, какие ужасные последствия вызвало применение простого йода гуманоидами на Тагоре.

— Хорошо было бы разобраться в машинах,— озабоченно сказал Вадим.— Мы бы вывезли их отсюда. Может быть, им больше ничего и не нужно. Только почему им никто не помогает? Что за нелепая планета!.. Не удивлюсь, если у них взорвались сразу все города...

Они уже прошли половину склона, когда Саул попросил:

— Подождите минуточку.

Все остановились.

— Что случилось?— спросил Антон.— Устали?

— Нет,— сказал Саул.— Я никогда не устаю.— Он пристально всматривался во что-то внизу.— Видите такую уродливую машину с краю? Во-он ту, самую ближнюю. На крыле — человек в сером...

— Вижу,— неуверенно сказал Антон.

— Ну-ка, ну-ка... У вас глаза помоложе...

Антон напруг зрение.

— Сидит человек,— сказал он и вдруг замолчал.— Странно... — пробормотал он.

— Там сидит человек в меховой одежде,— объявил Вадим.— Вот что я вижу. Закутан в меха до глаз.

— Ничего не понимаю,— сказал Антон.— Может быть, это больной?

— Может быть,— сказал Саул.— А вон еще двое больных. Я давно на них смотрю. Далеко только очень...

На противоположной стороне вала на фоне белесого неба четко выделялись две черные мохнатые фигурки. Они стояли совершенно неподвижно, широко расставив ноги, держа в отставленной руке длинные тонкие шесты.

— Что это у них?— спросил Вадим.— Антенны?

— Антенны ли?— проговорил Саул, вглядываясь.— Кажется, я знаю, что это за антенны...

Резкий крик огласил котлован. Антон вздрогнул. Оглушительно взревел какой-то двигатель, раздался многоголосый жалобный вопль, и они увидели, как громоздкая, похожая на глубоководный танк машина со скрежетом закрутилась на месте и вдруг поползла, все увеличивая скорость и опрокидывая другие механизмы, прямо на шеренгу людей. Из ее недр выкарабкивались и кубарем скатывались в истоптанный снег человеческие фигурки. Шеренга не шелохнулась. Антон закрыл руками рот, чтобы не вскрикнуть. Сквозь грохот и рев прозвучал высокий жалобный голос, и тогда шеренга вдруг сомкнулась в плотную толпу и двинулась навстречу танку. Антон не выдержал — он закрыл глаза. Ему казалось, что сквозь рев двигателя слышится жуткий мокрый хруст.

— Боже мой... — непонятно бормотал над ухом Саул.— Ох, боже мой...

Антон заставил себя открыть глаза. На месте танка громоздилась огромная шевелящаяся куча, которая медленно двигалась, все больше и больше кренясь набок. За ней на снегу расплывалась широкая ярко-красная полоса. Вокруг этой груды тел была пустота, только четверо людей в шубах неторопливо шли в этой пустоте, не отставая ни на шаг от облепленного людьми танка.

Антон машинально поглядел на людей с шестами. Они стояли там же, в прежней позе, совершенно неподвижные, только один из них вдруг медленным движением переложил шест в другую руку и снова застыл. Кажется, они даже не глядели вниз.

Рев двигателя смолк. Танк был повален на бок, и

люди медленно сползали с него, отходя в сторону. Тогда Вадим, не говоря ни слова, швырнул свой мешок вниз и гигантскими прыжками кинулся вслед за ним. Антон тоже побежал вниз. Сквозь шум в ушах он слышал, как спешивший по пятам Саул выкрикивает, задыхаясь: «Ах, мерзавцы!.. Ах, подлецы!..»

Когда Антон добежал до танка, люди в мешковине уже снова строились в шеренгу, а люди в шубах ходили среди них и кричали жалобными стонущими голосами. Вадим, волоча за собой мешок, вымазанный в грязи и крови, ползал на четвереньках среди разбросанных под танком тел и был, по-видимому, в отчаянии. Он поднял к Антону бледное лицо и проговорил:

— Здесь одни мертвые... Здесь все уже умерли...

Антон осмотрелся. Задыхающиеся, мокрые от пота и тающего снега, едва прикрытые серой рваной мешковиной, люди глядели на него мутными неподвижными глазами. И люди в шубах, сбившись поодаль в кучку, тоже глядели на него. На секунду ему показалось, что перед ним старинное натуралистическое панно: все они были неподвижны и смотрели на него сотнями пар неподвижных глаз.

Он взял себя в руки. Те, кого искал Вадим, стояли в шеренге — высокий костлявый старик с ободраным влажно-красным лицом: юноша, прижимающий к груди неестественно вывернутую руку; совершенно голый человек с серым лицом, вцепившийся себе в живот растопыренными пальцами с золотыми ногтями; человек с закрытыми глазами, поджавший одну ногу, из которой толчками била черная кровь... Все живые стояли в шеренгах.

— Спокойно, — сказал Антон вслух. Он нагнулся, раскрыл мешок с медикаментами и достал банку с коллоидом. Отвинчивая на ходу крышку, он направился к человеку с раздавленной ногой. Вадим с охапкой тампопластыря шел за ним по пятам.

...Скверная рана... Разворочены мускулы, кровь почти уже не идет. Почему он не сядет?.. Почему его никто не поддержит? Коллоид... Теперь пластырь... Клади ровнее, Вадим, не выдавливай коллоид... Почему так тихо? Вот это уже хуже — разорван живот... Он уже мертв. Как же он стоит?.. Вывернута рука — пустяк... Держи крепче, Вадим! Крепче! Почему он не кричит? Почему

никто не кричит? А вон там уже кто-то упал... Да поднимите же вы его, вы там, здоровые!..

Кто-то тронул его за плечо, и он резко повернулся. Перед ним стоял человек в шубе. У него было румяное грязноватое лицо, скошенные вниз глаза, на кончике короткого носа висела мутная капля. Ладони в меховых рукавицах были сложены перед грудью.

— Здравствуйте, здравствуйте... — сказал Антон.— Потом... Вадим, разберись с ним.

Человек в шубе покачал головой и быстро заговорил, и сейчас же рядом заговорил Вадим с очень похожей интонацией. Человек в шубе замолчал, с изумлением поглядел на Вадима, затем снова на Антона и попятился. Антон досадливым движением поправил за пазухой тяжелый скорчер и повернулся к раненому. Раненый стоял, закрыв лицо руками. И все люди справа от Антона стояли, закрыв лица руками, кроме того, мертвого, с серым лицом, который по-прежнему держался за живот.

— Ничего, ничего,— сказал Антон ласково.— Опустите руки, не бойтесь. Все будет хорошо...

Но в ту же минуту высокий жалобный голос что-то прокричал, и все люди в мешковине разом повернулись направо. Люди в шубах трусцой побежали вдоль шеренги. Снова прокричал жалобный голос, и колонна двинулась.

— Стойте!— крикнул Антон.— Не сходите с ума!

Никто даже не обернулся. Колонна проходила, и все, кто проходил возле Антона, закрывали лица руками. Только человек с распоротым животом остался стоять, потом кто-то задел его, и он мягко свалился в снег. Колонна ушла.

Антон растерянно провел мокрой ладонью по глазам и огляделся. Он увидел громадный поваленный танк, длинного черного Саула рядом, Вадима, дико глядевшего вслед колонне, да несколько десятков тел на растоптанном снегу. И стало совсем уже тихо, слышались только редкие жалобные выкрики в отдалении.

— Почему?— спросил Вадим.— Чего они испугались?

— Они испугались нас,— сказал Антон.— А скорее всего они испугались нашей медицины...

— Я догоню и постараюсь объяснить...

— Ни в коем случае. Это надо делать очень деликатно. Как ваше мнение, Саул?

Саул, повернувшись спиной к ветру, раскуривал трубку.

— Мое мнение...— проговорил он.— Мне здесь очень не нравится...

— Да,— подхватил Вадим.— Какое-то ужасное, болезненное неблагополучие...

— Почему обязательно неблагополучие?— сказал Саул.— Вот как, по-вашему, кто эти подлецы в шубах?

— Почему обязательно подлецы?

— А кто они, по-вашему?

Вадим молчал.

— Здоровенные, упитанные парни в шубах,— сказал Саул со странным выражением. — Они приказывают людям кидаться под танк. Они не работают, а только смотрят, как работают. Они фигурно торчат на валу с пиками наготове. Кто они, по-вашему, эти парни?

Вадим молчал.

— Вот подумайте,— сказал Саул. — Здесь есть о чем подумать...

Антон сказал, глядя на небо:

— Смеркается. Давайте осмотрим машину, раз уж мы здесь. Все равно этим придется заняться рано или поздно...

— Пойдемте,— сказал Саул.

Антон аккуратно закрыл мешок с медикаментами, и они пошли к танку. Вадим не двинулся. Он угрюмо смотрел на склон, по которому медленно полз черный пунктир — хвост уходящей через вал колонны.

Овальный панцирь танка был раскрыт. Корпус машины разгораживала перепончатая стенка. Антон включил фонарик, и они стали осматривать гофрированные борта кабины, матовые сочленения двигателя, какие-то кривые зеркала на коленчатых шестах, похожих на бамбук, и дно кабины — чашевидное, покрытое множеством маленьких отверстий, похожее на гиганскую шумовку.

— Да-а,— протянул Саул. — Любопытная машина. Где же управление?

— Возможно, это кибер,— рассеянно сказал Антон.— Впрочем, нет, вряд ли... Слишком много пустого места...

Он забрался в двигатель. Это был довольно примитивный квазиживой механизм с высокочастотным питанием.

— Мощная машина,— с уважением сказал Саул.— Только вот как она управляется?

Они снова вернулись к кабине.

— Дырочки какие-то,— бормотал Саул. — Где же здесь руль?

Антон попробовал просунуть в одно из отверстий указательный палец. Палец не wszed. Тогда Антон сунул мизинец. Он ощутил короткий болезненный укол, и в то же мгновение в двигателе что-то с рычанием произошло.

— Ну, вот и все ясно,— сказал Антон, рассматривая мизинец.

— Что ясно?

— Мы не сможем управлять этой машиной... И они тоже не смогут.

— А кто сможет?

— Боюсь утверждать наверняка, но, по-видимому, это из хозяйства Странников. Видите?.. Это машина не для гуманоидов.

— Что вы говорите?— пробормотал Саул.

Некоторое время они молча стояли перед кабиной, пытаясь представить себе существо, которое чувствовало себя в этой шумовке так же удобно, как они сами в водительских креслах перед пультами и экранами.

— Я почему-то так и думал,— объявил Саул.— Слыхом это парадоксально: джутовые мешки и нуль-транспортровка...

— Вадим,— позвал Антон.

— Что?— мрачно донеслось сверху. Вадим стоял на танке.

— Слышал?

— Слышал. Тем хуже для них... — Вадим тяжело прыгнул в снег. — Пора возвращаться,— сказал он.— Темнеет...

Они взвалили на плечи мешки и стали подниматься на вал.

Какая каша, думал Антон. Машины, оставленные не гуманоидами. Гуманоиды, потерявшие человеческий облик, отчаянно пытающиеся разобраться в этих машинах. Ведь они, несомненно, пытаются в них разобраться. Наверно, для них это единственное спасение... И у них, конечно, ничего не выходит... И еще какие-то странные люди в шубах...

— Саул,— сказал он. — Что такое пики?

— Копья,— ответил Саул, кряхтя.

— Копья...

— Длинный деревянный шест,— раздраженно сказал

Саул. — На конце — острый железный наконечник, часто зазубренный. Используется для протыкания насквозь ближнего своего. — Саул помолчал, тяжело дыша. — Может быть, вам заодно объяснить, что такое меч?

— Знаем мы, что такое меч, — сказал Вадим, не оборачиваясь. Он лез первым.

— Так вот, у каждого из этих бандитов в шубах висел за спиной меч, — сказал Саул. — Слушайте, молодые люди, давайте передохнем...

Они уселись на мешки.

— Вы много курите, — сказал Антон. — Это очень вредно.

— Курить — здоровью вредить, — отозвался Саул.

Стало совсем темно. Котлован внизу наполнился сумеречными тенями. Небо очистилось от туч, появились звезды. Слева таяло зеленоватое сияние заката. У Антона замерзли уши, и он с содроганием подумал о несчастных, бредущих сейчас босиком по скрипучему снегу. А куда они бредут? Может быть, здесь поблизости есть какое-нибудь убежище?.. А ведь еще только вчера мы сидели с Димкой на крыльце, было тепло, изумительным запахом несло из сада, кричали цикады, и дядя Саша звал нас из своего коттеджа отведать самодельного морса... Почему это Саул настроен против людей в мехах?

Саул со вздохом поднялся и сказал:

— Пошли.

Они ввалились в глайдер, задвинули фонарь, и Вадим сразу же на полную мощность включил отопление. Антон расстегнул куртку, вытащил теплый скорчер и бросил его на сиденье рядом с Саулом. Саул сердито дышал в пригоршню. На мохнатых бровях его таял иней.

— Итак, Вадим, — сказал он, — что вы надумали?

Вадим сел в водительское кресло.

— Думать будем потом, — заявил он. — Сейчас надо действовать. Люди нуждаются в помощи и...

— Почему вы, собственно, решили, что люди нуждаются в помощи?

— Вы, надеюсь, не шутите? — спросил Вадим.

— Мне не до шуток, — сказал Саул. — Я удивляюсь, почему вы не хотите попытаться понять, что здесь происходит. Почему вы все время твердите одно и то же: «нуждаются в помощи, нуждаются в помощи»?

— А как по-вашему? Не нуждаются?

Саул вскочил, стукнулся головой о фонарь и снова сел. Несколько секунд он молчал.

— Я снова обращаю ваше внимание,— сказал он наконец,— на то необычайно важное обстоятельство, что там, в котловане, вовсе не все люди нуждаются в одежде и прочем. Что там, в котловане, мы видели людей здоровых, сытых, вооруженных. И для этих людей положение дел не представляется таким уж безнадежным, как для вас. Вы хотите помочь страждущим. Это великолепно. Возлюби, так сказать, дальнего. Но не кажется ли вам, что этим самым вы вступите в конфликт с некоторым установившимся порядком?— Он замолчал, пристально глядя на Антона.

— Не кажется,— сказал Вадим. — Я не хочу думать о людях хуже, чем о самом себе. У меня нет никаких оснований считать себя лучше других. Да, там, в котловане, есть неравенство. И меховые шубы выглядят дико. Но я совершенно уверен, что всему этому есть вполне человеческое объяснение. И помощь землян никогда не будет вредной. — Он перевел дух. — А что касается пик и мечей, то кто-то ведь должен охранять потерпевших? Надеюсь, вы не забыли приятных птичек на равнине?

Антон задумчиво покивал. Как это было на «Цветке», подумал он. Мы две недели сидели на половинном кислородном пайке и ничего не ели и не пили. Инженеры чинили синтезаторы, и мы отдали им все, что у нас было. И вид у нас в конце второй недели был, наверное, немногим лучше, чем у этих людей...

Саул нагнул голову и с тоской хрустнул пальцами.

— Плоскость, плоскость... — пробормотал он. — Все в одной плоскости, как всегда. Как тысячи лет назад.

Ребята молча ждали.

— Вы славные люди,— тихо сказал Саул. — Но сейчас я не знаю, плакать или радоваться, глядя на вас. Вы не замечаете того, что совершенно очевидно для меня. И я не могу вас винить за это. Но послушайте одну маленькую притчу. В незапамятные времена какие-то пришельцы — возможно, это были ваши Странники — забыли на Земле такой автоматический прибор. Он состоял из двух частей: из робота-автомата и из аппарата для управления этим роботом на расстоянии. Причем управлять роботом можно было при помощи мысли. Эти вещи провалялись в Аравии несколько ты-

сячелетий. А потом аппарат для управления нашел арабский мальчик, по имени Аладдин. Историю Аладдина вы, наверное, знаете. Мальчишка принял аппарат за лампу. Он тер ее, и со страшным грохотом прибегал неведомо откуда черный и, может быть, даже огнедышащий робот. Он улавливал несложные мысли, в которые были оформлены несложные желания Аладдина, и он разрушал города и строил дворцы. Вы представляете себе — нищий, грязный, невежественный арабский мальчишка. Его мир — это мир ифритов и волшебников, и робот для него — это, конечно, джинн, раб аппарата, похожего на лампу. Если бы кто-нибудь попытался втолковать ему, что джинн — дело рук человеческих, мальчишка сражался бы до последнего издыхания, отстаивая свой мир, стремясь остаться в плоскости своих представлений. И вы поступаете так же. Отстаиваете целостность своего мировоззрения, стремитесь отстоять достоинство разума. И никак не хотите понять, что здесь мы имеем дело не с катастрофой, не с каким-то стихийным или техническим бедствием, а с определенным порядком вещей. С системой, молодые люди. И это так естественно. Всего два с половиной века назад половина человечества была уверена, что черного кобеля не отмоешь до бела и что человек как зверем был, так зверем и останется, и было достаточно оснований думать именно так. — Он хрустнул зубами. — Не хочу, чтобы вы вмешивались в это дело. Вас здесь убьют. Вам нужно вернуться на Землю и забыть обо всем этом. — Он посмотрел на Антона. — А я останусь здесь.

— Зачем? — спросил Антон.

— Мне нужно, — медленно сказал Саул. — Я сделал одну глупость. За глупости платят.

Антон лихорадочно думал: что сказать этому странному человеку?

— Вы, конечно, можете остаться, — сказал он наконец. — Но дело уже не в вас. Не только в вас. Мы тоже останемся. И давайте-ка пока держаться вместе.

— Вас убьют, — безнадежно сказал Саул. — Ведь вы же не умеете стрелять в людей.

Вадим хлопнул себя по коленям и сказал прочувствованно:

— Мы же вас понимаем, Саул! Но в вас говорит историк, и вы тоже не можете выйти из плоскости

своих представлений. Никто нас не убьет. Давайте попроще. Не нужны нам никакие остроумные осложнения. Мы люди, и давайте действовать как люди.

— Давайте,— устало сказал Саул. — И давайте поедим. Незвестно, что будет дальше.

Антону не хотелось есть, но еще меньше ему хотелось спорить. И Саул был, наверное, прав, и Вадим был прав, и, как всегда, была права Комиссия по контактам, и вообще сейчас больше всего нужна была информация.

Вадим неохотно ковырял ложкой в банке с консервами. Саул ел с громадным аппетитом, невнятно приговаривая:

— Ешьте, ешьте. Основа каждого мероприятия — сытый желудок.

Антон обдумывал план действий. Стихийное бедствие или социальное бедствие — все равно это бедствие. И вмешательство неизбежно. Только не следует оголтело, без оглядки кидаться домой, на Землю, с воплем: «Помогите!»— или так же оголтело вламываться в гущу событий, размахивая одиноким мешком с продовольствием... Саула жалко, но Саула пока придется отставить. Так что прежде всего информация... Антон сказал:

— Сейчас мы полетим по следам колонны. Думаю, что поблизости у них есть поселок.

Саул убежденно покивал.

— Найдем кого-нибудь посмышленней,— продолжал Антон,— и ты, Димка, у него все узнаешь. А там видно будет.

— Возьмем «языка»,— заявил Саул, облизывая ложку,— правильно.

Несколько секунд Антон пытался понять: при чем здесь язык? Потом он вспомнил из какой-то книжки: «Идите, лейтенант, и без «языка» не возвращайтесь». Он покачал головой.

— Да нет, Саул, при чем тут «язык»? Все должно быть тихо, мирно. Но на всякий случай вы держитесь лучше позади. Оставайтесь в глайдере. Вы никогда не были в опасных ситуациях, и я просто боюсь, что вы растеряетесь.

Несколько секунд Саул смотрел на него запавшими глазами.

— Да, конечно,— медленно сказал он.— Книжный, так сказать, червь.

Была уже ночь, когда глайдер снялся с места, перепрыгнул через котлован и помчался вдоль утоптанной

дороги, ведущей на восток. Над равниной поднималась маленькая яркая луна, а на западе над хребтом висел багровый узкий серп. Дорога свернула, огибая высокий холм, и они увидели несколько рядов занесенных снегом хижин.

— Здесь,— сказал Антон. — Снижайся, Вадим.

V

Вадим посадил глайдер на первой же улице. Он откинул фонарь, и в кабину ворвался гадкий запах — вонь испражнений на морозе, тоскливый запах большой беды. По сторонам улицы стояли покосившиеся, обшарпанные лачуги без окон, в лунном свете серебрились шапки чистого снега на плоских крышах и отвратительно чернели сугробы у входов. Улица была пуста, и можно было подумать, что поселок покинут, но тишина была полна хрипами, вздохами и заглушенным треском сухого кашля.

Вадим медленно повел глайдер вдоль улицы. Вонючий мороз обжигал лицо. Ни на улице, ни в темных боковых проулках не было видно ни души.

— Измотались,— сказал Вадим.— Спят. Придется будить.— Он снова остановил глайдер.— Вы здесь подождите, а я схожу посмотрю.

— Ну, хорошо, пойдем,— сказал Антон.

— Незачем вдвоем ходить,— возразил Вадим, выскакивая на дорогу.— Я только посмотрю и сейчас же вернусь. Если здесь ничего не получится, поедем дальше.

Антон сказал:

— Саул, посидите здесь. Мы сейчас вернемся.

— Не поднимайте шума,— предупредил Саул.

Вадим нерешительно остановился перед узкой загаженной тропинкой, ведущей к двери ближайшей лачуги. Страшно и гадко было идти туда. Он оглянулся. Антон уже стоял рядом.

— Ну, что ты?— сказал он. — Вперед.

Вадим решительно шагнул на тропинку, поскользнулся и чуть не упал. Его затошнило, и он зашагал, подняв голову, чтобы не видеть тропинки. Дверь с визгливым скрипом открылась ему навстречу, и из нее выпал совершенно голый, длинный как палка, человек. Он повалился на обледенелый сугроб и мертво стукнулся о

стену хижины. Вадим нагнулся над ним. Это был мертвец, уже давно закоченевший. Сколько же их я увидел за сегодняшний день,— подумал Вадим. В хижине кашляли, и вдруг высокий скрипучий голос затянул песню. Это было похоже на вой. Голос выводил одни только тоскливые рулады без слов. А может быть, это был просто плач.

Вадим снова оглянулся. На дороге чернела округлая глыба глайдера, из нее неподвижно торчал черный силуэт Саула. Жутко блестел под яркой луной снег на пустынной улице. И протяжно плакал и жаловался высокий голос за дверью. Антон тихонько толкнул Вадима в бок.

— Что, страшно?— спросил он вполголоса. Лицо у него было белое, словно замерзшее.

Вадим не ответил. Он распахнул дверь и включил фонарик. Скверный, душный воздух ударил ему в нос, и он задохнулся. Круг света упал на сырой земляной пол, покрытый бледной вытоптанной травой. Вадим увидел десятки скорченных тел, прижавшихся друг к другу, сплетение тощих голых ног с огромными ступнями, высохшие лица, искаженные резкими тенями, раскрытые черные рты — люди спали прямо на земле и друг на друге. Казалось, они лежат штабелями в несколько рядов, и они дрожали во сне. А вой тянулся без передышки, не прекращаясь, и Вадим не сразу заметил певца, а потом поймал его в круг света. Человек, обхватив острые колени, сидел на спинах спящих. Он глядел на свет фонарика остекленевшими глазами и пел, вытягивая растрескавшиеся губы.

— Товарищ,— сказал Вадим. — Послушай меня. Погоди петь. Скажи что-нибудь.

Человек не шевелился. Казалось, он не видит света и не слышит голоса.

— Товарищ,— повторил Вадим. — Послушай.

Певец вдруг закончил песню сиплым выкриком, повалился навзничь и замер. Он сразу же смешался со спящими, и Вадим уже не смог бы найти его. Он судорожно глотнул, сделал шаг вперед и похлопал кого-то по голой ноге. Нога была ледяная, мертвая. Вадим дотронулся до другой ноги. И эта нога тоже была ледяная, мертвая. Тогда он повернулся и, пошатнувшись, налетел на что-то широкое и теплое.

— Тихо,— сказал голос Антона.

Вадим мотнул головой, приходя в себя. Он совсем забыл про Антона.

— Не могу,— пробормотал он. — Это безнадежно.

Антон взял его за локоть и повел к выходу. Морозный воздух показался Вадиму чистым и сладким.

— Не могу,— повторил он. — Здесь не найти живых. Они все окоченевшие. Мертвые. — Он отстранился от Антона и осторожно пошел по тропинке к дороге. Саул по-прежнему неподвижно торчал из глайдера. Вадим заметил, что фонарик еще горит, выключил его, сунул в карман и полез в глайдер. Саул молча смотрел на него. Подошел Антон, облокотился на борт и тоже стал смотреть на Вадима. Вадим уткнулся лицом в дугу руля и сказал сквозь зубы:— Это не люди. Люди не могут так. — Он вдруг поднял голову. — Это киберы! Люди только те, которые в шубах! А это киберы, безобразно похожие на людей!

Саул глубоко вздохнул.

— Вряд ли, Вадим,— сказал он.— Это люди, безобразно похожие на киберов.

Антон перелез через борт и сел на свое место.

— Ну-ка, возьмем себя в руки,— сказал он. — Не будем терять времени. Нужен «язык». — Он хлопнул Вадима по плечу. — Действуйте, лейтенант, и без языка не возвращайтесь.

Саул не то всхлипнул, не то рассмеялся.

— Хотите, я пойду в хижину и возьму любого на выбор?— предложил он. — Только, по-моему, нам не это нужно.

— Тогда они днем работают, а на ночь умирают,— упрямо сказал Вадим.— Какая уродливая затея!

— Правильно,— сказал Саул.— Затея уродливая, и надо взять одного из затейников. В шубах.

Вадим смотрел вдоль улицы.

— Оптимизм,— сказал он,— суть бодрое, жизнерадостное мироощущение, при котором человек...

В лунном свете он вдруг увидел, как вдали, пересекая улицу, цепочкой прошло несколько серых теней в рубахах.

— Смотрите,— сказал он.

Люди брели и брели через улицу, их было человек двадцать, а за ними прошли двое в мехах с длинными шестами.

— На ловца и зверь бежит,— зловеще сказал Саул.— Всего и дела-то — догнать и взять...

— Вы думаете, этих?— нерешительно сказал Антон.

— А вы собираетесь обшаривать лачугу за лачугой? Затеяники в лачугах не живут, уверяю вас. Поехали, а то еще потеряем...

Вадим вздохнул и тронул глайдер. Он медленно ехал вдоль улицы. И пытался представить себе, как они берут испуганного, ничего не понимающего человека под руки, тащат его к глайдеру и впихивают в кабину, а он жалобно кричит и отбивается. Попробовали бы меня так, подумал он. Я бы все разнес... Он прислушался. Саул говорил:

— Не беспокойтесь. Я знаю, как это делается. У меня он не будет отбиваться.

— Вы меня неправильно поняли,— терпеливо сказал Антон. — Ни о каком насилии не может быть и речи.

— Слушайте, предоставьте вы это мне. Вы ведь только все испортите. Ткнут вас копьем, и начнется такая кровавая кутерьма...

Ай да кабинетный ученый!— подумал удивленно Вадим. Антон сказал:

— Вот что, Саул. Вы мне не нравитесь. Сидите в машине и ничего не смейте предпринимать.

— О господи,— вздохнул Саул и замолчал.

Вадим вывернул на поперечную улицу, и они увидели вдали приятного вида двухэтажный домик, возле которого толпились люди, освещенные красным огнем факелов. Сбившись в кучу, стояли люди в мешковине, а вокруг них сновали люди в шубах. Вадим поехал совсем медленно, прижимая глайдер к теневой стороне улицы. Он представления не имел, с чего начинать и что делать. Антон, судя по всему, тоже. Во всяком случае, он молчал.

— Вот здесь живут затейники,— сказал Саул.— Видите, какой уютный теплый домик? А где-нибудь поблизости и уборная есть. Самое милое дело — брать «языка» возле уборной. Кстати, вы заметили, что здесь нет ни одной женщины?

Дверь домика раскрылась, оттуда вышли двое и остановились на крыльце. Раздался протяжный жалобный крик. Кучка людей в мешковине пришла в движение, построилась в ряды и вдруг двинулась прямо навстречу

глайдеру. Около крыльца закричали в несколько голосов. Вадим поспешно затормозил и посадил глайдер.

Он глядел во все глаза и ничего не понимал. Над ухом тяжело дышал Антон. Люди в мешковине приблизились и быстрым шагом прошли мимо. Вадим ахнул. Два десятка босых людей были впряжены в неуклюжие тяжелые сани, в которых развалился закрытый по пояс шкурами человек в шубе и в меховой конической шапке. В руках он держал длинное копье с устрашающе зазубренным наконечником. Лица запряженных людей выражали радость, и они громко, ликуя, вскрикивали. Вадим оглянулся на Саула. Саул провожал глазами странную упряжку, и рот его был широко раскрыт.

— Хватит с меня загадок, — сказал вдруг Антон. — Поезжай прямо к дому.

Вадим рванул руль на себя, и домик стремительно бросился навстречу глайдеру. Люди в шубах, стоявшие у крыльца, несколько секунд смотрели на приближающуюся машину, а затем с удивительной быстротой рассыпались полукругом и выставили вперед копья. На крыльце запрыгал, что-то жалобно выкрикивая, круглый мохнатый великан. Он размахивал над головой широким блестящим лезвием. Вадим посадил глайдер перед копьями и вылез из кабины. Люди в шубах пятились, теснее прижимаясь друг к другу. Острия копий были направлены Вадиму прямо в грудь.

— Мир! — сказал Вадим и поднял руки.

Люди в шубах попятились еще немного. От них валил пар и несло козлом. Под капюшонами блестели испуганно вытаращенные глаза и ощеренные зубы. Толстый человек на крыльце разразился длинной речью. Он был неимоверно толст и огромен. У него была гигантская трясушаяся физиономия. Физиономия блестела от пота. Он приседал, и снова выпрямлялся, и даже становился на цыпочки, тыкал мечом то себе под ноги, то в небо и визжал неестественно высоким жалобным женским голосом. Вадим слушал, склонив голову. Мнемокристаллы на его висках фиксировали незнакомые слова и интонации, анализировали их и уже давали первые, еще неопределенные варианты перевода. Речь шла о какой-то угрозе, о чем-то громадном и сильном, о жестоких наказаниях... Толстяк вдруг замолчал, вытер потное лицо рукавом и, надсаживаясь, провизжал что-то короткое и резкое. В голосе его было страдание. Люди с копьями

сейчас же нагнулись и очень медленно двинулись на Вадима.

— Ну, все ясно,— сказал Саул. — Начнем?

Он положил ствол скорчера на борт.

— Прекратите, Саул,— сказал Антон. — Вадим, в кабину!

— Ну, что вы раздумываете?— сказал Саул со злобой.— Это же дрянь, эсэсовцы! Жабы!

Люди в шубах все надвигались короткими медленными шажками. Когда широкие блестящие лезвия уперлись в грудь Вадима, он отступил и, повернувшись спиной, полез в глайдер.

— Типичный корнеизолирующий язык,— сообщил он, усаживаясь. — Очень ограниченный словарный запас, судя по всему. Мира они не хотят, это ясно.

— Давайте хоть страху нагоним,— попросил Саул.— Дать разок в воздух, чтобы они штаны потеряли!

Антон захлопнул фонарь. Люди в шубах вернулись к крыльцу и подняли копыя. Все они смотрели на глайдер. На необъятной физиономии толстяка бродила презрительная ухмылка.

— Эх, вы!— сказал Саул. — Нужен вам «язык» или нет? Давайте возьмем этого жирного! Это же живой рапортфюрер!

— Да пойми же,— с отчаянием сказал Антон,— они не хотят с нами договариваться! И это их право! Ну, что мы можем сделать?

— Нужен вам «язык» или нет?— повторил Саул.— Преимущество внезапности мы уже потеряли. Здесь без боя не обойтись. Но есть еще этот гад, который уехал на упряжке.

Ох, и лексика же у него!— с уважением подумал Вадим. Настоящий двадцатый век. Какой великолепный специалист! Он посмотрел на Антона. Антон был бледен и растерян. Никогда Вадим еще не видел его таким.

— Одно из двух,— продолжал Саул. — Или мы хотим узнать, что здесь делается, или мы летим на Землю, и пусть сюда пришлют людей порешительнее. А нам надо решать поскорее, пока против нас только копыя...

Мешкаем, подумал Вадим. Все время мешкаем. А в хижинах умирают.

— Тошка,— сказал он. — Давай догоним упряжку. Там только один с копьем, там будет проще. Отберем у него копые и пригласим на «Корабль».

— Ухмыляются, жабы,— проговорил Саул, глядя через спектролит.

Он выразительно погрозил кулаком толстяку на крыльце. Тот тряхнул щеками и не менее выразительно помахал мечом.

— Видали?— сказал Саул с веселым бешенством.— Как мы друг друга понимаем, а?

— Попробую еще раз,— сказал Антон и распахнул фонарь. Толстяк вскрикнул. Один из копейщиков широко развернулся, сдвигая рукав шубы к плечу, и с натугой метнул тяжелое копьё. Железный наконечник с визгом полоснул по спектролиту. Саул даже присел.

— Ну, семь-восемь... — сказал он непонятно, но чрезвычайно энергично. Антон успел поймать его за руку. Глаза у Антона были как черные щелки.

— Понятно,— сказал он зловеще и задохнулся. — Вадим, разворачивайся!

Вадим повернул глайдер.

— За упряжкой!— приказал Антон и откинулся на спинку кресла.— Здесь мы ничего не узнаем,— проворчал он.— Какая-то непроходимая тупость.

— Дать разок в воздух,— пренебрежительно сказал Саул,— и бери их голыми руками.

Антон молчал. Глайдер пронесся по пустынной улице и через несколько минут вылетел в поле.

— Я скажу вам только одно,— проговорил вдруг Антон.— Всем нам потом будет очень стыдно.

— А что делать?— спросил Вадим.— Люди-то умирают!

— Если бы я знал, что делать,— сказал Антон.— Комиссии и не снились такие обстоятельства.

«Какой комиссии?»— хотел спросить Вадим, но тут Саул произнес:

— Да перестаньте вы стесняться. Раз вы хотите делать добро, пусть оно будет активно. Добро должно быть более активно, чем зло, иначе все остановится.

— Добро, добро,— проворчал Антон.— Кому хочется быть услужливым дураком?

— Это уж точно,— сказал Саул.— Зато у вас совесть будет спокойна.

Они нагнали упряжку километрах в пяти от поселка. Люди бежали по целине, спотыкаясь и увязая в снегу, а человек в шубе, находившийся в санях, то и дело лениво тыкал копьём отстающих.

— Я снижаюсь,— сказал Вадим.

— Сядь перед упряжкой,— приказал Антон,— и поговори с ним. Саул, дайте сюда скорчер. И сидите в машине, это не гад, а человек.

— Ладно,— сказал Саул.— Вот вам скорчер. А если возьмет и Вадима копьём? Вместо разговоров...

Вадим сказал:

— Копье я у него отберу. Постромки надо будет перерезать, а еду и одежду раздать этим беднягам.

— Правильно,— сказал Антон.

Глайдер рухнул в снег прямо перед упряжкой, и люди-лошади остановились как вкопанные. Вадим выскочил наружу. Люди в мешковине стояли, закрыв лица руками. Они тяжело, с всхлипом дышали. Пробегая мимо них, Вадим весело крикнул:

— Все, друзья! Сейчас пойдете домой!

Он направился к саням, на ходу намереваясь, как лучше отбить копьё. Человек в шубе стоял на коленях и с изумлением и страхом смотрел на него. Копье он держал наперевес.

— Пойдемте,— предложил Вадим и схватился за древко.

Человек в шубе сейчас же выпустил копьё и выхватил откуда-то меч. Он был уже на ногах.

— Ну-ну, не надо,— сказал Вадим, отбрасывая копьё.

Человек в шубе вдруг заорал, протяжно и жалобно. Вадим взял его за руку, держащую меч, и потянул за собой. Ему было очень неловко. Человек в шубе рванулся. Вадим ухватил его крепче.

— Ну, что вы, в самом деле, все будет хорошо. Все будет в порядке,— убеждающе говорил он, разжимая потный кулак с мечом. Меч упал в снег. Вадим обнял человека в шубе за плечи и повел к глайдеру. Он бормотал какие-то ласковые слова, стараясь придать голосу местные интонации. Тут раздался предупреждающий крик Саула, и он почувствовал, что его валят с ног. Чьи-то ладони схватили его за лицо, кто-то повис на шее, несколько рук вцепились в его ноги — слабые, дрожащие руки.

— Что вы, с ума посходили?— заорал Саул обиженно.— Антон, держи их!

Человек в шубе снова сильно рванулся. Вадиму накинута на голову какое-то вонючее тряпье, и он ничего не видел. Он едва стоял в куче копошащихся тел, изо

всех сил прижимая к себе человека в шубе. Потом он почувствовал острый удар в бок и боль. Он выпустил «языка», двинул плечами и, освободившись, сорвал с лица вонючий мешок. Он увидел барахтающихся в снегу людей и Антона, который пробирался к нему, шагая через тела. Он повернулся. Голый человек с мечом стоял перед ним по колено в снегу.

— За что?— сказал Вадим.

Человек ударил наотмашь, но меч в руке у него повернулся и упал на плечо Вадима плашмя. Вадим толкнул человека в грудь. Тот упал в снег и замер. Вадим поднял меч и, размахнувшись, забросил его далеко в сторону. Он чувствовал, как по бедру ползет что-то горячее и мокрое. Он огляделся.

Люди в снегу лежали неподвижно, как мертвые. Человека в шубе среди них не было.

— Ты жив?— крикнул Антон задыхаясь.

— Вполне,— сказал Вадим.— А где «язык»?

Он увидел Саула. Саул, широко шагая, шел к ним, волоча за шиворот человека в шубе.

— Вздумал удрать!— объявил он.— Но каковы людишки!

— Пойдемте отсюда,— сказал Антон.

Они пошли к глайдеру, осторожно ступая среди неподвижных тел. Саул рывком поднял человека в шубе на ноги и повел, толкая его рукой между лопаток.

— Иди, подлец!— приговаривал он.— Иди, жирная морда! Воняет от него ужасно,— сообщил он.— Год, наверное, не мылся.

Когда они подошли к глайдеру, Антон взял «языка» за меховое плечо и показал на кабину. Тот отчаянно закрутил головой, так что у него свалилась шапка. Потом он сел в снег.

— Цацкаться тут с тобой!— заорал Саул.

Он поднял «языка» за шубу и перевалил через борт «Язык» с шумом упал на дно кабины и затих.

— Фу,— сказал Антон,— ну и работа!

Он взял два мешка, стоявшие возле глайдера, и потащил их к упряжке. Он распаковал мешки, достал всю одежду и разложил по снегу. То же самое он сделал с продуктами. Люди казались мертвыми и только тихонько поджимали ноги, когда Антон проходил мимо.

Вадим стоял, устало прислонившись к теплому борту машины, и смотрел на взрытый снег, на опрокинутые

сани, на тела, скорчившиеся под лунным светом. Он слышал, как Антон грустно сказал:

— Комиссия по контактам, где ты?

Вадим потрогал бок. Кровь еще шла. Он почувствовал дурноту и слабость и забрался в кабину. Все было не так, все получилось нехорошо. Пленник лежал ничком, закрыв голову руками. Судя по всему, он ждал смерти, а может быть, и пыток. Над ним, не сводя глаз, сидел свирепый Саул. Подошел Антон и тоже влез в кабину.

— Что же ты?— спросил он.

Вадим с трудом проговорил:

— Ты знаешь, Тошка, меня ранили. Я сейчас ничего не могу.

Антон секунду смотрел на него.

— А ну-ка, раздевайся,— потребовал он.

— Эх!— с досадой крикнул Саул.

Вадим стащил куртку. Его мутило, и в глазах было темно. Он увидел сосредоточенное лицо Антона и лицо Саула, сморщенное от жалости. Потом он почувствовал прохладные пальцы у себя на боку.

— Ножом,— сказал Саул. Голос его доносился словно из-за стены.— Как вы все это неумело! Я бы его одной рукой взял.

— Это не он,— пробормотал Вадим.— Это мечом... один голый...

— Голый?— сказал Саул.— Ну, товарищи, этого даже я не понимаю.

Антон что-то ответил, но тут перед глазами Вадима поплыли круги и звездочки, и он потерял сознание.

VI

— Смотрите, Антон,— заговорил Саул.— Антон! Он в обмороке, вы видите?

— Он спит,— сказал Антон. Он внимательно осматривал рану. Рана была рубленая и довольно глубокая. Удар пришелся под ребро, и меч расслоил мышцы. Антон облегченно вздохнул. Саул глядел через его плечо, встревоженно сопя.

— Плохо?— спросил он шепотом.

— Нет, вздор,— сказал Антон.— Через час все будет

в порядке. — Он отстранил Саула. — Только вы сядьте, пожалуйста.

Саул откинулся в кресле и злобно уставился на неподвижного «языка». Антон неторопливо расстегнул мешок, вытащил банку с коллоидом и густо залил рану. Оранжевое желе сразу стало розовым, подернулось розовыми стрелочками — как пенка на молоке. Вот кровь, подумал Антон. Здоровенный парень Димка! Он посмотрел на лицо Вадима. Оно было немного бледнее обычного, но такое же спокойное и умиротворенное, как всегда, когда он спал. И дышал он, как всегда, носом — глубоко, бесшумно и просторно. Антон положил пальцы по сторонам раны и закрыл глаза.

Простейшие приемы психирургии входили в подготовку звездолетчика. Практически каждый пилот умел вскрыть и срастить живую ткань, используя психодинамический резонанс. Это требовало большого напряжения и сосредоточенности. В стационарных условиях применялись нейрогенераторы, а в поле приходилось делать это по-знахарски, и каждый раз Антон жалел знахарей.

Словно сквозь сон, Антон слышал, как позади тяжело вздыхает и ворочается Саул и бормочет, всхлипывая, пленник. От пленника в кабине стоял неприятный кислый дух.

Антон открыл глаза. Рана затянулась, выдавив коллоид, — теперь это был просто розовый шрам. Пожалуй, хватит, подумал Антон. Иначе не смогу вести глайдер. Он был весь мокрый.

— Ну, вот и все, — сказал он, переводя дыхание.

Саул приподнялся и посмотрел на рану.

— Черт знает что, — проворчал он. — Как вы это делаете?

Антон огляделся и вздрогнул. Снаружи к фонарю прильнули страшные лица, тощие, с ввалившимися щеками, оскаленные. В этом была какая-то древняя иконная жуть: словно мертвецы заглядывали в твой дом. У Антона мороз пошел по коже. Саул сдвинул мохнатые брови и погрозил пальцем. По спектролиту бесшумно застучали костлявые кулаки.

— Домой идите! Домой! — громко сказал Саул.

Антон стал одевать Вадима.

— Сейчас полетим, — сказал он.

— Вы их всех поубиваете.

Антон покачал головой и перебрался на место водителя. Глайдер дрогнул и начал медленно подниматься. Лица за фонарем пропали. Длинная костлявая рука с обломанными ногтями скользнула по спектролиту и тоже пропала.

Развернув глайдер на пеленг «Корабля», Антон дал полный ход. Он спешил — была уже полночь.

— Что они в нем нашли? — пробормотал Саул. — Эсэ-совец, животное, я сам видел, как он колот их пикой — подгонял.

Антон промолчал.

— О господи! — сказал Саул. — Сколько на нем всякой гадости. Так и ползают...

— Что ползает?

— Что-то вроде вшей. Надо сначала его вымыть и все продезинфицировать...

Вот и еще одно дело, подумал Антон. Саул, словно угадав его мысли, добавил:

— Ничего, я сам этим займусь. Только бы он не издох с привычки.

Антон вел глайдер на максимальной скорости, держась в ста метрах над землей. Маленькая яркая луна стояла почти в зените, красный серп давно зашел, а навстречу из-за белого горизонта поднималась третья луна, розовая и сплюснутая. Вадим пошевелился, громко зевнул и, пробормотав: «Ты меня залечил?» — снова заснул.

— Что он делает? — спросил Антон. Он так устал, что ему не хотелось оборачиваться.

— Кто?

— «Язык».

— Лежит. Воняет. Давненько не слышал этого запаха...

Давненько, подумал Антон. Я вообще никогда не слышал. И не хотел бы... Саул прав: зря мы ввязались в эту историю. Саул умница. Это действительно система. Культура рабовладения. Рабы и господа. Правда, я думал, что верные рабы встречаются только в плохих книжках... Верный раб — какая это гадость! Ну ладно, дело сделано, отступать поздно и глупо. По крайней мере мы все узнаем наверняка. Да и не в этом суть... Если бы даже я сразу понял, что здесь происходит, все равно я не смог бы повернуться спиной... К котловану, где машины давят людей... к загаженному поселку... Интересно, потерпит ли Мировой Совет существование планеты с рабовладельческим строем? Он вдруг ощутил

всю громадность проблемы. Никогда еще не было такой альтернативы: вмешиваться или не вмешиваться в судьбу чужой планеты? Жители Леониды и Тагоры слишком далеки от людей. Психология леонидян до сих пор загадка, и никто не скажет, какой там общественный строй... А гуманоиды Тагоры хотят от природы так мало, что вообще непонятно, как они доросли до создания своей техники... Но здесь, на Сауле, совсем другое дело. Нигде больше общественные отношения не принимают такой уродливой и в то же время, по-видимому, такой необходимой формы... Родной брат человечества — очень юный, очень незрелый и очень жестокий... И вдобавок ко всему эти дурацкие машины пришельцев...

Далеко впереди на голубой равнине показалась маленькая черная точка. Вот и «Корабль», подумал Антон. А возле, под снегом, мертвые. Как странно, всего день прошел, а я уже привык. Точно всю жизнь ходил среди голых мертвецов в снегу. Легко привыкает человек. Психическая аккомодация. Странно. Может быть, дело в том, что они все-таки чужие. Может быть, на Земле я сошел бы от всего этого с ума. Нет, просто я отупел...

Снижая скорость, он сделал круг над «Кораблем». «Корабль» выглядел ободряюще — знакомый черный конус над голубыми холмами. И две резкие тени от него: короткая черная и длинная розоватая. Глайдер опустился перед входом. Снег смерзся вокруг «Корабля» в сплошное ледяное поле. Антон похлопал Вадима по колену.

— Ну что, что? — сонно спросил Вадим.

— Подъем.

— А ну тебя...

— Вставай, Димка. Пойдем на «Корабль».

— Сейчас, — сказал Вадим и зачмокал. — Еще минуточку...

— Пощекотать его? — деловито предложил Саул.

Вадим сразу открыл глаза и поднялся.

— Ага, это «Корабль»... Понимаю.

Они вылезли на твердый скользкий снег. От морозного воздуха захватило дух. Было слышно, как Вадим застучал зубами. Саул придерживал «языка» за шиворот. Что думает сейчас этот бедняга? — подумал Антон.

— Вы поднимайтесь, — сказал Саул, — а я его прямо в душевую.

Они вошли в «Корабль», зарастили люк, и Антон, подталкивая Вадима, стал подниматься в кают-компанию.

Вадим, постукивая зубами, дремал. Внизу страшно заорал пленник. Вадим встрепнулся.

— Чего они там? — тревожно спросил он.

— Мыть повели, — объяснил Антон. — Он весь в паразитах.

Послышался голос Саула:

— Добром иди, небось не сдохнешь...

Дверь душевой хлопнула. Они вошли в кают-компанию и разом повалились в кресла.

— Милый, добрый «Корабль», — сказал Вадим. — Как хорошо, как чисто...

Антон лежал с закрытыми глазами.

— Болит? — спросил он.

— Чешется...

— Значит, все хорошо... Слушай, что тебе нужно для работы?

— Вычислитель, — сказал Вадим. — Половина памяти. Оба анализатора. Побольше кофе и какой-нибудь вкусной еды для «языка». Через два часа он будет сидеть здесь за столом и беседовать с тобой о смысле жизни.

Снизу опять донеслись вопль, возня и шлепанье босых ног.

— Куда? — взревел Саул. — На место... Дай сюда!

— Здорово он его моет, — сказал Вадим с уважением. — Наверное, мыло в глаза попало... А вот интонации у Саула не те. Весь этот рев бедняга «язык» воспринимает как умоляющий лепет. Тон приказа вот, — Вадим, вытянув шею, жалобно и нестерпимо завизжал.

— Котенку наступили на голову, — сказал Антон.

— Вот-вот!

— Ну ладно, рубку ты займешь... Я все принесу.

Вадим внимательно поглядел на него.

— А ведь ты, милый, выжат, как лимон, — сказал он.

— Есть немножко... Рана у тебя не очень серьезная, но я измотался. Знаешь, как это изматывает?

— Ложись спать, я справлюсь один. А Саул все принесет.

— Ладно, — сказал Антон. — Это моя забота. Иди, — он махнул рукой. — Готовься.

Вадим поднялся.

— Советую все-таки поспать,— он пошел в рубку и вдруг остановился. — А взяли они одежду?

Сначала Антон не понял, а потом сказал:

— Честно говоря, не знаю... Не помню. Но они нами очень недовольны.

— Ох, и каша, ну и каша! — сказал Вадим. — Ничего не понимаю. За что он меня ткнул мечом?

Он покачал головой и пошел в рубку. Антон сейчас же задремал. Ему приснилось, что он пошел на кухню, сварил очень много кофе, принес кофейник и консервы в рубку, а Вадим был занят и огрызнулся, и тогда он пошел в свою каюту, сел за стол, чтобы подобрать программу обратного перелета, но ему очень хотелось спать и все время попадались старые программы его прежних рейсов. Потом его разбудил Саул.

— Вот,— сказал Саул.

Перед Антоном стоял стройный светлолицый парень в трусах и тетраканэтиленовой куртке, черноглазый и испуганный.

— Хорош?— спросил Саул насмешливо.

Антон засмеялся.

— Красивая раса,— сказал он.— Здравствуй, младший брат.

Младший брат смотрел на него круглыми от страха глазами. Ну до чего славный парнишка,— подумал Антон.

— А вот это было у него под шубой,— сказал Саул и положил на стол твердый пакет.

Пленник сделал движение к пакету.

— Н-но,— грозно сказал Саул. — Опять? Я тебя!

Пленник съежился. По-видимому, интонации Саула он уже усвоил хорошо. Антон взял пакет, осмотрел его и вскрыл. В конверте из отлично обработанной кожи лежали замысловато сложенный лист бумаги, какой-то чертеж и несколько кусков окровавленного там-попластыря.

— Понимаете?— сказал Саул.— Это они ободрали с раненых.

Антон вспомнил изуродованных людей в шеренге и стиснул зубы.

— Это, наверное, донесение,— сказал он, помолчав.— О нашем появлении. Вадим!— позвал он.

Пленник вдруг заговорил. Он говорил быстро, ударяя себя ладонями по груди, на лице его были ужас и

отчаяние, и это странно не вязалось с резкими и даже как будто насмешливыми интонациями его голоса. В зал спустился Вадим и остановился позади пленника, прислушиваясь. Пленник замолчал и закрыл лицо руками.

— Посмотри-ка, Вадим,— сказал Антон, протягивая листок.

— О!— сказал Вадим.— Письмо! Это же просто прелесть! Вдвое меньше работы!

Он взял пленника за рукав и повел в рубку, на ходу рассматривая листок. Пленник покорно плелся за ним. Саул внимательно изучал чертеж.

— Я не специалист,— сказал он,— но, по-моему, это точное изображение внутренности того танка. Помните, в котловане?

Он перебрал чертеж Антону. Чертеж был сделан синей краской, очень аккуратно, но на бумаге было много следов грязных пальцев. Это был план кабины-шумовки — по-видимому, очень точный план. Некоторые отверстия были отмечены грубо намалеванными крестиками, некоторые просто зачеркнуты. Антон зевнул и потер глаза. «Ну вот,— вяло подумал он.— Отличные чертежи делают рабовладельцы».

— Слушайте, капитан,— сказал Саул,— идите спать. Все равно, пока наш лингвист не кончит, вы никому здесь не нужны.

— Вы думаете?

— Уверен.

Голос Вадима из рубки потребовал:

— Кофе и банку варенья.

— Сейчас!— крикнул Саул.— Идите, идите, Антон,— сказал он.

— Никуда я не пойду,— сказал Антон.— Я — здесь.

Он закрыл глаза и перестал сопротивляться. Он спал беспокойно, часто просыпался и открывал глаза. Он видел, как на цыпочках проходил Саул — в одной руке у него была пустая банка, в другой кофейник. В следующий раз Саул прошел в рубку с заставленным подносом, и в кают-компании пахло тматом. Потом Саул очутился за столом. Он задумчиво сосал пустую трубку и внимательно разглядывал Антона. Сверху из рубки доносились монотонные голоса. «Су-у... Му-у... Бу-...» — говорил Вадим, и механический голос повторял: «Су-у... Му-у... Бу-у... Работать — ка-ро-су-у... Рабочий — ка-ро-бу... Стать рабочим — карому-у...» Сон на-

плавал и уплывал снова. Голос Вадима непонятно вещал: «Блистающий... великий и могучий утес... идай-хикари... тика-удо...», и визгливый голос пленника поправлял: «Тико-о... удо-о...» Вадим кричал: «Саул! Кофе!» «Третий кофейник!» — недовольно бормотал Саул.

Потом Антон проснулся и почувствовал, что больше не хочет спать. Саула в зале не было. Изрядно осипший голос Вадима старательно выговаривал наверху: «Соринака-бу... торунака-бу... сапунори-су...» Пленник что-то басовито ворковал в ответ. Антон взглянул на часы. Было три часа утра местного времени. Ай да структуральнейший, — подумал Антон с уважением. Его вдруг охватило нетерпение. Надо было кончать.

— Димка! — крикнул он. — Как дела?

— Проснулся? — сипло отозвался Вадим. — Мы тебя ждем. Сейчас спускаемся.

Из каюты высунулась голова Саула.

— Уже? — осведомился он. Из приоткрытой двери валил дым.

— Входите, Саул, — сказал Антон. — Сейчас начнем.

Саул сел в кресло и бросил на стол чертеж. Из рубки спустился пленник, его покачивало. Щеки у него были вымазаны вареньем. Не обращая ни на кого внимания, он остановился и стал смотреть вверх с выражением собачьей почтительности в глазах. Сверху уже спускался Вадим, держа в обнимку большой блестящий ящик — приставку-анализатор. Он подошел к столу, поставил анализатор и рухнул в кресло. На лице у него было ликование.

— Я гений! — сообщил он сипло. — Я ум-ни-ца! Великий и могучий утес! Хикари-тико-удо!

При этих словах пленник перестал облизывать пальцы и сложил почтительно руки перед грудью.

— А? — вскричал Вадим, простирая к нему руку. Потом он заявил:

Есть на всякий, есть на случай
В «Корабле» специалист —
Ваш великий и могучий
Структуральнейший лингвист.

Антон с удовольствием посмотрел на него. На висках у Вадима торчали желтые рожки мнемокристаллов. У пленника тоже торчали желтые рожки мнемокристаллов. Было в них обоих что-то от добродушных молодых

бесов. Впрочем, пленник был больше похож на теленка. Саул тоже улыбался, посасывая трубку.

— Предупреждаю,— заявил Вадим,— абстрактных вопросов ему задавать не надо. Дубина редкостная. Образование — два класса. — Он встал и роздал Антону и Саулу по паре мнемокристаллов. — Мыслит он исключительно конкретно. — Он повернулся к пленнику:— Ринга хоси-му?

«Хочет варенья?»— понял Антон.

«Язык» заискивающе улыбнулся и опять сложил руки перед грудью.

— Вот видите?— сказал Вадим. — Он опять хочет варенья. Но он подождет. Давайте приступать.

Антон замялся. Он вдруг обнаружил, что не имеет ни малейшего понятия о том, как это делается. Вадим и Саул выжидательно смотрели на него. Пленник тоскливо переступал с ноги на ногу.

— Как вас зовут?— спросил Антон очень мягко. Ему не понравилось, что пленник до сих пор чувствует себя неуверенно и, несомненно, испытывает страх.

Пленник посмотрел на него с недоумением.

— Хайра,— ответил он и перестал переминаться.

«Из рода холмов»,— понял Антон.

— Очень приятно,— сказал он.— Меня зовут Антон.

Недоумение на физиономии Хайры возросло.

— Скажите, пожалуйста, Хайра, кем вы работаете?

— Я не работаю. Я воин.

— Видите ли,— сказал Антон,— вы, наверное, оскорблены насилием, которое мы были вынуждены применить по отношению к вам. Но вы не должны обижаться. Право, у нас не было иного выхода.

Пленник упер руку в бок, отвесил нижнюю губу и стал смотреть мимо Антона. Саул гулко кашлянул и принялся барабанить пальцами по столу.

— Вы не должны бояться,— продолжал Антон.— Мы не сделаем вам ничего дурного.

На лице пленника явственно проступила надменность. Он осмотрелся, отошел на два шага в сторону и сел на пол боком к Антону, скрестив ноги. Осваивается, подумал Антон. Это хорошо. Вадим, развалившись в кресле, взирал на все это с удовлетворением. Саул перестал барабанить пальцами и начал постукивать по столу трубкой.

— Мы только хотим задать вам несколько вопросов,—

с подъемом продолжал Антон,— потому что нам необходимо знать, что здесь происходит.

— Варенья,— неприятным голосом произнес Хайра.— И быстро.

Вадим захохотал от удовольствия.

— Such a little pig!¹— сказал он.

Антон покраснел и оглянулся на Саула. Саул медленно поднимался. Лицо у него было неподвижное и скучающее.

— Почему не несут варенья?— осведомился Хайра в пространство. — И пусть все молчат, пока я буду спрашивать. И пусть принесут варенья и одеяла, потому что мне жестко сидеть.

Воцарилось молчание. Вадим перестал улыбаться и с сомнением посмотрел на анализатор.

— Do you think,— растерянно спросил Антон,— we could better bring him some jam?²

Саул, не отвечая, медленно приблизился к пленнику. Пленник сидел с каменным лицом. Саул повернулся к Антону.

— You have taken the wrong way, boys,³ — проговорил он. — It won't pay with SS-men.⁴— Его рука мягко опустилась на шею Хайры. На лице Хайры мелькнуло беспокойство. — He is a pitekantropos, that's what he is,— нежно сказал Саул. — He mistakes your soft handling for a kind of weakness.⁵

— Саул, Саул!— сказал Антон встревоженно.

— Speak but English,⁶— быстро предупредил Саул.

— Где варенье?— неуверенно спросил пленник.

Саул мощным рывком поднял его на ноги. На каменном лице Хайры проступило смятение. Саул медленно пошел вокруг него, оглядывая его с головы до ног. Ну и зрелище, подумал Антон с невольным страхом и отвращением. У Саула был очень непривлекательный вид. Зато Хайра снова сложил на груди руки и заискивающе улыбался. Саул неторопливо вернулся к своему креслу и сел. Хайра смотрел теперь только на него. В кают-компании стояла мертвая тишина.

¹ Каков поросенок!

² Как вы думаете, может быть, действительно принести ему варенья?

³ Вы избрали неправильный путь, мальчики.

⁴ С эсэсовцами это не годится.

⁵ Это же питекантроп. Мягкое обращение он принимает за слабость.

⁶ Говорите только по-английски.

Саул стал набивать трубку, время от времени поглядывая на Хайру исподлобья.

— Now I interrogate,¹ — сказал он. — And you don't interfere. If you choose to talk to me, speak English.²

— Agreed,³ — сказал Вадим и что-то переключил в анализаторе. Антон кивнул.

— What did you do to that box?⁴ — подозрительно спросил Саул.

— Took measures, — ответил Вадим. — We don't need him to learn English as well, do we?⁵

— О'кэй, — сказал Саул. Он раскурил трубку. Хайра с ужасом смотрел на него, отклоняясь от клубов дыма.

— Имя? — хмуро спросил Саул.

Пленник вздрогнул и согнулся.

— Хайра.

— Должность?

— Носить копья. Стражник.

— Кто начальник?

— Кадайра. («Из рода вихрей» — понял Антон.)

— Должность начальника?

— Носитель отличного меча. Начальник охраны.

— Сколько стражников в лагере?

— Два десятка.

— Сколько людей в хижинах?

— В хижинах нет людей.

Антон и Вадим переглянулись. Саул бесстрастно продолжал:

— Кто живет в хижинах?

— Преступники.

— А преступники не люди?

На лице Хайры изобразилось искреннее недоумение. Вместо ответа он нерешительно улыбнулся.

— Ладно. Сколько преступников в лагере?

— Очень много. Никто не считает.

— Кто прислал сюда преступников?

¹ Я сейчас буду вести допрос.

² А вы не мешайте. Если захотите что-нибудь сказать мне, говорите по-английски.

³ Ясно.

⁴ Что вы сделали с этим ящиком?

⁵ Принял меры. Ведь вам не нужно, чтобы он научился заодно и английскому?

Пленник говорил долго и вдохновенно, но Антон услышал только:

— Их прислал Великий и могучий утес, сверкающий бой, с ногой на небе, живущий, пока не исчезнут машины.

— Ого,— сказал Саул,— они знают слово «машины»...

— Нет,— отозвался Вадим,— это я знаю слово «машины». Имеются в виду машины в котловане и на шоссе. А Великий и так далее — это, вероятно, местный царь.

Пленник слушал этот диалог с выражением тупого отчаяния.

— Ну ладно,— сказал Саул.— Продолжим. В чем вина преступников?

Пленник оживился и снова принялся говорить долго и много, и снова Антон понял далеко не все.

— Есть преступники, желавшие сменить утес... Есть преступники, бравшие чужие вещи... Есть преступники, убивавшие людей... Есть преступники, желавшие странного...

— Понятно. Кто прислал сюда стражников?

— Великий и могучий утес с ногой на земле.

— Зачем?

Пленник молчал.

— Я спрашиваю, что здесь делает стража?

Пленник молчал. Он даже закрыл глаза. Саул свирепо засопел.

— Так! Что здесь делают преступники?

Пленник, не открывая глаз, замотал головой.

— Говори!— рявкнул Саул так, что Антон вздрогнул. Комиссия по контактам, горестно подумал он, где ты?

Пленник жалобно застонал.

— Меня убьют, если расскажу.

— Тебя убьют, если ты не расскажешь,— пообещал Саул. Он достал из кармана перочинный нож и раскрыл его. Пленник затрепетал.

— Саул!— сказал Антон. — Stop it.¹

Саул стал чистить ножом трубку.

— Stop what?²— осведомился он.

¹ Прекратите.

² Что прекратить?

— Преступники заставляют машины двигаться,— едва слышно произнес Хайра. — Стражники смотрят.

— На что смотрят?

— Как машины двигаются.

Саул взял чертеж и сунул пленнику под нос.

— Рассказывай все,— сказал он.

Хайра рассказывал долго и сбивчиво, Саул подгонял и подправлял его. Дело, по-видимому, сводилось к тому, что местные власти пытались овладеть способом управления машинами. Методы при этом использовались чисто варварские. Преступников заставляли тыкать пальцами в отверстия, кнопки, клавиши, запускать руки в двигатели и смотрели, что при этом происходит. Чаше всего не происходило ничего. Часто машины взрывались. Реже они начинали двигаться, давя и калеча всех вокруг. И совсем редко удавалось заставить машины двигаться упорядоченно. В процессе работы стражники сажались подальше от испытываемой машины, а преступники бегали от них к машине и обратно, сообщая, в какую дыру или в какую кнопку будет сунут палец. Все это тщательно заносилось на чертежи.

— Кто делает чертежи?

— Не знаю.

— Верю. Кто привозит чертежи?

— Большие начальники на птицах.

— Имеются в виду наши знакомые птички,— пояснил Вадим.— Наверное, здесь их приручают.

— Кому нужны машины?

— Великому и могучему утесу, сверкающему бою, с ногой на небе, живущему, пока не исчезнут машины.

— Что он делает с машинами?

— Кто?

— Утес.

На лице пленника изобразилось смятение.

— Это же должность, Саул,— сказал Вадим.— Говорите полностью.

— Хорошо. Что делает с машинами Великий и могучий утес, с ногой на небе... или на земле?.. Тыфу, черт, не помню... живущий, пока... это...

— Пока не исчезнут машины,— подсказал Вадим.

— Бессмыслица какая-то,— сказал сердито Саул.— При чем здесь машины?

— Это титулование,— пояснил Вадим.— Символ вечности.

— Слушайте, Вадим. Спросите его, что он делает с машинами.

— Кто?

— Да утес же, черт бы его побрал!

— Говорите просто,— сказал Вадим.— Великий и могучий утес.

Саул отдулся и положил трубку на стол.

— Итак, что делает с машинами Великий и могучий утес?

— Никто не знает, что делает Великий и могучий утес,— с достоинством сказал пленник.

Антон не выдержал и засмеялся. Вадим хохотал, держась за подлокотники. Пленник глядел на них со страхом.

— Откуда привозят чертежи?

— Из-за гор.

— Что за горами?

— Мир.

— Сколько в мире людей?

— Очень много. Сосчитать невозможно.

— Кто привозит машины?

— Преступники.

— Откуда?

— С твердой дороги. Там очень много машин.— Пленник подумал и добавил:— Сосчитать нельзя.

— Кто делает машины?

Хайра удивленно улыбнулся.

— Машины никто не делает. Машины есть.

— Откуда они взялись?

Хайра произнес речь. Он тер лицо, гладил себя по бокам и поглядывал на потолок. Он закатывал глаза и временами даже принимался петь. Получалось приблизительно следующее.

Давным-давно, когда еще никто не родился, с красной луны упали большие ящики. В ящиках была вода. Жирная и липкая, как варенье. И она была темно-красная, как варенье. Сначала вода сделала город. Потом она сделала в земле две дыры и наполнила эти дыры дымом смерти. Потом вода стала твердой дорогой между дырами, а из дыма родились машины. С тех пор один дым рождает машины, другой дым глотает машины, и так всегда будет.

— Ну, это мы и без тебя знаем,— сказал Саул.— А если преступники не захотят двигать машины?

— Их убивают.

— Кто?

— Стражники.

— И ты убивал?

— Я убил троих,— гордо сказал Хайра.

Антон закрыл глаза. Мальчишка, подумал он. Славный, симпатичный мальчишка. И он говорит об этом с гордостью...

— Как же ты их убивал?— спросил Саул.

— Одного я убил мечом. Я доказывал начальству, что могу разрубить его тело одним ударом. Теперь он знает, что я это могу. Другого я убил кулаком. А третьего я приказал сбросить мне на копье.

— Кому приказал?

— Другим преступникам.

Некоторое время Саул молчал.

— Скучно,— сказал пленник.— Служба гордая, но скучная. Нет женщины. Нет умных бесед. Скучно,— повторил он и вздохнул.

— Почему преступники не бегут?

— Они бегут. Пусть. На равнине снег и птицы. В горах стража. Умные не бегут. Все хотят жить.

— Почему у некоторых золотые ногти?

Пленник сказал шепотом:

— Это были люди большого богатства. Но они хотели странного, а некоторые даже пытались сменить утес. Они отвратительны, как падаль,— сказал он громко.— Великий и могучий утес, сверкающий бой присылает их сюда со всеми родными. Кроме женщин,— добавил он с сожалением.

— Вы знаете,— сказал Саул,— я испытываю огромное желание повесить сначала его, а потом всех остальных носителей мечей и копий на этой равнине. Но это, к сожалению, бесполезно.— Он снова набил трубку.— У меня больше нет вопросов. Спрашивайте вы, если хотите.

— Нас нельзя вешать,— быстро сказал побледневший Хайра.— Великий и могучий утес, с ногой на небе жестоко накажет вас.

— Плевать я хотел на твоего Великого и могучего,— сказал Саул, раскуривая трубку. Пальцы его дрожали.— Будете еще спрашивать или нет?

Антон помотал головой. Никогда в жизни он не испытывал такого отвращения. Вадим подошел к Хайре и сорвал с его висков мнемокристаллы.

— Что будем делать? — спросил он.

— Таков человек, — задумчиво проговорил Саул. — На пути к нам он должен пройти через все это и многое другое. Как долго он еще остается скотом, после того как поднимается на задние лапы и берет в руки орудия труда. Этих еще можно извинить, они понятия не имеют о свободе, равенстве и братстве. Впрочем, это им еще предстоит. Они еще будут спасать цивилизацию газовыми камерами. Им еще предстоит стать мещанами и поставить свой мир на край гибели. И все-таки я доволен. В мире этом царит средневековье, это совершенно очевидно. Все это титулование, пышные разглагольствования, золоченые ногти, невежество... Но уже теперь здесь есть люди, которые желают странного. Как это прекрасно — человек, который желает странного! И этого человека, конечно, боятся. Этому человеку тоже предстоит долгий путь. Его будут жечь на кострах, распинать, сажать за решетку, потом за колючую проволоку... Да. — Он помолчал. — А какова затея! — воскликнул он. — Овладеть машинами, не имея никакого понятия о машинах! Представляете? Какой это был дерзкий ум! Сейчас-то его, конечно, посадили бы в лагерь. Сейчас это все рутина, что-то вроде обряда в честь могучих предков... Сейчас, наверное, никто и не знает и знать не хочет, для чего все это нужно. Разве что как повод для создания лагеря смерти. А когда-то это была идея...

Он замолчал и стал усиленно сипеть трубкой. Антон сказал:

— Ну, зачем же так мрачно, Саул? Им вовсе не обязательно проходить через газовые камеры и прочее. Ведь мы уже здесь.

— Мы! — Саул усмехнулся. — Что мы можем сделать? Вот нас здесь трое, и все мы хотим творить добро активно. И что же мы можем? Да, конечно, мы можем пойти к Великому утесу такими парламентарями разума и попросить его, чтобы он отказался от рабовладения и дал народу свободу. Нас возьмут за штаны и бросят в котлован. Можно напялить белые хламиды — и прямо в народ. Вы, Антон, будете Христос, Вадим будет апостолом Павлом, а я, конечно, Фомой. И мы станем проповедовать социализм и даже, может быть, сотворим несколько чудес. Что-нибудь вроде нуль-транспортировки. Местные фарисеи посадят нас на кол, а люди, которых мы хотели спасти, будут с гиком кидать в нас калом...

Он поднялся и прошелся вокруг стола.— Правда, у нас есть скорчер. Мы можем, например, перебить стражу, построить голых в колонну и прорваться через горы, сжечь сюзеренов и вассалов вместе с их замками и пышными титулами, и тогда города фарисеев превратятся в головешки, а нас поднимут на копья или скорее всего зарежут из-за угла, а в стране воцарится хаос, из которого вынырнут какие-нибудь саддукеи. Вот что мы можем.

Он сел. Антон и Вадим улыбались.

— Нас не трое,— сказал Антон.— Нас, дорогой Саул, двадцать миллиардов. Наверное, раз в двадцать больше, чем на этой планете.

— Ну и что?— сказал Саул.— Вы понимаете, что вы хотите сделать? Вы хотите нарушить законы общественного развития! Хотите изменить естественный ход истории! А знаете вы, что такое история? Это само человечество! И нельзя переломить хребет истории и не переломить хребет человечеству.

— Никто не собирается ломать хребты,— возразил Вадим.— Были времена, когда целые племена и государства по ходу истории перескакивали прямо из феодализма в социализм. И никакие хребты не ломались. Вы что, боитесь войны? Войны не будет. Два миллиона добровольцев, красивый, благоустроенный город, ворота настежь, просим! Вот вам врачи, вот вам учителя, вот вам инженеры, ученые, артисты... Хотите, как у нас? Конечно! И мы этого хотим! Кучка вонючих феодалов против коммунистической колонии — тьфу! Конечно, это случится не сразу. Придется поработать, лет пять потребуется...

— Пять!— сказал Саул, поднимая руки к потолку.— А пятьсот пятьдесят пять не хотите! Тоже мне просветители! Народники-передвижники! Это же планета, понимаете? Не племя, не народ, даже не страна — планета! Целая планета невежества, трясина! Артисты, ученые! А что вы будете делать, когда придется стрелять? А вам придется стрелять, Вадим, когда вашу подругу-учительницу распнут грязные монахи... И вам придется стрелять, Антон, когда вашего друга-врача забьют насмерть палками молодчики в ржавых касках! И тогда вы озвереее и из колонистов превратитесь в колонизаторов...

— Пессимизм,— сказал Вадим,— суть мрачное мироощущение, при котором человек во всем склонен видеть дурное, неприятное.

Саул несколько секунд дико глядел на него.

— Вы не шутите,— сказал он наконец. — Это не шутки. Коммунизм — это прежде всего идея! И идея не простая. Ее выстрадали кровью! Ее не преподашь за пять лет на наглядных примерах. Вы обрушите изобилие на потомственного раба, на природного эгоиста. И знаете, что у вас получится? Либо ваша колония превратится в няньку при разжиревших бездельниках, у которых не будет ни малейшего стимула к деятельности, либо здесь найдется энергичный мерзавец, который с помощью ваших же глайдеров, скорчеров и всяких других средств вышибет вас вон с этой планеты, а все изобилие подгребет себе под сапожки, и история все-таки двинется своим естественным путем.

Саул рывком откинул крышку мусоропровода и принялся яростно выбивать туда свою трубку.

— Нет, голубчики. Коммунизм надо выстрадать. За коммунизм надо драться вот с ним,— он ткнул трубкой в сторону Хайры,— с обыкновенным простаком-парнем. Драться, когда он с копьем, драться, когда он с мушкетом, драться, когда он со «шмайссером» и в каске с рожками. И это еще не все. Вот когда он бросит «шмайссер», упадет брюхом в грязь и будет ползать перед вами — вот когда начнется настоящая борьба! Не за кусок хлеба, а за коммунизм! Вы его из этой грязи поднимете, отмоете его...

Саул замолчал и откинулся в кресле.

Вадим задумчиво чесал затылок.

Антон сказал:

— Вам виднее, Саул, вы историк. Конечно, все это будет очень трудно. Вадим тут нес, как всегда, легкомысленную чушь. Мы вдвоем с Вадимом или втроем с вами никогда не решим эту задачу — даже теоретически. Но мы все знаем одно: не было еще такого случая, чтобы человечество поставило перед собой задачу и не смогло ее решить.

Саул что-то неразборчиво проворчал.

— Как это будет делаться конкретно...— Антон пожал плечами.— Что ж, если придется стрелять, вспомним, как это делалось, и будем стрелять. Только, по-моему,

обойдется без стрельбы. Пригласим, например, этих желающих странного на Землю. Начнем с них. Они, наверное, захотят уехать отсюда...

Саул быстро вскинул и снова опустил глаза.

— Нет,— сказал он.— Только не так. Настоящий человек уехать не захочет. А ненастоящий...— он снова поднял глаза и посмотрел прямо в лицо Антону.— А ненастоящему на Земле делать нечего. Кому он нужен, дезертир в коммунизм?

Почему-то все замолчали. И почему-то Антону стало нестерпимо жалко Саула и страшно за него. У Саула, несомненно, была беда. И очень непростая беда, такая же, наверное, необычная, как он сам, как его слова и поступки.

Вадим с деланным оживлением вскричал:

— А вот, кстати... Мы же забыли! За что меня пырнули мечом эти угнетенные? Надо выяснить!

Он подбежал к Хайре, у которого ноги подламывались от усталости и плохих предчувствий, и снова прикрепил к его вискам рожки мнемокристаллов.

— Слушай-ка, питекантроп,— сказал он.— Почему преступники, которые везли тебя, напали на нас? Они что, тебя очень любят?

Хайра ответил:

— По велению Великого и могучего утеса, сверкающего боя, с ногой на небе, живущего, пока не исчезнут машины, преступники заточаются здесь до тех пор, пока не исчезнут машины...

— То есть навсегда,— пояснил Вадим.

—...но если преступник сделает, чтобы машина двигалась, он получает милость и возвращается за горы. Те, которые везли меня, шли домой. Они были почти уже люди. На заставе я должен был отпустить их и пересечь на птиц. Но они не сумели сохранить меня, хотя и хотели, потому что хотели жить. А теперь их заколют. — Он нервно зевнул и добавил: — Если солнце уже взойшло, то их уже закололи.

Антон вскочил, опрокинув кресло.

— О господи!— сказал Саул и выронил трубку.

Носителя копья из рода холмов посадили между Саулом и Антоном. Он снова был закутан в свою шубу, от которой теперь пахло дезинсектаем, и сидел смирно, беспокойно шевеля коротким носом: принюхивался. Было пять часов утра, занималась бледная ледяная заря. И было очень холодно.

Вадим молча вел глайдер на максимальной скорости и думал только одно: «Успеем или не успеем?». Хоть бы эти бедняги не решились сразу возвращаться в поселок. Но он понимал, что больше им деваться некуда. Это был их единственный шанс на спасение — попытаться смягчить начальника стражи рассказом о том, как они геройски защищали его посланника. Эта грубая скотина прикончит их сразу же, с горечью подумал Вадим. Если мы не успеем. Он представил себе, как они поставят Хайру перед толстым носителем отличного меча, и он, Вадим, скажет: «Кайра-мэ сорината-му каро-сика!»—«Вот ваш человек!»— и визгливо-жалобно завопит: «Татимата-нэ корису!»—«Не смей убивать этих свободных!». Он все время твердил в уме эти фразы, и в конце концов они потеряли для него всякий смысл. Все это не так просто. Может быть, придется вести длинный разговор. А вряд ли носитель меча согласится добровольно прикрепить к своей немойтой начальственной голове мнемокристаллы. Вадим покосился на блестящий ящик анализатора. Придется его скрутить. Не зря же я тащил эти двадцать четыре килограмма от кают-компания до глайдера.

Антон спросил:

— А что было в послании?

Вадим достал из кармана смятый листок и, не оборачиваясь, протянул через плечо.

— Я немного подредактировал,— сказал он.— Перевод карандашом между строчек.

Антон взял листок и стал читать вполголоса:

— «Лучезарному колесу в золотых мехах, носителю грозной стрелы, слуге под самым сидалищем Великого и могучего утеса, сверкающего боя, с ногой на небе, живущего, пока не исчезнут машины, к ступне повергает это донесение ничтожный стражник из рода вихрей, носитель отличного меча. Доношу первое: большая машина «воин-купол» пришла в движение от пальца в отверстии

пятом и от пальца в отверстии сорок седьмом, и движение было неодолимое, быстрое и прямое. Доношу второе: явились на небывалой машине трое, не знающие речи, не носящие оружия, не понимающие установления и желающие странного. Не зная их сущности, пребываю в ожидании высоких приказаний. Доношу третье: уголь кончается, а топить мертвецами по вашему милостивому слову мы за невежеством и недоумием не умеем. При сем прилагаю: первое — чертеж большой машины «воин-купол» и второе — образцы материй, приклеенные неизвестными людьми к ранам преступников». Да, здесь ничего нового,— сказал Антон.

— Феодализм чистейшей воды,— произнес Саул.— Не особенно церемоньтесь с ними, не то как раз сядете на копыя.

А церемониться неохота, подумал Вадим. И, конечно, не из-за копий. Пленник вдруг заерзал на месте и грубым низким басом заискивающе попросил:

— Ринга...

— Сэнту!— визгливо крикнул Вадим.

Пленник замер.

— Опять варенья просит,— сказал Вадим.

— Потерпит,— сказал Саул.— «Жрать и пить, морду бить...»

— Ничего,— сказал Вадим.— Он у нас еще захочет странного.

— Вадим,— попросил Антон,— дай-ка пару кристаллов. Я хочу поговорить с ним.

— В кармашке справа,— сказал Вадим, не оборачиваясь.

— Слушай, Хайра,— сказал Антон. — Если мы тебя вернем в поселок, отпустит твой начальник освобожденных, которые защищали тебя?

— Да,— быстро сказал Хайра.— А вы меня вернете в поселок?

— Конечно, вернем,— сказал Антон.— Не убивать же тебя.

Вадим посмотрел через плечо. Хайра приосанился.

— Начальник строг,— произнес он.— Начальник, может быть, не отпустит их и пошлет обратно в котлован. Но вы можете надеяться на милость. Возможно, он даже отпустит вас, если вы дадите ему ценные подарки. У вас есть ценные подарки?

— Есть,— рассеянно сказал Антон. — У нас все есть.

— Что он говорит? — проворчал Саул. — Вадим, где мои кристаллы? А, вот они...

— Может быть, действительно придется выкупить их, — проговорил Антон задумчиво. — Не устраивать же драку... Мне этого совсем не хочется.

Хайра заговорил снова, и голос его был тверд и визглив.

— А мне вы дадите вот эту куртку, — он ткнул пальцем в куртку Саула. — И этот ящик, — он показал на анализатор. — И все варенье. Все равно у вас отберут перед тем, как отправить в хижину. Вы правильно решили — не устраивать драку. Наши копья острые и зазубрены, и при обратном движении они извлекают из врага внутренности. И еще я возьму вот эту обувь. И вот эту тоже. Ибо все между землей и небом принадлежит Великому и могучему... И это я тоже возьму.

Хайра замолчал озабоченно. Вадим, развлекаясь от души, оглянулся. Антон сосредоточенно смотрел в окно — видимо, он не слушал. Хайра сидел на полу, скрестив ноги, и осматривал его ботинки. Саул смотрел на Хайру, придерживая у виска один из кристаллов. На лице его было бешенство. Поймав взгляд Вадима, он нехорошо улыбнулся. Хайра наставительно сказал:

— Когда вас будут раздевать, не забудьте сказать, что это, — он показал пальцем, — это и это мое. Я первый.

— Молчать, — тихо сказал Саул.

— Молчи сам, — с достоинством сказал Хайра. — Или мы забьем тебя насмерть палками.

— Саул, — сказал Антон. — Перестаньте. Что вы как ребенок...

— Да, он не умен, — сказал Хайра. — Но куртка его хороша.

А ведь он действительно уверен, что мы в его власти, подумал Вадим. Он уже видит это — как нас раздевают и сталкивают в котлован, и мы спим на земляном полу, покрытом нечистотами, и всегда молчим, а он гонит нас босых по снегу, колет копьями, бьет по лицу, чтобы не отставали. А вокруг люди, которые думают только о себе, которые мечтают только о том, чтобы попасть пальцем именно в ту дырку, которая приведет машину в движение, и тогда их, радостных и ликующих, запрягут в сани и погонят по снегу навстречу свободе, босиком, через заснеженные холмы, под седалище Великого и

могучего... У Вадима круги пошли перед глазами от боли — так крепко он закусил губу. Я бы им устроил праздничек, подумал он с ненавистью. Это было странное чувство — ненависть. От него холодело внутри и напрягались все мускулы. Он никогда раньше не испытывал ненависти к людям. Он услышал, как Саул страшно сопит у него за спиной. Хайра мурлыкал песенку.

Внизу показался грязный котлован. На дне его в беспорядке сгрудились машины, нелепые и дикие орудия унижения и смерти. Эх, вы, пришельцы, подумал Вадим. Впрочем, что с вас взять! Вы ведь даже не гуманоиды. Вода с неба... Варенье...

Он снизился и, тормозя, пошел вдоль улицы прямо к домику охраны. Хайра, узнав родные места, разразился радостными воплями, которые не брал даже мощный анализатор.

Перед домиком было полно народу. В зеленоватом свете зари мерцал снег. На снегу, сбившись в кучку, жалкие, голые, стояли, опустив головы, два десятка бывших освобожденных. Вокруг них, опираясь на копья, расставив ноги, стояли стражники в шубах. На крыльце возвышался носитель отличного меча. Отличный меч он держал перед собой и, повернув оттопыренное ухо к мечу, водил по острию большим пальцем. Потом он заметил снижающийся глайдер и замер, раскрыв черную пасть.

Вадим посадил глайдер прямо перед крыльцом. Он распахнул фонарь и крикнул:

— Кайра-мэ сорината-му! Татимата-нэ кори-су!

Он выбрался из-за руля, сгреб носителя копья из рода холмов в охапку и поставил его на ступеньки крыльца. Начальник опустил меч и с отчетливым хрустом захлопнул рот. Хайра согнулся и мелкими шажками проторно подбежал к нему.

— Почему ты еще не убит?— изумленно спросил начальник.

Хайра, сложив руки перед грудью, быстро и басовито заворковал:

— Случилось, что должно было случиться! Я рассказал им о величии и мощи Великого и могучего утеса, сверкающего боя, с одной ногой на небе, живущего, пока не исчезнут машины, и они в страхе пустили воду. Они накормили меня вкусной пищей и говорили со

мной, как покорные. И они явились сюда, чтобы склониться перед тобой.

Копейщики почтительно сплотились у крыльца. Только два десятка голых стояли на месте, покорно ожидая своей участи. Начальник важно и медлительно вложил меч в ножны. Он больше не смотрел на глайдер. Он принялся равнодушно и неторопливо расспрашивать Хайру.

— Где они живут?

— У них большой дом на равнине. Очень теплый.

— Где они взяли эту машину?

— Не знаю. Наверное, на дороге.

— Ты должен был сказать им, что все небо и вся земля принадлежит Великому и могучему утесу.

— Я сказал им. Но их обувь, и одна куртка, и блестящий ящик принадлежат мне. Не забудь это потом, светлый и сильный.

— Ты дурак,— сказал начальник презрительно.— Все принадлежит Великому и могучему утесу. А ты получишь то, что тебе достанется. Где послание?

— Они отобрали,— разочарованно сказал Хайра.

— Ты дурак еще раз. Это будет стоить тебе кожи.

Хайра увял. Начальник посмотрел куда-то в пространство между Вадимом и Антоном и произнес:

— Пусть они покажут свою обувь.

Саул зарычал и полез к борту.

— Тихо, тихо,— сказал Антон.

Начальник меланхолически высморкался на крыльцо.

— А какую еду ел ты?— спросил он.

— Варенье. Это не совсем варенье, но оно сладкое и радует язык.

Начальник слегка оживился.

— А у них много этого варенья?

— Очень много!— с энтузиазмом вскричал Хайра.— Но не приказывай бить меня.

— Я решил,— сказал начальник.— Пусть они отправляются домой и принесут к моим ногам все варенье. И всю другую еду. У них нет угля?

Хайра вопросительно посмотрел на Антона. Антон резко сказал:

— Потребуй у него свободы этим преступникам!

— Что он говорит?— спросил начальник.

— Он просит, чтобы ты не убивал этих преступников.

— А как ты понимаешь его речь?

Хайра указал обеими руками на рожки мнемокристаллов у себя на висках.

— Если приставить это к голове, то ты слышишь чужую речь, а понимаешь ее как свою.

— Дай сюда,— потребовал начальник.— Это тоже принадлежит Великому и могучему утесу.

Он отобрал у Хайры мнемокристаллы и после нескольких неудачных попыток пристроил их у себя на лбу. Антон сейчас же сказал:

— Немедленно отпусти этих людей, заслуживших свободу.

Начальник с удивлением посмотрел на него.

— Ты не можешь говорить так,— сказал он.— Я прощаю тебя потому, что ты низкий и не знаешь слов. Ступай. И принеси также письмо и чертеж. — Он повернулся к копейщикам, которые почтительно ему внимали, и заорал: — Ну что вы тут стали, труполобы? Нечего вам обнюхивать их штаны! Штаны всех людей, кто разговаривает со мной, воняют одинаково. За работу! Гоните эту падаль в котлован. Гей! Гей!

Копейщики загоготали и трусцой побежали по улице, гоня перед собой бывших освобожденных. Начальник дружелюбно хлопнул Хайру по уху и приказал ему убираться. Хайра, шатнувшись от удара, юркнул в дверь. Оставшись один, начальник посмотрел на небо, посмотрел на хижины, протяжно с прискуливанием зевнул, посмотрел на глайдер, лениво отхаркался и, глядя в сторону, сказал скучающим голосом:

— Делайте, как я указал. Возвращайтесь в свой дом, принесите мне сюда все варенье и всю другую еду и идите в котлован, если хотите жить.

Вадим смотрел на эту громадную грязную фигуру и испытывал странную слабость во всех членах. У него было такое ощущение, как будто он во сне пытается взобраться на скользкую отвесную стену. Антон пробормотал рядом:

— Смотри, Димка, смотри хорошенько. Это тебе не мальчишка Хайра.

— Не могу,— странным бесцветным голосом сказал Саул.— Я его сейчас удавлю.

— Ни в коем случае,— сказал Антон.

Начальник гаркнул в открытую дверь:

— Зажарь мне мяса, Хайра, труполоб! И согрей ложе! Я сегодня весел.— Потом он встал к глайдеру боком

и, глядя на горы, заговорил, подняв грязный указательный палец:— Сейчас вы еще неразумны и окаменели от страха. Но вам надлежит знать, что впредь, разговаривая со мной, вы должны согнуться в поясице и прижать ладони к груди. И не смотреть на меня, потому что вы низкие и взор ваш нечист. Сегодня я вас прощаю, а завтра прикажу избить древками копий. И еще вы должны помнить, что самая высокая добродетель состоит в повиновении и молчании. — Он сунул указательный палец в пасть и стал копать в зубах. Речь его стала невнятной. — Когда вы вернетесь сюда с вареньем, письмом и чертежом, вы разденетесь и оставите все на крыльце. Я не выйду к вам. Потом пойдите в хижины и обдерите там рубахи с мертвецов. Две рубахи брать нельзя.— Он вдруг заржал.— А то вы вспотеете на работе. Можете взять рубахи и с живых, но только с тех, у кого золотые ногти...

В полуоткрытую дверь просунулся Хайра.

— Все готово, светлый и сильный,— сказал он.

— Ваша судьба будет легка. Великому и могучему утесу нужны люди, умеющие двигать машины. Ибо будет же, наконец, война за земли, которые ему принадлежат! И тогда Великий и могучий утес,— он поднял указательный палец,— сверкающий бой, с ногой на небе и с ногой на земле, живущий, пока не исчезнут машины...

— Гад!— оглушительно рявкнул Саул. Над ухом Вадима тускло блеснул вороненый ствол скорчера.

— Не надо!— крикнул Антон.

Саул оттолкнул Вадима и схватился за руль.

— Не надо?— закричал он.— А что же надо? Терпеть и ждать, пока не исчезнут машины? Хорошо!

Страшный рывок повалил Вадима между сидений. Не закрывая фонаря, Саул бросил глайдер в воздух. Раздался треск, над кабиной пролетело расщепленное бревно. Ледяной ветер завыл в ушах, глайдер круто накренился, и Вадим успел увидеть, что начальник стоит на четвереньках на крыльце, задрав необъятный зад, а крыша дома, вертясь и разваливаясь, падает на середину улицы. Вадим попытался закрыть фонарь. Фонарь не закрывался.

— Саул!— крикнул Вадим.— Сбросьте скорости!

Саул не ответил. Он гнал глайдер над улицей, по которой уже двигались цепочки заключенных, прямо к котловану. Он скрючился, скрывая лицо за маленьким

козырьком. Скорчер лежал у него на коленях. Глайдер шел неровными толчками, встречный ветер стремился перевернуть его.

Вадим все пытался одной рукой закрыть фонарь. Другой он придерживал упавший ему на колени ящик анализатора. Саул говорил сквозь зубы:

— Мерзавцы... подлецы... мучители... Машины вам? Будут вам машины!.. Земли воевать? Будут вам земли!..

Вадиму, наконец, удалось вскарабкаться на сиденье, и он огляделся. Глайдер мчался прямо на котлован. Антон, вцепившись в подлокотники, шурясь от ветра, молча смотрел в спину Саула.

— Варенья тебе?— рычал Саул.— Я тебе покажу варенье!.. Сладкую еду... труполобы...

Глайдер взлетел над котлованом. Саул замолчал и, перегнувшись через борт, выпалил из скорчера прямо вниз. Вадим отшатнулся. Ослепительное лиловое пламя выбросилось из котлована, громовой удар рванул уши, и все осталось позади.

Вадим, напрягаясь так, что все у него внутри захрустело, захлопнул, наконец, фонарь. Стало тихо.

— Я им внушу другие понятия о вечности,— сказал Саул и замолчал.

— А может быть, не надо?— робко предложил Вадим. Он еще не понимал, что хочет Саул. Ну, что с них взять, думал он. Тупые невежественные люди. Разве на них можно сердиться по-серьезному?

Глайдер с ревом несся над верхушками холмов, разбрасывая тучи снежной пыли. Саул был очень неважным водителем, он подавал на двигатель слишком много энергии, и двигатель работал наполовину вхолостую. Зато за глайдером тянулась плотная стена изморози. Несколько птиц кинулось наперерез и сейчас же пропало в снежном вихре. А позади, над искрящейся мутью, поднимался в небо дымный столб.

— Одно жалко, одно...— снова заговорил Саул.— Как жаль, что нельзя уничтожить одним махом всю тупость и жестокость, не уничтожив при этом человека... Ну, одну-то глупость в этой безмерно глупой стране!..

— Вы летите к шоссе?— спокойно спросил Антон.

— Да. И не пытайтесь остановить меня.

— И не подумая,— сказал Антон.— Только будьте осторожны.

Теперь Вадим понял и уставился на скорчер. Кажется,

начинается такое, подумал он, чего я никогда в жизни не смогу описать... и не смогу понять.

На шоссе все было по-прежнему. Как и вчера, как и сто лет назад, бесшумно, ровными рядами шли машины. Из дыма выходили и уходили в дым. И так могло бы быть вечно. Но вот Саул посадил глайдер в двадцати метрах от полотна, откинул фонарь и положил ствол скорчера на борт.

— Я не терплю ничего вечного,— неожиданно спокойно сказал он и выстрелил.

Первый удар пришелся по громадной черепахообразной машине. Панцирь вспыхнул и разлетелся, как яичная скорлупа, а платформа на одной гусенице завертелась на месте, сшибая и опрокидывая идущие за нею маленькие зеленые кары.

— Нельзя изменить законы истории...— сказал Саул.

С громом запылала огромная черная башня на колесах, а другая такая же башня опрокинулась и загородила часть шоссе.

—...но можно исправить некоторые исторические ошибки,— продолжал Саул, целясь.

Лиловая молния миллионовольтного разряда лопнула под днищем оранжевой машины, похожей на полевой синтезатор, и она, распадаясь на части, взлетела высоко в воздух.

—...эти ошибки даже должно исправлять,— приговаривал Саул, непрерывно стреляя. — Феодализм... и без того достаточно... грязен.

Потом он замолчал. Справа росла гряда раскаленных обломков, а слева шоссе опустело — впервые, вероятно, за тысячи лет,— там пробегали только отдельные машины, случайно прорвавшиеся через огненную завесу. Потом пылающая гора распалась с шипением и треском, поднялся высокий столб искр и пепла, и сквозь облака дыма на шоссе хлынули новые ряды машин. Саул зарычал и снова припал к скорчеру. Снова загревели разряды, запылали, взрываясь, машины, и снова начала расти гряда раскаленных обломков. Черные тяжелые клубы, прорезаемые фонтанами искр, повисли в небе. Из дыма мохнатыми хлопьями падал пепел, и снег вокруг почернел и дымился. У шоссе обнажилась земля.

Вадим сидел, упираясь ногами в ящик анализатора, вздрагивая и щурясь при каждой вспышке. Потом он привык и перестал щуриться. Снова и снова вырастала

на шоссе пылающая гора, снова и снова она рассыпалась, разбрасывая горящие обломки, шумно вздыхая волнами нестерпимого жара, а машины все шли и шли неодолимым потоком, равнодушные ко всему этому уничтожению, и не было им конца.

— Наверное, хватит, Саул! — попросил Антон.

Это бесполезно, подумал Вадим. Саул перестал стрелять — кончились заряды — и уронил голову на руки. Горячее дуло скорчера задралось в небо. Вадим поглядел на покрытые копотью голову и руки Саула и ощутил огромную усталость. Не понимаю, подумал он. Все зря. Бедный Саул. Бедный Саул.

— История, — хрипло сказал Саул, не поднимая головы. — Ничего нельзя остановить.

Он выпрямился и посмотрел на ребят.

— Сердце не вытерпело, — сказал он. — Простите меня. Сердце не вытерпело. Я просто не смог. Надо было хоть что-нибудь сделать.

Они сидели и долго глядели на шоссе. Машины ряд за рядом катились своим путем, сталкивая обломки на обочины, сметая пепел, и скоро все стало по-прежнему, только поперек шоссе медленно остывало багровое пятно, чернел испачканный снег вокруг и долго не рассеивалась над головой дымная пелена, сквозь которую, вздрагивая, глядел красный искаженный диск — желтый карлик ЕН 7031.

Саул закрыл глаза и сказал непонятно:

— Это как печи... Если разрушить только печи — построят новые, и все.

Где-то неподалеку раздавались знакомые до отвращения жалобные крики. Вадим неохотно повернул голову. На проселке возле шоссе стояла толпа измученных людей в мешковине, и стражники в шубах и с копьями суетились вокруг. Что им здесь надо? — равнодушно подумал Вадим. Стражники древками пик выгнали из толпы какого-то несчастного. Дрожа и оглядываясь, он прошел по черному снегу и вышел на шоссе. Громадная блестящая башня мягко катилась на него. Несчастный с отчаянием посмотрел на стражников. Те проорали что-то про руки. Преступник закрыл глаза и раскинул руки крестом. Машина сшибла его и покатилась дальше. Саул поднялся. Скорчер, глухо стукнув, упал на дно кабины.

— Хочу набить им морду, — сказал Саул. Пальцы у него сгибались и разгибались.

Антон поймал его за куртку.

— Честное слово, Саул,— сказал он,— это тоже бесполезно.

— Знаю,— Саул сел.— Вы думаете, я не знаю? Ну, почему я ничего не могу сделать? Почему я ни там, ни здесь ничего не могу сделать?

Стражники вытолкнули на дорогу другого заключенного. Первый так и остался лежать, плоский, как пустой мешок. Второй раскинул руки и встал на пути красной платформы с кубическим ящиком. Платформа снизила скорость и остановилась перед ним в двух шагах. Стражники закричали. Заключенный поднял руки и, пятясь, стал сходить с шоссе. Красная машина, как привязанная, ползла за ним. Она съехала на проселок и тяжело закачалась на колдобинах. Заключенный все пятился и пятился, уводя ее от шоссе к котловану. А по шоссе все шли, шли и шли машины.

— Чепуху я сделал,— горестно сказал Саул. — Ругайте меня. Но все равно начинать здесь нужно с чего-нибудь подобного. Вы сюда вернетесь, я знаю. Так помните, что начинать нужно всегда с того, что сеет сомнение... Ну, что же вы меня не ругаете?

Вадим только судорожно вздохнул, а Антон сказал ласково:

— За что же, Саул? Вы не сделали ничего плохого. Вы сделали только странное.

VIII

— Димка,— сказал Антон,— пойди посмотри, как там Саул.

Вадим поднялся и вышел из рубки. Он спустился в кают-компанию и заглянул к Саулу. На него пахло застоявшимся табачным дымом. Саул лежал на диване в той же позе, в которой они уложили его после перехода: вытянув ноги с огромными ступнями, закинувшись, выставив щетинистый кадык. Вадим присел рядом и потрогал его лоб. Лоб горел. Саул несвязно забормotal:

— Сухари... сухари нужны... Что вы ко мне с ножницами? В портняжной ножницы... не маникюрные же... Я вас о сухарях спрашиваю... а вы мне ножницы...— Он вдруг сильно вздрогнул и прохрипел: — Цум бефаль, господин блоковый... Никак нет, бьем вшей...

Вадим погладил его по бессильной руке. На Саула было тяжело смотреть. Всегда тяжело видеть сильного, уверенного человека в таком беспомощном состоянии. Саул медленно открыл глаза.

— А... — проговорил он. — Вадим... Димочка... Ты ничего не думай... На допрос всегда противно смотреть... Ты не думай обо мне плохо... Я вернусь... Это была просто слабость... А теперь я отдохнул немножко и вернусь...

Глаза его снова стали закатываться. Вадим с жалостью глядел на него.

— Опять горим... — забормотал Саул. — Как дрова горим. Степанов горит! Да в рощу же, в рощу!..

Вадим вздохнул и поднялся. Он оглядел каюту. Беспорядок здесь был страшный. На полу валялся, вывернув внутренности, нелепый портфель. Содержимое было разбросано — странные серые картонные чехлы, набитые бумагой, украшенные стилизованным изображением какой-то птицы с раскинутыми крыльями. Один из чехлов раскрылся, и бумаги рассыпались по всей каюте. На столике тоже лежали бумаги. Вадим хотел было прибрать, но заметил, что Саул заснул. Тогда он на цыпочках вышел и прикрыл за собой дверь.

Антон сидел за пультом, положив пальцы на контакты, и задумчиво глядел на обзорный экран. По экрану медленно проползали вершины сосен, далекие сияющие этажи домов, красные огоньки энергоприемников.

— Плохо ему, — сказал Вадим. — Бредит. Сейчас, правда, заснул.

Он присел на подлокотник и уставился на стену, разрисованную изображениями человеческих фигурок и предметов.

— Вот стену я напрасно испачкал, — проговорил он. — Надо было у Саула попросить бумаги. У него, оказывается, полный портфель бумаги. Между прочим, Хайра до икоты испугался, когда я стал рисовать...

— Ты знаешь, Димка, — сказал Антон задумчиво, — Саул, конечно, человек странный. Но чтобы у взрослого дяди не было прививки биоблокады... он покачал головой.

— Ты хоть представляешь, чем он болен?

— Я тебе уже говорил — не представляю. Заразился чем-нибудь от Хайры...

Вадим представил себе, чем можно заразиться от Хайры, поморщился и сполз в кресло.

— Мне Саул нравится,— объявил он. — Он чудак с точкой зрения. И он восхитительно загадочен. Никогда в жизни я не слышал такого загадочного бреда.

— А сколько раз ты вообще слышал бред?

— Это несущественно. Я читал. Между прочим, он сказал, что его бегство с Земли было просто слабостью. Теперь, говорит, я отдохнул немного и вернусь. Я рад за него, Тошка.

— Это он тебе в бреду говорил?

— Нет. У него было прояснение.— Вадим посмотрел на экран. «Корабль» плыл над Хибинами.— Как ты думаешь, сколько времени прошло?

— Тысяча лет,— сказал Антон.

Вадим усмехнулся.

— На редкость содержательный отпуск. Здорово мы там, верно?— блаженно улыбаясь, он стал вспоминать героические эпизоды, репетируя завтрашнее выступление перед Нели и Самсоном. Самсон зачихнет безо всяких черепов: я покажу ему шрам.

— Жаль,— сказал он вслух.

— Что?

— Жаль, что он ударил меня в бок. Надо было по лицу. Представляешь? Шрам от левого виска и через глаз до подбородка!

Антон посмотрел на него.

— Знаешь, Димка,— сказал он,— я к тебе, кажется, никогда не привыкну.

— А ты не беспокойся, Антон. Ты тоже был ничего. Мямлил, правда. Я расскажу Галке, что ты здорово командуешь.

Антон скривился.

— Нет уж, ты лучше ничего не рассказывай. — Он помолчал. — Здорово мямлил?

— По-моему, да.

— Понимаешь, ничего не мог с собой поделать. Никогда мне еще не приходилось так туго. Всякое бывало, но вот такой ситуации, Димка, когда нужно что-то делать и абсолютно ничего нельзя сделать, когда вот так нужно что-то улучшить и знаешь, что сделать можно только хуже... Мямлил, конечно.

Вадим рассматривал Хибины.

— А командовал ты все-таки хорошо. Любопытно было видеть тебя в таком амплуа... Послушай, а Хайра-то

лежит сейчас на своих вонючих шкурах и думает: какие были ботинки, ни у кого таких нет! Антон, дружище, а ты не можешь побыстрее?

— Не могу. Здесь нельзя быстрее.

— Мало ли чего нельзя... Давай я поведу.

— Нет уж,— сказал Антон. — И так вся эта эскапада будет стоить мне пилотского права.

— А что ты сделал?

— Да уж сделал... Уверю тебя, второй раз на Саулу я полечу уже не классным звездолетчиком, а плохим врачом-энтузиастом.

Вадим удивился. А что мы сделали? Делали все, что могли, и все, что должны были делать. Как же иначе? Нас было-то всего трое. Будь нас человек двадцать, мы бы просто разоружили охрану, и конец делу. Во всяком случае, ругать нас не за что. Нехорошо, правда, получилось с теми ребятами, которые везли Хайру. Но откуда нам было знать? Да нет, что там говорить, разведку мы провели отлично. С честью. Теперь надо засучить рукава и собирать ребят. Сначала — комитет. Ну, я, Антон, несомненно. Саула я уломаю. Без Саула нельзя: нужен скептик. И человек он боевой и решительный, весь в двадцатом веке. Потом Самсон. Отличный инженер, при всей его ядовитости. Нели, артистка, пусть пленяет. Гриша Барабанов необходим: во-первых, он сам учитель; во-вторых, он знает бездну других учителей, судя по всему, людей настоящих... Врач! Врач нужен... Не может быть, чтобы в бездне учителей не нашлось ни одного врача. И охотников нужно. Вот что нужно так нужно. Выбить клювастых птичек-самсончиков. Вадим хихикнул. А потом мы всем комитетом выступим перед Землей, бросим клич...

У Вадима сладостно замерло сердце, когда он представил себе весь размах этой новой ослепительной затеи. Эскадры рейсовых Д-звездолетов, битком набитых удалыми добровольцами, синтезаторами, медикаментами... целые тонны эмбриомеханических яиц, из которых в полчаса вырастут дома, глайдеры, синоптические установки... и двадцать тысяч, тридцать тысяч, сто тысяч новых знакомств!

— Весь космофлот в разгоне,— сказал Антон.

— Что?

— Я говорю, весь космофлот в разгоне. Я прикинул:

для начала нужно по крайней мере десяток рейсовых «призраков», а их всего пятьдесят четыре, и все сейчас у ЕН 117 для броска за Слепое Пятно.

— Посмотрим новые,— решил Вадим.

Антон покосился на него.

— Опять у тебя в голове сверкающая каша... Ты, Димка, имей в виду, что на Саулу тебя скорее всего больше не пустят.

— Как это так — не пустят?

— Очень просто. Там нужны не двадцатилетние рубаки, а профессионалы в самом серьезном смысле слова. Я вот представить себе не могу, чтобы столько настоящих профессионалов можно было оторвать от Планеты. И это еще полбеды.

— Ну-ну,— поощрил Вадим.— А вторая половина?

— А вторая половина, голубчик ты мой...— Антон вздохнул. — Существует уже два века такая незаметная организация — Комиссия по контактам. И что для нее характерно: во-первых, без ее разрешения ни один звездолетчик не сядет в кресло пилота, а во-вторых, в ее составе нет ни одного рубаки, а люди все, как на подбор, серьезные, умные и видящие последствия.

Антон говорил серьезно, но Вадим все-таки спросил его:

— Ты что, серьезно?

— Совершенно серьезно. — Антон пробежал пальцами по контактам и сказал: — Дать тебе, что ли, снизиться в утешение... Нет, не дам. Хватит с меня мертвецов.

«Корабль» мягко и бесшумно опустился на поляне почти на том же месте, откуда взлетел тридцать девять часов назад. Антон выключил двигатель и немного посидел, ласково глядя рукой пульт.

— Значит, так,— сказал он. — Сначала — Саул.

Вадим, надувшись, смотрел перед собой. Антон включил бортовой радиотелефон и настроился на волну скорой помощи.

— Пункт одиннадцать-одиннадцать,— сказал спокойный женский голос.

— Требуется врач-эпидемиолог,— попросил Антон.— Заболел человек, вернувшийся с новой планеты земного типа.

Некоторое время приемник молчал. Затем голос удивленно переспросил:

— Простите, как вы сказали?

— Видите ли,— объяснил Антон,— у него не была привита биоблокада.

— Странно. Хорошо... Ваш пеленг?

— Даю.

— Благодарю, приняла. Ждите через десять минут.

Антон поглядел на Вадима.

— Не дуйся, структуральнейший, обойдется. Пойдем к Саулу.

Вадим медленно выбрался из кресла. Они сошли в зал и сразу увидели, что дверь в каюту Саула открыта. Саула в каюте не было. Не было и его портфеля и бумаг, а на столике лежал скорчер.

— Где же он?— спросил Антон.

Вадим бросился к выходу. Люк был вскрыт, снаружи стояла теплая звездная ночь. Громко кричали цикады.

— Саул!— позвал Вадим.

Никто не отозвался. Вадим в растерянности сделал несколько шагов по мягкой траве. «Куда же он ушел, больной?»— подумал он и снова крикнул:

— Саул!

И снова никто не отозвался. Налетел теплый ветерок и нежно погладил Вадима по лицу.

— Димка,— негромко позвал Антон,— поди сюда...

Вадим вернулся к освещенному люку. Антон протянул ему листок бумаги.

— Саул оставил записку,— сказал он.— Положил под скорчер.

Это был обрывок грубой серой бумаги, захватанный грязными пальцами. Вадим прочел:

«Дорогие мальчишки! Простите меня за обман. Я не историк. Я просто дезертир. Я сбежал к вам, потому что хотел спастись. Вы этого не поймете. У меня осталась всего одна обойма, и меня взяла тоска. А теперь мне стыдно, и я возвращаюсь. А вы возвращайтесь на Саулу и делайте свое дело, а я уж доделаю свое. У меня еще целая обойма. Иду. Прощайте. Ваш С. Репнин».

— Слушай, он совсем больной,— сказал Вадим растерянно. — Бежим его искать!

— Посмотри на обороте,— сказал Антон.

Вадим перевернул листок. На обороте большими корявыми буквами было написано:

*«Господину рапортфюреру
обершарфюреру СС господину
Вирту от блокфризера шестого
блока заключенного № 658617*

ДОНЕСЕНИЕ

Настоящим доношу, что по собранным мною наблюдениям заключенный № 819360 не является уголовным по кличке «Саул», а есть бывший бронетанковый командир Красной Армии Савел Петрович Репнин, взятый в плен немецкой армией еще под Ржевом в бессознательном состоянии. Указанный № 819360 есть скрытый коммунист и, безусловно, вредный для порядка человек. Он мною уличен, что готовит побег и участвует в той группе, про которую я Вам доносил в донесении от июля сего 1943. И еще настоящим доношу, что они готовятся...»

На этом текст обрывался. Вадим уставился на Антона.

— Не понимаю,— сказал он.

— Я тоже,— тихо сказал Антон.

Яркий свет упал на поляну. Над «Кораблем» медленно снижался санитарный «Огонек».

— Объясняйся с врачом,— сказал Антон с неопределенной усмешкой,— а я пойду и свяжусь с Советом.

— Что же я ему объясню?— пробормотал Вадим, глядя на клочок бумаги.

Заключенный № 819360 лежал ничком, уткнувшись лицом в липкую грязь, у обочины шоссе. Правая рука его еще цеплялась за рукоятку «шмайссера».

— Кажется, готов,— с сожалением сказал Эрнст Брандт. Он был еще бледен.— Мой бог, стекла так и брызнули мне в лицо...

— Этот мерзавец подстерегал нас,— сказал оберштурмфюрер Дейбель.

Они оглянулись на шоссе. Поперек шоссе стоял размазанный камуфляжной краской вездеход. Ветровое стекло его было разбито, с переднего сиденья, зацепившись шинелью, свисал убитый водитель. Двое солдат волокли под мышки раненого. Раненый громко вскрикивал.

— Это, наверное, один из тех, что убили Рудольфа,— сказал Эрнст. Он уперся сапогом в плечо трупа и перевернул его на спину.

— Крайцхагельдоннерветтернохайнмаль,— сказал он.— Это же портфель Рудольфа!

Дейбель, перекосив жирное лицо, нагнулся, оттопырив необъятный зад. Дряблые щеки его затряслись.

— Да, это его портфель,— пробормотал он. — Бедный Рудольф! Вырваться из-под Москвы и погибнуть от пули вшивого заключенного...

Он выпрямился и посмотрел на Эрнста. У Эрнста Брандта было румяное глупое лицо и блестящие черные глаза. Дейбель отвернулся.

— Возьми портфель,— буркнул он и горестно уставился вдаль, где над лесом торчали толстые трубы лагерных печей, из которых валил отвратительный жирный дым.

А заключенный № 819360 широко открытыми мертвыми глазами глядел в низкое серое небо.

ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ

П о в е с т ь

1 июня 78 года. СОТРУДНИК КОМКОНА-2 МАКСИМ КАММЕРЕР.

В 13.17 Экселенц вызвал меня к себе. Глаз он на меня не поднял, так что я видел только его лысый череп, покрытый бледными старческими веснушками, — это означало высокую степень озабоченности и неудовольствия. Не моими делами, впрочем.

— Садись.

Я сел.

— Надо найти одного человека, — сказал он и замолчал. Надолго. Собрал кожу на лбу в сердитые складки. Фыркнул. Можно было подумать, что ему не понравились собственные слова. То ли их форма, то ли содержание. Экселенц обожает абсолютную точность формулировок.

— Кого именно? — спросил я, чтобы вывести его из филологического ступора.

— Льва Вячеславовича Абалкина. Прогрессора. От-

был позавчера на Землю с Полярной базы Саракша. На Земле не зарегистрировался. Надо его найти.

Он снова замолчал и тут впервые поднял на меня свои круглые, неестественно зеленые глаза. Он был в явном затруднении, и я понял, что дело серьезное.

Прогрессор, не считавший нужным зарегистрироваться по возвращении на Землю, хотя и является, строго говоря, нарушителем порядка, но заинтересовать своей особой нашу Комиссию, да еще самого Экселенца, конечно же никак не может. А между тем Экселенц был в столь явном затруднении, что у меня появилось ощущение, будто он вот-вот откинется на спинку кресла, вздохнет с каким-то даже облегчением и проворчит: «Ладно. Извини. Я сам этим займусь». Такие случаи бывали. Редко, но бывали.

— Есть основания предполагать,— сказал Экселенц,— что Лев Абалкин скрывается.

Лет пятнадцать назад я бы жадно спросил: «От кого?», однако с тех пор прошло пятнадцать лет, и времена жадных вопросов давно миновали.

— Ты его найдешь и сообщишь мне,— продолжал Экселенц.— Никаких силовых контактов. Вообще никаких контактов. Найти, установить наблюдение и сообщить мне. Не больше и не меньше.

Я попытался отделаться солидным понимающим кивком, но он смотрел на меня так пристально, что я счел необходимым нарочито неторопливо и вдумчиво повторить приказ.

— Я должен обнаружить его, взять под наблюдение и сообщить вам. Ни в коем случае не пытаться его задержать, не попадаться ему на глаза и тем более не вступать в разговоры.

— Так,— сказал Экселенц.— Теперь следующее.

Он полез в боковой ящик стола, где всякий нормальный сотрудник держит справочную кристаллотеку, и извлек оттуда некий громоздкий предмет, название которого поначалу вспомнил на хонтийском: «заккурапия», что в точном переводе означает — «вместилище» документов. И только когда он водрузил это вместилище на стол перед собой и сложил на нем длинные узловатые пальцы, у меня вырвалось:

— Папка для бумаг!

— Не отвлекайся,— строго сказал Экселенц.— Слушай внимательно. Никто в Комиссии не знает, что я

интересуюсь этим человеком. И ни в коем случае не должен знать. Следовательно, работать ты будешь один. Никаких помощников. Всю свою группу переподчинишь Клавдию, а отчитываться будешь передо мной и только передо мной. Никаких исключений.

Надо признаться, это меня ошеломило. Просто такого еще не было. На Земле я никогда еще не встречался с таким уровнем секретности. И честно говоря, даже представить себе не мог, что такое возможно. Поэтому я позволил себе довольно глупый вопрос:

— Что значит — никаких исключений?

— Никаких — в данном случае означает просто никаких. Есть еще несколько человек, которые в курсе дела, но поскольку ты с ними никогда не встретишься, то практически о нем знаем только мы вдвоем. Разумеется, в ходе поисков тебе придется говорить со многими людьми. Каждый раз ты будешь пользоваться какой-нибудь легендой. О легендах изволь позаботиться сам. Без легенды будешь разговаривать только со мной.

— Да, Экселенц,— сказал я смиренно.

— Далее,— продолжал он.— Видимо, тебе придется начать с его связей. Все, что мы знаем о его связях, находится здесь.— Он постучал пальцем по папке.— Не слишком много, но есть с чего начать. Возьми.

Я принял папку. С таким я тоже на Земле еще не встречался. Корки тусклого пластика были стянуты металлическим замком, и на верхней было вытиснено кармином: «ЛЕВ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ АБАЛКИН». А ниже почему-то — «07»

— Слушайте, Экселенц,— сказал я.— Почему в таком виде?

— Потому что в другом виде этих материалов нет,— холодно ответил он.— Кстати, кристаллокопирование не разрешаю. Других вопросов у тебя нет?

Разумеется, это не было приглашением задавать вопросы. Просто небольшая порция яда. Вопросов было множество, и без предварительного ознакомления с папкой их не имело смысл задавать. Однако я все же позволил себе два.

— Сроки?

— Пять суток. Не больше.

«Ни за что не успеть», подумал я.

— Могу я быть уверен, что он — на Земле?

— Можешь.

Я встал, чтобы идти, но он еще не отпустил меня. Он смотрел на меня снизу вверх пристальными зелеными глазами, и зрачки у него сужались и расширялись, как у кота. Конечно же, он ясно видел, что я недоволен заданием, что задание представляется мне не только странным, но и, мягко выражаясь, нелепым. Однако по каким-то причинам он не мог сказать мне больше, чем уже сказал. И в то же время не хотел отпустить меня без того, чтобы сказать хоть что-нибудь.

— Помнишь,— проговорил он,— на планете по имени Саракш некто по имени Странник гонялся за шустрим молокососом по имени Мак...

Я помнил.

— Так вот,— сказал Экселенц.— Странник тогда не поспел. Мы же с тобой должны поспеть. Потому что планета теперь называется не Саракш, а Земля. А Лев Абалкин — не молокосос.

— Загадками изволите говорить, шеф?— сказал я, чтобы скрыть охватившее меня беспокойство.

— Иди работай,— сказал он.

1 июня 78 года. КОЕ-ЧТО О ЛЬВЕ АБАЛКИНЕ, ПРОГРЕССОРЕ.

Андрей и Сандро все еще дожидались меня и были потрясены, когда я переподчинил их Клавдию. Они даже заартачились было, но беспокойство мое не проходило, я рывкнул на них, и они удалились, обиженно ворча и бросая на папку недоверчиво-встревоженные взгляды. Эти взгляды возбудили во мне новую и совершенно неожиданную заботу: где мне теперь держать это чудовищное «вместилище документов»?

Я уселся за стол, положил папку перед собой и машинально взглянул на регистратор. Семь сообщений за четверть часа, которые я провел у Экселенца. Признаюсь, не без удовольствия я переключил всю свою рабочую связь на Клавдия. Затем я занялся папкой.

Как я и ожидал, в папке не было ничего, кроме бумаги. Двести семьдесят три пронумерованных листка разного цвета, разного качества, разного формата и разной степени сохранности. Я не имел дела с бумагой добрых два десятка лет, и первым моим побуждением было засунуть всю эту грудку в транслятор, но я, ра-

зумеется, вовремя спохватился. Бумага так бумага. Пусть будет бумага.

Все листки были очень неудобно, но прочно схвачены хитроумным металлическим устройством на магнитных защелках, и я не сразу заметил самую обыкновенную радиокарточку, подsunутую под верхний зажим. Эту радиogramму Экселенц получил сегодня, за шестнадцать минут до того, как вызвал меня к себе. Вот что в ней было:

01.06-13.01. СЛОН — СТРАННИКУ

НА ВАШ ЗАПРОС О ТРИСТАНЕ ОТ 01.06-07.11 СООБЩАЮ: 31.05-19.34 ЗДЕСЬ ПОЛУЧЕНА ИНФОРМАЦИЯ КОМАНДИРА БАЗЫ САРАКШ-2. ЦИТИРУЮ: ПРОВАЛ ГУРОНА (АБАЛКИН, ШИФРОВАЛЬЩИК ШТАБА ГРУППЫ ФЛОТОВ «Ц» ОСТРОВНОЙ ИМПЕРИИ). 28.05 ТРИСТАН (ЛОФФЕНФЕЛЬД, ВЫЕЗДНОЙ ВРАЧ БАЗЫ) ВЫЛЕТЕЛ ДЛЯ РЕГУЛЯРНОГО МЕДОСМОТРА ГУРОНА. СЕГОДНЯ 29.05-17.13 НА ЕГО БОТЕ ПРИБЫЛ НА БАЗУ ГУРОН. ПО ЕГО СЛОВАМ, ТРИСТАН ПРИ НЕИЗВЕСТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ БЫЛ СХВАЧЕН И УБИТ КОНТРАЗВЕДКОЙ ШТАБА «Ц». ПЫТАЯСЬ СПАСТИ ТЕЛО ТРИСТАНА И ДОСТАВИТЬ ЕГО НА БАЗУ, ГУРОН РАСКРЫЛ СЕБЯ. СПАСТИ ТЕЛО ЕМУ НЕ УДАЛОСЬ. ПРИ ПРОРЫВЕ ГУРОН ФИЗИЧЕСКИ НЕ ПОСТРАДАЛ, НО НАХОДИЛСЯ НА ГРАНИ ПСИХИЧЕСКОГО СПАЗМА. ПО ЕГО НАСТОЯТЕЛЬНОЙ ПРОСЬБЕ НАПРАВЛЯЕТСЯ НА ЗЕМЛЮ РЕЙСОВЫМ 611. ЦИТАТА ОКОНЧЕНА.

СПРАВКА: 611-Й ПРИБЫЛ НА ЗЕМЛЮ 30.05-22.32. АБАЛКИН НА СВЯЗЬ С КОМКОНОМ НЕ ВЫХОДИЛ, НА ЗЕМЛЕ К МОМЕНТУ СЕГОДНЯ 12.52 НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАН. НА ОСТАНОВКАХ ПО МАРШРУТУ 611-ГО (ПАНДОРА, КУРОРТ) НА ТОТ ЖЕ МОМЕНТ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАН ТАКЖЕ. СЛОН.

Прогрессоры. Так. Признаюсь совершенно откровенно: я не люблю Прогрессоров, хотя сам был, по-видимому, одним из первых Прогрессоров еще в те времена, когда это понятие употреблялось только в теоретических выкладках. Впрочем, надо сказать, что в своем отношении к Прогрессорам я не оригинален. Это не удивительно: подавляющее большинство землян органически не способны понять, что бывают ситуации, когда компромисс исключен. Либо они меня, либо я их, и некогда разбираться, кто в своем праве. Для нормального землянина это звучит дико, и я его понимаю, я ведь и сам так думал, пока не попал на Саракш. Я прекрасно помню это видение мира, когда любой носитель разума априорно воспринимается как существо, этически равное тебе, когда невозможна сама постановка вопроса — хуже он тебя или лучше, даже если его этика и мораль отличаются от твоей...

И тут мало теоретической подготовки, недостаточно модельного кондиционирования — надо самому пройти через сумерки морали, увидеть кое-что собственными глазами, как следует опалить собственную шкуру и накопить не один десяток тошных воспоминаний, чтобы понять наконец, и даже не просто понять, а влить в мировоззрение эту, некогда тривиальнейшую мысль: да, существуют на свете носители разума, которые гораздо, значительно хуже тебя, каким бы ты ни был... И вот только тогда ты обретаешь способность делить на чужих и своих, принимать мгновенные решения в острых ситуациях и учишься смелости сначала действовать, а уж потом разбираться.

По-моему, в этом сама суть Прогрессора: умение решительно делить на своих и чужих. Именно за это умение к ним относятся дома с опасливым восторгом, с восторженной опаской, а сплошь и рядом — с несколько брезгливой настороженностью. И тут уж ничего не поделаешь. Приходится терпеть — и нам, и им. Потому что либо Прогрессоры, либо нечего Земле соваться во внеземные дела... Впрочем, к счастью, нам в КОМКОНе-2 достаточно редко приходится иметь дело с Прогрессорами.

Я прочитал радиogramму, внимательно перечитал ее еще раз. Странно. Выходит, Экселенц интересуется главным образом неким Тристаном, он же Лoeffенфельд. Ради того, чтобы узнать нечто об этом Тристане, он

поднялся сегодня в несусветную рань сам и не постеснялся поднять с постели нашего Слона, который, как всем известно, ложится спать с петухами...

Есть одна странность: можно подумать, что он заранее знал, какой будет ответ. Ему понадобилось всего четверть часа, чтобы принять решение о розыске Абалкина и приготовить для меня папку с его бумагами. Можно подумать, что эта папка уже была у него под рукой...

И самое странное: конечно, Абалкин — последний человек, который видел хотя бы труп Тристана, но если Экселенцу Абалкин понадобился только как свидетель по делу Тристана, то к чему была эта зловещая притча о некоем Страннике и некоем молокососе?

О, разумеется, у меня были версии. Двадцать версий. И среди них ослепительным алмазом сверкнула, например, такая: Гурон — Абалкин перевербован имперской разведкой, он убивает Тристана — Лоффенфельда и скрывается на Земле, имея целью внедрить себя в Мировой Совет...

Я еще раз перечитал радиogramму и отложил ее в сторону. Ладно. Лист № 1. Абалкин Лев Вячеславович. Кодовый номер такой-то. Генетический код такой-то. Родился 6 октября 38 года. Воспитание: школа-интернат 241, Сыктывкар. Учитель: Федосеев Сергей Павлович. Образование: школа Прогрессоров № 3 (Европа). Наставник: Горн Эрнст-Юлий. Профессиональные склонности: зоопсихология, театр, этнолингвистика. Профессиональные показания: зоопсихология, теоретическая ксенология. Работа: февраль 58 — сентябрь 58, дипломная практика, планета Саракш, опыт контакта с расой голованов в естественной обстановке...

Тут я остановился. Вот так так! А ведь я же его, пожалуй, помню! Правильно, это было в 58-м. Явилась целая компания — Комов, Раулингсон, Марта... и этот угрюмоватый парнишка-практикант. Экселенц (в те времена — Странник) приказал мне все бросить и переправить их через Голубую Змею в Крепость под видом экспедиции Департамента науки... Мосластый такой парень с очень бледным лицом и длинными прямыми черными волосами, как у американского индейца. Правильно! Они все звали его (кроме Комова, конечно) Левушка-ревушка или просто Ревушка, но не потому, разумеется, что он был плакса, а потому что голос у него

был зычный, взреывающий, как у тахорга... Тесен мир! Ладно, посмотрим, что с ним стало дальше.

Март 60— июль 65: планета Саракш, руководитель-исполнитель операции «Человек и головы». Июль 62— июнь 63 : планета Пандора, руководитель-исполнитель операции «Голован в Космосе». Июль 63— сентябрь 63: планета Надежда, участие совместно с голованом Щекном в операции «Мертвый мир». Сентябрь 63— август 64: планета Пандора, курсы переподготовки. Август 64— ноябрь 66: планета Гиганда, первый опыт самостоятельного внедрения — младший бухгалтер службы охотничьего собаководства, псарь маршала Нагон-Гига, егермейстер герцога Алайского (см. лист № 66)...

Я посмотрел лист № 66. Это оказался клочок бумаги, небрежно откуда-то выданный и сохранивший складки от помятостей. На нем размашистым почерком было написано: «Руди! Чтобы ты не беспокоился. Божьим позволением на Гиганде встретились двое наших близнецов. Уверяю тебя — совершенная случайность и без последствий. Если не веришь, загляни в 07 и II. Меры уже приняты». Неразборчивая вычурная подпись. Слово «совершенная» подчеркнуто трижды. На обороте бумажки — какой-то печатный текст арабской вязью.

Я поймал себя на том, что чешу в затылке, и вернулся к листу № 1.

Ноябрь 66— сентябрь 67: планета Пандора, курсы переподготовки. Сентябрь 67— декабрь 70: планета Саракш, внедрение в республику Хонти — унионист-подпольщик, выход на связь с агентурой Островной Империи (первый этап операции «Штаб»). Декабрь 70: планета Саракш, Островная Империя — заключенный концентрационного лагеря (до марта 71 без связи), переводчик комендатуры концентрационного лагеря, солдат строительных частей, старший солдат в Береговой Охране, переводчик штаба отряда Береговой Охраны, переводчик-шифровальщик флагмана 2-го подводного флота группы «Ц», шифролальщик штаба группы флотов «Ц». Наблюдающий врач: с 38 по 53— Леканова Ядвига Михайловна; с 53 по 60— Крэсеску Ромуальд; с 60— Лоффенфельд Курт.

Все. Больше на листке № 1 ничего не было. Впрочем, на обороте крупно, во всю страницу было изображено размытыми коричневыми полосами (словно бы гуашью) что-то вроде стилизованной буквы «Ж».

Ну что ж, Лев Абалкин, Левушка-ревушка, теперь я о тебе уже кое-что знаю. Теперь я уже могу начинать искать тебя. Я знаю, кто твой Учитель. Я знаю, кто твой Наставник. Я знаю твоих наблюдающих врачей. А вот чего я не знаю, так это — зачем и кому нужен этот лист № 1? Ведь если бы человеку понадобилось узнать, кто есть Лев Абалкин, он мог бы вызвать информаторий (я вызвал БВИ), набрал бы имя или кодовый номер (я набрал кодовый номер) и спустя... раз-и-два-и-три-и... четыре секунды получил бы возможность узнать все, что один человек имеет право знать о другом, постороннем для него человеке.

Пожалуйста: Абалкин Лев и так далее, кодовый номер, генетический код, родился тогда-то, родители (кстати, почему в листе № 1 не указаны родители?): Абалкина Стелла Владимировна и Цюрупа Вячеслав Борисович, школа-интернат в Сыктывкаре, Учитель, школа Прогрессоров, Наставник... Все совпадает. Так. Прогрессор, работает с 60-го: планета Саракш. Немного. Только официальные данные. По-видимому, в дальнейшем решил не утруждать себя сообщением новых сведений службе БВИ... А это что? «Адрес на Земле: не зарегистрирован».

Я набрал новый запрос: «По каким адресам регистрировался на Земле кодовый номер такой-то?» Через две секунды последовал ответ: «Последний адрес Абалкина на Земле — школа Прогрессоров № 3 (Европа)». Тоже любопытная деталь. Либо Абалкин за последние восемнадцать лет на Земле не был ни разу, либо человек он крайне нелюдимый, не регистрируется никогда и никаких сведений о себе давать не желает. И то и другое представить себе, конечно, можно, однако выглядит это в достаточной мере непривычно...

Как известно, в БВИ содержатся только те сведения, которые человек хочет сообщить о себе сам. А что содержится в листе №1? Я решительно не вижу в этом листе ничего такого, что Абалкину стоило бы скрывать. Все там изложено гораздо подробнее, но ведь за такого рода подробностями никому и в голову не пришло бы обращаться в БВИ. Обратись в КОМКОН-1, и там тебе все это изложат. А чего не знают в КОМКОНе, легко выяснить, потолкавшись на Пандоре среди Прогрессоров, проходящих там рекондиционирование или просто валяющихся на Алмазном Пляже, у подножия величайших в обитаемом Космосе песчаных дюн...

Ладно, господь с ним, с этим листом №1. Хотя в скобках отметим, что мы так и не поняли, зачем он нужен вообще, да еще такой подробный... А если уж он такой подробный, то почему в нем нет ни слова о родителях?

Стоп. Это, скорее всего, меня не касается. А вот почему он, вернувшись на Землю, не зарегистрировался в КОМКОНе? Это можно объяснить: психический спазм. Отвращение к своему делу. Прогрессор на грани психического спазма возвращается на родную планету, где он не был по меньшей мере восемь лет. Куда он пойдет? По-моему, к маме идти в таком состоянии непристойно. Абалкин не похож на сопляка, точнее — не должен быть похож. Учитель? Или Наставник? Это возможно. Это вполне вероятно. Поплакаться в жилетку. Это я по себе знаю. Причем скорее Учитель, чем Наставник. Ведь Наставник в каком-то смысле все-таки коллега, а у нас отвращение к делу... Стоп. Да стоп же! Что это со мной? Я посмотрел на часы. На два документа у меня ушло тридцать четыре минуты. Причем я ведь даже не изучал их, а только ознакомился с ними.

Я заставил себя сосредоточиться и вдруг понял, что дело плохо. Я вдруг осознал, что мне совсем неинтересно думать о том, как найти Абалкина. Мне гораздо интереснее понять, **почему** его так нужно найти. Разумеется, я немедленно разозлился на Экселенца, хотя простая логика подсказывала мне, что, если бы это помогло мне в поисках, шеф непременно представил бы все необходимые объяснения. А раз он не объяснил мне **почему** надо искать и найти Абалкина, значит это **почему** не имеет никакого отношения к вопросу **как**.

И тут я понял еще одну вещь. Вернее, не понял, а почувствовал. А еще точнее — заподозрил. Вся эта громоздкая папка, все это обилие бумаг, вся эта пожелтевшая писанина ничего не даст мне, кроме, может быть, еще нескольких имен и огромного количества новых вопросов, опять-таки не имеющих никакого отношения к вопросу **как**.

1 июня 78 года. ВКРАТЦЕ О СОДЕРЖАНИИ ПАПКИ.

К 14.23 я закончил опись содержимого.

Большую часть бумаг составляли документы, написанные, как я понял, рукой самого Абалкина.

Во-первых, это был его отчет об участии в операции «Мертвый мир» на планете Надежда — семьдесят шесть страниц, исписанных отчетливым крупным почерком почти без помарок. Я бегло проглядел эти страницы. Абалкин рассказывал, как он с голованом Щекном в поисках какого-то объекта (я не уловил, какого именно) пересек покинутый город и одним из первых вступил в контакт с остатками несчастных аборигенов.

Полтора десятка лет назад Надежда и ее дикая судьба были на Земле притчей во языцех, да они и оставались до сих пор притчей во языцех, как грозное предупреждение всем обитаемым мирам во Вселенной и как свидетельство самого недавнего по времени и самого масштабного вмешательства Странников в судьбы других цивилизаций. Теперь считается твердо установленным, что за свое последнее столетие обитатели Надежды потеряли контроль над развитием технологии и практически необратимо нарушили экологическое равновесие. Природа была уничтожена. Отходы промышленности, отходы безумных и отчаянных экспериментов в попытках исправить положение загладили планету до такой степени, что местное человечество, пораженное целым комплексом генетических заболеваний, было обречено на полное одичание и неизбежное вымирание. Генные структуры взбесились на Надежде. Собственно, насколько я знаю, до сих пор никто у нас так и не понял механику этого бешенства. Во всяком случае, модель этого процесса до сих пор не удавалось воспроизвести ни одному нашему биологу. Бешенство генных структур. Внешне это выглядело как стремительное, нелинейное по времени ускорение темпов развития всякого мало-мальски сложного организма. Если говорить о человеке, то до двенадцати лет он развивался, в общем, нормально, а затем начинал стремительно взрослеть и еще более стремительно стареть. В шестнадцать лет он выглядел тридцатипятилетним, а в девятнадцать, как правило, умирал от старости.

Разумеется, такая цивилизация не имела никакой исторической перспективы, но тут пришли Странники. Впервые насколько нам известно, они активно вмешались в события чужого мира. Теперь можно считать установленным, что им удалось вывести подавляющее большинство населения Надежды через межпространственные тоннели и, видимо, спасти. (Куда были выведены эти миллиарды несчастных больных людей, где они сей-

час и что с ними случилось, мы, конечно, не знаем и, похоже, узнаем не скоро.)

Абалкин принимал участие лишь в самом начале операции «Мертвый мир», и роль, которая ему там отводилась, была достаточно скромной. Хотя, если взглянуть на это с принципиальной стороны, он был первым (и пока единственным) Прогрессором-землянином, которому довелось работать в паре с представителем разумной негуманоидной расы.

Проглядывая этот отчет, я обнаружил, что Абалкин упоминает там довольно много имен, но у меня сложилось впечатление, что для дела следует взять на заметку одного только Щекна. Мне было известно, что сейчас на Земле пребывает целая миссия голованов, и, пожалуй, имело смысл выяснить, нет ли среди них этого Щекна. Абалкин писал о нем с такой теплотой, что я не исключал возможности их встречи. К этому моменту я уже отметил для себя, что у Абалкина особое отношение к «меньшим братьям»: на голованов он потратил несколько лет жизни, на Гиганде стал псарем... и вообще.

И был в папке еще один отчет Абалкина — о его операции на Гиганде. Операция, впрочем, была на мой взгляд, пустяковой: егермейстер его высочества герцога Алайского пристраивал курьером в банк своего бедного родственника. Егермейстером был Лев Абалкин, а бедным родственником — некий Корней Яшмаа. Как мне показалось, материал этот был для меня совершенно бесполезен. Кроме Корнея Яшмаа, насколько я мог заметить при беглом просмотре, в нем не содержалось ни одного земного имени. Мелькали какие-то Зогги, Нагон-Гиги, шталмейстеры, сиятельства, бронемастера, конференц-директора, гоф-дамы... Я взял на заметку этого Корнея, хотя и было ясно, что он вряд ли мне понадобится. Всего во втором отчете содержалось двадцать четыре страницы, и больше отчетов Льва Абалкина о своей работе в папке не было. Это показалось мне странным, и я положил себе подумать как-нибудь в дальнейшем: почему из всех многочисленных отчетов профессионального Прогрессора в папку 07 попали только два и именно эти два?..

Оба отчета были выполнены в манере «лаборант» и, на мой взгляд, сильно смахивали на школьные сочинения в жанре «Как я провел каникулы у бабушки». Писать такие отчеты — одно удовольствие, читать их, как пра-

вило, сущее мучение. Психологи (засевшие в штабах) требуют, чтобы отчеты содержали не только объективные данные о событиях и фактах, сколько субъективные ощущения, личные впечатления и поток сознания автора. При этом манеру отчета («лаборант», «генерал», «артист») автор не выбирает — ему ее предписывают, руководствуясь какими-то таинственными психологическими соображениями. Воистину, есть ложь, беспардонная ложь и статистика, но не будем забывать и о психологии!

Я не психолог, во всяком случае — не профессионал, но я подумал, что может быть, и мне удастся извлечь из этих отчетов что-нибудь полезное о личности Льва Абалкина.

Проглядывая содержимое папки, я то и дело обнаруживал однообразные, я бы сказал — просто одинаковые и совершенно непонятные мне документы: синеватые листы плотной бумаги с зеленым обрезом и выведенной в верхнем левом углу монограммой, изображающей то ли китайского дракона, то ли птеродактиля. На каждом таком листке уже знакомым мне размашистым почерком иногда стилем, иногда фломастером, а один раз почему-то лабораторным электродным карандашом было написано: «Тристан 777». Ниже стояла дата и все та же замысловатая подпись. Насколько можно было судить по датам, такие листки закладывались в папку с 60-го года, примерно раз в три месяца, так что папка на четверть состояла из них.

И еще двадцать две страницы занимала переписка Абалкина с его руководством. Переписка эта навела меня на некоторые размышления.

В октябре 63-го года Абалкин направляет в КОМКОН-1 рапорт, в котором выражает пока еще кроткое недоумение по поводу того, что операция «Голован в Космосе» свернута без консультации с ним, хотя операция эта развивалась вполне успешно и обещала богатую перспективу.

Неизвестно, какой ответ получил Абалкин на этот свой рапорт, но в ноябре того же года он пишет совершенно отчаянное письмо Комову с просьбой возобновить операцию «Голован в Космосе» и одновременно очень резкое заявление в КОМКОН, в котором протестует против направления его, Абалкина, на курсы переподготовки. (Заметим, что все это он почему-то делает в письменной форме, а не обычным порядком.)

Как явствует из дальнейших событий, переписка эта никакого действия не возымела, и Абалкин отправляется работать на Гиганду. Три года спустя, в ноябре 66-го, он снова пишет в КОМКОН с Пандоры и просит направить его на Саракш для продолжения работы с голованами. На этот раз его просьбу удовлетворяют, но только отчасти: его посылают на Саракш, но не на Голубую Змею, а в Хонти, унионистом-подпольщиком.

С курсов переподготовки в феврале и августе 67-го года он еще дважды пишет в КОМКОН (Бадеру, а потом и самому Горбовскому), указывая на нецелесообразность использования его, хорошего специалиста по голованам, в качестве резидента. Тон его писем становится все резче, письмо Горбовскому, например, я иначе как оскорбительным не назвал бы. Любопытно было бы узнать, что ответил душка Леонид Андреевич на этот взрыв ярости и презрительного негодования.

И уже будучи резидентом в Хонти, в октябре 67-го, Абалкин посылает Комову свое последнее письмо: развернутый план форсирования контактов с голованами, включающий обмен постоянными миссиями, привлечение голованов к зоопсихологическим работам, проводящимся на Земле, и т.д. и т.п. Я никогда специально не следил за работой в этой области, но у меня сложилось такое впечатление, что этот план сейчас принят и осуществляется. А если это так, то положение парадоксальное: план осуществляется, а инициатор его торчит резидентом то в Хонти, то в Островной Империи.

В общем, эта переписка оставила у меня какое-то тягостное впечатление. Ну, ладно, пусть в проблеме голованов я не специалист, мне трудно судить, вполне возможно, что план Абалкина совершенно тривиален и употреблять такие громкие слова, как «инициатор», не имеет смысла. Но дело не только и не столько в этом! Парень, видимо, прирожденный зоопсихолог. «Профессиональные склонности: зоопсихология, театр, этнолингвистика... Профессиональные показатели: зоопсихология, теоретическая ксенология...» И тем не менее из парня делают Прогрессора. Не спорю, существует целый класс Прогрессоров, для которых зоопсихология — хлеб насущный. Например, те кто работает с леонидянами или с теми же голованами. Так нет же, парню приходится работать с гуманоидами, работать резидентом, боевиком, хотя он пять лет кричит на весь КОМКОН: «Что вы

со мной делаете?» А потом они удивляются, что у него психический спазм!

Конечно, Прогрессор — это такая профессия, где железная, я бы сказал — военная, дисциплина совершенно неизбежна. Прогрессор сплошь и рядом вынужден делать не то, что ему хочется, а то, что приказывает КОМКОН. На то он и Прогрессор. И наверное, резидент Абалкин много ценнее для КОМКОНа, нежели зоопсихолог Абалкин. Но все-таки есть в этой истории какое-то нарушение меры, и недурно было бы поговорить на эту тему с Горбовским или с Комовым... И что бы там ни натворил этот Абалкин, (а он явно что-то натворил), я, ей-богу, на его стороне.

Впрочем, все это, по-видимому, к моей задаче отношения не имеет.

Еще я заметил, что не хватает трех пронумерованных страниц после первого отчета Абалкина, двух страниц — после второго его отчета и двух страниц — после последнего письма Абалкина Комову. Я решил не придавать этому значения.

1 июня 78 года. ПОЧТИ ВСЕ О ВОЗМОЖНЫХ СВЯЗЯХ ЛЬВА АБАЛКИНА.

Я составил предварительный список возможных связей Льва Абалкина на Земле, и оказалось у меня в этом списке всего восемнадцать имен. Практически для меня представляли интерес только шесть человек, и я составил их в порядке убывания вероятности (по моим представлениям, конечно) того, что Лев Абалкин посетит их. Выглядело это так:

Учитель Сергей Павлович Федосеев

Мать Стелла Владимировна Абалкина

Отец Вячеслав Борисович Цюрупа

Наставник Эрнст-Юлий Горн

Наблюдающий врач школы Прогрессоров Ромуальд Крэсеску

Наблюдающий врач школы-интерната Ядвига Михайловна Леканова.

Во втором эшелоне у меня оставались Корней Яшмаа, голован Щекн, Яков Вандерхузе и еще человек пять, как правило — Прогрессоров. Что же касается таких персон, как Горбовский, Бадер, Комов, то я вписал

их скорее для проформы. Обращаться к ним нельзя было уже хотя бы потому, что их никакими легендами не проймешь, а разговаривать напрямую я не имел права, даже если бы они сами обратились ко мне по этому делу.

В течение десяти минут информаторий выдал мне следующие малоутешительные сведения.

Родители Льва Абалкина не существовали — по крайней мере в обычном смысле этого слова. Возможно, они не существовали вообще. Дело в том, что сорок с лишним лет назад Стелла Владимировна и Вячеслав Борисович в составе группы «Йормала» на уникальном звездолете «Тьма» совершили погружение в Черную Дыру ЕН 200056. Связи с ними не было, да и не могло быть, по современным представлениям. Лев Абалкин, оказывается, был их посмертным ребенком. Конечно, слово «посмертный» в этом контексте не совсем точно: вполне можно было допустить, что родители его живы и будут жить еще миллионы лет в нашем времяисчислении, но с точки зрения землянина они, конечно, все равно что мертвы. У них не было детей, и, уходя навсегда из нашей Вселенной, они, как и многие супружеские пары до них и после них в подобной ситуации, оставили в Институте Жизни материнскую яйцеклетку, оплодотворенную отцовским семенем. Когда стало ясно, что погружение удалось, что они более не вернутся, клетку активизировали, и на свет появился Лев Абалкин — посмертный сын своих живых родителей. По крайней мере теперь мне стало понятно, почему в листе № 1 родители Абалкина не упоминались вовсе.

Эрнста-Юлия Горна, Наставника Абалкина по школе Прогрессоров, уже не было в живых. В 72-м году он погиб на Венере при восхождении на пик Строгова.

Врач Ромуальд Крэсеску пребывал на некоей планете Лу, совершенно, по-видимому, вне пределов досягаемости. Я никогда даже не слышал о такой планете, но поскольку Крэсеску является Прогрессором, следовало предположить, что планета эта обитаема. Любопытно, однако, что старикан (сто шестнадцать лет!) оставил в БВИ свой последний домашний адрес, сопроводив его таким характерным посланием: «Моя внучка и ее муж всегда будут рады принять по этому адресу любого из моих питомцев». Надо полагать, питомцы любили своего ста-

рикана и частенько навещали его. Мне следовало иметь в виду это обстоятельство.

С остальными двумя мне повезло.

Сергей Павлович Федосеев, Учитель Абалкина, жил и здравствовал на берегу Аятского озера, в усадьбе с предостерегающим названием «Комарики». Ему тоже было уже за сто, и был он, по-видимому, человек либо чрезвычайно скромный, либо замкнутый, потому что не сообщил о себе ничего, кроме адреса. Все остальные данные были официальные: окончил то-то и то-то, археолог, Учитель. Все. Как говорится, яблочко от яблони... Весь в своего ученика Льва Абалкина. А между тем, когда я послал в БВИ соответствующий дополнительный запрос, выяснилось, что Сергей Павлович — автор более тридцати статей по археологии, участник восьми археологических экспедиций (Северо-Западная Азия) и трех евразийских конференций Учителей. Кроме того, у себя в «Комариках» он организовал регионального значения личный музей по палеолиту Северного Урала. Такой вот человек. Я решил с ним связаться в ближайшее же время.

А вот с Ядвигой Михайловной Лекановой меня ожидал небольшой сюрприз. Врачи-педиатры редко меняют свою профессию, и я как-то уже представлял себе такую старушку — божий одуванчик, согнувшуюся под невообразимым грузом специфического и, по сути, самого ценного в мире опыта, бодренько семенящую все по той же территории Сыктывкарской школы. Черта с два — семенящую! Некоторое время она действительно педиатрствовала, и именно в Сыктывкаре, но потом она переквалифицировалась в этнолога, и мало того — она занималась последовательно: ксенологией, патоксенологией, сравнительной психологией и левелометрией, и во всех этих науках не так уж тесно связанных между собой она явно преуспела, если судить по количеству опубликованных ею работ и по ответственности постов, ею занимаемых. За последние четверть века ей довелось работать в шести различных организациях и институтах, а сейчас она работала в седьмом — передвижном институте земной этнологии в бассейне Амазонки. Адреса у нее не было, желающим предлагалось устанавливать с нею связь через стационар института в Манаосе. Что ж, и на том спасибо, хотя сомнительно, конечно, чтобы мой клиент в своем нынешнем состоя

нии потащился к ней в эти, все еще первобытные, дебри.

Было совершенно очевидно, что начинать следует с Учителя. Я взял папку под мышку, сел в машину и вылетел на Аятское озеро.

1 июня 78 года. УЧИТЕЛЬ ЛЬВА АБАЛКИНА.

Вопреки моим опасениям усадьба «Комарики» стояла на высоком обрыве над самой водой, открытая всем ветрам, и никаких комариков там не оказалось. Хозяин встретил меня без удивления и достаточно приветливо. Мы расположились на веранде в плетеных креслах у овального антикварного столика, на котором имели место миска со свежей малиной, кувшин с молоком и несколько стаканов.

Я вторично извинился за вторжение, и вновь мои извинения были приняты молчаливым кивком. Он смотрел на меня со спокойным ожиданием и как бы равнодушно, и вообще лицо у него было малоподвижное, как, впрочем, у большинства этих стариков, которые в свои сто с лишним лет сохраняют полную ясность мысли и совершенную крепость тела. Лицо у него было угловатое, коричневое от загара, почти без морщин, с мощными густыми бровями, торчащими над глазами вперед, словно солнцезащитные козырьки. Забавно, что правая бровь у него была черная как смоль, а левая — совершенно белая, именно белая, а не седая.

Я обстоятельно представился и изложил свою легенду. Я был журналистом, по профессии — зоопсихолог, и сейчас собирал материалы для книги о контактах человека с голованами. «Вы наверняка знаете,— сказал я,— что ваш ученик Лев Вячеславович Абалкин сыграл в этих контактах очень видную роль. Я и сам был когда-то знаком с ним, но это было давно, с тех пор я растерял все свои связи. Сейчас я попытался его разыскать, но в КОМКОНе мне сказали, что Льва Вячеславовича нет на Земле, а когда он вернется — совершенно неизвестно. Между тем мне хотелось бы узнать как можно больше о его детстве, как у него все это начиналось, почему так, а не иначе; движение психологии исследователя — вот что меня интересует в первую очередь. К сожалению, Наставника его уже нет в живых,

друзей его я не знаю, но зато я имею возможность побеседовать с вами, с его Учителем. Я лично убежден, что все в человеке начинается с детства, причем с самого раннего детства...»

Признаться, у меня все время теплилась некоторая надежда, что в самом начале моего вранья я буду прерван возгласом: «Позвольте, позвольте! Но ведь Лев был у меня буквально вчера!». Однако меня не прервали, и мне пришлось договорить все до конца — изложить с самым умным видом все свои скороспелые суждения о том, что творческая личность формируется в детстве, именно в детстве, а не в отрочестве, не в юности и уж конечно не в зрелом возрасте, и именно формируется, а не то чтобы просто закладывается или там зарождается... Мало того, когда я наконец выдохся совсем, старик молчал еще целую минуту, а потом вдруг спросил, кто такие эти голованы.

Я удивился самым искренним образом. Получалось, что Лев Абалкин не удосужился похвалиться успехами перед своим Учителем! Знаете ли, надо быть в высшей степени нелюдким и замкнутым человеком, чтобы не похвалиться перед своим Учителем своими успехами.

Я с готовностью объяснил, что голованы — это разумная киноидная раса, возникшая на планете Саракш в результате лучевых мутаций.

— Киноиды? Собаки?

— Да. Разумные собакообразные. У них огромные головы, отсюда — голованы.

— Значит, Лева занимается собакообразными... Добился своего...

Я возразил, что совсем не знаю, чем занимается Лева сейчас, однако двадцать лет назад он голованами занимался, и с большим успехом.

— Он всегда любил животных,— сказал Сергей Павлович.— Я был убежден, что ему следует стать зоопсихологом. Когда комиссия по распределению направила его в школу Прогрессоров, я протестовал, как мог, но меня не послушались... Впрочем, там все было сложнее, может быть, если бы я не стал протестовать...

Он замолчал и налил мне в стакан молока. Очень, очень сдержанный человек. Никаких возгласов, никаких «Лева! Как же! Это был такой замечательный маль-

чишка!». Конечно, вполне может быть, что Лсва не был замечательным мальчишкой...

— Так что бы вы хотели узнать от меня конкретно? — спросил Сергей Павлович.

— Все! — ответил я быстро. — Каким он был. Чем увлекался. С кем дружил. Чем славился в школе. Все, что вам запомнилось.

— Хорошо, — сказал Сергей Павлович без всякого энтузиазма. — Попробую.

Лев Абалкин был мальчиком замкнутым. С самого раннего детства. Это была первая его черта, которая бросалась в глаза. Впрочем, замкнутость эта не была следствием чувства неполноценности, ощущения собственной ущербности или неуверенности в себе. Это была скорее замкнутость всегда занятого человека. Как будто он не хотел тратить время на окружающих, как будто он был постоянно и глубоко занят своим собственным миром. Этот мир, казалось, состоял из него самого и всего живого вокруг — за исключением людей. Это не такое уж редкое явление среди ребятишек, просто он был ТАЛАНТЛИВ в этом, а удивляло в нем как раз другое: при всей своей замкнутости он охотно и прямо-таки с наслаждением выступал на всякого рода соревнованиях и в школьном театре. Особенно в театре. Но, правда, всегда соло. В пьесах участвовать он отказывался категорически. Обычно он декламировал, даже пел, с большим вдохновением, с необычным для него блеском в глазах, он словно раскрывался на сцене, а потом, сойдя в партер, снова становился самим собой — уклончивым, молчаливым, неприступным. И таким он был не только с Учителем, но и с ребятами, и так и не удалось разобраться, в чем же тут причина. Можно предполагать только, что его талант в общении с живой природой настолько возобладавал над всеми остальными движениями его души, что окружающие ребята — да и вообще все люди были ему просто неинтересны. На самом деле, конечно, все это было гораздо сложнее — эта его замкнутость, эта погруженность в собственный мир явились результатом тысячи микрособытий, которые остались вне поля зрения Учителя. Учитель вспомнил такую сценку: после проливного дождя Лев ходил по дорожкам парка, собирал червяков-выползков и бросал обратно в траву. Ребятам это показалось смешным, а были среди них такие, кто умел

не только смеяться, но и жестоко высмеивать. Учитель, не говоря ни слова, присоединился к Леве и стал собирать выползков вместе с ним...

— Но боюсь, он мне не поверил. Вряд ли мне удалось убедить его, что судьба червяков меня интересует на самом деле. А у него было еще одно заметное качество: абсолютная честность. Я не помню ни одного случая, чтобы он соврал. Даже в том возрасте, когда дети, случается, врут охотно и бессмысленно, получая от вранья чистое, бескорыстное удовольствие. А он не врал. И более того, он презирал тех, кто врет. Даже если врали бескорыстно, для интереса. Я подозреваю, что в его жизни был какой-то случай, когда он впервые с ужасом и отвращением понял, что люди способны говорить неправду. Этот момент я тоже пропустил... Впрочем, вряд ли это вам нужно. Вам ведь гораздо интереснее узнать, как проклеивался в нем будущий зоопсихолог...

И Сергей Павлович принялся рассказывать.

Назвался груздем — полезай в кузов. Я слушал с самым внимательным видом, в надлежащих местах вставлял: «Ах вот как?», а один раз даже позволил себе вульгарное восклицание: «Черт возьми, это как раз то, что мне нужно!» Иногда я очень не люблю свою профессию.

Потом я спросил:

— А друзей у него, значит, было немного?

— Друзей у него не было совсем,— сказал Сергей Павлович.— Я не виделся с ним с самого выпуска, но другие ребята из его группы говорили мне, что он с ними тоже не встречается. Им неловко об этом рассказывать, но, как я понял, он просто уклоняется от встречи.

И вдруг его прорвало:

— Ну почему вас интересует именно Лев? Я выпустил в свет сто семьдесят два человека. Почему вам из них понадобился именно Лев? Поймите, я не считаю его своим учеником! Не могу считать! Это моя неудача! Единственная моя неудача! С самого первого дня и десять лет подряд я пытался установить с ним контакт, хоть тоненькую ниточку протянуть между нами. Я думал о нем в десять раз больше, чем о любом другом своем ученике. Я выворачивался наизнанку, но все, буквально все, что я предпринимал, оборачивалось во зло...

— Сергей Павлович!— сказал я.— Что вы говорите?

Абалкин — великолепный специалист, ученый высокого класса, я лично встречался с ним...

— И как вы его нашли?

— Замечательный мальчишка, энтузиаст... Это как раз была первая экспедиция к голованам. Его все там ценили, сам Комов возлагал на него такие надежды... И они оправдались, эти надежды, заметьте!

— У меня прекрасная малина, — сказал он. — Самая ранняя малина в регионе. Попробуйте, прошу вас...

Я осекся и принял блюдо с малиной.

— Голованы... — проговорил он с горечью. — Возможно, возможно. Но видите ли, я и сам знаю, что он талантлив. Только моей-то заслуги никакой в этом нет...

Некоторое время мы молча поедали малину с молоком. Я почувствовал, что он вот сейчас, с минуты на минуту переведет разговор на меня. Он явно не собирался больше говорить о Льве Абалкине, и простая вежливость требовала теперь поговорить обо мне. Я быстро сказал:

— Очень вам благодарен, Сергей Павлович. Вы дали мне массу интересного материала. Единственно только жаль, что у него не было друзей. Я очень рассчитывал найти какого-нибудь его друга.

— Я могу, если хотите, назвать вам имена его одноклассников... — Он замолчал и вдруг сказал: — Вот что. Попробуйте найти Майю Глумову.

Выражение лица его меня поразило. Совершенно невозможно было представить, что именно он сейчас вспомнил, какие ассоциации возникли у него в связи с этим именем, но можно было поручиться наверняка, что самые неприятные. Он даже весь пошел бурыми пятнами.

— Школьная подруга? — спросил я, чтобы скрыть неловкость.

— Нет, — сказал он. — То есть она, конечно, училась в нашей школе. Майя Глумова. По-моему, она стала потом историком.

1 июня 78 года. МАЛЕНЬКИЙ ИНЦИДЕНТ С ЯДВИГОЙ МИХАЙЛОВНОЙ.

В 19.23 я вернулся к себе и принялся искать Майю Глумову, историка. Не прошло и пяти минут, как информационная карточка лежала передо мной.

Майя Тойвовна Глумова была на три года моложе

Льва Абалкина. После школы она окончила курсы персонала обеспечения при КОМКОНе-1 и сразу приняла участие в печально знаменитой операции «Ковчег», а затем поступила на историческое отделение Сорбонны. Специализировалась вначале по ранней эпохе Первой НТР, после чего занималась историей космических исследований. У нее был сын Тойво Глумов, одиннадцати лет, а о муже она не сообщала ничего. В настоящее время — о чудо! — она работала сотрудником спецфонда Музея Внеземных Культур, который располагался в трех кварталах от нас, на площади Звезды. И жила она совсем неподалеку — на Аллее Канадских Елей.

Я позвонил ей немедленно. На экране появилась серьезная белобрысая личность со вздернутым облупленным носом, окруженным богатыми россыпями веснушек. Несомненно, это был Тойво Глумов-младший. Глядя на меня прозрачными северными глазами, он объяснил, что мамы нет дома, что она собиралась быть дома, но потом позвонила и сказала, что вернется завтра прямо на работу. Что ей передать? Я сказал, что ничего передавать не надо, и попрощался.

Так. Придется ждать до утра, а утром она будет долго вспоминать, кто же это такой Лев Абалкин, и затем, вспомнив, скажет со вздохом, что ничего не слышала о нем вот уже двадцать пять лет.

Ладно. У меня в списке первоочередников оставался еще один человек, на которого, впрочем, никаких особенных надежд я возлагать не осмеливался. В конце концов, после четвертьвековой разлуки люди охотно встречаются с родителями, очень часто — со своим Учителем, нередко со школьными друзьями, но лишь в каких-то особенных, я бы сказал — специальных случаях память возвращает их к своему школьному врачу. Тем более если учесть, что этот школьный врач пребывает в экспедиции, в глуши, на другой стороне планеты, а нуль-связь, согласно сводке, уже второй день работает неуверенно из-за флуктуаций нейтринного поля.

Но мне просто ничего больше не оставалось. Сейчас в Манаосе был день, и если уж вообще звонить, то звонить надо было сейчас.

Мне повезло. Ядвига Михайловна Леканова оказалась как раз в пункте связи, и я смог поговорить с нею немедленно, на что никак не рассчитывал. Было у Ядвиги Михайловны полное, до блеска загорелое лицо с темным

румянцем, кокетливые ямочки на щеках, сияющие синие глазки и мощная шапка совершенно серебряных волос. Она обладала каким-то трудноуловимым, но очень милым дефектом речи и глубоким бархатным голосом, наводившим на совершенно неуместные игривые мысли о том, что совсем недавно эта дама могла при желании вскружить голову кому угодно. И, по всему видно, кружила.

Я извинился, представился и изложил ей свою легенду. Она прищурилась, вспоминая, сдвинула соболиные брови.

— Лев Абалкин?.. Лева Абалкин... Простите, как вас зовут?

— Максим Каммерер.

— Простите, Максим, я не совсем поняла. Вы выступаете от себя лично или как представитель какой-то организации?

— Да как вам сказать... Я договорился с издательством, они заинтересовались...

— Но вы сами — просто журналист или все-таки работаете где-нибудь? Не бывает же такой профессии — журналист...

Я почтительно хихикнул, лихорадочно соображая, как быть.

— Видите ли, Ядвига Михайловна, это довольно трудно сформулировать... Основная профессия у меня... Н-ну, пожалуй, Прогрессор... хотя, когда я начинал работать, такой профессии еще не существовало. В недалеком прошлом я — сотрудник КОМКОНа... да и сейчас связан с ним в известном смысле...

— Ушли на вольные хлеба?— сказала Ядвига Михайловна.

Она по-прежнему улыбалась, но теперь в ее улыбке не хватало чего-то очень важного. И в то же время — весьма и весьма обычного.

— Вы знаете, Максим,— сказала она,— я с удовольствием с вами поговорю о Льве Абалкине, но, с вашего позволения, через некоторое время. Давайте я вам позвоню... через час-полтора...

Она все еще улыбалась, и я понял, чего не хватает теперь в ее улыбке — самой обыкновенной доброжелательности.

— Ну разумеется,— сказал я.— Как вам будет удобно...

— Извините меня, пожалуйста.

— Нет, это вы должны меня извинить...

Она записала номер моего канала, и мы расстались. Станный какой-то получился разговор. Словно она узнала откуда-то, что я вру. Я пощупал уши. Уши у меня горели. Пр-р-роклётая профессия... «И началась самая увлекательная из охот — охота на человека...» О темпора, о морес! Как они часто все-таки ошибались, эти классики!.. Ладно, подождем. И ведь придется, наверное, лететь в этот Манаос. Я запросил сводку. Нуль-связь была по-прежнему неустойчивой. Тогда я заказал стартолет, раскрыл папку и принялся читать отчет Льва Абалкина об операции «Мертвый мир».

Я успел прочитать страниц пять, не больше. В дверь стукнули, и через порог шагнул Экселенц. Я поднялся.

Нам редко приходилось видеть Экселенца иначе, как за его столом, и всегда как-то забываешь, какая это костлявая громадина. Безупречно белая полотняная пара болталась на нем, как на вешалке, и вообще было в нем что-то от циркача на ходулях, хотя движения его вовсе не были угловатыми.

— Сядь,— сказал он, сложился пополам и опустился в кресло передо мной.

Я тоже поспешно сел.

— Докладывай,— приказал он.

Я доложил.

— Это все?— спросил он с неприятным выражением.

— Пока все.

— Плохо,— сказал он.

— Так уж и плохо, Экселенц...— сказал я.

— Плохо! Наставник умер! А школьные друзья? Я вижу, они у тебя даже не запланированы! А его одноклассники по школе Прогрессоров?

— К сожалению, Экселенц, у него, по-видимому, не было друзей. В интернате — во всяком случае, а что касается Прогрессоров...

— Уволь меня от этих рассуждений. Проверь все. И не отвлекайся. При чем здесь детский врач, например?

— Я стараюсь проверить все,— сказал я, начиная злиться.

— У тебя нет времени мотаться на стартолетах. Занимайся архивами, а не полетами.

— Архивами я тоже займусь. Я собираюсь заняться даже этим голованом Щекном. Но у меня намечен оп-

ределенный порядок... Я вовсе не считаю, что детский врач — это совсем уж пустая трата времени...

— Помолчи-ка,— сказал он.— Дай мне твой список.

Он взял список и долго изучал его, время от времени пошевеливая костлявым носом. Я голову готов был дать на отсечение, что он уставился на какую-то одну строчку и смотрит на нее не отрывая глаз. Потом он вернул мне листок и сказал:

— Щекн — это неплохо. И легенда твоя мне нравится. А все остальное — плохо. Ты поверил, что у него не было друзей. Это неверно. Тристан был его другом, хотя в папке ты не найдешь об этом ничего. Ищи. И эту... Глумову... Это тоже хорошо. Если у них там любовь, то это шанс. А Леканову оставь. Это тебе не нужно.

— Но она же все равно позвонит!

— Не позвонит,— сказал он.

Я посмотрел на него. Круглые зеленые глаза не мигали, и я понял, что да, Леканова не позвонит.

— Послушайте, Экселенц,— сказал я.— Вам не кажется, что я работал бы втрое успешней, если бы знал, в чем тут дело?

Я был уверен, что он отрежет: «Не кажется». Вопрос мой был чисто риторическим. Я просто хотел продемонстрировать ему, что атмосфера таинственности, окружавшая Льва Абалкина, не осталась мною не замеченной и мешает мне.

Но он сказал другое:

— Не знаю. Полагаю, что нет. Все равно я пока не могу ничего сказать. Да и не хочу.

— Тайна личности?— спросил я.

— Да,— сказал он.— Тайна личности.

ИЗ ОТЧЕТА ЛЬВА АБАЛКИНА (ОПЕРАЦИЯ «МЕРТВЫЙ МИР»).

...К десяти часам порядок движения устанавливается окончательно. Идем посередине улицы: впереди по оси маршрута — Щекн, за ним и левее — я. От принятого порядка движения — прижимаясь к стенам — пришлось отказаться, потому что тротуары завалены осыпавшейся штукатуркой, битыми кирпичами, осколками оконного стекла, проржавевшей кровельной жестью, и уже дважды

обломки карнизов без всякой видимой причины обрушивались чуть ли не нам на головы.

Погода не меняется, небо по-прежнему в тучах, налетает порывами влажный теплый ветер, гонит по разбитой мостовой неопределенный мусор, рябит вонючую воду в черных застойных лужах. Налетают, рассеиваются и налетают снова полчища комаров. Штурмовые волны комаров. Целые комариные смерчи. Очень много крыс — шуршат в грудах мусора, грязно-рыжими стайками перебегают улицы из подъезда в подъезд, столбиками торчат в пустых оконных проемах. Глаза у них, как бусинки, поблескивают настороженно. Непонятно, чем они питаются в этой каменной пустыне. Разве что змеями. Змей тоже много, особенно вблизи канализационных люков, где они собираются в спутанные шевелящиеся клубки. Чем питаются здесь змеи — тоже непонятно. Разве что крысами. Змеи, впрочем, какие-то вялые, совсем не агрессивные, но и не трусливые. Занимаются какими-то своими делами, ни на кого и ни на что не обращая внимания.

Город безусловно давно покинут. Тот человек, которого мы встретили на окраине, был, конечно, сумасшедший и забрел сюда случайно.

Сообщение от группы Рэма Желтухина. Он пока вообще никого не встретил. Он в восторге от своей свалки и клянется в ближайшее время определить индекс здешней цивилизации с точностью до второго знака. Я пытаюсь представить себе эту свалку — гигантскую, без начала и без конца, завалившую полмира. У меня портится настроение, и я перестаю об этом думать.

Мимикридный комбинезон работает неудовлетворительно. Защитная окраска, соответствующая фону, проявляется на мимикриде с задержкой на пять минут, а иногда и вовсе не проявляется, а вместо нее возникают удивительной красоты и яркости пятна самых чистых спектральных цветов. Надо думать, здесь в атмосфере есть что-то такое, что сбивает с толку отрегулированный химизм этого вещества. Эксперты комиссии по камуфляжной технике отказались от надежды отладить работу комбинезона дистанционно. Они дают мне рекомендации, как произвести регулировку на месте. Я следую этим рекомендациям, в результате чего комбинезон мой теперь разрегулирован окончательно.

Сообщение от группы Эспады. Судя по всему, при

высадке в тумане они промахнулись на несколько километров: ни возделанных полей, ни поселений, замеченных с орбиты, они не наблюдают. Наблюдают океан и побережье, покрытое километровой ширины черной полоской коросты — похоже, застывшим мазутом. У меня снова портится настроение.

Эксперты категорически протестуют против решения Эспады полностью отключить камуфляж. Маленький, но шумный скандальчик в эфире. Щекн ворчливо замечает:

— Пресловутая человеческая техника! Смешно...

На нем нет никакого комбинезона, и нет на нем тяжелого шлема с преобразователями, хотя все это было для него специально приготовлено. Он отказался от всего этого, как обычно, без объяснения причин.

Он бежит по полустертой осевой линии проспекта вразвалку, слегка занося вбок задние ноги, как это делают иногда наши собаки, толстый, мохнатый, с огромной круглой головой, как всегда повернутой влево, так что правым глазом он смотрит строго вперед, а левым словно бы косится на меня. На змей он не обращает внимания вовсе, как и на комаров, а вот крысы его интересуют, но только с гастрономической точки зрения. Впрочем, сейчас он сыт.

Мне кажется, что он уже сделал для себя кое-какие выводы и по поводу города, и, возможно, по поводу всей этой планеты. Он равнодушно уклонился от осмотра на диво сохранившегося особняка в седьмом квартале, совершенно неуместного своей чистотой и элегантностью среди ободранных временем слепых, заросших диким ползуном зданий. Он только брезгливо обнюхал двухметровые колеса военной бронированной машины, пронзительно и свежо воняющей бензином, полупогребенной под развалинами рухнувшей стены, и без всякого любопытства наблюдал за сумасшедшей пляской давешнего бедняги аборигена, который выскочил на нас, звеня бубенчиками, гримасничая, весь в развевающихся разноцветных то ли лохмотьях, то ли лентах. Все эти странности Щекну безразличны, он почему-то не пожелал выделить их из общего фона катастрофы, хотя поначалу, на первых километрах пути, он был явно возбужден, искал что-то, поминутно нарушая порядок движения, что-то вынюхивал, фыркая и отплевываясь, бормоча неразборчиво на своем языке...

— А вот что-то новенькое, — говорю я.

Это что-то вроде кабины ионного душа — цилиндр высотой метра в два и метр в диаметре из полупрозрачного, похожего на янтарь материала. Овальная дверца во всю его высоту распахнута. Похоже, что когда-то эта кабина стояла вертикально, а потом подложили под нее сбоку заряд взрывчатки, и теперь ее сильно накренило, так что край ее днища приподнялся вместе с приросшим к нему пластом асфальта и гнилой земли. В остальном она не пострадала, да там в ней и нечему было страдать — внутри она пустая, как пустой стакан.

— Стакан,— говорит Вандерхузе.— Но с дверцей.

— Ионный душ,— говорю я.— Но без оборудования. Или, например, кабина регулировщика. Я видел очень похожие на Саракше, только там они из жести и стекла. Кстати, на тамошнем сленге они так и называются: «стакан».

— А что он регулирует?— с любопытством осведомляется Вандерхузе.

— Уличное движение на перекрестках,— говорю я.

— До перекрестка далековато, как ты полагаешь?— говорит Вандерхузе.

— Ну, значит, это ионный душ,— говорю я.

Диктую ему донесение. Приняв донесение, он осведомляется:

— А вопросы?

— Два естественных вопроса: зачем эту штуку здесь поставили и кому она помешала? Обращаю внимание: никаких кабелей и проводов нет. Щекн, у тебя есть вопросы?

Щекн более чем равнодушен — он чешется, повернувшись к кабине задом.

— Мой народ не знает таких предметов,— сообщает он высокомерно.— Моему народу это неинтересно.— И он снова принимается чесаться с самым откровенным вызовом.

— У меня все,— говорю я Вандерхузе, и Щекн тут же поднимается и трогается дальше.

Его народу это, видите ли, неинтересно, думаю я, шагая следом и левее. Мне хочется улыбнуться, но улыбаться ни в коем случае нельзя. Щекн не терпит такого рода улыбок, чуткость его к малейшим оттенкам человеческой мимики поразительна. Странно, откуда у голованов эта чуткость? Ведь физиономии (или морды?)

почти совсем лишены мимики — по крайней мере, на человеческий глаз. У обыкновенной дворняги мимика значительно богаче. А вот в человеческих улыбках он разбирается великолепно. Вообще голованы разбираются в людях в сто раз лучше, чем люди в голованах. И я знаю — почему. Мы стесняемся. Они разумны, и нам неловко их исследовать. А вот они подобной неловкости не ощущают. Когда мы жили у них в Крепости, когда они укрывали нас, кормили, поили, оберегали, сколько раз я вдруг обнаруживал, что надо мной произвели очередной эксперимент! И Марта жаловалась Комову на то же, и Раулингсон, и только Комов никогда не жаловался — я думаю, просто потому, что он слишком самолюбив для этого. А Тарасконец в конце концов просто сбежал. Уехал на Пандору, занимается своими чудовищными тахоргам и счастлив... Почему Щекна так заинтересовала Пандора? Он всеми правдами и неправдами оттягивал отлет. Надо будет потом проверить, точно ли, что группа голованов попросила транспорт для переселения на Пандору.

— Щекн,— говорю я,— тебе хотелось бы жить на Пандоре?

— Нет. Мне нужно быть с тобой.

Ему нужно быть. Вся беда в том, что в их языке всего одна модальность. Никакой разницы между «нужно», «должно», «хочется», «может» не существует. И когда Щекн говорит по-русски, он использует эти понятия словно бы наугад. Никогда нельзя точно сказать, что он имеет в виду. Может быть, он хотел сказать сейчас, что любит меня, что ему плохо без меня, что ему нравится быть только со мной. А может быть — что это его обязанность — быть со мной, что ему поручено быть со мной, и что он намерен честно выполнить свой долг, хотя больше всего на свете ему хочется пробираться через оранжевые джунгли, жадно ловя каждый шорох, наслаждаясь каждым запахом, которых на Пандоре хоть отбавляй...

Впереди справа от грязно-белого балкона на третьем этаже отделяется пласт штукатурки и с шумом обрушивается на тротуар. Возмущенно пищат крысы. Комариный столб вырывается из кучи мусора и крутится в воздухе. Через улицу узорчатой металлической лентой заструилась огромная змея, свернувшись спирально перед Щекном и угрожающе подняла ромбическую голову.

Щекн даже не останавливается — небрежно и коротко взмахивает передней лапой, ромбическая голова отлетает на тротуар, а он уже трусит дальше, оставив позади извивающееся клубком обезглавленное тело.

Эти чудаки боялись отпускать меня вдвоем со Щекном! Первоклассный боец, умница, с невероятным чутьем на опасность, абсолютно бесстрашен — не по-человечески бесстрашен... Но... Разумеется, не обходится и без некоторого «но». Если придется, я буду драться за Щекна, как за самого себя. А Щекн? Не знаю. Конечно, на Саракше они дрались за меня, дрались и убивали, и гибли, прикрывая меня, но всегда мне казалось почему-то, что не за меня они дрались, не за друга своего, а за некий отвлеченный, хотя и очень дорогой для них принцип... Я дружу с Щекном уже пять лет, у него еще перепонки между пальцами не отпали, когда мы с ним познакомились, я учил его языку и как пользоваться Линией Доставки. Я не отходил от него, когда он болел своими странными болезнями, в которых наши врачи так и не сумели ничего понять. Я терпел его дурные манеры, мирился с его бесцеремонными высказываниями, прощал ему то, что не прощаю никому в мире. И до сих пор я не знаю, кто я для него...

Вызов с корабля. Вандерхузе сообщает, что Рэм Желтухин нашел на своей свалке ружье. Информация пустяковая. Просто Вандерхузе хочется, чтобы я не молчал. Он очень беспокоится, добрая душа, когда я долго молчу. Мы говорим о пустяках.

Пока мы говорим о пустяках, Щекн ныряет в ближайший подъезд. Оттуда доносится возня, писк, хруст и чавканье. Щекн снова появляется в дверях. Он энергично жует и обирает с морды крысиные хвосты.

Каждый раз, когда я нахожусь на связи, он принимается вести себя как собака — то кормится, то чешется, то ищется. Он прекрасно знает, что я этого не люблю, и устраивает демонстрации, словно мстит мне за то, что я отвлекаюсь от нашего одиночества вдвоем.

Он приносит мне свои извинения, ссылаясь на то, что это вкусно и что он не мог удержаться. Я говорю с ним сухо.

Начинается мелкий моросящий дождь. Проспект впереди заволакивает зыбкая мгла. Мы минуем семнадцатый квартал (поперечная улица вымощена булыжником), про-

ходим мимо проржавевшего автофургона на спущенных баллонах, мимо неплохо сохранившегося, облицованного гранитом здания с фигурными решетками на окнах первого этажа, и слева от нас начинается парк, отделенный от проспекта низкой каменной оградой.

В тот момент, когда мы проходим мимо покосившейся арки ворот, из мокрых, буйно разросшихся кустов с шумом и бубенчиковым звоном выскакивает на ограду пестрый нелепый длинный человек...

Он худой как скелет, желтолицый, с впалыми щеками и остекленевшим взглядом. Мокрые рыжие патлы торчат во все стороны, ходуном ходят разболтанные и словно бы многосуставчатые руки, а голенастые ноги беспрестанно дергаются и приплясывают на месте, так что из-под огромных ступней разлетаются в стороны палые листья и размокшая цементная крошка.

Весь от шеи до ног обтянут чем-то вроде трико в разноцветную клетку — красную, желтую, синюю и зеленую, и беспрестанно звенят бубенчики, нашитые в беспорядке на его рукавах и штанинах, и звонко и дробно щелкают в замысловатом ритме узловатые пальцы. Паяц. Арлекин. Его ужимки были бы, наверное, смешными, если бы не были так страшны в этом мертвом городе, под серым сеющим дождем, на фоне одичалого парка, превратившегося в лес. Это, без всякого сомнения, безумец. Еще один безумец.

В первое мгновение мне кажется, что это тот же самый, с окраины. Но тот был в разноцветных ленточках и в дурацком колпаке с колокольчиком, и был гораздо ниже ростом, и не казался таким изможденным. Просто оба они были пестрые, и оба сумасшедшие, и представляется совершенно невероятным, чтобы первые два аборигена, встреченные на этой планете, оказались сумасшедшими клоунами.

— Это не опасно,— говорит Щекн.

— Мы обязаны ему помочь,— говорю я.

— Как хочешь. Он будет нам мешать.

Я и сам знаю, что он будет нам мешать, но делать нечего, и я начинаю придвигаться к пляшущему паяцу, готовя в перчатке присоску с транквилизатором.

— Опасно сзади!— говорит Щекн.

Я круто поворачиваюсь. Но на той стороне улицы ничего особенного: двухэтажный особняк с остатками ядовито-фиолетовой покраски, фальшивые колонны, ни

одного целого стекла, дверной проем в полтора этажа зияет тьмой. Дом как дом, однако Щекн глядит именно на него в позе самого напряженного внимания. Он присел на напружиненных лапах, низко пригнул голову и настропалил маленькие треугольные уши. У меня холодок проливается между лопаток: с самого начала маршрута Щекн еще ни разу не становился в эту редкую позу. Позади отчаянно дребезжат колокольчики, и вдруг становится тихо. Только шорох дождя.

— В котором окне? — спрашиваю я.

— Не знаю. — Щекн медленно поводит тяжелой головой справа налево. — Ни в каком окне. Хочешь — посмотрим? Но уже меньше... — Тяжелая голова медленно поднимается. — Все. Как всегда.

— Что?

— Как сначала.

— Опасно?

— С самого начала опасно. Слабо. А сейчас было сильно. И опять как сначала.

— Люди? Зверь?

— Очень большая злоба. Непонятно.

Я оглядываюсь на парк. Сумасшедшего паяца больше нет, и ничего нельзя различить в плотной мокрой зелени.

Вандерхузе страшно обеспокоен. Я диктую донесение, Вандерхузе боится, что это была засада и что паяц должен был меня отвлекать. Никак ему не понять, что в этом случае засада бы удалась, потому что паяц меня действительно отвлек так, что я ничего не видел и не слышал, кроме него. Вандерхузе предлагает выслать к нам группу поддержки, но я отказываюсь. Задание у нас пустяковое, и скорее всего нас самих скоро снимут с маршрута и перебросят в поддержку хотя бы тому же Эспаде.

Сообщение от группы Эспады: его обстреляли. Трасирующими пулями. Похоже, предупредительный обстрел. Эспада продолжает движение. Мы — тоже. Вандерхузе взволнован до последней крайности, голос у него совсем жалобный.

Пожалуй с капитаном нам не повезло. У Эспады капитан — Прогрессор. У Желтухина капитан — Прогрессор. А у нас — Вандерхузе. Это все оправданно, разумеется: Эспада — это группа контакта, Рэм — основной поставщик информации, а мы со Щекном — просто пешие разведчики в пустом безопасном районе. Вспо-

могательная группа. Но когда что-нибудь случается,— а ведь всегда что-нибудь случается,— то рассчитывать нам придется только на себя. В конце концов старый милый Вандерхузе — это всего-навсего звездолетчик, опытный космический волк. В плоть и кровь впиталась у него инструкция 06/3: «При обнаружении на планете признаков разумной жизни НЕМЕДЛЕННО стартовать, уничтожив по возможности все следы своего пребывания...» А здесь — предупредительный обстрел, очевиднейшее нежелание вступать в контакт, и никто не только не собирается стартовать немедленно, а наоборот, продолжает движение и вообще прет на рожон...

Дождь прекращается. По мокрому асфальту прыгают лягушки. Становится ясно, чем питаются змеи. А чем питаются лягушки? Комарами. Дома становятся все выше, все роскошнее. Облезлая, заплесневевшая роскошь. Длиннейшая колонна разномастных грузовиков, остановившихся у обочины с левой стороны. Движение здесь, видимо, было левосторонним. Многие грузовики открытые, в кузовах громоздится домашний скarb. Похоже на следы массовой эвакуации, только непонятно, почему они двигались к центру города. Может быть, в порт?

Мы выходим на площадь и сразу останавливаемся, потому что видим пушку. Она стоит за углом, приземистая, словно бы припавшая к мостовой,— длинный ствол с тяжелым набалдашником дульного тормоза, низкий широкий щит, размалеванный камуфляжными зигзагами, широко раздвинутые трубчатые станины, толстые колеса на резиновом ходу... С этой позиции был сделан не один выстрел, но давно, очень давно. Стреляные гильзы, рассыпанные вокруг, насквозь проедены зеленой и красной окисью, крючья станин распороли асфальт до земли и тонут теперь в густой траве, и даже маленькое деревце успело пробиться возле левой станины. Проржавевший замок откинут, прицела нет вовсе, а в тылу позиции валяются сгнившие, полураспавшиеся ящики, все пустые. Здесь стреляли до последнего снаряда.

Я гляжу поверх щита и вижу, куда стреляли. Точнее, сначала я вижу громадные, заросшие плющом пробойны в стене дома напротив, и только потом в глаза мне бросается некая архитектурная несообразность. У подножия дома с пробойнами, совершенно ни к селу, ни

к городу, стоит небольшой тускло-желтый павильон, одноэтажный, с плоской крышей, и теперь мне ясно, что стреляли именно по нему, прямой наводкой, почти в упор, с пятидесяти метров, а зияющие дыры в стене дома над ним — это промахи, хотя с такого расстояния промахнуться, казалось, было бы невозможно. Впрочем, промахов не так уж и много, и можно только поражаться прочности этого невзрачного желтого сооружения, принявшего на себя столько попаданий и все же не превратившегося в груды мусора.

Расположен павильон нелепо, и поначалу мне кажется, будто страшными ударами снарядов его сдвинуло с места, отбросило назад, загнало на тротуар и почти воткнуло углом в стену дома. Но это, конечно, не так. Снаряды пробивали в желтом фасаде круглые отверстия с оплавленными и закопченными краями и рвались внутри, так что широкие створки просторного входа выбило наружу, и, перекосившись, они висят теперь на каких-то невидимых ниточках. Внутри, несомненно, возник пожар, и все, что там было, выгорело дотла, а языки пламени оставили черные следы над входом и кое-где над пробоинами. Но стоит павильон, конечно же, именно там, где его поставили с самого начала какие-то чудаковатые архитекторы, совершенно загородив тротуар и отхвативши часть мостовой, что несомненно должно было мешать движению транспорта.

Все, что здесь случилось, случилось очень давно, много лет назад, и давно уже исчезли запахи пожаров и стрельбы, но странным образом сохранилась и давила душу атмосфера лютой ненависти, ярости, бешенства, которые двигали тогда неведомыми артиллеристами.

Я принимаюсь диктовать очередное донесение, а Щекн, усевшись поодаль, брюзгливо отвесив губу, демонстративно громко бурчит, кося желтым глазом: «Люди... Какое же тут может быть сомнение... Разумеется, люди... Железо и огонь, развалины, всегда одно и то же...» Видимо, он тоже ощущает эту атмосферу, и, наверное, еще более интенсивно, чем я. Он ведь вдобавок вспоминает сейчас свои родные края — леса, начиненные смертоубийственной техникой, выжженные до пепла пространства, где мертво торчат обугленные радиоактивные стволы деревьев и сама земля пропитана ненавистью, страхом и гибелью...

На этой площади нам делать больше нечего. Разве

что строить гипотезы и рисовать в воображении картины одна другой ужаснее. Мы идем дальше, а я думаю, что в эпохи глобальных катастроф цивилизации выплескивают на поверхность бытия всю мерзость, все подонки, скопившиеся за столетия в генах социума. Формы этой накипи чрезвычайно многообразны, и по ним можно судить, насколько неблагоприятна была данная цивилизация к моменту катаклизма, но очень мало можно сказать о природе этого катаклизма, потому что самые разные катаклизмы — будь то глобальная пандемия, или всемирная война, или даже геологическая катастрофа — выплескивают на поверхность одну и ту же накипь: ненависть, звериный эгоизм, жестокость, которая кажется оправданной, но не имеет на самом деле никаких оправданий...

Сообщение от Эспады: он вступил в контакт. Приказ Комова: всем группам подготовить трансляторы для приема лингвистической информации. Я завожу руку за спину и на ощупь щелкаю тумблером портативного переводчика...

2 июня 78 года. МАЙЯ ГЛУМОВА, ПОДРУГА ЛЬВА АБАЛКИНА.

Я не стал предупреждать Майю о своем визите, а прямо в девять утра направился на площадь Звезды.

На рассвете прошел небольшой дождь, и огромный куб музея из неотесанного мрамора весь влажно сверкал под солнцем. Еще издали я увидел перед главным входом небольшую толпу, а подойдя вплотную, услышал недовольные и разочарованные восклицания. Оказывается, со вчерашнего дня Музей был закрыт для посетителей по случаю подготовки какой-то новой экспозиции. Я не стал здесь задерживаться. Мне неоднократно приходилось бывать в этом Музее, и я знал, где расположен служебный вход. Я обогнул здание и по тенистой аллееке прошел к широкой низкой дверце, едва заметной за сплошной стеной каких-то выющихся растений. Эта пластиковая, под мореный дуб, дверца тоже была заперта. У порога маялся кибер-уборщик. Вид у него безнадежно унылый: за ночь он, бедняга, основательно разрядился, а теперь здесь, в тени, шансов снова накопить энергию у него было не много.

Я отодвинул его ногой и сердито постучал. Отозвался замогильный голос:

— Музей Внеземных Культур временно закрыт для переоборудования центральных помещений под новую экспозицию. Просим прощения, приходите к нам через неделю.

— Массаракш!— произнес я вслух, озираясь в некоторой растерянности.

Никого вокруг, естественно, не было, и только кибер озабоченно стрекотал у меня под ногами. Видимо, его заинтересовали мои туфли.

Я снова отпихнул его и снова стукнул кулаком в дверь.

— Музей Внеземных Культур...— затянул было замогильный голос и вдруг смолк.

Дверь распахнулась.

— То-то же,— сказал я и вошел.

Кибер остался за порогом.

— Ну?— сказал я ему.— Заходи.

Но он попятился, словно бы не решаясь, и в ту же секунду дверь снова захлопнулась.

В коридорах стоял не очень сильный, но весьма специфический запах. Я уже давно успел заметить, что каждый музей обладает своим запахом. Особенно мощно пахнет в зоологических музеях, но и здесь тоже паховало основательно. Внеземными культурами, надо полагать.

Я заглянул в первое попавшееся помещение и обнаружил там двух совсем молоденьких девчушек, которые с молекулярными паяльниками в руках возились в недрах некоего сооружения, более всего напоминавшего гигантский моток колючей проволоки. Я спросил, где мне найти Майю Тойвовну, получил подробные указания и пошел блуждать по переходам и залам спецсектора предметов материальной культуры не выясненного назначения. Здесь я никого не встретил. Широкие массы сотрудников пребывали, по-видимому, в центральных помещениях, где и занимались новой экспозицией, а здесь не было никого и ничего, кроме предметов не выясненного назначения. Но уж зато предметов этих я нагляделся по дороге досыта, и у меня мимоходом сложилось убеждение, что назначение их как было всегда не выясненным, так и останется таковым во веки веков, аминь.

Майю Тойвовну я нашел в ее кабинете-мастерской.

Когда я вошел, она подняла мне навстречу лицо — красивая, мало того — очень милая женщина: прекрасные каштановые волосы, большие серые глаза, слегка вздернутый нос, сильные обнаженные руки с длинными пальцами, свободная блузка-безрукавка в вертикальную черно-белую полоску. Прелестная женщина. Над правой бровью у нее была маленькая черная родинка.

Она глядела на меня рассеяннo, и даже не на меня, а как бы сквозь меня, глядела и молчала. На столе перед нею было пусто, только обе руки ее лежали на столе, как будто она их положила перед собой и забыла о них.

— Прошу прощенье,— сказал я.— Меня зовут Максим Каммерер.

— Да. Слушаю вас.

Голос у нее тоже был рассеянный, и сказала она неправду: не слушала она меня. Не слышала она меня и не видела. И вообще ей было явно не до меня сегодня. Любой приличный человек на моем месте извинился бы и потихоньку ушел. Но я не мог позволить себе быть приличным человеком. Я был сотрудником КОМКОНа-2 на работе. Поэтому я не стал извиняться, ни тем более уходить, а просто уселся в первое попавшееся кресло и, изобразив на физиономии простодушную приветливость, спросил:

— Что это у вас сегодня с Музеем? Никого не пускают...

Кажется, она немного удивилась:

— Не пускают? Разве?

— Ну я же вам говорю! Еле-еле пропустили через служебный вход...

— А, да... Простите, кто вы такой? У вас ко мне дело?

Я повторил, что я — Максим Каммерер, принялся излагать свою легенду.

И тут произошла удивительная вещь. Едва я произнес имя Льва Абалкина, как она словно бы проснулась. Рассеянность исчезла с ее лица, она вся вспыхнула и буквально впиалась в меня своими серыми глазами. Но она не произнесла ни слова и выслушала меня до конца. Она только медленно подняла от стола свои безвольно лежавшие руки, скрестила длинные пальцы и положила на них подбородок.

— Вы сами его знали?— спросила она.

Я рассказал об экспедиции в устье Голубой Змеи.

— И вы обо всем этом напишете?

— Разумеется, — сказал я. — Но этого мало.

— Мало — для чего? — спросила она.

На лице ее появилось странное выражение — словно она с трудом сдерживала смех. У нее даже глаза заблестели.

— Понимаете, — начал я снова, — мне хочется показать становление Абалкина как крупнейшего специалиста в своей области. На стыке зоопсихологии и социопсихологии он произвел что-то вроде...

— Но он не стал специалистом в своей области, — сказала она. — Они же сделали его Прогрессором. Они же его... Они...

Нет, не смех она сдерживала, а слезы. И теперь перестала сдерживать. Упала лицом в ладони и рыдалась. О господи! Женские слезы — это вообще ужасно, а тут я вдобавок ничего не понимал. Она рыдала бурно, самозабвенно, как ребенок, вздрагивая всем телом, а я сидел дурак-дураком и не знал, что делать. В таких случаях всегда протягивают стакан воды, но в кабинете-мастерской не было ни стакана, ни воды, ни каких-либо заменителей — только стеллажи, уставленные предметами неизвестного назначения.

А она все плакала, слезы струйками протекали у нее между пальцами и капали на стол, она судорожно вздыхала, всхлипывала, и все не открывала лица, а потом вдруг принялась говорить, и говорила так, будто думала вслух — перебивая сама себя, без всякого порядка и без всякой цели.

...Он лупил ее — ого, еще как! Стоило ей поднять хвост, как он выдавал ей по первое число. Ему было наплевать, что она девчонка и младше его на три года, — она принадлежала ему, и точка. Она была его вещью, его собственной вещью. Стала сразу же, чуть ли не в тот день, когда он увидел ее. Ей было пять лет, а ему восемь. Он бегал кругами и выкрикивал свою собственную считалку: «Стояли звери около двери, они кричали, их не пускали!» Десять раз, двадцать раз подряд. Ей стало смешно, и вот тогда он выдал ей впервые...

...Это было прекрасно — быть его вещью, потому что он любил ее. Он больше никого и никогда не любил. Только ее. Все остальные были ему безразличны. Они

ничего не понимали и не умели понять. А он выходил на сцену, пел песни и декламировал — для нее. Он так и говорил: «Это для тебя. Тебе понравилось?». И прыгал в высоту — для нее. И нырял на тридцать два метра — для нее. И писал стихи по ночам — тоже для нее. Он очень ценил ее, свою собственную вещь, и он все время стремился быть достойным такой ценной вещи. И никто ничего об этом не знал. Он всегда умел сделать так, чтобы никто ничего об этом не знал. До самого последнего года, когда об этом узнал его Учитель...

...У него было еще много собственных вещей. Весь лес вокруг интерната был его очень большой собственной вещью. Каждая птица в этом лесу, каждая белка, каждая лягушка в каждой канаве. Он повелевал змеями, он начинал и прекращал войны между муравейниками, он умел лечить оленей, и все они были его собственными, кроме старого лося по имени Рекс, которого он признал равным себе, но потом с ним поссорился и прогнал его из леса...

...Дура, дура! Сначала все было так хорошо, а потом она подросла и вздумала освободиться. Она прямо объявила ему, что не желает больше быть его вещью. Он отлупил ее, но она была упряма, она стояла на своем, проклятая дура. Тогда он снова отлупил ее, жестоко и беспощадно, как лупил своих волков, пытавшихся вырваться у него из повиновения. Но она-то была не волк, она была упрямее всех его волков, вместе взятых. И тогда он выхватил из-за пояса свой нож, который самолично выточил из кости, найденной в лесу, и с бешеной улыбкой медленно и страшно вспорол себе руку от кисти до локтя. Он стоял перед ней с бешеной улыбкой, кровь хлестала у него из руки, как вода из крана, и он спросил: «А теперь?» И он еще не успел повалиться, как она поняла, что он был прав. Был прав всегда, с самого начала. Но она, дура, дура, дура, так и не захотела признать этого...

А в последний его год, когда она вернулась с каникул, ничего уже не было. Что-то случилось. Наверное, они уже взяли его в свои руки. Или узнали обо всем и, конечно же, ужаснулись, идиоты. Проклятые разумные кретины. Он посмотрел сквозь нее и отвернулся. И больше уже не смотрел на нее. Она перестала существовать для него, как и все остальные. Он утратил свою вещь

и примирился с потерей. А когда он снова вспомнил о ней, все уже было по-другому. Жизнь уже навсегда перестала быть таинственным лесом, в котором он был владыкой, а она — самым ценным, что он имел. Они уже начали превращать его, он уже был почти Прогрессор, он уже был на полпути в другой мир, где предадут и мучают друг друга. И видно было, что он стоит на этом пути твердой ногой, он оказался хорошим учеником, старательным и способным. Он писал ей, она не отвечала. Он звал ее, она не откликалась. И надо было ему не писать и не звать, а приехать самому и отлупить, как встарь, и тогда все, может быть, стало бы по-прежнему. Но он уже больше не был владыкой. Он стал всего лишь мужчиной, каких было много вокруг, и он перестал ей писать...

...Последнее его письмо, как всегда написанное от руки (он признавал только письма от руки, никаких кристаллов, никаких магнитных записей, только от руки), последнее его письмо пришло как раз оттуда, из-за Голубой Змеи. «Стояли звери около двери,— писал он,— они кричали, их не пускали». И больше ничего не было в этом последнем его письме...

Она лихорадочно выговаривалась, вхлипывая и сморкаясь в смятые лабораторные салфетки, и вдруг я понял, и через секунду она сказала это сама: она виделась с ним вчера. Как раз в то самое время, когда я звонил ей и беседовал с конопатым Тойво, и когда я дозванивался до Ядвиги, и когда я разговаривал с Экселенцем, и когда я валялся дома, изучая отчет об операции «Мертвый мир»,— все это время она была с ним, смотрела на него, слушала его, и что-то там у них происходило такое, из-за чего она сейчас плакалась в жилетку незнакомому человеку.

2 июня 78 года. МАЙЯ ГЛУМОВА И ЖУРНАЛИСТ КАММЕРЕР.

Она замолчала, словно опомнившись, и я тоже опомнился — только на несколько секунд раньше. Ведь я был на работе. Надо было работать. Долг. Чувство долга. Каждый обязан исполнить свой долг. Эти затхлые, шершавые слова. После того, что мне довелось услышать. Плюнуть на долг и сделать все возможное, чтобы вытащить эту несчастную женщину из трясины ее непо-

нятного отчаяния. Может быть, это и есть мой настоящий долг.

Но я знал, что это не так. Это не так по многим причинам. Например, потому, что я не умею вытаскивать людей из трясины отчаяния. Просто не знаю, как это делается. Не знаю даже, с чего здесь начинают. И поэтому мне больше всего хотелось сейчас встать, извиниться и уйти. Но и этого я, конечно, не сделаю, потому что мне надо непременно узнать, где они встречались и где он сейчас...

Она вдруг снова спросила:

— Кто вы такой?

Она задала этот вопрос голосом надтреснутым и сухим, и глаза у нее уже были сухие и блестящие, совсем больные глаза.

Пока я не пришел, она сидела здесь одна, хотя вокруг было полным-полно ее коллег и даже, наверное, друзей, все равно она была одна, может быть, даже кто-то подходил к ней и пытался заговорить с нею, но она все равно оставалась одна, потому что никто здесь не знал и не мог ничего знать о человеке, переполнившим ее душу этим страшным отчаянием, этим жгучим, обесиливающим разочарованием и всем прочим, что скопилось в ней за эту ночь, рвалось наружу и не находило выхода. И вот появился я и назвал имя Льва Абалкина — словно полоснул скальпелем по невыносимому нарыву. И тогда ее прорвало, и на какое-то время она ощутила огромное облегчение, сумела наконец выкрикаться, освободиться от боли, разум ее освободился, и тогда я перестал быть целителем, а стал тем, кем и был на самом деле, — совершенно чужим, посторонним и случайным человеком. И сейчас ей становилось ясно, что на самом деле я не могу быть совсем уж случайным человеком, потому что таких случайностей не бывает. Не бывает так, чтобы расстаться с возлюбленным двадцать лет назад, двадцать лет ничего не знать о нем, двадцать лет не слышать его имени, а потом, двадцать лет спустя, снова встретиться с ним и провести с ним ночь, страшную и горькую, страшнее и горше любой разлуки, и чтобы наутро, впервые за двадцать лет, услышать его имя от совершенно случайного, чужого, постороннего человека...

— Кто вы такой? — спросила она надтреснутым и сухим голосом.

— Меня зовут Максим Каммерер, — ответил я в третий раз, всем видом своим изображая крайнюю растерянность. — Я в некотором роде журналист... Но ради бога... Я, видимо, попал не вовремя... Понимаете, я собираю материал для книги о Льве Абалкине...

— Что он здесь делает?

Она мне не верила. Может быть, она чувствовала, что я ищу не материал о Льве Абалкине, а самого Льва Абалкина. Мне надо было приспособливаться. И побыстрее. И я, разумеется, приспособился.

— В каком смысле? — спросил журналист Каммерер озадаченный и с некоторой даже тревогой.

— У него здесь задание?

Журналист Каммерер обалдел.

— 3-задание? Н-не совсем понимаю... — Журналист Каммерер был жалок. Без всякого сомнения, он был не готов к такой встрече. Он попал в дурацкое положение помимо своей воли и совершенно не представлял себе, как из этого положения выпутаться. Больше всего на свете журналисту Каммереру хотелось убежать. — Майя Тойвовна, ведь я... Ради бога, вы не подумайте только... Считайте, что я ничего здесь не слышал... Я уже все забыл!.. Меня здесь вообще не было!.. Но если я могу помочь вам...

Журналист Каммерер лепетал бессвязицу и был багров от смущения. Он уже не сидел. Он в предупредительной и крайне неудобной позе как бы навис над столом и все пытался ободряюще взять Майю Тойвовну за локоть. Он был, вероятно, довольно противен на вид, но уж наверняка совершенно безвреден и глуповат.

— ...У меня, видите ли, такая манера работы... — бормотал он в жалкой попытке как-то оправдаться. — Вероятно, спорная, не знаю, но раньше мне всегда это удавалось... Я начинаю с периферии: сотрудники, друзья... учителя, разумеется, наставники... А потом уже — так сказать, во всеоружии — приступаю к главному объекту исследования... Я справлялся в КОМКОНе, мне сказали, что Абалкин должен вот-вот вернуться на Землю... С Учителем я уже говорил... С врачом... Потом решил — с вами... но не вовремя!.. Простите, и еще раз простите... Я же не слепой, я вижу, что получилось какое-то крайне неприятное совпадение...

И он все-таки успокоил ее, этот неуклюжий и глуповатый журналист Каммерер. Она откинулась в кресле

и прикрыла лицо ладонью. Подозрения исчезли, проснулся стыд, и навалилась усталость.

— Да,— сказала она.— Это совпадение...

Теперь журналисту Каммереру следовало повернуться и удалиться на цыпочках. Но не такой он был человек, этот журналист. Не мог он вот так, попросту, оставить в одиночестве измученную, расстроенную женщину, без всякого сомнения нуждающуюся в помощи и поддержке.

— Разумеется, совпадение и не более того...— бормотал он.— И забудем, и ничего не было... Потом, когда-нибудь, когда вам будет удобно... угодно... я бы с величайшей благодарностью, разумеется... Конечно, это не в первый раз случается в моей работе, что я сначала беседую не с главным объектом, а потом уже... Майя Тойвовна, может быть, позвать кого-нибудь? Я мигом...

Она молчала.

— Ну и не надо, ну и правильно... Зачем? Я посижу здесь с вами... на всякий случай...

Она наконец отняла руку от глаз.

— Не надо вам со мной сидеть,— устало сказала она.— Ступайте лучше к своему главному объекту...

— Нет-нет-нет!— запротестовал журналист Каммерер.— Успею. Объект, знаете ли, объектом, а я бы не хотел оставлять вас одну... Времени у меня сколько угодно...— Он посмотрел на часы с некоторой тревогой.— А объект теперь никуда не денется! Теперь я его поймаю... Да его и дома-то сейчас, скорее всего, нет. Знаю я этих Прогрессоров в отпуске... Бродит, наверное, по городу и предается сентиментальным воспоминаниям...

— Его нет в городе,— сказала Майя Тойвовна, пока еще сдерживаясь.— Вам до него два часа лету...

— Два часа лету?— Журналист Каммерер был неприятно поражен.— Позвольте, но у меня определенно сложилось впечатление...

— Он на Валдае! Курорт «Осинушка»! На озере Велье! И имейте в виду, что нуль-Т не работает!

— М-м-м!— очень громко произнес журналист Каммерер.

Двухчасовое воздушное путешествие, безусловно, не входило в его планы на сегодняшний день. Можно было даже заподозрить, что он вообще противник воздушных путешествий.

— Два часа...— забормотал он.— Так-так-так... Я

как-то совсем по-другому это себе представлял... Прошу извинить меня, Майя Тойвовна, но, может быть, с ним можно как-то связаться отсюда?..

— Наверное, можно,— сказала Майя Тойвовна совсем уже угасшим голосом.— Я не знаю его номера... Послушайте, Каммерер, дайте мне остаться одной. Все равно вам сейчас от меня никакого толку.

И вот только теперь журналист Каммерер осознал всю неловкость своего положения до конца. Он вскочил и бросился к двери. Спихнулся, вернулся к столу. Пробормотал нечленораздельные извинения. Снова бросился к двери, опрокинув по дороге кресло. Продолжая бормотать извинения, поднял кресло и поставил его на место с величайшей осторожностью, словно оно было из хрусталя и фарфора. Попятился, кланяясь, выдал задом дверь и вывалился в коридор.

Я осторожно прикрыл дверь и некоторое время постоял, растирая тыльной стороной ладони затекшие мускулы лица. От стыда и отвращения к самому себе меня мутило.

2 июня 78 года. «ОСИНУШКА». ДОКТОР ГОАННЕК.

С восточного берега «Осинушка» выглядела как россыпь белых и красных крыш, утопающих в красно-зеленых зарослях рябины. Была там еще узкая полоска пляжа и деревянный на вид причал, к которому прикнулось стадо разноцветных лодок. На всем озаренном солнцем косогоре не было видно ни души, и только на причале восседал, свесив босые ноги, некто в белом — надо полагать, удил рыбу, очень уж был неподвижен.

Я бросил одежду на сиденье и без лишнего шума вошел в воду. Хороша была вода в озере Велье, чистая и сладкая, плыть было одно удовольствие.

Когда я вскарабкался на причал и, вытряхивая воду из уха, запрыгал на одной ноге, по горячим от солнца доскам, некто в белом отвлекся наконец от поплавка и, оглядев меня через плечо, осведомился с интересом:

— Так и бредете из Москвы в одних трусах?

Опять это был старикан лет под сто, сухой и тощий, как его бамбуковая удочка, только не желтый с лица, а скорее коричневый или даже, я бы сказал, почти черный. Возможно, по контрасту со своими незапятнанно

белыми одеждами. Впрочем, глаза у него были молодые — маленькие, синенькие и веселенькие. Ослепительно-белая каскетка с исполинским противосолнечным козырьком прикрывала его несомненно лысую голову и делала его похожим не то на отставного жокея, не то на марктвеновского школьника, удравшего из воскресной школы.

— Говорят, здесь рыбы необыкновенное количество,— сказал я, опускаясь рядом с ним на корточки.

— Вранье,— сказал он. Кратко сказал. Увесисто.

— Говорят, здесь можно время неплохо провести,— сказал я.

— Смотря кому,— сказал он.

— Модный курорт, говорят, здесь,— сказал я.

— Был,— сказал он.

Я иссяк. Мы помолчали.

— Модный курорт, юноша,— наставительно произнес он,— был здесь три сезона тому назад. Или, как выражается мой правнук Брюцеслав, «тому обратно». Теперь, видите ли, юноша, мы не мыслим себе отдыха без ледяной воды, без гнуса, без сыроядения и диких дебрей... «Дикие скалы — вот мой приют», видите ли... Таймыр и Баффинова земля, знаете ли... Космонавт?— спросил он вдруг.— Прогрессор? Этнолог?

— Был,— сказал я не без злорадства.

— А я врач,— сказал он не моргнув глазом.— Полагаю, вам я не нужен? Последние три сезона я редко кому здесь был нужен. Впрочем, опыт показывает, что пациент склонен идти косяком. Например, вчера я понадобился. Спрашивается: почему бы и не сегодня? Вы уверены, что я вам не нужен?

— Только как приятный собеседник,— сказал я искренне.

— Ну что ж, и на том спасибо,— отозвался он с готовностью.— Тогда пойдемте пить чай.

И мы пошли пить чай.

Доктор Гоаннек обитал в обширной бревенчатой избе при медицинском павильоне. Изба была оборудована всем необходимым, как-то: крыльцом с балясинами, резными наличниками, коньковым петухом, русской ультра-звуковой печью с автоматической настройкой, подовой ванной и двухспальной лежанкой, а также двухэтажным погребом, подключенным, впрочем, к Линии Доставки.

На задах, в зарослях могучей крапивы, имела место кабина нуль-Т, искусно выполненная в виде деревянного нужника.

Чай у доктора состоял из ледяного свекольника, пшенной каши с тыквой и шипучего, с изюмом кваса. Собственно чая, чая как такового, не было: по глубокому убеждению доктора Гоаннека, потребление крепкого чая способствовало камнеобразованию, а жидкий чай представлял собою кулинарный нонсенс.

Доктор Гоаннек был старожилом «Осинушки» — он принял здешнюю практику двенадцать сезонов назад. Он выдывал «Осинушку» и заурядным курортом, каких тысяча, и в пору совершенно фантастического взлета, когда в курортологии на время возобладала идея, будто только средняя полоса способна сделать отдыхающего счастливым. Не покинул он ее и теперь, в период ее, казалось бы, безнадежного упадка.

Нынешний сезон, начавшийся, как всегда, в апреле, привел в «Осинушку» всего лишь троих.

В середине мая здесь побывала супружеская чета абсолютно здоровых ассенизаторов, только что прибывших из Северной Атлантики, где они разгребали огромную кучу радиоактивной дряни. Эта пара — негр банту и малайка — перепутала полушария и явилась сюда покататься, видите ли, на лыжах. Побродив несколько дней по окрестным лесам, они в одну прекрасную ночь скрылись в неизвестном направлении, и только через неделю от них пришла телеграмма с подобающими извинениями.

Да вот еще вчера рано утром объявился неожиданно-негаданно в «Осинушке» некий странный юноша. Почему странный? Во-первых, непонятно, как он сюда попал. Не было при нем ни наземного, ни воздушного транспорта — за это доктор Гоаннек мог поручиться своей бессоницей и чутким слухом. Не явился он сюда и пешком, — не был он похож на человека, путешествующего пешком: пеших туристов доктор Гоаннек безошибочно определял по запаху. Оставалась нуль-транспортровка. Но, как известно, последние несколько дней нуль-связь барахлит из-за флуктуаций нейтринного поля, а значит, в «Осинушку» нуль-транспортровкой можно было попасть только по чистой случайности. Однако спрашивается: если этот юноша попал сюда чисто слу-

чайно, почему он сразу же набросился на доктора Гоаннека, словно именно в докторе Гоаннеке он нуждался всю свою жизнь?

Этот последний пункт показался путешественнику в трусах туристу Каммереру несколько туманным, и доктор Гоаннек не замедлил дать соответствующие разъяснения. Странному юноше не нужен был именно доктор Гоаннек лично. Ему нужен был любой доктор, но зато чем скорее, тем лучше. Дело в том, что юноша жаловался на нервное истощение, и таковое истощение у него действительно имело место, причем настолько сильное, что такому опытному врачу, как доктор Гоаннек, это было видно невооруженным глазом. Доктор Гоаннек счел необходимым тут же произвести всестороннее и тщательное обследование, которое, к счастью, не обнаружило никакой патологии. Замечательно, что этот благоприятный диагноз произвел на юношу прямо-таки целительное действие. Он буквально расцвел на глазах и уже через два-три часа, как ни в чем не бывало, принимал гостей.

Нет-нет, гости прибыли самым обыкновенным образом — на стандартном глайдере, собственно, не гости, а гостя. И очень правильно: для молодого человека нет и не может быть более целительной психотерапии, нежели очаровательная молодая женщина. В обширной практике доктора Гоаннека аналогичные случаи имели место достаточно часто. Вот, например... Доктор Гоаннек привел пример номер один. Или, скажем... Доктор Гоаннек привел пример номер два. Соответственно, и для молодых женщин лучшей психотерапией является... И доктор Гоаннек привел примеры за номерами три, четыре и пять.

Чтобы не ударить лицом в грязь, турист Каммерер поспешил ответить примером из своего личного опыта, когда он в бытность свою Прогрессором тоже однажды оказался на грани нервного истощения, однако этот жалкий и неудачный пример был отвергнут доктором Гоаннеком с негодованием. С Прогрессорами, оказывается, все обстоит совершенно иначе — гораздо сложнее, а в известном смысле, наоборот, гораздо проще. Во всяком случае, доктор Гоаннек никогда не позволил бы себе без консультации со специалистом применять какие бы то ни было психотерапевтические средства к странному юноше, если бы такой был Прогрессором...

Но странный юноша, разумеется, не был Прогрессором. Говоря в скобках, он, пожалуй, никогда и не смог бы стать Прогрессором: у него для этого малопригодный тип нервной организации. Нет, не Прогрессором он был, а то ли артистом, то ли художником, которого постигла крупная творческая неудача. И это было далеко не первый и даже не десятый случай в богатой практике доктора Гоаннека. Помнится... И доктор Гоаннек принялся извергать случаи один другого краше, заменяя при этом, разумеется, подлинные имена всевозможными Иксами, Бетами и даже Альфами...

Турист Каммерер, бывший Прогрессор и человек в общем грубоватый по натуре, довольно невежливо прервал это поучительное повествование, заявив, что лично он нипочем не согласился бы жить на одном курорте с ополоумевшим артистом. Это было опрометчивое замечание, и туриста Каммерера незамедлительно поставили на место. Прежде всего, слово «ополоумевший» было проанализировано, вдребезги раскритиковано и отмечено прочь, как медицински безграмотное, а вдобавок еще и вульгарное. И только затем доктор Гоаннек с необычайным ядом в голосе сообщил, что упомянутый ополоумевший артист, предчувствуя, видимо, нашествие Прогрессора Каммерера и все связанные с этим неудобства, сам отказался от мысли делить с ним один курорт и еще утром отбыл на первом попавшемся глайдере. При этом он так спешил избежать встречи с туристом Каммерером, что даже не успел попрощаться с доктором Гоаннеком.

Бывший Прогрессор Каммерер остался, впрочем, совершенно нечувствителен к яду. Он принял все за чистую монету и выразил полное удовлетворение тем обстоятельством, что курорт свободен от нервно-истощенных работников искусства и теперь можно без помех и со вкусом выбрать себе подходящее место для постоя.

— Где жил этот неврастеник? — прямо спросил он и тут же пояснил: — Это я — чтобы туда зря не ходить.

Разговор происходил уже на крыльце с балясинами. Несколько шокированный доктор молча указал на живописную избу с большим синим номером шесть, стоявшую несколько отдельно от прочих строений, на самом обрыве.

— Превосходно, — объявил турист Каммерер. — Значит, туда мы не пойдем. А пойдем мы с вами сначала

вон туда... Мне нравится, что там как будто рябина поуще...

Было совершенно несомненно, что изначально общительный доктор Гоаннек намеревался предложить, а в случае сопротивления — и навязать свою особу в качестве проводника и рекомендателя «Осинушки». Однако турист и бывший Прогрессор Каммерер казался ему теперь излишне бесцеремонным и толстокожим.

— Разумеется, — сухо сказал он. — Я вам советую пройти по этой вот тропинке. Отыщите коттедж номер двенадцать...

— Как? А вы?

— Увольте. У меня, знаете ли, обыкновение после чая отдыхать в гамаке...

Несомненно, одного-единственного жалобного взгляда было бы достаточно, чтобы доктор Гоаннек немедленно смягчился и изменил бы своему обыкновению во имя законов гостеприимства. Поэтому толстокожий и вульгарный Каммерер поспешил наложить последний мазок

— Пр-р-роклятые годы, — сочувственно произнес он и дело было сделано.

Кипя безмолвным негодованием, доктор Гоаннек направился к своему гамаку, а я нырнул в заросли рябины, обогнул медицинский павильон и наискосок по косогору направился к избе неврастеника.

2 июня 78 года. В ИЗБЕ НОМЕР ШЕСТЬ.

Мне было ясно, что скорее всего «Осинушка» больше никогда не увидит Льва Абалкина и что в его временном жилище я не найду ничего для себя полезного. Но две вещи были для меня совсем ясны. Действительно: как Лев Абалкин попал в эту «Осинушку» и зачем? С его точки зрения, если он действительно скрывается, гораздо логичнее и безопаснее было бы обратиться к врачу в любом большом городе. Например, в Москве, до которой отсюда десять минут лету, или хотя бы в Валдае, до которого отсюда лету две минуты. Скорее, он попал сюда совершенно случайно: либо не обратил внимания на предупреждение о нейтринной буре, либо ему было все равно куда попадать. Ему нужен был врач, срочно, позарез. Зачем?

И еще одна странность. Неужели опытный столетний

врач мог ошибиться настолько, чтобы признать матерого Прогрессора непригодным к этой профессии? Вряд ли. Тем более, что вопрос о профессиональной ориентации Абалкина встает передо мной не впервые... Выглядит это беспрецедентно. Одно дело — направить в Прогрессоры человека вопреки его профессиональным склонностям, и совсем другое дело — определить Прогрессором человека с противопоказанной нервной организацией. За такие штучки надо снимать с работы — и не временно, а навсегда, потому что пахнет это уже не напрасной растратой человеческой энергии, а человеческими смертями... Кстати, Тристан уже умер... И я подумал, что потом, когда я найду Льва Абалкина, мне непременно надо будет найти тех людей, по вине которых заварилась вся эта каша.

Как я и ожидал, дверь временного обиталища Льва Абалкина заперта не была. В маленьком холле было пусто, на низком круглом столике под газосветной лампой восседал игрушечный медвежонок-панда и важно кивал головой, посвечивая рубиновыми глазками.

Я заглянул направо, в спальню. Видимо, сюда не заходили года два, а то и все три, — даже световая автоматика не была там задействована, а над застеленной кроватью темнели в углу паутиновые заросли с дохлыми пауками.

Обогнув столик, я прошел на кухню. Кухней пользовались. На откидном столе имели место грязные тарелки, окно Линии Доставки было открыто, и в приемной камере красовался невостребованный пакет с гроздью бананов. Видимо, там, у себя в штабе «Ц», Лев Абалкин привык пользоваться услугами денщика. Впрочем, вполне можно было предположить, что он не знал, как запустить кибер-уборщика.

Кухня в какой-то мере подготовила меня к тому, что я увидел в гостиной. Правда, в очень малой мере. Весь пол был усеян клочьями рваной бумаги. Широкая кушетка разорена — цветастые подушки валялись как попало, а одна оказалась на полу в дальнем углу комнаты. Кресло у стола было опрокинуто, на столе в беспорядке располагались блюда с подсохшей едой и опять-таки грязные тарелки, а среди всего этого торчала початая бутылка вина, еще одна бутылка, оставив за собой липкую дорожку на ковре, откатилась к стене. Бокал с остатками вина был почему-то только один, но по-

сколько оконная портьера была содрана и висела на последних нитках, я как-то сразу предположил, что второй бокал улетел в распахнутое настежь окно.

Мятая бумага валялась не только на полу, и не вся она была мятая. Несколько листков белели на кушетке, рваные клочки попали в блюда с едой, и вообще блюда и тарелки были несколько сдвинуты в сторону, а на освободившемся пространстве лежала целая пачка бумаги.

Я сделал несколько осторожных шагов, и сейчас же что-то твердое впилося мне в босую подошву. Это был кусочек янтаря, похожий на коренной зуб с двумя корнями. Он был просверлен насквозь. Я опустил на корточки, огляделся и обнаружил еще несколько таких кусочков, а остатки янтарного ожерелья валялись под столом, у самой кушетки.

Все еще на корточках, я подобрал ближайший клочок бумаги и расправил его на ковре. Это была половинка листа обычной писчей бумаги, на которой кто-то изобразил стилем человеческое лицо. Детское лицо. Некий пухлощекий мальчишка лет двенадцати. По-моему, ябеда. Рисунок был выполнен несколькими точными, уверенными штрихами. Очень и очень приличный рисунок. Мне вдруг пришло в голову, что я, может быть, ошибаюсь, что вовсе не Лев Абалкин, а и на самом деле какой-то профессиональный художник, претерпевший творческую неудачу, оставил здесь после себя весь этот хаос.

Я собрал всю разбросанную бумагу, поднял кресло и устроился в нем.

И опять все это выглядело довольно странно. Кто-то быстро и уверенно рисовал на листках какие-то лица — по преимуществу детские, каких-то зверюшек — явно земных, какие-то строения, пейзажи, даже, по-моему, облака. Было там несколько схем и как бы кроков, набросанных рукой профессионального топографа, — рощицы, ручьи, болота, перекрестки дорог, и тут же, среди лаконичных топографических знаков, — почему-то крошечные человеческие фигурки, сидящие, лежащие, бегущие, и крошечные изображения животных — не то оленей, не то лосей, не то волков, не то собак, и почему-то некоторые из этих фигурок были перечеркнуты.

Все это было непонятно и уж во всяком случае никак не увязывалось с хаосом в комнате и с образом им-

перского штабного офицера, не прошедшего рекондиционирования. На одном из листочков я обнаружил превосходно выполненный портрет Майи Глумовой, и меня поразило выражение то ли растерянности, то ли недоумения, очень умело схваченное на этом улыбающемся и, в общем-то, веселом лице. Был там еще и шарж на Учителя, Сергея Павловича Федосеева, причем мастерский шарж: именно таким был, вероятно, Сергей Павлович четверть века назад. Увидев этот шарж, я сообразил наконец, что это за строения изображены на рисунках,— четверть века назад такова была типовая архитектура евразийских школ-интернатов... И все это рисовалось быстро, точно, уверенно, и почти сейчас же рвалось, сминалось, отбрасывалось.

Я отложил бумаги и снова оглядел гостиную. Внимание мое привлекла голубая тряпочка, валявшаяся под столом. Я подобрал ее. Это был измятый и изодранный женский носовой платок. Я, конечно, сразу же вспомнил рассказ Акутагавы, и мне представилось, как Майя Тойвовна сидела вот в этом самом кресле перед Львом Абалкиным, смотрела на него, слушала его, и на лице ее блуждала улыбка, за которой лишь слабой тенью проступало выражение то ли растерянности, то ли недоумения, а руки ее под столом безжалостно терзали и рвали носовой платок...

Я отчетливо видел Майю Глумову, но я никак не мог представить себе, что же такое видела и слышала она. Все дело было в этих рисунках. Если бы не они, я бы легко увидел перед собой на этой развороченной кушетке обыкновенного имперского офицера, только что из казармы и вкушающего заслуженный отдых. Но рисунки были, и что-то очень важное, очень сложное и очень темное скрывалось за ними...

Делать здесь было больше нечего. Я потянулся к видеофону и набрал номер Экселенца.

2 июня 78 года. НЕОЖИДАННАЯ РЕАКЦИЯ ЭКСЕЛЕНЦА.

Он выслушал меня, ни разу не перебив, что само по себе было уже достаточно дурным признаком. Я попробовал утешить себя мыслью, что недовольство его связано не со мною, а с другими, далекими от меня

обстоятельствами. Но, выслушав меня до конца, он сказал угрюмо:

— С Глумовой у тебя почти ничего не получилось.

— Меня связывала легенда,— сказал я сухо.

Он не спорил.

— Что думаешь делать дальше?— спросил он.

— По-моему, сюда он больше не вернется.

— По-моему, тоже. А к Глумовой?

— Трудно сказать. Вернее, совсем ничего не могу сказать. Не понимаю. Но шанс, конечно, остается.

— Твое мнение: зачем он вообще с нею встречался?

— Вот этого я и не понимаю, Экселенц. Судя по всему, они здесь занимались любовью и воспоминаниями. Только любовь эта была не совсем любовь, а воспоминания — не просто воспоминания. Иначе Глумова не была бы в таком состоянии. Конечно, если он напился как свинья, он мог ее как-то оскорбить... Особенно, если вспомнить, какие у них, были странные отношения в детстве...

— Не преувеличивай,— проворчал Экселенц.— Они уже давно не дети. Поставим вопрос так: если он теперь снова позовет ее или придет к ней сам — примет она его?

— Не знаю,— сказал я.— Скорее всего — да. Он все еще очень много значит для нее. Она не могла бы прийти в такое отчаяние из-за человека, к которому равнодушна.

— Литература,— проворчал Экселенц и вдруг гаркнул:— Ты должен был узнать, зачем он ее вызвал! О чем они говорили! Что он ей сказал!

Я разозлился.

— Ничего этого я узнать не мог,— сказал я.— Она была в истерике. А когда пришла в себя, перед ней сидел идиот-журналист со шкурой толщиной в дюйм...

Он прервал меня:

— Тебе придется встретиться с ней еще раз.

— Тогда разрешите мне изменить легенду!

— Что ты предлагаешь?

— Например, так. Я из КОМКОНа. На некой планете произошло несчастье, Лев Абалкин — свидетель. Но несчастье это так потрясло его, что он бежал на Землю и теперь не хочет никого видеть... Психически надломлен, почти болен. Мы ищем его, чтобы узнать, что там произошло...

Экселенц молчал, предложение мое ему явно не нравилось. Некоторое время я смотрел на его недовольную веснушчатую лысину, заслонившую экран, а затем, сдерживаясь, заговорил снова:

— Поймите, Экселенц, теперь уже нельзя больше врать, как раньше. Она уже успела сообразить, что я появился у нее не случайно. Я ее разубедил, кажется, но если я снова появлюсь в том же амплуа — это же будет явный вызов здравому смыслу! Либо она поверила, что я журналист, и тогда ей не о чем со мной говорить, она просто пошлет к черту толстокожего идиота. Либо она не поверила, и тогда пошлет тем более. Я бы послал, например. А вот если я — представитель КОМКОНа, тогда я имею право спрашивать, и уж я постараюсь спросить так, чтобы она ответила.

По-моему, все это звучало достаточно логично. Во всяком случае, никакого другого пути я придумать сейчас не мог. И во всяком случае, в роли идиота-журналиста я к ней больше не пойду. В конце концов Экселенцу виднее, что более важно: найти человека или сохранить тайну розыска.

Он спросил, не поднимая головы:

— Зачем тебе понадобилось утром заходить в Музей?

Я удивился:

— То есть как — зачем? Чтобы поговорить с Глумовой...

Он медленно поднял голову, и я увидел его глаза. Зрачки у него были во всю радужку. Я даже отпрянул. Было, несомненно, что я сказал нечто ужасное. Я залепетал, как школьник:

— Но ведь она же там работает... Где же мне было с ней разговаривать? Дома я ее не застал...

— Глумова работает в Музее Внеземных Культур? — отчетливо выговаривая слова, спросил он.

— Ну да, а что случилось?

— В спецсекторе объектов невыясненного назначения... — тихо проговорил он. То ли спросил, то ли сообщил. Меня холод продрал по хребту, когда я увидел, как левый угол его тонкогубого рта пополз влево и вниз.

— Да, — сказал я шепотом.

Я уже снова не видел его глаз. Снова весь экран заслонила блестящая лысина.

— Экселенц...

— Помолчи! — каркнул он. И мы оба надолго замолчали.

— Так, — сказал он наконец обычным голосом. — Отправляйся домой. Сиди дома и никуда не выходи. Ты можешь понадобиться мне в любую минуту. Но скорее всего ночью. Сколько тебе нужно времени на дорогу?

— Два с половиной часа.

— Почему так много?

— Мне еще озеро надо переплыть.

— Хорошо. Вернешься домой — доложи мне. Торопись.

И экран погас.

ИЗ ОТЧЕТА ЛЬВА АБАЛКИНА (ОПЕРАЦИЯ «МЕРТВЫЙ МИР»).

...Снова усиливается дождь, туман становится еще гуще, так что дома справа и слева уже почти невозможно разглядеть с середины улицы. Эксперты впадают в панику — им померещилось, что теперь отказывают биоптические преобразователи. Я их успокаиваю. Успокоившись, они наглеют и пристают, чтобы я включил противотуманный прожектор. Я включаю им прожектор. Эксперты ликуют было, но тут Щекн усаживается на хвост посередине мостовой и объявляет, что не сделает более ни шагу, пока не уберут эту дурацкую радугу, от которой у него болят уши и чешется между пальцами. Он, Щекн, превосходно видит все и без этих нелепых прожекторов, а если эксперты и не видят чего-нибудь, то им и видеть-то ничего не надо, пусть-ка они лучше займутся каким-нибудь полезным делом — например, приготовят к его, Щекна, возвращению овсяную похлебку с бобами. Взрыв возмущения. Вообще-то эксперты побаиваются Щекна. Любой землянин, познакомившись с голованами, рано или поздно начинает его побаиваться. Но в то же время, как это ни парадоксально, тот же землянин не способен относиться к головану иначе, как к большой говорящей собаке (ну, там, цирк, чудеса зоопсихологии, то, се...).

Один из экспертов имеет неосторожность пригрозить Щекну, что его оставят без обеда, если он будет упрямиться. Щекн повышает голос. Выясняется, что он,

Щекн, всю свою жизнь прекрасно обходился без экспертов. Более того, мы здесь чувствовали себя до сих пор хорошо именно тогда, когда экспертов не было ни видно, ни слышно. Что же касается персонально того эксперта, который, судя по всему, нацелился сейчас потребить его, Щекна, овсяную похлебку с бобами... И так далее, и так далее, и так далее.

Я стою под дождем, который все усиливается и усиливается, слушаю всю эту экспертно-бобовую белиберду и никак не могу стряхнуть с себя какое-то дремучее оцепенение. Мне чудится, будто я присутствую на удивительно глупом театральном представлении без начала и конца, где все действующие лица поперезабывали свои роли и несут отсебятину в тщетной надежде, что кривая вывезет. Это представление затеяно как бы специально для меня, чтобы как можно дольше удерживать меня на месте, не дать сдвинуться ни на шаг, а тем временем за кулисами кто-то торопливо делает так, чтобы мне стало окончательно ясно: все без толку, ничего сделать нельзя, надо возвращаться домой...

С огромным трудом я беру себя в руки и выключаю проклятый прожектор, Щекн сейчас же обрывает на полуслове длинное, тщательно продуманное оскорбление и как ни в чем не бывало устремляется вперед. Я шагаю следом, слушая, как Вандерхузе наводит порядок у себя на борту: «Срам!.. мешать полевой группе!.. Немедленно удалю из рубки!.. Отстраню!.. Базар!..».

— Развлекаешься? — тихонько спрашиваю я Щекна.

Он только косится выпуклым глазом.

— Склочник, — говорю я. — И все вы голованы-склочники и скандалисты...

— Мокро, — невпопад отзывается Щекн. — И полно лягушек. Ступить некуда.

В два часа пополудни Штаб распространяет первое итоговое сообщение. Экологическая катастрофа, но цивилизация погибла по какой-то другой причине. Население исчезло, так сказать, в одночасье, но оно не истребило себя в войнах и не эвакуировалось через Космос — не та технология, да и вообще планета представляет собой не кладбище, а помойку. Жалкие остатки аборигенов прозябают в сельской местности, кое-как обрабатывают землю, совершенно лишены культурных навыков, однако прекрасно управляются с магазинными винтовками. Вывод для нас со Щекном: город должен

быть абсолютно пуст. Мне этот вывод представляется сомнительным. Щекну тоже.

Улица расширяется, дома и ряды машин по обе стороны от нас совершенно исчезают в тумане, и я чувствую перед собой открытое пространство. Еще несколько шагов, и впереди из тумана возникает приземистый квадратный силуэт. Это опять броневи́к — совершенно такой же, как тот, что попал под обвалившуюся стену, но этот брошен давным-давно, он просел под собственной тяжестью и словно бы врос в асфальт. Все люки его распахнуты настежь. Два коротких пулеметных ствола, некогда грозно уставленных навстречу каждому, кто выходил на площадь, теперь уныло поникли, ржавые капли сочатся из них и лениво стекают на покаты́й лобовик. Проходя мимо, я машинально толкаю распахнутую боковую дверцу, но она приржавела намертво.

Перед собой я не вижу ничего. Туман на этой площади какой-то особенный, неестественно густой, словно он отстаивался здесь много-много лет и за эти годы свернулся, как молоко, и просел под собственной тяжестью.

— Под ноги! — командует вдруг Щекн.

Я гляжу под ноги и ничего не вижу. Зато до меня вдруг доходит, что под подошвами уже не асфальт, а что-то мягкое, пружинящее, склизкое, словно толстый мокрый ковер. Я приседаю на корточки.

— Можешь включить свой прожектор, — ворчит Щекн.

Но я уже без всякого прожектора вижу, что асфальт здесь почти сплошняком покрыт довольно толстой неаппетитной коркой, какой-то спрессованной влажной массой, обильно проросшей разноцветной плесенью. Я вытаскиваю нож, поддеваю пласт этой корки — от заплесневевшей массы отдирается не то тряпочка, не то обрывок ремешка, а под ремешком этим мутной зеленью проглядывает что-то округлое (пуговица? пряжка?), и медленно распрямляются какие-то то ли проволоочки, то ли пружинки...

— Они все здесь шли... — говорит Щекн со странной интонацией.

Я поднимаюсь и иду дальше, ступая по мягкому и скользкому. Я пытаюсь укротить свое воображение, но теперь у меня это не получается. Все они шли здесь, вот этой же дорогой, побросав свои ненужные большие легковушки и фургоны, сотни тысяч и миллионы вливались с проспекта на эту площадь, обтекая броневи́к

с грозно и бессильно уставленными пулеметами, шли, роняя то небольшое, что пытались унести с собой, спотыкались и роняли, может быть, даже падали сами и тогда уже не могли подняться и все, что падало, втаптывалось и втаптывалось миллионами ног. И почему-то казалось, что все это происходило ночью,— человеческая каша была озарена мертвенным неверным светом, и стояла тишина, как во сне...

— Яма...— говорит Щекн.

Я включаю прожектор. Никакой ямы нет. Насколько хватает луч, ровная гладкая площадь светится бесчисленными тусклыми огоньками люминесцирующей плесени, а в двух шагах впереди влажно чернеет большой, примерно двадцать на сорок, прямоугольник голого асфальта. Он словно аккуратно вырезан в этом проплесневелом мерцающем ковре.

— Ступеньки!— говорит Щекн как бы с отчаянием.— Дырчатые! Глубоко! Не вижу...

У меня мурашки ползут по коже: я никогда еще не слышал, чтобы Щекн говорил таким странным голосом. Не глядя, я опускаю руку, и пальцы мои ложатся на большую лобастую голову, и я ощущаю нервное подрагивание треугольного уха. Бесстрашный Щекн испуган. Бесстрашный Щекн прижимается к моей ноге совершенно так же, как его предки прижимались к ногам своих хозяев, учуяв за порогом пещеры незнакомое и опасное...

— Дна нет...— говорит он с отчаянием.— Я не умею понять. Всегда бывает дно. Они все ушли туда, а дна нет, и никто не вернулся... Мы должны туда идти?

Я опускаюсь на корточки и обнимаю его за шею.

— Я не вижу здесь ямы,— говорю я на языке голлованов.— Я вижу только ровный прямоугольник асфальта.

Щекн тяжело дышит. Все мускулы его напряжены, и он все теснее прижимается ко мне.

— Ты не можешь видеть,— говорит он.— Ты не умеешь. Четыре лестницы с дырчатыми ступенями. Стерты. Блестят. Все глубже и глубже. И никуда. Я не хочу туда. Не приказывай.

— Дружище,— говорю я,— что это с тобой? Как я могу тебе приказывать?

— Не проси,— говорит он.— Не зови. Не приглашай.

— Мы сейчас уйдем отсюда,— говорю я.

— Да. И быстро!

Я диктую донесение. Вандерхузе уже переключил мой канал на Штаб, и, когда я заканчиваю, вся экспедиция уже в курсе. Начинается галдеж. Выдвигаются гипотезы, предлагаются меры. Шумно. Щекн понемножку приходит в себя: косит желтым глазом и то и дело облизывается. Наконец вмешивается сам Комов. Галдеж прекращается. Нам приказано продолжать движение, и мы подчиняемся.

Мы огибаем страшный прямоугольник, пересекаем площадь, минуем второй броневи́к, запирающий проспект с противоположной стороны, и снова оказываемся между двумя колоннами автомашин. Щекн снова бодро бежит впереди, он снова энергичен, сварлив и заносчив. Я усмехаюсь про себя и думаю, что на его месте я сейчас несомненно мучился бы от неловкости за тот панический приступ почти детского страха, с которым не удалось совладать там, на площади. А вот Щекн ничем таким не мучается. Да, он испытал страх и не сумел скрыть этого, и не видит здесь ничего стыдного и неловкого. Теперь он рассуждает вслух:

— Они все ушли под землю. Если бы там было дно, я бы уверил тебя, что все они живут сейчас под землей, очень глубоко, не слышно. Но там нет дна! Я не понимаю, где они там могут жить. Я не понимаю, почему нет дна.

— Попытайся объяснить, — говорю я ему. — Это важно.

Но Щекн не может объяснить.

— Очень страшно, — твердит он. — Планеты круглые, — пытается объяснить он, — и эта планета тоже круглая, я сам видел, но на той площади она вовсе не круглая. Она там как тарелка. И в тарелке дырка. И дырка эта ведет из одной пустоты, где находимся мы, прямо в другую пустоту, где нас нет.

— А почему я не видел этой дырки?

— Потому что она заклеена. Ты не умеешь. Заклеивали от таких, как ты, а не от таких, как я...

Потом он вдруг сообщает, что снова появилась опасность. Небольшая опасность, обыкновенная. Очень давно не было совсем, а теперь опять появилась.

Через минуту от фасада дома справа отваливается и рушится балкон третьего этажа. Я быстро спрашиваю Щекна, не уменьшилась ли опасность. Он не задумываясь отвечает, что да, уменьшилась, но ненамного. Я хочу его спросить, с какой стороны угрожает нам теперь

эта опасность, но тут в спину мне ударяет плотный воздух, в ушах свистит, шерсть на Щекне поднимается дыбом.

По проспекту проносится словно маленький ураган. Он горячий, и от него пахнет железом. Еще несколько балконов и карнизов с шумом рушатся по обеим сторонам улицы. С длинного приземистого дома срывает крышу, и она — старая, дырявая, рыхлая, — медленно крутятся и разваливаясь на куски, проплывает над мостовой и исчезает в туче гнойно-желтой пыли.

— Что там у вас происходит? — вопит Вандерхузе.

— Сквозняк какой-то... — отзываюсь я сквозь зубы.

Новый удар ветра заставляет меня пробежаться вперед помимо воли. Это как-то унижительно.

— Абалкин! Щекн! — гремит Комов. — Держитесь середины! Подальше от стен. Я продуваю площадь, у вас возможны обвалы...

И в третий раз короткий горячий ураган проносится вдоль проспекта, как раз в тот момент, когда Щекн пытается развернуться носом к ветру. Его сбивает с ног и юзом волочит по мостовой в унижительной компании с какой-то зазевавшейся крысой.

— Все? — раздраженно спрашивает он, когда ураган стихает. Он даже не пытается подняться на ноги.

— Все, — говорит Комов. — Можете продолжать движение.

— Огромное вам спасибо, — говорит Щекн, ядовитый, как самая ядовитая змея.

В эфире кто-то хихикает, не сдерживаясь. Кажется, Вандерхузе.

— Приношу свои извинения, — говорит Комов. — Мне нужно было разогнать туман.

В ответ Щекн изрыгает самое длинное и замысловатое проклятье на языке голованов, поднимается, бешено встряхивается и вдруг замирает в неудобной позе.

— Лев, — говорит он, — опасности больше нет. Совсем. Сдуло.

— И на том спасибо, — говорю я.

Информация от Эспады. Чрезвычайно эмоциональное описание Главного Гаттауха. Я вижу его перед собой, как живого: невообразимо грязный, вонючий, покрытый лишаями старикашка, лет двухсот на вид, утверждает, будто ему двадцать один год, все время хрипит, кашляет, отхаркивается и сморкается, на коленях постоянно дер-

жит магазинную винтовку и время от времени палит в божий свет поверх головы Эспады, на вопросы отвечать не желает, а все время норовит задавать вопросы сам, причем ответы выслушивает нарочито невнимательно и каждый второй ответ во всеуслышание объявляет ложью...

Проспект вливается в очередную площадь. Собственно, это не совсем площадь — просто справа располагается полукруглый сквер, за которым желтеет длинное здание с вогнутым фасадом, уставленным фальшивыми колоннами. Фасад желтый, и кусты в сквере какие-то вяло-желтые, словно в канун осени, и поэтому я не сразу замечаю посередине сквера еще один «стакан».

На этот раз он целехонек и блестит как новенький, будто его только сегодня утром установили здесь, среди желтых кустов, — цилиндр высотой метра в два и метр в диаметре, из полупрозрачного, похожего на янтарь материала. Он стоит совершенно вертикально, и овальная дверца его плотно закрыта.

На борту у Вандерхузе вспышка энтузиазма, а Щекн лишний раз демонстрирует свое безразличие и даже презрение ко всем этим предметам, «неинтересным его народу»: он немедленно принимается чесаться, повернувшись к «стакану» задом.

Я обхожу «стакан» кругом, потом берусь двумя пальцами за выступ на овальной дверце и заглядываю внутрь. Одного взгляда мне вполне достаточно: заполняя своими чудовищными суставчатыми мослами весь объем «стакана», выставив перед собой шипастые полуметровые клешни, тупо и мрачно глянул на меня двумя рядами мутно-зеленых белым гигантский ракопаук с Пандоры во всей своей красе.

Не страх во мне сработал, а спасительный рефлекс на абсолютно непредвиденное. Я и ахнуть не успел, как уже изо всех сил упирался плечом в захлопнутую дверцу, а ногами — в землю, с головы до ног мокрый от пота, и каждая жилка у меня дрожала.

А Щекн уже рядом, готовый к немедленной и решительной схватке, — покачивается на вытянутых, напружиненных ногах, выжидательно поводя из стороны в сторону лобастой головой. Ослепительно белые зубы его влажно блестят в уголках пасти. Это длится всего несколько секунд, после чего он сварливо спрашивает:

— В чем дело? Кто тебя обидел?

Я нашариваю рукоять скорчера, заставляя себя оторваться от проклятой дверцы и принимаюсь пятиться, держа скорчер на изготовку. Щекн отступает вместе со мной, все более раздражаясь.

— Я задал тебе вопрос!— заявляет он с негодованием.

— Ты что же,— говорю я сквозь зубы,— до сих пор ничего не чувствуешь?

— Где? В этой будке? Там ничего нет!

Вандерхузе с экспертами взволнованно галдят над ухом. Я их не слушаю. Я и без них знаю, что можно, например, подпереть дверцу бревном,— если найдется,— или сжечь ее целиком из скорчера. Я продолжаю пятиться, не спуская глаз с дверцы «стакана».

— В будке ничего нет!— настойчиво повторяет Щекн.— И никого нет. И много лет никого не было. Хочешь, я открою дверцу и покажу тебе, что там ничего нет?

— Нет,— говорю я, кое-как управляясь со своими голосовыми связками.— Уйдем отсюда.

— Я только открою дверцу...

— Щекн,— говорю я.— Ты ошибаешься.

— Мы никогда не ошибаемся. Я иду. Ты увидишь.

— Ты ошибаешься!— рываю я.— Если ты сейчас же не пойдешь за мной, значит, ты мне не друг и тебе на меня наплевать!

Я круто поворачиваюсь на каблуках (скорчер в опущенной руке, предохранитель снят, регулятор на непрерывный разряд) и шагаю прочь. Спина у меня огромная, во всю ширину проспекта, и совершенно беззащитная.

Щекн с чрезвычайно недовольным и безгловым видом шлепает слева и позади. Ворчит и задирается. А когда мы отходим шагов на двести и я совсем уже успокаиваюсь и принимаюсь искать ходы к примирению, Щекн вдруг исчезает. Только когти шарахнулись по асфальту. И вот он уже около будки, и поздно кидаться за ним, хватать за задние ноги, волочить дурака прочь, и скорчер мой уже совершенно бесполезен, а проклятый голован приоткрывает дверцу и долго, бесконечно долго смотрит внутрь «стакана».

Потом, так и не издав ни единого звука, он снова прикрывает дверцу и возвращается. Щекн униженный. Щекн уничтоженный. Щекн, безоговорочно признающий свою полную непригодность и готовый поэтому претер-

петь в дальнейшем любое с собой обращение. Он возвращается к моим ногам и усаживается боком, уныло опустив голову. Мы молчим. Я избегаю глядеть на него. Я гляжу на «стакан», чувствуя, как струйки пота на висках высыхают и стягивают кожу, как уходит из мышц мучительная дрожь, сменяясь тоскливой тягучей болью, и больше всего на свете мне хочется сейчас прошипеть: «С-с-скотина!»— и со всего размаха с рыдающим выдохом вклепать ему по этой унылой, дурацкой, упрямой, безмозглой лобастой башке. Но я говорю только:

— Нам повезло. Почему-то они здесь не нападают...

Сособщение из Штаба. Предполагается, что «прямоугольник Щекна» является входом в межпространственный тоннель, через который и было выведено население планеты. Предположительно, Странниками...

Мы идем по непривычно пустому району. Никакой живности, даже комары куда-то исчезли. Мне это скорее не нравится, но Щекн не обнаруживает никаких признаков беспокойства.

— На этот раз вы опоздали,— ворчит он.

— Да, похоже на то,— отзываюсь я с готовностью.

После инцидента с ракопауком Щекн заговаривает впервые. Кажется, он склонен поговорить о постороннем. Склонность эта проявляется у него не часто.

— Странники,— ворчит он.— Я много раз слышал: Странники, Странники... Вы совсем ничего о них не знаете?

— Очень мало. Знаем, что это сверхцивилизация, знаем, что они намного мощнее нас. Предполагаем, что они не гуманоиды. Предполагаем, что они освоили всю нашу Галактику, причем очень давно. Еще мы предполагаем, что у них нет дома — в нашем или в вашем понимании этого слова. Поэтому мы и называем их Странниками...

— Вы хотите с ними встретиться?

— Да как тебе сказать... Комов отдал бы за это правую руку. А я бы, например, предпочел, чтобы мы не встретились с ними никогда...

— Ты их боишься?

Мне не хочется обсуждать эту проблему. Особенно сейчас.

— Видишь ли, Щекн,— говорю я,— это длинный разговор. Ты бы все-таки поглядывал по сторонам, а то, я смотрю, ты стал какой-то рассеянный.

— Я поглядываю. Все спокойно.

— Ты заметил, что здесь вся живность исчезла?

— Это потому, что здесь часто бывают люди,— говорит Щекн.

— Вот как?— говорю я.— Ну, ты меня успокоил.

— Сейчас их нет. Почти.

Кончается сорок второй квартал, мы подходим к перекрестку. Щекн объявляет вдруг:

— За углом человек. Один.

Это дряхлый старик в черном пальто до пят, в меховой шапке с наушниками, завязанными под взлохмаченной грязной бородой, в перчатках веселой, ярко-желтой расцветки, в огромных башмаках с матерчатым верхом. Двигается он с трудом, еле ноги волочит. До него метров тридцать, но и на этом расстоянии отчетливо слышно, как он тяжело, с присвистом дышит, а иногда постанывает от напряжения.

Он грузит тележку на высоких тонких колесиках, что-то вроде детской коляски. Убредает в разбитую витрину, надолго исчезает там и так же медленно выбирается обратно, прижимает к груди по две, по три банки с яркими этикетками. Каждый раз, подобравшись к своей коляске, он обессиленно опускается на трехногий складной стульчик, некоторое время сидит неподвижно, отдыхая, а затем принимается так же медлительно и осторожно перекладывать банки из-под скрюченной руки на тележку. Потом снова отдыхает, будто спит сидя, и снова поднимается на трясущихся ногах и направляется к витрине — длинный, черный, согнутый почти пополам.

Мы стоим на углу почти не прячась, потому что нам ясно: старик ничего не видит и не слышит вокруг. По словам Щекна, он здесь совсем один, никого больше нет, разве что очень далеко. У меня нет ни малейшего желания вступать с ним в контакт, но, по-видимому, придется это сделать — хотя бы для того, чтобы помочь ему с этими банками. Но я боюсь его испугать. Я прошу Вандерхузе показать его Эспаде, пусть Эспада определит, кто это такой — «колдун», «солдат» или «человек».

Старик в десятый раз разгрузил свои банки и опять отдыхает, сгорбившись на трехногом стульчике. Голова его мелко трясется и клонится все ниже на грудь. Видимо, он засыпает.

— Я ничего подобного не видел,— объявляет Эспада.— Поговорите с ним, Лев...

— Уж очень он стар,— с сомнением говорит Вандерхузе.

— Сейчас умрет,— ворчит Щекн.

— Вот именно,— говорю я.— Особенно, если я появлюсь перед ним в этом моем радужном балахоне...

Я не успеваю договорить. Старик вдруг резко подается вперед и мягко валится боком на мостовую.

— Все,— говорит Щекн.— Можно подойти посмотреть, если тебе интересно.

Старик мертв, он не дышит, и пульс не прощупывается. Судя по всему, у него обширный инфаркт и полное истощение организма. Но не от голода. Просто он очень, невообразимо дряхл. Я стою на коленях и смотрю в его зеленовато-белое костистое лицо со щетинистыми серыми бровями, с приоткрытым беззубым ртом и провалившимися щеками. Очень человеческое, совсем земное лицо. Первый нормальный человек в этом городе. И мертвый. И я ничего не могу сделать, потому что у меня с собой только полевая аппаратура.

Я вкалываю ему две ампулы некрофага и говорю Вандерхузе, чтобы сюда прислали медиков. Я не собираюсь здесь задерживаться. Это бессмысленно. Он не заговорит. А если и заговорит, то не скоро. Перед тем как уйти, я еще с минуту стою над ним, смотрю на коляску, наполовину загруженную консервными банками, на опрокинутый стульчик, и думаю, что старик, наверное, всюду таскал за собой этот стульчик и минутно присаживался отдохнуть...

Около восемнадцати часов начинает смеркаться. По моим расчетам, до конца маршрута остается еще часа два ходу, и я предлагаю Щекну отдохнуть и поесть. В отдыхе Щекн не нуждается, но, как всегда, не упускает случая лишний раз перекусить.

Мы устраиваемся на краю обширного высохшего фонтана, под сенью какого-то мифологического каменного чудища с крыльями, и я вскрываю продовольственные пакеты. Вокруг мутно светлеют стены мертвых домов, стоит мертвая тишина, и приятно думать, что на десятках километров пройденного маршрута уже нет мертвой пусоты, а работают люди.

Во время еды Щекн никогда не разговаривает, однако, насытившись, любит поболтать.

— Этот старик,— произносит он, тщательно вылизывая лапу,— его действительно оживили?

— Да.

— Он снова живой, ходит, говорит?

— Вряд ли говорит и тем более ходит, но он живой.

— Жаль,— ворчит Щекн.

— Жаль?

— Да. Жаль, что он не говорит. Интересно было бы узнать, что ТАМ...

— Где?

— Там, где он был, когда стал мертвым.

Я усмехаюсь.

— Ты думаешь, там что-нибудь есть?

— Должно быть. Должен же я куда-то деваться, когда меня не станет.

— Куда девается электрический ток, когда его выключают?— спрашиваю я.

— Этого я никогда не мог понять,— признается Щекн.— Но ты рассуждаешь неточно. Да, я не знаю, куда девается электрический ток, когда его выключают. Но я также не знаю, откуда он берется, когда его включают. А вот откуда взялся я — это мне известно и понятно.

— И где же ты был, когда тебя еще не было?— коварно спрашиваю я.

Но для Щекна это не проблема.

— Я был в крови своих родителей. А до этого — в крови родителей своих родителей...

— Значит, когда тебя не будет, ты будешь в крови своих детей...

— А если у меня не будет детей?

— Тогда ты будешь в земле, в траве, в деревьях...

— Это не так! В траве и в деревьях будет мое тело. А вот где буду я сам?

— В крови твоих родителей тоже был не сам ты, а твое тело. Ты ведь не помнишь, каково тебе было в крови твоих родителей.

— Как это — не помню?— удивился Щекн.— Очень многое помню!

— Да, действительно...— бормочу я, сраженный.— У вас же генетическая память...

— Называть это можно как угодно,— ворчит Щекн.— Но я действительно не понимаю, куда я денусь, если сейчас умру. Ведь у меня нет детей...

Я принимаю решение прекратить этот спор. Мне ясно: я никогда не сумею доказать Щекну, что ТАМ ничего нет. Поэтому я молча сворачиваю продовольственный пакет, укладываю его в заплечный мешок и усаживаюсь поудобнее, вытянув ноги.

Щекн тщательно вылизал вторую лапу, привел в идеальный порядок шерстку на щеках и снова заводит разговор:

— Ты меня удивляешь, Лев,— объявляет он.— И все вы меня удивляете. Неужели вам здесь не надоело?

— Мы работаем,— возражаю я лениво.

— Зачем работать без всякого смысла?

— Почему же — без смысла? Ты же видишь, сколько мы узнали всего за один день.

— Вот и я спрашиваю: зачем вам узнавать то, что не имеет смысла? Что вы будете с этим делать? Вы все узнаете и узнаете, и ничего не делаете с тем, что узнаете.

— Ну, например?— спрашиваю я.

Щекн — великий спорщик. Он только что одержал одну победу и теперь явно рвется одержать вторую.

— Например, яма без дна, которую я нашел. Кому и зачем может понадобиться яма без дна?

— Это не совсем яма,— говорю я.— Это скорее дверь в другой мир.

— Вы можете пройти в эту дверь?— осведомляется Щекн.

— Нет,— признаюсь я.— Не можем.

— Зачем же вам дверь, в которую вы все равно не можете пройти?

— Сегодня не можем, а завтра сможем.

— Завтра?

— В широком смысле. Послезавтра. Через год...

— Другой мир, другой мир...— ворчит Щекн.— Разве вам тесно в этом?

— Как тебе сказать... Тесно, должно быть, нашему воображению.

— Еще бы!— ядовито произносит Щекн.— Ведь стоит вам попасть в другой мир, как вы сейчас же принимаетесь переделывать его наподобие вашего собственного. И конечно же, вашему воображению снова становится тесно, и тогда вы ищете еще какой-нибудь мир и опять принимаетесь переделывать его...

Он вдруг резко обрывает свою филиппику, и в то же мгновение я ощущаю присутствие постороннего. Здесь. Рядом. В двух шагах. Возле постамента с мифологическим чудищем.

Это совершенно нормальный абориген — судя по всему, из категории «человеков» — крепкий статный мужчина в брезентовых штанах и брезентовой куртке на голое тело, с магазинной винтовкой, висящей на ремне через шею. Копна нечесаных волос спадает ему на глаза, а щеки и подбородок выскоблены до гладкости. Он стоит у постамента совершенно неподвижно, и только глаза его неторопливо перемещаются с меня на Щекна и обратно. Судя по всему, в темноте он видит не хуже нас. Мне непонятно, как он ухитрился так бесшумно и незаметно подобраться к нам.

Я осторожно завожу руку за спину и включаю линган транслятора.

— Подходи и садись, мы друзья, — одними губами говорю я.

Из лингана с полусекундным замедлением несутся гортанные, не лишённые приятности звуки.

Незнакомец вздрагивает и отступает на шаг.

— Не бойся, — говорю я. — Как тебя зовут? Меня зовут Лев, его зовут Щекн. Мы не враги. Мы хотим с тобой поговорить.

Нет, ничего не получается. Незнакомец отступает еще на шаг и наполовину укрывается за постаментом. Лицо его по-прежнему ничего не выражает, и неясно даже, понимает ли он, что ему говорят.

— У нас вкусная еда, — не сдаюсь я. — Может быть, ты голоден или хочешь пить? Садись с нами, и я с удовольствием тебя угощу...

Мне вдруг приходит в голову, что аборигену, должно быть, довольно странно слышать это «мы» и «с нами», и я торопливо перехожу на единственное число. Но это не помогает. Абориген совсем скрывается за постаментом, и теперь его не видно и не слышно.

— Уходит, — ворчит Щекн.

И я тут же снова вижу аборигена — он длинным, скользящим, совершенно бесшумным шагом пересекает улицу, ступает на противоположный тротуар и, так ни разу и не оглянувшись, скрывается в подворотне.

2 июня 78 года. ЛЕВ АБАЛКИН ВООЧИЮ.

Около 18.00 ко мне ввалились (без предупреждения) Андрей и Сандро. Я спрятал папку в стол и сразу же строго сказал им, что не потерплю никаких деловых разговоров, поскольку теперь они подчинены не мне, а Клавдию. Кроме того, я занят.

Они принялись жалобно ныть, что пришли вовсе не по делам, что соскучились и что нельзя же так. Что-то, а ныть они умеют. Я смягчился. Был открыт бар, и некоторое время мы с удовольствием говорили о моих кактусах. Потом я вдруг совершенно случайно обнаружил, что говорим мы уже не столько о кактусах, сколько о Клавдии, и это было бы еще как-то оправданно, поскольку Клавдий своей шишковатостью и колючестью мне самому напоминал кактус, но я и ахнуть не успел, как эти юные провокаторы чрезвычайно ловко и естественно съехали на дело о биореакторах и о капитане Немо.

Не подавая виду, я дал им войти в раж, а затем, в самый кульминационный момент, когда они уже решили, что их начальник вполне готов, предложил им убираться вон. И я бы их выгнал, потому что здорово разозлился и на них, и на себя, но тут (опять же без предупреждения) заявила Алена. Это судьба, подумал я, и отправился на кухню. Все равно было уже время ужинать, а даже юным провокаторам известно, что при посторонних о наших делах разговаривать не полагается.

Получился очень милый ужин. Провокаторы, забыв обо всем на свете, распускали хвосты перед Аленой. Когда она их срезала, распускал хвост я — просто для того, чтобы не давать супу остыть в горшке. Кончился этот парад петухов великим спором: куда теперь пойти. Сандро требовал идти на «Октопусов», и притом немедленно, потому что лучшие вещи у них бывают вначале, Андрей горячился, как самый настоящий музыкальный критик, его выпады против «Октопусов» были страстны и поразительно бессодержательны, его теория современной музыки поражала свежестью и сводилась к тому, что нынче ночью самое время опробовать под парусом его новую яхту «Любомудр». Я стоял за шарады или, в крайнем случае, фанты. Алена же, смекнувшая, что я сегодня никуда не пойду и вообще занят, расстроилась и принялась хулиганить. «Октопусов» в реку! — требо-

вала она. — По бим-бом-брамселям! Давайте шуметь!» И так далее.

В самый разгар этой дискуссии, в 19.33, закурлыкал видеофон. Андрей, сидевший ближе всех к аппарату, ткнул пальцем в клавишу. Экран осветился, но изображения на нем не было. И слышно не было ничего, потому что Сандро вопил во всю мочь: «Острова, острова, острова!..», совершая нелепые телодвижения в попытках подражать неподражаемому В. Туарегу, между тем как Алена противостояла ему «Песней без слов» Глиэра (а может быть и не Глиэра).

— Ша! — гаркнул я, пробиваясь к видеофону.

Стало несколько тише, но аппарат по-прежнему молчал, мерцая пустым экраном. Вряд ли это был Экселенц, и я успокоился.

— Подождите, я перетащу аппарат, — сказал я в голубоватое мерцание.

В кабинете я поставил видеофон на стол, повалился в кресло и сказал:

— Ну вот, здесь потише... Только имейте в виду, я вас не вижу.

— Простите, я забыл... — произнес низкий мужской голос, и на экране появилось лицо — узкое, иссиня-бледное, с глубокими складками от крыльев носа к подбородку. Низкий широкий лоб, глубоко запавшие большие глаза, черные прямые волосы до плеч.

Любопытно, что я сразу узнал его, но не сразу понял, что это он.

— Здравствуйте, Мак, — сказал он. — Вы меня узнаете?

Мне нужно было несколько секунд, чтобы привести себя в порядок. Я был совершенно не готов.

— Позвольте, позвольте... — затянул я, лихорадочно соображая, как мне следует себя вести.

— Лев Абалкин, — напомнил он. — Помните? Саракш, Голубая Змея...

— Господи! — вскричал журналист Каммерер, в прошлом Мак Сим, резидент Земли на планете Саракш. — Лева! А мне сказали, что вас на Земле нет и неизвестно, когда будете... Или вы еще там?

Он улыбнулся.

— Нет, я уже здесь... Но я вам помешал, кажется?

— Вы мне никак не можете помешать!— проникновенно сказал журналист Каммерер. Не тот журналист Каммерер, который навещал Майю Глумову, а скорее тот, который навещал Учителя.— Вы мне нужны! Ведь я пишу книгу о голованах!..

— Да, я знаю,— перебил он.— Поэтому я вам и звоню. Но, Мак, я ведь уже давно не имею дело с голованами.

— Это как раз неважно,— возразил журналист Каммерер.— Важно, что вы были первым, кто имел с ними дело.

— Положим, первым были вы...

— Нет. Я их просто обнаружил, вот и все. И вообще о себе я уже написал. И о самых последних работах Комова материал у меня подобран. Как видите, пролог и эпилог есть, не хватает пустячка — основного содержания... Послушайте, Лева, нам надо обязательно встретиться. Вы надолго на Земле?

— Не очень,— сказал он.— Но встретимся мы обязательно. Правда, сегодня я не хотел бы...

— Положим, сегодня и мне было бы не совсем удобно,— быстро подхватил журналист Каммерер.— А вот как насчет завтрашнего дня?

Какое-то время от молча всматривался в меня. Я вдруг сообразил, что никак не могу определить цвет его глаз — уж очень глубоко они сидели под нависшими бровями.

— Поразительно,— проговорил он.— Вы совсем не изменились. А я?

— Честно?— спросил журналист Каммерер, чтобы что-нибудь сказать.

Лев Абалкин снова улыбнулся.

— Да,— сказал он.— Двадцать лет прошло. И вы знаете, Мак, я вспоминаю о тех временах как о самых счастливых. Все было впереди, все еще только начиналось... И вы знаете, я вот сейчас вспоминаю эти времена и думаю: до чего же мне чертовски повезло, что начинал я с такими руководителями, как Комов, и как вы, Мак...

— Ну-ну, Лев, не преувеличивайте,— сказал журналист Каммерер.— При чем здесь я?

— То есть как это при чем здесь вы? Комов руководил,

Раулингсон и я были на подхвате, а ведь всю координацию осуществляли вы!

Журналист Каммерер вытарашил глаза. Я — тоже, но я вдобавок еще и насторожился.

— Ну, Лев,— сказал журналист Каммерер,— вы, брат, по молодости лет ни черта, видно, не поняли в тогдашней субординации. Единственное, что я тогда для вас делал, это обеспечивал безопасность, транспорт и продовольствие... Да и то...

— И поставляли идеи!— вставил Лев Абалкин.

— Какие идеи?

— Идея экспедиции на Голубую Змею — ваша?

— Ну, в той мере, что я сообщ...

— Так! Это раз. Идея о том, что с голованами должны работать Прогрессоры, а не зоопсихологи,— это два!

— Погодите, Лев! Это Комова идея! Да мне вообще было на вас всех наплевать! У меня в это время было восстание в Пандее! Первый массовый десант Океанской Империи. Вы-то должны понимать, что такое... Господи! Да если говорить честно, я о вас и думать тогда забыл! Зеф вами тогда занимался, Зеф, а не я! Помните рыжего аборигена?..

Лев Абалкин смеялся, обнажая ровные белые зубы.

— И нечего оскаливаться!— сказал журналист Каммерер сердито.— Вы же ставите меня в дурацкое положение. Вздор какой! Не-ет, голубчики, видно, я вовремя взялся за эту книгу. Надо же, какими идиотскими легендами все это обросло!..

— Ладно, ладно, я больше не буду,— сказал Абалкин.— Мы продолжим этот спор при личной встрече...

— Вот именно,— сказал журналист Каммерер.— Только спора никакого не будет. Не о чем здесь спорить. Давайте так...

Журналист Каммерер поиграл кнопками настольного блокнота.

— Завтра в десять ноль-ноль у меня... Или, может быть, вам удобнее...

— Давайте у меня,— сказал Лев Абалкин.

— Тогда диктуйте адрес,— скомандовал журналист Каммерер. Он еще не остыл.

— Курорт «Осинушка»,— сказал Лев Абалкин.— Коттедж номер шесть.

2 июня 78 года. КОЕ-КАКИЕ ДОГАДКИ О НАМЕРЕНИЯХ ЛЬВА АБАЛКИНА.

Сандро и Андрею я приказал быть свободными. Совершенно официально. Пришлось сделать официальное лицо и говорить официальным тоном, что, впрочем, удалось мне без всякого труда, потому что я хотел остаться один и как следует подумать.

Мгновенно поняв мое настроение, Алена притихла и беспрекословно согласилась не заходить в кабинет и вообще беречь мой покой. Насколько я знаю, она абсолютно неправильно представляет себе мою работу. Например, она убеждена, что моя работа опасна. Но некоторые азы она усвоила прочно. В частности: если я вдруг оказываюсь занят, то это не означает, что на меня накатило вдохновение или что меня вдруг осенила ослепительная идея,— это означает просто, что возникла какая-то срочная задача, которую нужно действительно срочно решить.

Я дернул ее за ухо и затворился в кабинете, оставив ее прибирать в гостиной.

Откуда он узнал мой номер? Это просто. Номер я оставлял Учителю. Кроме того, ему могла рассказать обо мне Майя Глумова; либо он еще раз общался с Майей Тоймовной, либо решил все-таки повидаться с Учителем. Несмотря ни на что. Двадцать лет не давал о себе знать, а сейчас вот вдруг решил повидаться. Зачем?

С какой целью он мне звонил? Например, из сентиментальных побуждений. Воспоминания о первой настоящей работе. Молодость, самое счастливое время в жизни... Гм... Сомнительно. Альтруистическое желание помочь журналисту (и первооткрывателю возлюбленных голованов) в его работе, одобренное, скажем, здоровым честолюбием. Чушь. Зачем он в этом случае дает мне фальшивый адрес? А может быть, не фальшивый? Но если не фальшивый, значит, он не скрывается, значит, Экселенц что-то путает... В самом деле, откуда следует, что Лев Абалкин скрывается?

Я быстренько вызвал информаторий, узнал номер и позвонил в «Осинушку», коттедж номер шесть. Никто не отозвался. Как и следовало ожидать.

Ладно, оставим пока это. Что было главным в нашем разговоре? Кстати, один раз я чуть не проболтался.

Язык себе за это откусить мало. «Вы-то должны понимать, что такое десант группы флотов «Ц»!—«Интересно знать, откуда вам известно, Мак, о группе флотов «Ц» и, главное, почему вы, собственно, решили, что я об этом что-нибудь знаю?» Разумеется, ничего этого он бы не сказал, но он бы подумал и все понял, и после такого позорного прокола мне оставалось бы только в самом деле уйти в журналистику... У него тоже было не так уж много времени, чтобы анализировать и оценивать каждое мое слово. Он явно добивался какой-то своей цели, а все прочее, к цели не относящееся, надо думать, пропускал мимо ушей...

Но чего же он добивался? Зачем это он попытался приписать мне свои заслуги и заслуги Комова вдобавок? И главное, вот так, в лоб, вдруг, едва успев поздороваться... Можно подумать, что я действительно распространяю легенды о своем приоритете, будто бы именно мне принадлежат все фундаментальные идеи относительно голованов, что я все это себе присвоил, а он об этом узнал и дает мне понять, что я дерьмо. Во всяком случае, усмешка у него была двусмысленная... Но это же вздор! О том, что именно я открыл голованов, знают сейчас только самые узкие специалисты, да и те, наверное, забыли об этом за ненадобностью...

Чушь и ерунда, конечно. Но факт остается фактом: мне только что позвонил Лев Абалкин и сообщил, что, по его мнению, основоположником и корифеем современной науки о голованах являюсь я, журналист Каммерер. Больше наш разговор не содержал ничего существенного. Все остальное — светская шелуха. Ну, правда, еще фальшивый (скорее всего) адрес в конце...

Конечно, напрашивается еще одна версия. Ему было все равно о чем говорить. Он мог позволить себе говорить любую чушь, потому что позвонил только для того, чтобы увидеть меня. Учитель или Майя Глумова говорят ему: «Тобой интересуется некий Максим Каммерер».—«Вот как?— думает скрывающийся Лев Абалкин.— Очень странно! Стоило мне прибыть на Землю, как мною интересуется Максим Каммерер. А ведь я знал Максима Каммерера. Что это? Совпадение?» Лев Абалкин не верит в совпадения. «Дай-ка я позвоню этому человеку и посмотрю, точно ли это Максим Каммерер, в прошлом Мак Сим... А если это действительно он, то посмотрим, как он будет себя вести...»

Я почувствовал, что попал в точку. Он звонит и на всякий случай отключает изображение. На тот самый случай, если я НЕ Максим Каммерер. Он видит меня. Не без удивления, наверное, но зато с явным облегчением. Это самый обыкновенный Максим Каммерер, у него вечеринка, развеселое шумство, абсолютно ничего подозрительного. Что ж, можно обменяться десятком ничего не значащих фраз, назначить свидание и сгинуть...

Но! Это не вся правда и не только правда. Есть здесь две шероховатости. Во-первых, зачем ему вообще понадобилось тогда вступать в разговор? Посмотрел бы, послушал, убедился, что я есть я, и благополучно отключился бы. Ошибочное соединение, кто-то не туда попал. И все.

А во-вторых, я ведь тоже не вчера родился. Я же видел, что он не просто разговаривает со мной. Он еще и наблюдает за моей реакцией. Он хотел убедиться, что я есть я и что я определенным образомотреагирую на какие-то его слова. Он говорит заведомую чушь и внимательно следит, как я на эту чушь реагирую... Опять-таки странно. На заведомую чушь все люди реагируют одинаково. Следовательно, либо я рассуждаю неправильно, либо... либо, с точки зрения Абалкина, эта чушь вовсе не чушь. Например, по каким-то совершенно неведомым мне причинам Абалкин действительно допускает, что моя роль в исследовании голованов чрезвычайно велика. Он звонит мне, чтобы проверить это свое допущение, и по моей реакции убеждается, что это допущение неверно.

Вполне логично, но как-то странно. При чем здесь голованы? Вообще-то говоря, в жизни Льва Абалкина голованы сыграли роль, прямо скажем, фундаментальную. Стоп!

Если бы мне сейчас предложили изложить вкратце самую суть биографии этого человека, я бы, наверное, сказал так: ему нравилось работать с голованами, он больше всего на свете хотел работать с голованами, но уже весьма успешно работал с голованами, но работать с голованами ему почему-то не дали... Черт побери, а что тут было бы удивительного, если бы у него наконец лопнуло терпение и он плюнул бы на этот свой штаб «Ц», на КОМКОН, на дисциплину, плюнул бы на все и вернулся на Землю, чтобы, черт возьми, раз и навсегда выяснить, почему ему не дают заниматься любимым

делом, кто — персонально — мешает ему всю жизнь, с кого он может спросить за крушение взлелеянных планов, за горькое свое непонимание происходящего, за пятнадцать лет, потраченных на безмерно тяжкую и нелюбимую работу... Вот он и вернулся!

Вернулся — и сразу наткнулся на мое имя. И вспомнил, что я был, по сути, куратором его первой работы с головами, и захотелось ему узнать, не принимал ли я участия в этом беспрецедентном отчуждении человека от любимого дела, и он узнал, (с помощью нехитрого приема), что нет, не участвовал — занимался, оказывается, отражением десантов и вообще был не в курсе...

Вот как, например, можно было бы объяснить давешний разговор, и ничего больше. Ни темную историю с Тристаном, ни темную историю с Майей Глумовой, ни, тем более, причину, по которой Льву Абалкину понадобилось скрываться, объяснить этой гипотезой было нельзя. Да, елки-палки, если бы эта моя гипотеза была правильной, Лев Абалкин должен был бы сейчас ходить по КОМКОНу и лупить своих обидчиков направо и налево, как человек несдержанный и с артистической нервной организацией... Впрочем, что-то здоровое в этой моей гипотезе все-таки было, и возникали кое-какие практические вопросы. Я решил задать их Экселенцу, но сначала следовало позвонить Сергею Павловичу Федосееву.

Я взглянул на часы: 21.51. Будем надеяться, что старик еще не лег.

Действительно, оказалось, что старик еще не лег. С некоторым недоумением, словно бы не узнавая, он смотрел с экрана на журналиста Каммерера. Журналист Каммерер рассыпался в извинениях за неурочный звонок. Извинения были приняты, однако выражение недоумения не исчезло.

— У меня к вам буквально один-два вопроса, Сергей Павлович, — сказал журналист Каммерер озабоченно. — Вы ведь встретились с Абалкиным?

— Да. Я дал ему ваш номер.

— Вы меня простите, Сергей Павлович... Он только что позвонил мне... И он разговаривал со мною как-то странно... — Журналист Каммерер с трудом подбирал слова. — У меня возникло впечатление... Я понимаю, что это, скорее всего, ерунда, но ведь всякое может

случиться... В конце концов он мог вас неправильно понять.

Старик насторожился.

— В чем дело?— спросил он.

— Вы ведь рассказали ему обо мне... Н-ну, о нашем с вами разговоре...

— Естественно. Я не понимаю вас. Разве я не должен был рассказывать?

— Да нет, дело не в этом. Видимо, он все-таки неверно вас понял. Представьте себе, мы не виделись с ним пятнадцать лет. И вот, едва поздоровавшись, он с каким-то болезненным сарказмом принимается восхвалять меня за то... Короче говоря, он фактически обвинил меня в том, что я претендую на его приоритет в работе с головами! Уверю вас, без всяких, без малейших на то оснований... Поймите, я в этом вопросе выступаю только как журналист, как популяризатор, и никак не более того...

— Позвольте, позвольте, молодой человек!— Старик поднял руку.— Успокойтесь, пожалуйста. Разумеется, ничего подобного я ему не говорил. Хотя бы уже просто потому, что я в этом совсем не разбираюсь...

— Ну... может быть... вы как-то недостаточно ясно сформулировали...

— Позвольте, я вообще ему ничего такого не формулировал! Я ему сказал, что некий журналист Каммерер пишет о нем книгу и обратился ко мне за материалом. Номер у журналиста такой-то. Позвони ему. Вот все, что я ему сказал.

— Ну, тогда я не понимаю,— сказал журналист Каммерер почти в отчаянии.— Я поначалу решил, что он как-то неверно вас понял, но если это не так... тогда я не знаю... Тогда это что-то болезненное. Мания какая-то. Вообще эти Прогрессоры, может быть, и ведут себя вполне достойно у себя на работе, но на Земле они иногда совершенно распускаются... Нервы у них сдают, что ли...

Старик завесил глаза бровями.

— Н-ну, знаете ли... В конце концов не исключено, что Лева действительно меня недопонял... а точнее сказать — недослышал... Разговор у нас получился мимо-летний, я спешил, был сильный ветер, очень шумели сосны, а вспомнил я о вас в самый последний момент...

— Да нет, я ничего такого не хочу сказать...— по-

пятился журналист Каммерер.— Возможно, что это именно я недопонял Льва... Меня, знаете ли, кроме прочего, потряс его вид... Он сильно изменился, сделался каким-то недобрый... Вам не показалось, Сергей Павлович?

Да, Сергею Павловичу это тоже показалось. Понуждаемый и подталкиваемый не слишком скрываемой обидой простодушно-общительного журналиста Каммерера, он постепенно и очень сбивчиво, стыдясь за своего ученика и за какие-то свои мысли, рассказал, как это все у них произошло.

Примерно в 17.00 С.П. Федосеев покинул на глайдере свою усадьбу «Комарики» и взял курс на Свердловск, где у него было назначено некое заседание некоего клуба. Через пятнадцать минут его буквально атаковал и заставил приземлиться в диком сосновом бору невесть откуда взявшийся глайдер, водителем которого оказался Лев Абалкин. На поляне, среди шумящих сосен, между ними состоялся краткий разговор, построенный Львом Абалкиным по уже известной мне схеме.

Едва поздоровавшись, фактически не дав старому учителю раскрыть рта и не тратя времени на объятия, он обрушился на старика с саркастическими благодарностями. Он язвительно благодарил несчастного Сергея Павловича за те неимоверные усилия, которые тот якобы приложил, чтобы убедить комиссию по распределению направить абитуриента Абалкина не в Институт зоопсихологии, куда абитуриент по глупости и неопытности намеревался поступить, а в школу Прогрессоров, каковые усилия увенчались блистательным успехом и сделали всю дальнейшую жизнь Льва Абалкина столь безмятежной и счастливой.

Потрясенный старик за столь наглое извращение истины закатил, естественно, своему бывшему ученику оплеуху. Приведя его таким образом в подобающее состояние молчания и внимания, он спокойно объяснил ему, что на самом деле все было наоборот. Именно он, С.П. Федосеев, прочил Льва Абалкина в зоопсихологи, уже договорился относительно него в Институте и представил комиссии соответствующие рекомендации. Именно он, С.П. Федосеев, узнав о нелепом, с его точки зрения, решении комиссии, устно и письменно протестовал, вплоть до регионального Совета Просвещения. И именно он, С.П. Федосеев, был в конце концов вызван в Евразийский сектор и высечен там как мальчишка за

попытку недостаточно квалифицированной дезавуации решения комиссии по распределению. («Мне предъявили там заключение четырех экспертов и как дважды два доказали, что я — старый дурак, а прав, оказывается, председатель комиссии по распределению доктор Серафимович...»)

Дойдя до этого пункта, старик замолчал.

— И что же он? — осмелился спросить журналист Каммерер.

Старик горестно пожевал губами.

— Этот дурачок поцеловал мне руку и бросился к своему глайдеру.

Мы помолчали. Потом старик добавил:

— Вот тут-то я и вспомнил про вас... Откровенно говоря, мне показалось, что он не обратил на это внимания... Может быть, следовало рассказать ему о вас подробнее, но мне было не до того... Мне показалось почему-то, что я больше никогда его не увижу...

2 июня 78 года. КОРОТКИЙ РАЗГОВОР.

Экселенц был дома. Облаченный в строгое черное кимоно, он восседал за рабочим столом и занимался любимым делом: рассматривал в лупу какую-то уродливую коллекционную статуэтку...

— Экселенц, — сказал я, — мне надо знать, вступал ли Лев Абалкин на Земле в контакт с кем-нибудь еще?

— Вступал, — сказал Экселенц и посмотрел на меня, как мне показалось, с интересом.

— Могу я знать — с кем?

— Можешь. Со мной.

Я осекся. Экселенц подождал немного и приказал:

— Докладывай.

Я доложил. Оба разговора — дословно, выводы свои — вкратце, а в конце добавил, что, по-моему, следует ожидать, что Абалкин должен в ближайшее время выйти на Комова, Раулингсона, Горячеву и других людей, так или иначе причастных к его работе с голованами. А также на этого доктора Серафимовича — тогдашнего председателя комиссии по распределению. Поскольку Экселенц молчал и не опускал головы, я позволил себе задать вопрос:

— Можно узнать, о чем он говорил с вами? Меня очень удивляет, что он вообще вышел на вас.

— Тебя это удивляет... Меня тоже. Но никакого разговора у нас не было. Он проделал такую же штуку, как и с тобой: не включил изображение. Полюбовался на меня, узнал, наверное, и отключился.

— Почему вы, собственно, думаете, что это был он?

— Потому что он связался со мной по каналу, который был известен только одному человеку.

— Так, может быть, этот человек...

— Нет, этого быть не может... Что же касается твоей гипотезы, то она несостоятельна. Лев Абалкин сделался превосходным резидентом, он любил эту работу и не согласился бы променять ее ни на что.

— Хотя по типу нервной организации быть Прогрессором ему...

— Это не твоя компетенция,— сказал Экселенц резко.— Не отвлекайся. К делу. Приказ отыскать Абалкина и взять его под наблюдение я отменяю. Иди по его следам. Я хочу знать, где он бывал, с кем встречался и о чем говорил.

— Понял. А если я все-таки наткнулся на него?

— Возьмешь у него интервью для своей книги. А потом доложишь мне. Не больше не меньше.

2 июня 78 года. КОЕ-ЧТО О ТАЙНАХ.

Около 23.30 я быстренько принял душ, заглянул в спальню и убедился, что Алена дрыхнет без задних ног. Тогда я вернулся в кабинет.

Я решил начать со Щекна. Щекн, естественно, не землянин и даже не гуманоид, и потому потребовался весь мой опыт, и вся моя, скажу не хвастаясь, сноровка в обращении с информационными каналами, чтобы получить те сведения, которые я получил. Замечу в скобках, что подавляющее большинство моих однопланетников понятия не имеют о реальных возможностях этого восьмого (или теперь уже девятого?) чуда света — Большого Всепланетного Информатория. Вполне допускаю, впрочем, что и я, при всем своем опыте и всей своей сноровке, отнюдь не имею права претендовать на совершенное умение пользоваться его необъятной памятью.

Я послал одиннадцать запросов — три из них, как выяснилось, оказались лишними — и получил в результате следующую информацию о головане Щекне.

Полное его имя было, оказывается, Щекн-Итрч. С семьдесят пятого года и по сей день он числился членом постоянной миссии народа голованов на Земле. Судя по его функциям при сношениях с земной администрацией, он был чем-то вроде переводчика-референта миссии, истинное же его положение было неизвестно, ибо взаимоотношения внутри коллектива миссии оставались для землян тайной за семью печатями. Судя по некоторым данным, Щекн возглавлял что-то вроде семейной ячейки внутри миссии, причем до сих пор не удалось толком разобраться ни в численности, ни в составе этой ячейки, а между тем эти факторы играли, по-видимому, весьма большую роль при решении целого ряда важных вопросов дипломатического свойства.

Вообще фактических данных о Щекне, как и обо всей миссии в целом, набралось множество. Некоторые из них были поразительные, но все они со временем вступали в противоречие с новыми фактами, либо полностью опровергались последующими наблюдениями. Похоже было, что наша ксенология склонялась к тому, чтобы поднять (или опустить — как кому нравится) руки перед всей этой загадкой. И многие, весьма порядочные ксенологи, присоединялись к мнению Раулингсона, сказавшего еще лет десять назад в минуту слабости: «Помоему, они просто морочат нам голову!..»

Впрочем, все это меня мало касалось. Мне только следовало в дальнейшем не забывать слова Раулингсона.

Располагалась миссия на реке Телон в Канаде, северо-западнее Бэйкер-лэйка. Голованы, оказывается, пользовались полной свободой передвижения, причем пользовались ею весьма охотно, хотя и не признавали никакого транспорта, кроме нуль-Т. Резиденция для миссии была возведена в строгом соответствии с проектом, представленным самими голованами, однако от удовольствия заселить ее голованами вежливо уклонились, а расположились вокруг в самодельных подземных помещениях, или, говоря попросту, в норах. Телекоммуникации они не признавали, и втуне пропали старания наших инженеров, создавших видеоаппаратуру, специально приспособленную для их слуха, зрения и удобного манипулирования. Голованы признавали только личные контакты. Значит, придется лететь в Бэйкер-лэйк.

Покончив со Щекном, я решил все-таки найти доктора Серафимовича. Мне удалось это без особого труда, то

есть удалось получить информацию о нем. Он, оказывается, умер двенадцать лет назад, в возрасте ста семнадцати лет. Доктор педагогики, постоянный член Евразийского Совета Просвещения, член Мирового Совета по педагогике Валерий Маркович Серафимович. Жаль.

Я взялся за Корнея Яшмаа. Прогрессор Корней Янович Яшмаа уже два года имел адресом виллу «Лагерь Яна» — в десятке километров к северу от Антонова в приволжской степи. У него был обширный послужной список, из которого явствовало, что вся его профессиональная деятельность была связана с планетой Гиганда. Видимо, это был очень крупный практический работник и незаурядный теоретик в области экспериментальной истории, но все подробности его карьеры разом вылетели у меня из головы, едва до меня дошли два малоприметных обстоятельства.

Первое: Корней Янович Яшмаа был посмертным сыном.

Второе: Корней Янович Яшмаа родился 6 октября 38 года.

Различие с Львом Абалкиным состояло только в том, что родителями Корнея Яшмаа были не члены группы «Йормала», а супружеская чета, трагически погибшая во время эксперимента «Зеркало».

Я не поверил памяти и полез в папку. Все было точно. И никуда, разумеется, не девалась записка на обороте арабского текста: «...встретились двое наших близнецов. Уверяю тебя — совершенная случайность...» Случайность. Ну, там у них, на Гиганде, может быть, и произошла некая случайность: Лев Абалкин, посмертный сын, родившийся 6 октября 38 года, встретился с Корнеем Яшмаа, посмертным сыном, родившимся 6 октября 38 года... А у меня это что — тоже случайность? «Близнецы». От разных родителей. «Если не веришь, загляни в 07 и 11». Так, 07 — передо мной. Значит, где-то в недрах нашего департамента есть еще и 11. И логично предположить, что есть и 01, 02 и так далее... Кстати, минус мне, что я не сразу обратил внимание на этот странный шифр: 07. Дела у нас (конечно, не в папках, а в кристаллозаписи) обозначаются обычно либо фантастическими словосочетаниями, либо названиями предметов...

Между прочим, что это за эксперимент «Зеркало»?

Никогда о таком не слышал... Мысль эта прошла как-то вторым планом, и я набрал запрос в БВИ почти машинально. Ответ меня удивил: **ИНФОРМАЦИЯ ТОЛЬКО ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ. ПРЕДЪЯВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ВАШ ДОПУСК.** Я набрал код своего допуска и повторил запрос. На этот раз карточка с ответом выскочила с задержкой на несколько секунд: **ИНФОРМАЦИЯ ТОЛЬКО ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ. ПРЕДЪЯВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ВАШ ДОПУСК.** Я откинулся на спинку кресла. Вот это да! Впервые в моей практике допуска КОМКОНа-2 оказалось недостаточно для получения информации от БВИ.

И вот тут я с совершенной отчетливостью ощутил, что вышел за пределы своей компетенции. Я как-то сразу вдруг понял, что передо мной — огромная и мрачная тайна, что судьба Абалкина со всеми ее загадками и непонятностями, не сводится просто к тайне личности Абалкина — она переплетена с судьбами множества других людей, и касаться этих судеб я не смею ни как работник, ни как человек.

И дело, конечно, было не в том, что БВИ отказался дать мне информацию по какому-то там эксперименту «Зеркало». Я был совершенно уверен, что к тайне этот эксперимент никакого отношения не имеет. Отказ БВИ был просто направляющей затрещиной, заставившей меня оглянуться назад. Эта затрещина как бы прояснила мое зрение, и я сразу связал между собою все — и странное поведение Ядвиги Лекановой, и необычный уровень секретности, и непривычность этого «вместилища документов», и странный шифр, и отказ Экселенца ввести меня полностью в курс дела, и даже его исходная установка не вступать с Абалкиным ни в какие контакты... А теперь вот еще — фантастическое совпадение обстоятельств и дат появления на свет Льва Абалкина и Корнея Яшмаа.

Была тайна. Лев Абалкин был не только частью этой тайны. И я понял теперь, почему Экселенц поручил это дело именно мне. Наверняка ведь были люди, посвященные в эту тайну полностью, но они, видимо, не годились для розыска. Было достаточно людей, которые провели бы этот розыск не хуже, а может быть, и лучше меня, но Экселенц, безусловно, понимал, что розыск рано или поздно приведет к тайне, и тут важно было, чтобы у человека хватило деликатности вовремя

остановиться. Но если даже по ходу розыска тайна будет раскрыта, важно было, чтобы этому человеку Экселенц доверял, как самому себе.

А ведь тайна Льва Абалкина — это вдобавок еще и тайна личности! Совсем плохо. Самая сумеречная тайна из всех мыслимых — о ней ничего не должна знать сама личность... Простейший пример: информация о неизлечимой болезни личности. Пример посложнее: тайна проступка, совершенного в неведении и повлекшего за собой необратимые последствия, как это случилось в незапамятные времена с царем Эдипом...

Ну что ж, Экселенц сделал правильный выбор. Я не люблю тайн. Признаю, что многие из них вполне сенсационны и способны потрясти воображение, но лично мне всегда неприятно в них посвящаться, а еще неприятнее — посвящать в них ни в чем не повинных посторонних людей. У нас в КОМКОНе-2 большинство работников придерживаются той же точки зрения, и, наверное, именно поэтому утечка информации у нас случается крайне редко. Но моя брезгливость к тайнам, видимо, все-таки превышает среднюю норму. Я даже стараюсь никогда не употреблять принятого термина — «раскрыть тайну», я говорю обычно: «раскопать тайну» — и кажусь себе при этом ассенизатором в самом первоначальном смысле этого слова.

Вот как сейчас, например.

ИЗ ОТЧЕТА ЛЬВА АБАЛКИНА (ОПЕРАЦИЯ «МЕРТВЫЙ МИР»).

...В темноте город становится плоским, как старинная гравюра. Тускло светится плесень в глубине черных оконных проемов, а в редких сквериках и на газонах мерцают маленькие мертвенные радуги — это распустились на ночь бутоны неведомых светящихся цветов. Тянет слабыми, но раздражающими ароматами. Из-за крыш выползает и повисает над проспектом первая луна — огромный иззубренный серп, заливший город неприятным оранжевым светом.

У Щекна это светило вызывает какое-то необъяснимое отвращение. Он поминутно неодобрительно взглядывает на него и каждый раз при этом судорожно приоткрывает и захлопывает пасть, словно его тянет повить, а он сдерживается. Это тем более странно, что на его родном

Саракше луну увидеть невозможно из-за атмосферной рефракции, а к земной Луне он всегда относился совершенно индифферентно — насколько мне это известно, во всяком случае.

Потом мы замечаем детей.

Их двое. Держась за руки, они тихонько бредут по тротуару, словно стараясь спрятаться в тени. Идут они туда же, что и мы со Щекном. Судя по одежке — мальчишки. Один повыше, лет восьми, другой совсем маленький, лет четырех или пяти. По-видимому, они только что вывернули из какого-то бокового переулка, иначе я бы увидел их издалека. Идут уже давно, не первый час, очень устали и едва передвигают ноги... Младший вообще уже не идет, а волочится, держась за руку старшего. У старшего на широкой лямке через плечо болтается сумка, он ее все время поправляет, а она бьет его по коленкам.

Транслятор сухим, бесстрастным голосом переводит:

«...Устал, болят ноги... Иди, тебе сказано... Иди... Не-хороший человек... Ты сам нехороший, дурной человек... Змея с ушами... Ты сам несъедобный крысиный хвост...» Так. Остановились. Младший выворачивает свою руку из руки старшего и садится. Старший поднимает его за ворот, но младший снова садится, и тогда старший дает ему по шее. Из транслятора валом валят «крысы», «змеи», «дурнопахнущие животные» и прочая фауна. Потом младший принимается громко рыдать, и транслятор недоуменно замолкает. Пора вмешаться.

— Здравствуйте, ребята,— говорю я одними губами.

Я подошел к ним вплотную, но они только сейчас замечают меня. Младший моментально перестает плакать — глядит на меня широко раскрыв рот. Старший тоже глядит, но исподлобья, неприязненно, и губы у него плотно сжаты. Я опускаюсь перед ним на корточки и говорю:

— Не бойся. Я добрый. Обижать не буду.

Я знаю, что линганы не передают интонацию, и поэтому стараюсь подбирать простые, успокаивающие слова.

— Меня зовут Лев,— говорю я.— Я вижу, вы устали. Хотите, я вам помогу?

Старший не отвечает. Он по-прежнему глядит исподлобья, с большим недоверием и настороженностью, а младший вдруг заинтересовывается Щекном и не сводит с него глаз — видно, что ему и страшно, и интересно

сразу. Щекн с самым добропорядочным видом сидит в сторонке, отвернув лобастую голову.

— Вы устали,— говорю я.— Вы хотите есть и пить. Сейчас я вам дам вкусенького...

И тут старшего прорывает. Вовсе они не устали, и не надо им ничего вкусенького. Сейчас он расправится с этой крысоухой змеей, и они пойдут дальше. А кто будет им мешать, тот получит пулю в брюхо. Вот так.

Очень хорошо. Никто им не собирается мешать. А куда они идут?

Куда им надо, туда они и идут.

А все-таки? Вдруг им по дороге? Тогда крысоухую змею можно было бы поднести на плече...

В конце концов все улаживается. Съедается четыре плитки шоколада и выпивается две фляги тонизатора. В маленькие рты выдавливаются по полтюбика фруктовой массы. Внимательно обследуется радужный комбинезон Льва и (после краткого, но чрезвычайно энергичного спора) позволяется один раз (только один!) погладить Щекна (но ни в коем случае не по голове, а только по спине). На борту у Вандерхузе все рыдают от умиления, и раздается мощное сюсюканье. Далее выясняется следующее.

Мальчики — братья, старшего зовут Иядрудан, а младшего — Притулатан. Жили они довольно далеко отсюда (уточнить не удастся) с отцом в большом белом доме с бассейном во дворе. Совсем еще недавно с ними вместе жили две тетки и еще один брат — самый старший, ему было восемнадцать лет,— но они все умерли. После этого отец никогда не брал их с собой за продуктами, он стал ходить сам, один, а раньше они ходили всей семьей. Вокруг много продуктов — и там-то, и там-то, и там-то (уточнить не удастся). Уходя один, отец каждый раз приказывал: если он не вернется до вечера, надо взять Книгу, выходить на этот вот проспект и идти все вперед и вперед до красивого стеклянного дома, который светится в темноте. Но входить в этот дом не надо — надо сесть рядом и ждать, когда придут люди и отведут их туда, где будет и отец, и мама, и все. Почему ночью? А потому, что ночью на улицах не бывает дурных человеков. Они бывают только днем. «Нет, мы никогда их не видели, но много раз слышали, как они звенят колокольчиками, играют песенки и выманивают нас из дому. Тогда отец и старший брат

хватали свои винтовки и всаживали им пулю в брюхо...» Нет, больше никого они не знают и не видели. Правда, когда-то давно к ним в дом приходили какие-то люди с винтовками и целый день спорили с отцом и со старшим братом, а потом и мама с обеими тетками вмешалась. Все очень громко кричали, но отец, конечно, всех переспорил, эти люди ушли и больше никогда не приходили...

Маленький Притулатан засыпает сразу же, как только я беру его на закорки. Иядрудан, напротив, отказывается от какой-либо помощи. Он только позволил мне приладить половчее свою сумку с книгой и теперь с независимым видом идет рядом, засунув руки в карманы. Щеки бежит вперед, не принимая участия в разговоре. Всем своим видом он демонстрирует полное равнодушие к происходящему, но на самом деле он, так же как и все мы, заинтригован очевидным предположением, что цель мальчиков — некое светящееся здание — как раз и есть тот самый объект «Пятно-96».

...Что написано в Книге, Иядрудан пересказать не умеет. В эту Книгу все взрослые каждый день записывали все, что случается. Как Притулатана укусил ядовитый муравей. Как вода вдруг стала уходить из бассейна, но отец ее остановил. Как тетка умерла — открывала консервную банку, мама смотрит, а тетка уже мертвая... Иядрудан эту Книгу не читал, он плохо умеет читать и не любит, у него плохие способности. Вот у Притулатана очень хорошие способности, но он еще маленький и ничего не понимает. Нет, им никогда не было скучно. Какая может быть скука в доме, где пятьсот семь комнат? А в каждой комнате полно всяких диковинных вещей, даже таких, что сам отец ничего не мог сказать, зачем они и для чего. Только вот винтовки там ни одной не нашлось. Винтовки теперь — редкость. Может быть, в соседнем доме нашлась бы винтовка, но отец настрого запретил выходить на улицу... «Нет, из своей винтовки отец стрелять не давал. Он говорил, что нам это ни к чему. Вот когда мы уйдем к светящемуся дому и добрые люди, которые нас там встретят, отведут нас к маме, вот уж там-то мы будем стрелять, сколько захотим... А может быть, это ты отведешь нас к маме? Тогда почему у тебя нет винтовки? Ты добрый человек, но винтовки у тебя нет, а отец говорил, что все добрые люди — с винтовками...»

— Нет,— говорю я.— Не сумею я тебя отвести к маме. Я здесь чужой и сам бы хотел встретиться с добрыми людьми.

— Жалко,— говорит Иядрудан.

Мы выходим на площадь. Объект «Пятно-96» вблизи похож на гигантскую старинную шкатулку голубого хрустала во всем ее варварском великолепии, сверкающую бесчисленными драгоценными камнями и самоцветами. Ровный бело-голубой свет пронизывает ее изнутри, озаря растрескавшийся, проросший черной щетиной сорняков асфальт и мертвые фасады домов, окаймляющих площадь. Стены этого удивительного здания совершенно прозрачны, а внутри сверкает и переливается веселый хаос красного, золотого, зеленого, желтого, так что не сразу замечаешь широкий, как ворота, приветливо распахнутый вход, к которому ведут нас несколько низких плоских ступеней.

— Игрушки!..— благоговейно шепчет Притулатан и принимается ерзать, сползая с меня.

Только теперь я понимаю, что шкатулку наполняют вовсе не драгоценности, а разноцветные игрушки, сотни и тысячи разноцветных, чрезвычайно аляповатых игрушек — несуразно огромные, ярко размаленные куклы, уродливые деревянные автомобили и великое множество какой-то разноцветной мелочи, которую трудно разглядеть на таком расстоянии.

Маленький способный Притулатан немедленно принимается ныть и кланяться, чтобы все пошло в этот волшебный дом: «Это ничего, что папа не велел, мы только на минуточку зайдем, возьмем вот этот грузовик и сейчас же начнем ждать добрых людей...» Иядрудан пытается пресечь его, сначала словесно, а когда это не помогает, то крутанув ему ухо, и нытье теряет членораздельность. Транслятор бесстрастно высыпает в окружающее пространство целый мешок «крысоухий змей», возмущенно галдит борт Вандерхузе, требуя успокоить и утешить, и вдруг все, включая способного Притулатана, разом замолкают.

У ближайшего угла вдруг объявляется давешний абориген с винтовкой. Мягко и бесшумно ступая по голубым бликам, положив руки на винтовку, висящую поперек груди, он подходит прямо к детям. На нас со Щекном он даже не смотрит. Крепко берет притихшего Притулатана за левую руку, а просиявшего Иядрудана — за

правую и ведет их прочь, через площадь, прямо к светящемуся зданию — к маме, к отцу, к безграничным возможностям стрелять сколько угодно.

Я смотрю им вслед. Все вроде бы идет так, как должно идти, и в то же время какая-то мелочь, какой-то суший пустяк портит всю картину. Какая-то капля дегтя...

— Ты узнал? — спрашивает Щекн.

— Что именно? — отзываюсь я раздраженно, потому что мне никак не удастся избавиться от этой неведомой соринки, которая портит весь вид.

— Погаси в этом здании свет и выстрели десяток раз из пушки...

Я почти не слышу его. Я вдруг все понимаю про эту соринку. Абориген удаляется, держа детишек за руки, и я вижу, как винтовка в такт шагам раскачивается у него на груди словно маятник — слева направо, справа налево... Она не может так раскачиваться. Не может так лихо мотаться туда-сюда тяжелая магазинная винтовка, весом уж никак не менее полпуда. Так может мотаться игрушечная винтовка — деревянная, пластмассовая. У этого «доброго человека» винтовка не настоящая...

Я не успеваю додумать до конца все. Игрушечная винтовка у аборигена. Аборигены стреляют снайперски. Может быть, игрушечная винтовка — из игрушечного павильона... Погаси в этом павильоне свет и расстреляй его из пушки... Это ведь точно такой же павильон... Нет, ничего я не успел додумать до конца.

Слева сыплются кирпичи, с хрустом раскалывается о тротуар деревянная рама. По уродливому фасаду шестизэтажного дома, третьего от угла, сверху вниз, наискосок, через черные провалы окон скользит широкая желтая тень — скользит так легко, так невесомо, не верится, что это после нее рушатся с фасада пласты штукатурки и обломки кирпичей. Что-то кричит Вандерхузе, ужасно; в два голоса, визжат на площади дети, а тень уже на асфальте — такая же невесомая, полупрозрачная, огромная. Бешеное движение десятков ног почти неразлично, и в этом мелькании темнеет, вспучиваясь и опадая, длинное членистое тело, несущее перед собой высоко задранные хватательные клешни, на которых лежит неподвижный лаковый блик...

Скорчер оказывается у меня в руке сам. Я пре-

вращаюсь в автоматический дальномер, занятый только тем, чтобы измерять расстояние между ракопауком и детскими фигурками, улепетывающими наискосок через площадку. (Где-то там еще абориген со своей фальшивой винтовкой, он тоже бежит изо всех сил, чуть отставая от детей, но я за ними и не слежу.) Расстояние стремительно сокращается, все совершенно ясно, и когда ракопаук оказывается у меня на траверсе, я стреляю.

В этот момент до него двадцать метров. Мне не так уж часто приходилось стрелять из скорчера, и я потрясен результатом. От красно-лиловой вспышки я на мгновение слепну, но успеваю увидеть, что ракопаук словно бы взрывается. Сразу. Весь, целиком, от клешней до кончика задней ноги. Как перегретый паровой котел. Гремит короткий гром, эхо пошло отражаться и перекатываться по площади, а на месте чудовища вспухает плотная, на вид даже как бы твердая, туча белого пара.

Все кончено. Облако пара расплзается с тихим шипением, панические визги и топот затихают в глубине темного переулка, а драгоценная шкатулка павильона как ни в чем не бывало сияет посередине площади прежним своим варварским великолепием...

— Черт знает, какая дрянь страшная, — бормочу я. — Откуда они здесь взялись — за сто парсеков от Пандоры? А ты что — опять его не учуял?

Щекн не успевает ответить. Гремит винтовочный выстрел, эхом прокатывается по площади, и сразу же за ним — второй. Где-то совсем близко. Как будто за углом. Ну ясно — из того переулка, куда они все убежали...

— Щекн, держись слева, не высывайся, — команду я уже на бегу.

Я не понимаю, что там происходит, в этом переулке. Скорее всего, на детей напал еще один ракопаук... Значит, винтовка все-таки не игрушечная? И тут из темноты переулка выходят и останавливаются, преграждая нам дорогу, трое. И двое из них вооружены настоящими магазинными винтовками, и два ствола направлены прямо на меня.

Все очень хорошо видно в голубовато-белом свете: рослый седой старик в сером мундире с блестящими пуговицами, а по сторонам его и чуть позади — двое крепких парней с винтовками на изготовку, тоже в

серых мундирах, опоясанных ремнями с патронными сумками.

— Очень опасно...— щелкает Щекн на языке голованов.— Повторяю: очень!

Я перехожу на шаг и с некоторым усилием заставляю себя спрятать скорчер в кобуру. Я останавливаюсь перед стариком и спрашиваю:

— Что с детьми?

Дула винтовок направлены мне прямо в живот. В брюхо. Лица у парней угрюмые и совершенно безжалостные.

— С детьми все в порядке,— отвечает старик.

Глаза у него были светлые и как будто даже веселые. В лице его нет той тяжеловесной мрачности, что у вооруженных парней. Обыкновенное морщинистое лицо старого человека, не лишенное даже известного благообразия. Впрочем, может быть, мне это только кажется, может быть, все дело в том, что вместо винтовки у него в руке блестящая отполированная трость, которой он легонько и небрежно похлопывает себя по голенищу высокого сапога.

— В кого стреляли?— спрашиваю я.

— В нехорошего человека,— переводит транслятор ответ.

— Вы, наверное, и есть те самые добрые люди с винтовками?— спрашиваю я.

Старик задирает брови.

— Добрые люди? Что это значит?

Я объясняю ему то, что мне объяснил Иядрудан. Старик кивает.

— Понятно. Да, мы — те самые добрые люди.— Он разглядывает меня с головы до ног.— А у вас дела, я вижу, идут неплохо... Переводящая машинка за спиной... У нас тоже такие были когда-то, но огромные, на целые комнаты... А такого ручного оружия у нас и вовсе никогда не было. Ловко вы этого нехорошего человека срезали! Как из пушки. Давно прилетели?

— Вчера,— говорю я.

— А вот мы свои летающие машины так и не наладили. Некому налаживать.— Он снова сткровенно разглядывает меня.— Да, вы молодцы. А у нас тут, как видите, полный развал. Как вам удалось? Отбились? Или средства какие-нибудь нашли?

— Развал у вас действительно полный,— говорю я

осторожно.— Целые сутки я у вас здесь и все равно ничего не понимаю...

Мне ясно, что он принимает меня за кого-то другого. На первых порах это, может быть, даже и к лучшему. Только надо осторожно, очень осторожно...

— Я знаю, что вы ничего не понимаете,— говорит старик.— И это по меньшей мере странно... Неужели у вас ничего этого не было?

— Нет,— отвечаю я.— Такого у нас не было.

Старик вдруг раздражается длинной фразой, на которую транслятор немедленно откликается: «Язык не кодируется».

— Не понимаю,— говорю я.

— Не понимаете... А мне казалось, что я неплохо владею языком Загорья.

— Я не оттуда,— возражаю я.— Я никогда там не был.

— Откуда же вы?

Я принимаю решение.

— Это сейчас неважно,— говорю я.— Не будем говорить о нас. У нас все в порядке. Мы не нуждаемся в помощи. Будем говорить о вас. Я мало что понял, но одно очевидно: вы в помощи нуждаетесь. В какой именно? Что нужно в первую очередь? Вообще, что у вас здесь происходит? Вот о чем мы сейчас будем говорить. И давайте сядем, я весь день на ногах. У вас найдется, где можно было бы посидеть и спокойно поговорить?

Некоторое время он молча шарит взглядом по-моему лицу.

— Не хотите говорить, откуда вы...— произносит он наконец.— Что же, это ваше право. Вы сильнее. Только это глупо. Я и так знаю: с Северного Архипелага. Вас не тронули только потому, что не заметили. Ваше счастье. Но хочется спросить: где вы были, пока нас здесь гноили заживо?

— Не вы одни терпите бедствие,— возражаю я вполне искренне.— Теперь вот очередь дошла до вас.

— Мы очень рады,— говорит он.— Пойдемте сядем и побеседуем.

Мы входим в подъезд дома напротив, поднимаемся на второй этаж и оказываемся в грязноватой комнате, где всего-то и есть: стол посередине, огромный диван у стены да два табурета у окна. Окна выходят на

площадь, и комната озарена бело-голубым светом павильона. На диване кто-то сидит, завернувшись с головой в глянцеви́тый плащ. На столе — консервные банки и большая металлическая фляга.

Едва войдя в комнату, старик принимается наводить порядок. Он поднимает на ноги спящего и гонит его куда-то из дому. Один из угрюмых парней получает приказ занять пост и усаживается на табурет у окна, где и сидит потом все время, не отрывая глаз от площади. Второй угрюмый парень принимается ловко вскрывать банки с консервами, а потом встает у дверей, прислонившись плечом к притолоке.

Мне предлагается сесть на диван, после чего меня задвигают столом и обставляют банками с консервами. Во фляге оказывается обыкновенная вода, довольно чистая, хотя с железистым привкусом. Щекн тоже не забыт. Солдат, которого согнали с дивана, ставит перед ним на пол открытую банку консервов. Щекн не возражает. Правда, он не ест консервов, а отходит к двери и предусмотрительно устраивается рядом с постовым. При этом он старательно чешется, фыркает и облизывается, изо всех сил притворяясь обыкновенной собакой.

Между тем старик берет второй табурет, усаживается напротив меня, и переговоры начинаются.

Прежде всего старик представляется. Разумеется, он оказывается гаттаухом, и притом не просто гаттаухом, но и-гаттаух-окамбомоном, что следует, по-видимому, переводить, как «правитель всей территории и прилегающих районов». Под его правлением находится весь город, порт и дюжина племен, обитающих в радиусе до пятидесяти километров. Что происходит за пределами этого радиуса, он представляет себе плохо, но полагает, что там примерно то же самое. Общая численность населения его области составляет сейчас не более пяти тысяч человек. Ни промышленности, ни сколько-нибудь правильно организованного сельского хозяйства в области не существует. Есть, правда, лаборатория в пригороде. Хорошая лаборатория, в свое время одна из лучших в мире, и руководит ею по сей день сам Драудан («...странно, что вы о нем не слышали... ему тоже повезло — он оказался долгожителем, как и я...»), но ничего они там так и не добились за все эти сорок лет. И видимо, не добьются.

— А поэтому, — заключает старик, — давайте не бу-

дсм ходить вокруг да около, и торговаться давайте не будем. У меня условие только одно: если лечить, то всех. Без исключения. Если это условие вам годится, все остальные можете ставить сами. Любые. Принимаю безоговорочно. Если же нет,— тогда вы лучше к нам не суйтесь. Мы, конечно, все здесь погибнем, но и вам житья не будет, пока хоть один из нас еще жив.

Я молчу. Я все жду, что Штаб хоть что-нибудь мне подскажет. Но там, похоже, тоже ничего не понимают.

— Я хотел бы напомнить,— говорю наконец,— что я по-прежнему ничего не понимаю в ваших делах.

— Так задавайте вопросы!— говорит старик резко.

— Вы сказали: лечить. У вас эпидемия?

Лицо у старика делается каменным. Он долго глядит мне в глаза, а потом утомленно облокачивается на стол и трет пальцами лоб.

— Я же вас предупредил: не ходить вокруг да около. Мы же не собираемся торговаться. Скажите ясно и просто: есть у вас всеобщее лекарство? Если есть, диктуйте условия. Если нет, нам не о чем разговаривать.

— Так мы с вами не сдвинемся с мертвой точки,— говорю я.— Давайте исходить из того, что я абсолютно ничего о вас не знаю. Проспал я эти сорок лет, например. Не знаю, какая у вас болезнь, не знаю, какое вам нужно лекарство...

— И про Нашествие ничего не знаете?— говорит старик, не открывая глаз.

— Почти ничего.

— И про Всеобщий Угон ничего не знаете?

— Почти ничего. Знаю, что все ушли. Знаю, что в этом как-то замешаны пришельцы из Космоса. Больше ничего.

— При-шерь-зы... Из Коз-мо-за...— с трудом повторяет старик по-русски.

— Люди с луны... Люди с неба...— говорю я.

Он оскаливает желтые крепкие зубы.

— Не с неба и не с луны. Из-под земли!— говорит он.— Значит, кое-что вы все-таки знаете...

— Я прошел через город. И многое видел.

— А у вас там не было совсем ничего? Совсем?

— Ничего подобного не было,— говорю я твердо.

— И вы ничего не заметили? Не заметили гибели человечества? Перестаньте врать! Чего вы хотите добиться этим враньем?

— Лев!— шелестит у меня под шлемом голос Ковова.— Разыгрывай вариант «Кретин»!

— Я — лицо подчиненное,— объявляю я строго.— Я знаю только то, что мне положено знать! Я делаю только то, что мне приказано делать! Если мне прикажут врать, я буду врать, но сейчас я такого приказа не имею.

— А какой же приказ вы имеете?

— Провести разведку в вашем районе и доложить все обстоятельства.

— Какая чушь!— с усталым отвращением говорит старик.— Ну хорошо. Будь по-вашему. Вам зачем-то надо, чтобы я рассказывал всем известные вещи... Ладно. Слушайте.

Оказывается, во всем виновата раса отвратительных нелюдей, расплодившаяся в недрах планеты. Четыре десятка лет назад эта раса предприняла нашествие на местное человечество. Нашествие началось с невиданной пандемии, которую нелюди обрушили разом на всю планету. Возбудителя пандемии обнаружить не удалось до сих пор. А выглядела эта болезнь так: начиная с двенадцатилетнего возраста вполне нормальные дети начинали стремительно стареть. Темп развития человеческого организма по достижении критической возрастной точки начинал возрастать в геометрической прогрессии. Шестнадцатилетние юноши и девушки выглядели сорокалетними, в восемнадцать лет начиналась старость, а до двадцати доживали только единицы.

Пандемия свирепствовала три года, после чего нелюди впервые заявили о своем существовании. Они предложили всем правительствам организовать переброску населения в «соседний мир», то есть к себе, в недра земли. Они пообещали, что там, в соседнем мире, пандемия исчезнет сама собой, и тогда миллионы испуганных людей ринулись в специальные колодцы, откуда, разумеется, никто с тех пор так и не вернулся. Так сорок лет назад погибла местная цивилизация.

Конечно, не все поверили и не все испугались. Остались целые семьи и группы семей, целые религиозные общины. В чудовищных условиях пандемии они продолжали свою безнадежную борьбу за существование и за право жить так, как жили их предки. Однако нелюди и эту жалкую долю процента прежнего населения не оставили в покое. Они организовали настоящую охоту за детьми, за этой

последней надеждой человечества. Они наводнили планету «нехорошими людьми». Сначала это были подделки под людей, имеющие вид веселых размалеванных дядей, звенящих бубенчиками и играющих веселые песенки. Глупые детишки с радостью шли за ними и навсегда исчезали в янтарных «стаканах». Тогда же на главных площадях появились такие вот сияющие в ночи игрушечные лавки — ребенок заходил туда и исчезал бесследно.

— Мы делали все, что могли. Мы вооружились — в покинутых арсеналах было полно оружия. Мы научили детей бояться «нехороших людей», а затем и уничтожать их из винтовок. Мы разрушали кабины и расстреливали в упор игрушечные лавки, пока не поняли, что умнее будет поставить возле них часовых и перехватывать неосторожных детей у порога. Но это было только начало...

Нелюди с неистощимой выдумкой выбрасывали на поверхность все новые и новые типы охотников за детьми. Появились «чудовища». Почти невозможно попасть в такое, когда оно нападает на ребенка. Появились гигантские яркие бабочки; они падали на ребенка, окутывали его крыльями и исчезали вместе с ним. Эти бабочки вообще неуязвимы для пуль. Наконец, последняя новинка: появились гады, совершенно неотличимые от обыкновенного бойца. Эти просто берут ничего не подозревающего ребенка за руку и уводят с собой. Некоторые из них умеют даже разговаривать...

— Мы прекрасно знаем, что шансов выжить у нас практически нет. Пандемия не прекращается, а мы сначала надеялись на это. Только один человек на сто тысяч остается незараженным. Вот я, например, Друдан... и еще один мальчик — он вырос на моих глазах, ему сейчас восемнадцать, и он выглядит на восемнадцать... Если вы не знали всего этого, то знайте. Если знали, тогда имейте в виду, что мы прекрасно понимаем свое положение. И мы готовы согласиться на любые ваши условия — готовы на вас работать, готовы вам подчиняться... На все условия, кроме одного: если лечить, то всех. Никакой элиты, никаких избранных!

Старик замолкает, тянется к кружке с водой и жадно пьет. Солдат, стоящий у дверей, переминается с ноги на ногу и зевает, прикрывая рот ладонью. На вид ему лет двадцать пять. А на самом деле? Тринадцать? Пятнадцать? Подросток...

Я сижу неподвижно, стараясь сохранить каменное лицо. Подсознательно я ожидал чего-нибудь в этом роде, но то, что я услышал от очевидца и пострадавшего, почему-то никак не укладывается у меня в сознании. Факты, которые изложил старик, сомнения у меня не вызывают, но это — как во сне: каждый элемент в отдельности полон смысла, а все вместе выглядит совершенно нелепо. Может быть, все дело в том, что мне в плоть и кровь вьелось некое предвзятое мнение о Странниках, безоговорочно принятое у нас на Земле?

— Откуда вы знаете, что они — нелюди? — спрашиваю я. — Вы их видели? Вы — лично!

Старик кряхтит. Лицо его делается страшным.

— Половину своей бессмысленной жизни я бы отдал, чтобы увидеть перед собой хотя бы одного, — сипло произносит он. — Вот этими руками... Сам... Но я, конечно, их не видел. Слишком они осторожны и трусливы... Да их, наверное, никто не видел, кроме этих поганых предателей из правительства сорок лет назад... А по слухам, они вообще формы не имеют, как вода, скажем, или пар...

— Тогда непонятно, — говорю я. — Зачем существам, не имеющим формы, заманивать несколько миллиардов людей к себе в подземелье?

— Да будьте вы прокляты! — говорит старик, повысив голос. — Это же НЕЛЮДИ! Как мы с вами можем судить, что нужно нелюдям? Может быть, рабы. Может быть, еда... А может быть, строительный материал для своих гадов... Какая разница? Они разрушили наш мир! Они и теперь не дают нам покоя, травят нас, как крыс...

И тут его лицо вдруг страшно искажается. С поразительной для своего возраста прытью он отскакивает к противоположной стене, с грохотом отшвырнув табуретку. Я и глазом моргнуть не успел, он уже держит обеими руками большой никелированный револьвер, наставив его прямо на меня. Сонные стражи проснулись и с таким же выражением недоверия и ужаса на лицах, ставших вдруг совсем ребяческими, не отрывая от меня глаз, беспорядочно шарят вокруг себя в поисках своих магазинков.

— Что случилось? — говорю я, стараясь не шевелиться.

Никелированный ствол ходит ходуном, а стражи, нащупав наконец оружие, дружно кладают затворами.

— Твоя дурацкая одежда все-таки заработала,— щелкает Щекн на своем языке.— Тебя почти не видно. Только лицо. Ты не имеешь формы, как вода или пар. Впрочем, старик уже раздумал стрелять. Или мне все-таки убрать его?

— Не надо,— говорю я по-русски.

Старик наконец подает голос. Он белее стены и говорит запинаясь, но не от страха, конечно, а от ненависти. Мощный все-таки старик.

— Проклятый подземный оборотень!— говорит он.— Положи руки на стол! Левую на правую! Вот так...

— Это недоразумение,— говорю я сердито.— Я не оборотень. У меня специальная одежда. Она может делать меня невидимым, только плохо работает...

— Ах одежда?— издевательски произносит старик.— На Северном Архипелаге научились делать одежду-невидимку!

— На Северном Архипелаге очень многое научились делать,— говорю я.— Спрячьте, пожалуйста, ваше оружие и давайте разберемся спокойно.

— Дурак ты,— говорит старик.— Хоть бы на карту нашу удосужился взглянуть. Нет никакого Северного Архипелага... Я тебя сразу раскусил, только все никак не мог поверить в такую наглость...

— Неужели тебе не унижительно?— щелкает Щекн.— Давай ты возьмишь на себя старика, а я — обоих молодых...

— Пристрели собаку!— командует старик стражу, не отрывая взгляда от меня.

— Я тебе покажу «собаку»!— на чистейшем местном наречии произносит Щекн.— Старый болтливый котел!

Тут нервы у мальчишек не выдерживают, и начинается пальба.

3 июня 78 года. СНОВА МАЙЯ ГЛУМОВА.

Я сильно переборщил с громкостью видеофона. Аппарат у меня над ухом мелодично взревел, как незнакомец в коротких штанишках в разгар ухаживания за миссис Никльби. Я бомбой вылетел из кресла, на лету нашаривая клавишу приема.

Звонил Экселенц. Было 07.03.

— Хватит спать,— произнес он довольно благодушно.— В твои годы я не имел обыкновения спать.

До каких, интересно, пор мне выслушивать от него про мои годы? Мне уже сорок пять... И кстати, в мои годы он-таки спал. Он и сейчас не дурак поспать.

— А я и не спал,— соврал я.

— Тем лучше,— сказал он.— Значит, ты можешь приступить к работе немедленно. Найди эту Глумову. Выясни у нее следующее. Виделась ли она с Абалкиным со вчерашнего дня. Говорил ли Абалкин с ней о ее работе. Если говорил, что именно его интересовало. Не выражал ли он желания зайти к ней в Музей. Все. Не больше и не меньше.

Я откликаюсь на эту кодовую фразу:

— Выяснить у Глумовой, виделась ли она с ним еще раз, был ли разговор о работе, если был — то что интересовало, не выражал ли желания посетить Музей.

— Так. Ты предлагал сменить легенду. Не возражаю. КОМКОН разыскивает Прогрессора Абалкина для получения от него показаний касательно некоего несчастного случая. Расследование связано с тайной личности и потому проводится негласно. Не возражаю. Вопросы есть?

— Хотел бы я знать, при чем здесь этот Музей...— пробормотал я как бы про себя.

— Ты что-то сказал?— осведомился Экселенц.

— Предположим, что у них не было никаких разговоров про этот треклятый Музей. Могу я в этом случае попытаться выяснить, что все-таки произошло между ними при первой встрече?

— Тебе это важно?

— А вам?

— Мне — нет.

— Очень странно,— сказал я, глядя в сторону.— Мы знаем, что хотел выяснить Абалкин у меня. Мы знаем, что он хотел выяснить у Федосеева. Но мы представления не имеем, чего он добивался от Глумовой...

Экселенц сказал:

— Хорошо. Выясняй. Но только так, чтобы это не помешало выяснению главных вопросов. И не забудь надеть радиобраслет. Надень-ка его прямо сейчас, чтобы я это видел...

Я со вздохом извлек из ящика стола браслет и нацепил его на левое запястье. Браслет жал.

— Вот так,— сказал Экселенц и отключился.

Я направился в душ. Из кухни раздавался гром и лязг — Алена орудовала утилизатором. Пахло кофе. Я принял душ, и мы позавтракали. Алена в моем халате восседала напротив меня и была похожа на китайского божка. Она объявила, что у нее сегодня доклад, и предложила прочитать мне его вслух. Прорепетировать. Я уклонился, сославшись на обстоятельство. «Опять?»— спросила она сочувственно и в то же время агрессивно. «Опять»,— признался я не без вызова. «Проклятье»,— сказала она. «Не спорю»,— сказал я. «Это надолго?»— спросила она. «У меня еще три дня срока»,— сказал я. «А если не успеешь?»— спросила она. «Тогда всему конец»,— сказал я. Она бегло глянула на меня, и я понял, что она опять представляет себе всякие ужасы. «Скучища,— сказал я,— надоело. Отбарабаню это дело, и поедем с тобой куда-нибудь подальше отсюда». «Я не смогу»,— сказала она грустно. «Неужели тебе не надоело?— спросил я.— Чепухой ведь занимаетесь...» Вот так с ней и нужно. Она мгновенно ошетибилась и принялась доказывать, что занимается не чепухой, а дьявольски интересными и нужными вещами. В конце концов мы договорились, что через месяц поедем на Новую Землю. Это теперь модно...

Я вернулся в кабинет и, не садясь, набрал номер дома Глумовой. Никто не откликнулся. Было 07.51. Яркое солнечное утро. В такую погоду до восьми часов спать мог только наш Слон. Майя Глумова, наверное, уже отправилась на работу, а веснушчатый Тойво вернулся в свой интернат.

Я прикинул свое расписание на сегодняшний день. В Канаде сейчас поздний вечер. Насколько я знаю, голованы ведут преимущественно ночной образ жизни, так что ничего плохого не случится, если я отправлюсь туда часа через три-четыре... Кстати, как сегодня насчет нуль-Т? Я запросил справочную. Нуль-транспортровка возобновила нормальную работу с четырех утра. Таким образом, я сегодня успеваю и к Щекну, и к Корнею Яшмаа.

Я сходил на кухню, выпил еще одну чашку кофе и проводил Алену на крышу до глайдера. Простились мы с ней с преувеличенной сердечностью: у нее начался

преддокладный мандраж. Я старательно махал ей рукой, пока она не скрылась из виду, а потом вернулся в кабинет.

Интересно, что ему дался этот Музей? Музей как музей... Какое-то отношение к работе Прогрессоров, в частности, к Саракшу, он, конечно, имеет... Тут я вспомнил расширенные во всю радужку зрачки Экселенца. Неужели он тогда в самом деле испугался? Неужели мне удалось испугать Экселенца? И чем! Обыкновенным и вообще-то случайным сообщением, что подруга Абалкина работает в Музее Внеземных Культур... в спецсекторе объектов невыясненного назначения... Пардон! Спецсектор он назвал сам. Я сказал, что Глумова работает в Музее Внеземных Культур, а он мне объявил: в спецсекторе объектов невыясненного назначения... Я вспомнил анфилады комнат, уставленные, увешанные, перегородженные, заполненные диковинами, похожими на абстрактные скульптуры или на топологические модели... И Экселенц допускает, что Абалкина, имперского штабного офицера, натворившего что-то такое в сотне парсеков отсюда, может хоть что-нибудь заинтересовать в этих комнатах...

Я набрал номер рабочего кабинета Глумовой и несколько остолбенел. С экрана приятно улыбался мне Гриша Серосовин, по прозвищу Водолей, из четвертой подгруппы моего отдела. В течение нескольких секунд я наблюдал за последовательной сменой выражения на румяной Гришиной физиономии. Приятная улыбка; растерянность; официальная готовность выслушать распоряжение; и наконец снова приятная улыбка. Теперь слегка натянутая. Парня можно понять: если уж я сам испытал некоторое остолбенение, то ему сам бог велел слегка растеряться. Конечно же, меньше всего он ожидал увидеть на экране начальника своего отдела, но, в общем, справился он вполне удовлетворительно.

— Здравствуйте,— сказал я.— Попросите, если можно, Майю Тойвовну.

— Майя Тойвовна...— Гриша огляделся.— Вы знаете, ее нет. По-моему, она сегодня еще не приходила. Передать ей что-нибудь?

— Передайте, что звонил Каммерер, журналист. Она должна меня помнить. А вы что же — новичок? Что-то я вас...

— Да, я тут только со вчерашнего дня... Я тут, собственно, посторонний, работаю с экспонатами...

— Ага,— сказал я.— Ну что ж... Спасибо. Я еще позвоню.

Так-так-так. Экселенц принимает меры. Похоже, он просто уверен, что Лев Абалкин появится в Музее. И именно в секторе этих самых объектов. Попробуем понять, почему он выбрал именно Гришу. Гриша у нас без году неделя. Сообразительный, хорошая реакция. По образованию — экзобиолог. Может быть, именно в этом все дело. Молодой экзобиолог начинает свое первое самостоятельное исследование. Что-нибудь вроде: «Зависимость между топологией артефакта и биоструктурой разумного существа». Все тихо, мирно, изящно, прилично. Между прочим, Гриша еще и чемпион отдела по субаксу...

Ладно. Это я, кажется, понял. Пусть. Глумова, надо полагать, где-то задерживается. Например, беседует где-нибудь с Львом Абалкиным. А кстати, он ведь мне назначил на сегодня свидание в 10.00. Наверняка соврал, но, если мне действительно предстоит лететь на это свидание, сейчас самое время позвонить ему и узнать, не изменились ли у него планы. И я тут же, не теряя времени, позвонил в «Осинушку».

Коттедж номер шесть отозвался немедленно, и я увидел на экране Майю Глумову.

— А, это вы...— произнесла она с отвращением.

Невозможно передать, какая обида, какое разочарование были на лице ее. Она здорово сдала за эти сутки — ввалились щеки, под глазами легли тени, тоскливые больные глаза были широко раскрыты, губы запеклись. И только секунду спустя, когда она медленно откинулась от экрана, я отметил, что прекрасные волосы ее тщательно и не без кокетства уложены и что поверх строго-элегантного серого платья с закрытым воротом лежит на груди ее то самое янтарное ожерелье.

— Да, это я...— сказал журналист Каммерер растерянно.— Доброе утро. Я, собственно... Что, Лев у себя?

— Нет,— сказала она.

— Дело в том, что он назначил мне свидание... Я хотел...

— Здесь?— живо спросила она, снова придвинувшись к экрану.— Когда?

— В десять часов. Я просто хотел на всякий случай узнать... А его, оказывается, нет...

— А он вам точно назначил? Как он сказал?— совсем по-детски спросила она, жадно на меня глядя.

— Как он сказал?..— медленно повторил журналист Каммерер. Вернее, уже не журналист Каммерер, а я.— Вот что, Майя Тойвовна. Не будем себя обманывать. Скорее всего, он не придет.

Теперь она смотрела на меня, словно не верила своим глазам.

— Как это?.. Откуда вы знаете?

— Ждите меня,— сказал я.— Я вам все расскажу. Через несколько минут я буду.

— Что с ним случилось?— пронзительно и страшно крикнула она.

— Он жив и здоров. Не беспокойтесь. Ждите, я сейчас...

Две минуты на одевание. Три минуты до ближайшей кабины нуль-Т. Черт, очередь у кабины... «Друзья, очень прошу вас, разрешите мне пройти перед вами, очень важно... Спасибо большое, спасибо!..» Так. Минута на поиски индекса. Что за индексы у них там в провинции!.. Пять секунд на набор индекса. Я шагаю из кабины в пустынный бревенчатый вестибюль курортного клуба. Еще минуту стою на широком крыльце и верчу головой. Ага, мне туда. Ломлюсь напрямик через заросли рябины пополам с крапивой. Не наскочить бы на доктора Гонаека...

Она ждала меня в холле — сидела за низким столом с медвежонком, держа на коленях видеофон. Войдя, я непроизвольно взглянул на приоткрытую дверь гостиной, и она сейчас же торопливо сказала:

— Мы будем разговаривать здесь.

— Как вам будет угодно,— отозвался я.

Нарочито не спеша я осмотрел гостиную, кухню и спальню. Везде было чисто прибрано, и, конечно, никого там не было. Краем глаза я видел, что она сидит неподвижно, положив руки на видеофон, и смотрит прямо перед собой.

— Кого вы искали?— спросила она холодно.

— Не знаю,— честно признался я.— Просто разговор у нас с вами будет деликатный, и я хотел убедиться, что мы одни.

— Кто вы такой?— спросила она.— Только не врите больше!

Я изложил ей легенду номер два, разъяснил про тайну личности и добавил, что за вранье не извиняюсь,— просто я пытался сделать свое дело, не подвергая ее излишним волнениям.

— А теперь, значит, вы решили больше со мной не церемониться,— сказала она.

— А что прикажете делать?

Она не ответила.

— Вот вы сидите здесь и ждете,— сказал я.— А ведь он не придет. Он водит вас за нос. Он всех нас водит за нос, и конца этому не видно. А время идет.

— Почему вы думаете, что он сюда не вернется?

— Потому что он скрывается,— сказал я.— Потому что он врет всем, с кем ему приходится разговаривать.

— Зачем же вы сюда звонили?

— А затем, что я никак не могу его найти!— сказал я, понемногу свирепея.— Мне приходится ловить любой шанс, даже самый идиотский...

— Что он сделал?— спросила она.

— Я не знаю, что он сделал. Может быть, ничего. Я ищу его не потому, что он что-то сделал. Я ищу его потому, что он — единственный свидетель большого несчастья. И если мы его не найдем, мы так и не узнаем, что же там произошло...

— Где — там?

— Это неважно,— сказал я нетерпеливо.— Там, где он работал. Не на Земле. На планете Саракш.

По лицу ее было видно, что она впервые слышит про планету Саракш.

— Почему же он скрывается?— спросила она тихо.

— Мы не знаем. Он на грани психического срыва. Он, можно сказать, болен. Возможно, ему что-то чудится. Возможно, это какая-то идея-фикс.

— Болен...— сказала она, тихонько качая головой.— Может быть... А может быть, и нет... Что вам от меня надо?

— Вы виделись с ним еще раз?

— Нет,— сказала она.— Он обещал позвонить, но так и не позвонил.

— Почему же вы ждете его здесь?

— А где мне его еще ждать?— спросила она.

В голосе ее было столько горечи, что я отвел глаза и некоторое время молчал. Потом спросил:

— А куда он собирался вам звонить? На работу?

— Наверное... Не знаю. В первый раз он позвонил на работу.

— Он позвонил вам в Музей и сказал, что придет к вам?

— Нет. Он сразу позвал меня к себе. Сюда. Я взяла глайдер и прилетела.

— Майя Тойвовна,— сказал я.— Меня интересуют все подробности вашей встречи... Вы рассказывали ему о себе, о своей работе. Он вам рассказывал о своей... Постарайтесь вспомнить, как это было.

Она покачала головой.

— Нет. Ни о чем таком мы не разговаривали. Конечно, это действительно странно... Мы столько лет не виделись... Я уже потом сообразила, уже дома, что я так ничего и не узнала... Ведь я его спрашивала: «Где ты был, что делал?..»— но он отмахивался и кричал, что все это чушь, ерунда...

— Значит, он расспрашивал вас?

— Да нет же! Все это его не интересовало... Кто я, как я... одна или у меня кто-либо есть... чем я живу... Он был как мальчишка... Я не хочу об этом говорить.

— Майя Тойвовна, не надо говорить о том, о чем вы не хотите говорить...

— Я ни о чем не хочу говорить!

Я поднялся, сходил на кухню и принес ей воды. Она жадно выпила весь стакан, проливая воду на свое серое платье.

— Это никого не касается,— сказала она, отдавая мне стакан.

— Не говорите о том, что никого не касается,— сказал я, усаживаясь.— О чем он вас расспрашивал?

— Я же говорю вам: он ни о чем не расспрашивал! Он рассказывал, вспоминал, рисовал, спорил... как мальчишка. Оказывается, он все помнит! Чуть ли не каждый день! Где стоял он, где стояла я, что сказал Рекс, как смотрел Вольф... Я ничего не помнила, а он кричал на меня и заставлял вспоминать, и я вспоминала... И как он радовался, когда я вспоминала что-нибудь такое, чего не помнил он сам!..

Она замолчала.

— Это все — о детстве? — спросил я, подождав.

— Ну конечно! Ведь я же вам говорю, это никого не касается, это только наше с ним!.. Он и правда был как сумасшедший... У меня уже не было сил, я засыпала, а он будил меня и кричал в ухо: «А кто тогда свалился с качелей?». И если я вспоминала, он хватал меня в охапку, бегал со мной по дому и орал: «Правильно, все так и было, правильно!».

— И он не расспрашивал вас, что сейчас с Учителем, со школьными друзьями?

— Я же вам объясняю: он ни о чем не расспрашивал и ни о ком не расспрашивал! Можете вы это понять? Он рассказывал, вспоминал и требовал, чтобы я тоже вспоминала...

— Да, понимаю, понимаю, — сказал я. — А что он, по-вашему, намеревался делать дальше?

Она посмотрела на меня как на журналиста Каммерера.

— Ничего-то вы не понимаете, — сказала она.

И в общем-то она была, конечно, права. Ответы на вопросы Экселенца я получил: Абалкин НЕ интересовался работой Глумовой, Абалкин НЕ намеревался использовать ее для проникновения в Музей. Но я действительно совершенно не понимал, какую цель преследовал Абалкин, устраивая эти сутки воспоминаний. Сентиментальность... дань детской любви... возвращение в детство... В это я не верил. Цель была практическая, заранее хорошо продуманная, и достиг ее Абалкин, не возбудив у Глумовой никаких подозрений. Мне было ясно, что сама Глумова об этой цели ничего не знает. Ведь она тоже не поняла, что же было на самом деле...

И оставался еще один вопрос, который мне следовало бы выяснить. Ну, хорошо. Они вспоминали, любили друг друга, пили, снова вспоминали, засыпали, просыпались, снова любили и снова засыпали... Что же тогда привело ее в такое отчаяние, на грань истерики? Разумеется, здесь открывался широчайший простор для самых разных предположений. Например — связанных с привычками штабного офицера Островной Империи. Но могло быть и что-нибудь другое. И это другое вполне могло оказаться весьма ценным для меня. Тут я остановился в нерешительности: либо оставить в тылу что-то, может быть, очень важное, либо решиться на отвратительную бестактность, рискуя не узнать в результате ничего существенного...

Я решился.

— Майя Тойвовна, — произнес я, изо всех сил стараясь выговаривать слова твердо. — Скажите, чем было вызвано такое ваше отчаяние, которому я был невольным свидетелем в прошлую нашу встречу?

Я выговаривал эту фразу, не осмеливаясь глядеть ей в глаза. Я бы не удивился, если бы она тут же приказала мне убираться вон или даже просто шарахнула меня видеофоном по голове. Однако она не сделала ни того, ни другого.

— Я была дура, — сказала она довольно спокойно. — Дура истеричная. Мне почудилось тогда, что он выжал меня как лимон и выбросил за порог. А теперь я понимаю: ему и в самом деле не до меня. Для деликатности у него не остается ни времени, ни сил. Я все требовала у него объяснений, а он ведь не мог мне ничего объяснить. Он же знает, наверное, что вы его ищите...

Я встал.

— Большое спасибо, Майя Тойвовна, — сказал я. — По-моему, вы неправильно поняли наши намерения. Никто не хочет ему вреда. Если вы встретитесь с ним, постарайтесь, пожалуйста, внушить ему эту мысль.

Она не ответила.

3 июня 78 года. КОЕ-ЧТО О ВПЕЧАТЛЕНИЯХ ЭКСЕЛЕНЦА.

С обрыва было видно, что доктор Гоаннек за отсутствием пациентов занят рыбной ловлей. Это было удачно, потому что до его избы с нуль-Т-нужником было ближе, чем до курортного клуба. Правда, по дороге, оказывается, располагалась пасека, которую я опрометчиво не заметил во время своего первого визита, так что теперь мне пришлось спасаться, прыгая через какие-то декоративные плетни и сшибая на скаку декоративные же макитры и крынки. Впрочем, все обошлось благополучно. Я взбежал на крыльцо с балясинами, проник в знакомую горницу и, не садясь, позвонил Экселенцу.

Я думал отделаться коротким докладом, но разговор получился довольно длинный, так что пришлось вынести видеофон на крыльцо, чтобы меня не захватил врасплох говорливый и обидчивый доктор Гоаннек.

— Почему она там сидит?— спросил Экселенц задумчиво.

— Ждет.

— Он ей назначил?

— Насколько я понимаю — нет.

— Бедняга...— проворчал Экселенц. Потом он спросил:— Ты возвращаешься?

— Нет,— сказал я.— У меня еще остались этот Яшмаа и резиденция голованов.

— Зачем?

— В резиденции,— ответил я,— сейчас пребывает некий голован по имени Щекн-Итрч, тот самый, который участвовал вместе с Абалкиным в операции «Мертвый мир»...

— Так.

— Насколько я понял из отчета Абалкина, у них сложились какие-то не совсем обычные отношения.

— В каком смысле — необычные?

Я замялся, подбирая слова.

— Я бы рискнул назвать это дружбой, Экселенц... Вы помните этот отчет?

— Помню. Понимаю, что ты хочешь сказать. Но ответь мне на такой вопрос: как ты выяснил, что голован Щекн находится на Земле?

— Ну... это было довольно сложно. Во-первых...

— Достаточно,— прервал он меня и замолчал выжидательно.

До меня не сразу, правда, но дошло. Действительно, это мне, сотруднику КОМКОНа-2, при всем моем солидном опыте работы с БВИ, было довольно сложно разыскать Щекна. Что же тогда говорить о простом Прогрессоре Абалкине, который вдобавок двадцать лет проторчал в Глубоком Космосе и понимает в БВИ не больше, чем двадцатилетний школяр!

— Согласен,— сказал я.— Вы, конечно, правы. И все-таки согласитесь: задача эта вполне выполнима. Было бы желание.

— Соглашаюсь. Но дело не только в этом. Тебе не приходило в голову, что он бросает камни по кустам?

— Нет,— сказал я честно.

Бросать камни по кустам — в переводе с нашей фразеологии означает: пускать по ложному следу, подсовывать фальшивые улики, короче говоря, морочить людям голову. Разумеется, теоретически вполне можно было

допустить, что Лев Абалкин преследует некую вполне определенную цель, а все это мастерски организованный фальшивый материал, над смыслом которого мы должны бесплодно ломать голову, попусту теряя время и силы, безнадежно отвлекаясь от главного.

— Не похоже,— сказал я решительно.

— А вот у меня есть впечатление, что похоже,— сказал Экселенц.

— Вам, конечно, виднее,— отозвался я сухо.

— Бесспорно,— согласился он.— Но, к сожалению, это только впечатление. Фактов у меня нет. Однако, если я НЕ ошибаюсь, представляется маловероятным, чтобы в его ситуации он вспомнил о Щекне, потратил бы массу сил, чтобы разыскать его, бросился бы в другое полушарие, ломал бы там какую-нибудь комедию,— и все это только для того, чтобы бросить в кусты лишний камень. Ты согласен со мной?

— Видите ли, Экселенц, я не знаю его ситуации, и, наверное, именно поэтому у меня нет вашего впечатления.

— А какое есть?— спросил он с неожиданным интересом.

Я попытался сформулировать свое впечатление.

— Только не разбрасывание камней. В его поступках есть какая-то логика. Они связаны между собой. Более того, он все время применяет один и тот же прием. Он не тратит времени и сил на выдумывание новых приемов — он ошарашивает человека каким-то заявлением, а потом слушает, что бормочет этот ошарашенный... Он хочет что-то узнать, что-то о своей жизни... точнее, о своей судьбе. Что-то такое, что от него скрыли...— Я замолчал, а потом сказал:— Экселенц, он каким-то образом узнал, что с ним связана тайна личности.

Теперь мы молчали оба. На экране покачивалась веснушчатая лысина. Я чувствую, что переживаю исторический момент. Это был один из тех редчайших случаев, когда мои доводы (не факты, добытые мной, а именно доводы, логические умозаключения) заставляли Экселенца пересмотреть свои представления.

Он поднял голову и сказал:

— Хорошо. Навести Щекна. Но имей в виду, что нужнее всего ты здесь, у меня.

— Слушаюсь,— сказал я и спросил:— А как насчет Яшмаа?

— Его нет на Земле.

— Почему же, — сказал я. — Он на Земле. Он в «Лагере Яна» под Антоновом.

— Он уже три дня как на Гиганде.

— Понятно, — сказал я. — Это же надо — какое совпадение! Родился в тот же день, что и Абалкин, тоже смертный ребенок, тоже фигурирует под номером...

— Хорошо, хорошо, — проворчал Экселенц. — Не отвлекайся.

Экран погас. Я отнес видеофон на место и спустился во двор. Там я осторожно пробрался через заросли гигантской крапивы и прямо из деревянного нужника доктора Гоаннека шагнул под ночной дождь на берег реки Телон.

3 июня 78 года. ЗАСТАВА НА РЕКЕ ТЕЛОН.

Невидимая река шумела сквозь шуршанье дождя где-то совсем рядом под обрывом, а прямо передо мною мокро отсвечивал легкий металлический мост, над которым светилось большое табло на линкосе: «ТЕРРИТОРИЯ НАРОДА ГОЛОВАНОВ». Немного странно было видеть, что мост начинается из высокой травы — не было к нему не только подъезда, но даже какой-нибудь паршивой тропинки. В двух шагах от меня светилось одиноким окошком округлое приземистое здание казарменно-казематного вида. Он него пахло на меня незабываемым Саракшем — запахом ржавого железа, мертвечины, затаившейся смерти. Странные все-таки места попадают у нас на Земле. Казалось бы, и дома ты, и все уже здесь знаешь, и все привычно и мило, так нет же: обязательно рано или поздно наткнешься на что-нибудь ни с чем не сообразное... Ладно. Что думает по поводу этого здания журналист Каммерер? О! У него, оказывается, уже сложилось вполне определенное мнение.

Журналист Каммерер отыскал в округлой стене дверь, решительно толкнул ее и оказался в сводчатой комнате, где не было ничего, кроме стола, за которым сидел, подперши подбородок кулаками, длинноволосый юнец, нарядившийся в яркое и пестрое мексиканское пончо, похожий кудрями и нежным длинным ликом на Александра Блока. Синие глаза юнца встретили журналиста Каммерера взглядом, совершенно лишенным интереса и слегка утомленным.

— Ну и архитектура здесь у вас, однако! — произнес журналист Каммерер, отряхивая с плеч дождевые брызги.
— А им нравится, — возразил Александр Б., не меняя позы.

— Быть этого не может! — саркастически сказал журналист Каммерер, озираясь, на что бы присесть.

Свободных стульев в помещении не было, равно как и кресел, диванов, кушеток и скамеек. Журналист Каммерер посмотрел на Александра Б. Александр Б. смотрел на него с прежним безразличием, не обнаруживая ни тени намерения быть любезным или хотя бы просто вежливым. Это было странно. Вернее, непривычно. Но чувствовалось, что здесь это в порядке вещей.

Журналист Каммерер уже открыл было рот, чтобы представиться, но тут Александр Б. с какой-то усталой покорностью опустил на свои бледные щеки дивные ресницы и... с механической проникновенностью транспортного кибера принялся наизусть зачитывать свой текст:

— Дорогой друг! К сожалению, вы проделали свой путь сюда совершенно напрасно. Вы не найдете здесь абсолютно ничего для себя интересного. Все слухи, которыми вы руководствовались, направляясь к нам, чрезвычайно преувеличены. Территория народа голованов ни в малейшей мере не может рассматриваться как некий развлекательно-познавательный комплекс. Голованы — замечательный, весьма самобытный народ — говорят о себе: «Мы любознательны, но вовсе не любопытны». Миссия голованов представляет здесь свой народ в качестве дипломатического органа и не является объектом неофициальных контактов и уж тем более — праздного любопытства. Уважаемый друг! Самое уместное, что вы можете сейчас сделать, это пуститься в обратный путь и убедительно объяснить всем вашим знакомым истинное положение вещей.

Александр Б. замолк и томно приподнял ресницы. Журналист Каммерер пребывал перед ним по-прежнему, и это его, видимо, совсем не удивило.

— Разумеется, прежде чем мы простимся, я отвечу на все ваши вопросы.

— А встать при этом вы не обязаны? — поинтересовался журналист Каммерер.

Что-то вроде оживления засветилось в синих очах...

— Откровенно говоря — да, — уныло признался Алек-

сандр Б.— Но вчера я расшиб колено, до сих пор болит ужасно, так что вы уж извините...

— Охотно,— сказал журналист Каммерер и присел на край стола.— Я вижу, вы замучены любопытствующими...

— За мое дежурство вы — шестая компания.

— Я один как перст!— возразил журналист Каммерер.

— Компания есть счетное слово,— пояснил Александр Б., оживляясь еще больше.— Ну, например, как ящик. Ящик консервов. Штука ситца. Или коробка конфет. Ведь может так случиться, что в коробке осталась всего одна конфета. Как перст.

— Ваши объяснения удовлетворили меня полностью,— сказал журналист Каммерер.— Но я не любопытствующий. Я пришел по делу.

— Восемьдесят три процента всех компаний,— немедленно откликнулся Александр Б.,— являются сюда именно по делу. Последняя компания — из пяти экземпляров, включая малолетних детей и собаку,— искала здесь договориться с руководителями миссии об уроках языка голованов. Но в огромном большинстве это собиратели ксенофольклора. Поветрие. Все собирают ксенофольклор. Но у голованов нет фольклора. Это уже утка! Шутник Лонг Мюллер выпустил книжонку на манер Оссиана, и все посходили с ума... «О лохматые древа, тысяче-хвостные, затаившие скорбные мысли свои в пушистых и теплых стволах! Тысячи тысяч хвостов у вас и ни одной головы!..» А у голованов, между прочим, понятия хвоста нет вообще! Хвост у них — орган ориентировки, и если уж переводить адекватно, то получится не хвост, а компас... «О тысячекомпасовые деревья!» Но вы, я вижу, не фольклорист...

— Нет,— честно признался журналист Каммерер.— Я гораздо хуже. Я журналист.

— Пишете книгу о голованах?

— В каком-то смысле. А что?

— Нет, ничего. Пожалуйста. Не вы первый, не вы последний. Вы голованов-то когда-нибудь видели?

— Да, конечно.

— На экране?

— Нет. Дело в том, что это именно я открыл их на Саракше...

Александр Б. даже привстал.

— Так вы — Каммерер?

— К вашим услугам.

— Нет уж, это я к вашим услугам, доктор! Приказывайте, требуйте, распоряжайтесь...

Я моментально вспомнил разговор Каммерера с Абалкиным и торопливо пояснил:

— Я всего лишь открыл их, и не более того. Я вовсе не специалист по голованам. И меня интересуют сейчас не голованы вообще, а только один-единственный голован, переводчик миссии. Так что, если вы не возражаете... Я пройду туда к ним.

— Да помилуйте, доктор!— Александр Б. всплеснул руками.— Вы, кажется, подумали, что мы здесь сидим, так сказать, на страже? Ничего подобного! Пожалуйста, проходите! Очень многие так и делают. Объяснишь ему, что слухи, мол, преувеличены, он покивает, распрощается, а сам выйдет — и шмыг через мост...

— Ну?

— Через некоторое время возвращается. Очень разочарованный. Ничего и никого не видел. Леса, сопки, распадки, очаровательные пейзажи — это все, конечно, есть, а голованов нет. Во-первых, голованы ведут ночной образ жизни, во-вторых, живут они под землей, а самое главное — они встречаются только с теми, с кем хотят встречаться. Вот на этот случай мы здесь и дежури́м — на положении, так сказать, связных...

— А кто это — мы?— спросил журналист Каммерер.— КОМКОН?

— Да. Практиканты. Дежури́м здесь по очереди. Через нас идет связь в обе стороны... Вам кого именно из переводчиков?

— Мне нужен Щекн-Итрч.

— Попробуем. Он вас знает?

— Вряд ли. Но скажите ему, что я хочу поговорить с ним про Льва Абалкина, которого он знает наверняка.

— Еще бы!— сказал Александр Б., и придвинул к себе селектор.

Журналист Каммерер (да, признаться, и я сам) с восхищением, переходящим в благоговение, наблюдал, как этот юноша с нежным ликом романтического поэта вдруг дико выкатил глаза и, свернув изящные губы в немыслимую трубку, защелкал, закричал, загукал, как тридцать три голована сразу (в мертвом ночном лесу, у развороченной бетонной дороги, под мутно фосфоресцирующим небом Саракша), и очень уместными ка-

зались эти звуки в этом сводчатом казематно-пустом помещении с шершавыми голыми стенами. Потом он замолчал и склонил голову, прислушиваясь к сериям ответных щелчков и гуканий, а губы и нижняя челюсть его продолжали странно двигаться, словно он держал их в постоянной готовности к продолжению беседы. Зрелище это было скорее неприятное, и журналист Каммерер, при всем своем благоговении, счел все-таки необходимым деликатно отвести глаза.

Впрочем, беседа продолжалась не слишком долго. Александр Б. откинулся на спинку стула и, ласково массируя нижнюю челюсть длинными бледными пальцами, произнес, чуть задышав:

— Кажется, он согласился. Впрочем, не хочу вас слишком обнадеживать: я вовсе не уверен, что все понял правильно. Два смысловых слоя я уловил, но, по-моему, там был еще и третий... Короче говоря, ступайте через мост, там будет тропинка. Тропинка идет в лес. Он вас там встретит. Точнее, он на вас посмотрит... Нет, как бы это сказать... Вы знаете, не так трудно понять голована, как трудно его перевести. Вот, например, эта рекламная фраза: «Мы любознательны, но не любопытны». Это, между прочим, образец хорошего перевода. «Мы не любопытны» — можно понимать так, что «мы не любопытствуем попусту», и в то же самое время — «мы для вас неинтересны». Понимаете?

— Понимаю, — сказал журналист Каммерер, слезая со стола. — Он на меня посмотрит, а там уж решит, стоит ли со мной разговаривать. Спасибо за хлопоты.

— Какие хлопоты! Это моя приятная обязанность... Подождите, возьмите мой плащ, дождь на дворе...

— Спасибо, не надо, — сказал журналист Каммерер и вышел под дождь.

3 июня 78 года. ШЕКН-ИТРЧ, ГОЛОВАН.

Было по местному времени около трех часов утра, небо было кругом обложено, а лес был густой, и этот ночной мир казался мне серым, плоским и мутноватым, как скверная старинная фотография.

Конечно, он первым обнаружил меня и, наверное, минут пять, а может быть и все десять, следовал параллельным курсом, прячась в густом подлеске. Когда

же я наконец заметил его, он понял это почти мгновенно и сразу оказался на тропинке передо мною.

— Я здесь,— объявил он.

— Вижу,— сказал я.

— Будем говорить здесь,— сказал он.

— Хорошо,— сказал я.

Он сейчас же сел, совершенно как собака, разговаривающая с хозяином,— крупная, толстая, большеголовая собака с маленькими треугольными ушами торчком, с большими круглыми глазами под массивным широким лбом. Голос у него был хриловатый, и говорил он без малейшего акцента, так что только короткие, рубленные фразы и несколько преувеличенная четкость артикуляции выдавали в его речи чужака. И еще — от него пахло псиной. Но не мокрой псиной, как можно было бы ожидать, запах был скорее неорганический — что-то вроде нагретой канифоли. Станный запах, скорее механизма, чем живого существа. На Саракше, помнится, головы пахли совсем не так.

— Что тебе нужно?— спросил он прямо.

— Тебе сказали, кто я?

— Да. Ты — журналист. Пишешь книгу про мой народ.

— Это не совсем так. Я пишу книгу о Льве Абалкине. Ты его знаешь.

— Весь мой народ знает Льва Абалкина.

Это была новость.

— И что же твой народ думает о Льве Абалкине?

— Мой народ не думает о Льве Абалкине. Он его знает.

Кажется, здесь начинались какие-то лингвистические болота.

— Я хотел спросить: как твой народ относится к Льву Абалкину?

— Он его знает. Каждый. От рождения и до смерти.

Мы с журналистом Каммерером посоветовались и решили пока оставить эту тему. Мы спросили:

— Что ты можешь рассказать о Льве Абалкине?

— Ничего,— коротко ответил он.

Вот этого я боялся больше всего. Боялся до такой степени, что подсознательно отвергал саму возможность такого положения и был к нему совершенно не готов. Я растерялся самым жалким образом, а он поднес переднюю лапу к морде и принялся шумно выкусывать

между ногтями. Не по-собачьи, а так, как это делают иногда наши кошки.

Впрочем, у меня хватило самообладания. Я вовремя сообразил, что если бы эта псина-сапиенс действительно не хотела иметь со мной никакого дела, она бы просто уклонилась от встречи.

— Я знаю, что Лев Абалкин — твой друг, — сказал я. — Вы жили и работали вместе. Очень многие земляне хотели бы знать, что думает об Абалкине его друг и сотрудник голован.

— Зачем? — спросил он так же коротко.

— Опыт, — ответил я.

— Бесплезный опыт.

— Бесплезного опыта не бывает.

Теперь он принялся за другую лапу и через несколько секунд проворчал невнятно:

— Задавай конкретные вопросы.

Я подумал.

— Мне известно, что в последний раз ты работал с Абалкиным пятнадцать лет назад. Приходилось тебе после этого работать с другими землянами?

— Приходилось. Много.

— Ты почувствовал разницу?

Задавая этот вопрос, я, собственно, ничего особенного не имел в виду. Но Щекн вдруг замер, затем медленно опустил лапу и поднял лобастую голову. Глаза его на мгновение озарились мрачным красным светом. Однако и секунды не прошло, как он вновь принялся глотать свои когти.

— Трудно сказать, — проворчал он. — Работы разные, люди тоже разные. Трудно.

Он уклонился. От чего? Мой невинный вопрос заставил его как бы споткнуться. Он растерялся на целую секунду. Или здесь опять лингвистика? Вообще-то лингвистика — вещь неплохая. Будем атаковать. Прямо в лоб.

— Ты с ним встретился, — объявил я. — Он снова пригласил тебя работать. Ты согласился?

Это могло означать: «Если бы ты с ним встретился и он бы снова пригласил тебя работать, — ты бы согласился?» Или на выбор: «Ты с ним встречался, и он (как мне стало известно) приглашал тебя работать. Ты дал ему согласие?» Лингвистика. Не спорю, это был довольно жалкий маневр, но что мне оставалось делать?

И лингвистика все-таки выручила.

— Он не приглашал меня работать,— возразил Шекн.

— Тогда о чем же вы говорили?— удивился я, развивая успех.

— О прошлом,— буркнул он.— Никому не интересно.

— Как тебе показалось,— спросил я, мысленно вытирая со лба трудовой пот,— он сильно изменился за пятнадцать лет?

— Это тоже не интересно.

— Нет. Это очень интересно. Я тоже видел его недавно и обнаружил, что он сильно изменился. Но я — землянин, а мне надо знать твое мнение.

— Мое мнение: да.

— Вот видишь! И в чем же он, по-твоему, изменился?

— Ему больше нет дела до народа голованов.

— Вот как?— искренне удивился я.— А со мной он только о голованах и говорил...

Глаза его опять озарились красным. Я понял это так, что мои слова снова его смутили.

— Что он тебе сказал?— спросил он.

— Мы спорили: кто из землян сделал больше для контактов с народом голованов.

— А еще?

— Все. Только об этом.

— Когда это было?

— Позавчера. А почему ты решил, что ему больше нет дела до народа голованов?

Он вдруг объявил:

— Мы теряем время. Не задавай пустых вопросов. Задавай настоящие вопросы.

— Хорошо. Задаю настоящий вопрос. Где он сейчас?

— Не знаю.

— Что он намеревался делать?

— Не знаю.

— Что он тебе говорил? Мне важно каждое его слово.

И тут Шекн принял странную, я бы даже сказал, неестественную позу: присел на напружиненных лапах, вытянул шею и уставился на меня снизу вверх. Затем, мерно покачивая тяжелой головой вправо и влево, он заговорил, отчетливо выговаривая слова:

— Слушай внимательно, понимай правильно и запоминай надолго. Народ Земли не вмешивается в дела народа голованов. Народ голованов не вмешивается в дела народа Земли. Так было, так есть и так будет.

Дело Льва Абалкина есть дело народа Земли. Это решено. А потому: не ищи того, чего нет. Народ голованов никогда не даст убежища Льву Абалкину.

Вот это да! У меня вырвалось:

— Он просил убежища? У вас.

— Я сказал только то, что сказал: народ голованов никогда не даст убежища Льву Абалкину. Больше ничего. Ты понял это?

— Я понял это. Но меня не интересует это. Повторяю вопрос: что он тебе говорил?

— Я отвечаю. Но сначала повтори то главное, что я тебе сказал.

— Хорошо, я повторю. Народ голованов не вмешивается в дело Абалкина и отказывает ему в убежище. Так?

— Так. И это главное.

— Теперь отвечай на мой вопрос.

— Отвечаю. Он спросил меня, есть ли разница между ним и другими людьми, с которыми я работал. Точно такой же вопрос, какой задавал мне ты.

Едва кончив говорить, он повернулся и скользнул в заросли. Ни одна ветка, ни один лист не шевельнулись, а его уже не было. Он исчез.

Ай да Щекн! «...Я учил его языку и как пользоваться Линией Доставки. Я не отходил от него, когда он болел своими странными болезнями... Я терпел его дурные манеры, мирился с его бесцеремонными высказываниями, прощал ему то, чего не прощаю никому в мире... Если придется, я буду драться за него, как за землянина, как за самого себя. А он? Не знаю...» Ай да Щекн-Итрч!

3 июня 78 года. ЭКСЕЛЕНЦ ДОВОЛЕН.

— Очень любопытно!— сказал Экселенц, когда я закончил доклад.— Ты правильно сделал, Мак, что настоял на визите в этот зверинец.

— Не понимаю,— отозвался я, с раздражением отдирая колючие репья от мокрой штанины.— Вы видите в этом какой-то смысл?

— Да.

Я вытаращился на него.

— Вы всерьез допускаете, что Лев Абалкин мог просить убежища?

— Нет. Этого я не допускаю.

— Тогда о каком смысле идет речь? Или это снова камень в кусты?

— Может быть. Но дело не в этом. Неважно, что имел в виду Лев Абалкин. Реакция голованов — вот что важно. Впрочем, ты не ломай себе над этим голову. Ты привез мне важную информацию. Спасибо. Я доволен. И ты будь доволен.

Я снова принялся отдираТЬ репья. Что и говорить, он несомненно был доволен. Зеленые глазища его так и горели, даже в сумраке кабинета было заметно. Вот точно так же смотрел он, когда я, молодой, веселый, запыхавшийся, доложил ему, что Тихоня Прешт взят наконец с поличным и сидит внизу в машине с кляпом во рту. Это я взял Тихоню, но мне тогда было еще невдомек то, что прекрасно понимал Странник: саботажу теперь конец, и эшелоны с зерном уже завтра двинутся в Столицу...

Вот и сейчас он явно понимал нечто такое, что было мне невдомек, но я-то не испытывал даже самого элементарного удовлетворения. Никого я не взял, никто не ждал допроса с кляпом во рту, а только метался по огромной ласковой Земле загадочный человек с изуродованной судьбой, метался, не находя себе места, метался, как отравленный, и сам отравлял всех, с кем встречался, отчаянием и обидой, предавал сам и сам становился жертвой предательства...

— Я тебе еще раз напоминаю, Мак,— сказал вдруг Экселенц негромко.— Он опасен. И он тем более опасен, что сам об этом не знает.

— Да кто он такой, черт возьми?— спросил я.— Сумасшедший андроид¹?

— У андроида не может быть тайны личности,— сказал Экселенц.— Не отвлекайся.

Я засунул репья в карман куртки и сел прямо.

— Сейчас ты можешь идти домой,— сказал Экселенц.— До девятнадцати ноль-ноль ты свободен. Затем будь поблизости, в черте города, и жди моего вызова. Возможно, сегодня ночью он попытается проникнуть в Музей. Тогда будем брать.

— Хорошо,— сказал я без всякого энтузиазма.

¹ Андроид (фантастич.) — человекообразный робот.

Он откровенно оценивающе оглядел меня.

— Надеюсь, ты в форме,— проговорил он.— Братъ будем вдвоем, а я уже слишком стар для таких упражнений.

4 июня 78 года. МУЗЕЙ ВНЕЗЕМНЫХ КУЛЬТУР.
НОЧЬ.

В 01.08 радиобраслет у меня на запястье пискнул, и приглушенный голос Экселенца пробормотал скороговоркой: «Мак, Музей, главный вход, быстро...»

Я захлопнул колпак кабины, чтобы не ударило воздухом, и включил двигатель на форсаж с места. Глайдер свечкой взмыл в звездное небо. Три секунды на торможение. Двадцать две секунды на планирование и ориентировку. На площади Звезды пусто. Перед главным входом тоже никого. Странно... Ага. Из кабины нуль-Т на углу Музея появляется черная тощая фигура. Скользит к главному входу. Экселенц.

Глайдер бесшумно сел перед главным входом. Немедленно на пульте вспыхнула сигнальная лампочка, и мягкий голос кибер-инспектора произнес с укоризной: «Посадка глайдеров на площади Звезды не разрешается...» Я откинул колпак и выскочил на мостовую. Экселенц уже возился у дверей, орудуя магнитной отмычкой. «Посадка глайдеров на площади Звезды...» — проникновенно вещал кибер-инспектор.

— Заткни его... — не оборачиваясь проворчал Экселенц сквозь зубы.

Я захлопнул колпак. В ту же секунду главный вход распахнулся.

— За мной! — бросил Экселенц и нырнул во тьму.

Я нырнул следом. Совсем как в старые времена.

Он понесся передо мной огромными неслышными скачками, длинный, тощий, угловатый, снова легкий и ловкий, обтянутый черным, похожий на тень средневекового демона, и я мельком подумал, что уж такого Экселенца наверняка не видывал ни один из нынешних наших сопляков, а видывал разве что старина Слон, да еще я — полтора десятка лет назад.

Он вел меня по сложной извилистой кривой из зала в зал, из коридора в коридор, безошибочно ориентируясь между стендами и витринами, среди статуй и макетов,

похожих на безобразные механизмы, и среди механизмов и аппаратов, похожих на безобразные статуи. Нигде не было света — видимо, автоматика была заранее отключена,— но он ни разу не ошибся и не сбился с пути, хотя и знал, что ночное зрение у него много хуже моего. Он здорово подготовился к этому ночному броску, наш Экселенц, и все получалось у него пока очень и очень неплохо, если не считать дыхания. Дышал он слишком громко, но тут уж ничего нельзя было поделать. Возраст. Проклятые годы.

Внезапно он остановился и, едва я встал рядом, сжал пальцы на моем плече. В первый момент я испугался, что у него схватило сердце, но тут же понял: мы прибыли на место и он просто переживает одышку.

Я огляделся. Пустые столы. Стеллажи вдоль стен, уставленные инопланетными диковинами. Ксенографические проекторы у дальней стены. Все это я уже видел. Я уже был здесь. Это была мастерская Майи Тойвовны Глумовой. Вот это ее стол, а в этом вот кресле сидел журналист Каммерер...

Экселенц отпустил мое плечо, шагнул к стеллажам, согнулся и прошел вдоль стеллажей, не разгибаясь,— он что-то высматривал. Потом остановился, с натугой поднял что-то и направился к столу, расположенному прямо перед входом. Слегка откинувшись корпусом назад, он нес на опущенных руках длинный предмет — какой-то плоский брусок с закругленными углами. Осторожно, без малейшего стука он поставил этот предмет на стол, на мгновение замер, прислушиваясь, а потом вдруг, как фокусник, потянул из нагрудного кармана длинную пеструю шаль с бахромой. Ловким движением он расправил ее и набросил поверх этого своего бруска. Потом он повернулся ко мне, нагнулся к моему уху и едва слышно прошептал:

— Когда он прикоснется к платку — бери его. Если он прежде заметит нас — бери его. Встань здесь.

Я встал по одну сторону двери, Экселенц — по другую.

Сначала я ничего не слышал. Я стоял, прижавшись спиной к стене, механически прикидывал возможные варианты развития событий и глядел на платок, расстеленный на столе. Интересно, чего это ради Лев Абалкин станет к нему прикасаться. Если ему так уж нужен этот брусок, то как он узнает, что брусок спрятан под платком? И что это за брусок? Похож на футляр для

переносного интравизора. Или для какого-то музыкального инструмента. Впрочем, вряд ли. Тяжеловат. Ничего не понимаю. Это явно приманка, но если это приманка, то не для человека...

Тут я услышал шум. Надо сказать, шум был основательный: где-то в недрах Музея обрушилось что-то обширное, металлическое, разваливающееся в падении. Я моментально вспомнил гигантский моток колючей проволоки, который давеча так старательно обрабатывали молекулярными паяльниками местные девчушки. Я глянул на Экселенца. Экселенц тоже прислушивался и тоже недоумевал.

Звон, лязг и дребезг постепенно прекратились, и снова стало тихо. Странно. Чтобы Прогрессор, профессионал, мастер скрадывания, ниндзя, вломился сослепу в такое громоздкое сооружение? Невероятно. Конечно, он мог зацепиться рукавом за одну-единственную торчащую колючку... Нет, не мог. Прогрессор — не мог. Или здесь, на безопасной Земле, Прогрессор уже успел слегка подразболтаться... Сомнительно. Впрочем, посмотрим. В любом случае он сейчас застыл на одной ноге и прислушивается, и будет так прислушиваться минут пять...

Он и не подумал стоять на одной ноге и прислушиваться. Он явно приближался к нам, причем движение его сопровождалось какофонией шумов, разнообразных и совершенно неуместных для Прогрессора. Он волочил ноги и звучно шаркал подошвами. Он задевал за притолоки и стены. Один раз он налетел на какую-то мебель и разразился серией невнятных восклицаний с преобладанием шипящих. А когда на экраны проекторов упали слабые электрические отсветы, мои сомнения превратились в уверенность.

— Это не он, — сказал я Экселенцу почти вслух.

Экселенц кивнул. Вид у него был недоумевающий и угрюмый. Теперь он стоял боком к стене и лицом ко мне, раздвинув ноги и набычившись, и легко было представить себе, как через минуту он схватит лже-Прогрессора обеими руками за грудки и, равномерно его встряхивая, прорычит ему в лицо: «Кто ты такой и что ты здесь делаешь, мелкий сукин сын?»

И так ясно я представил себе эту картину, что поначалу даже не удивился, когда он левой рукой оттянул на себя борт черной куртки, а правой принялся засовывать за пазуху свой любимый «герцог» двадцать шестого

калибра,— он словно бы освобождал руки для предстоящего хватания и встряхивания.

Но когда до меня дошло, что все это время он стоял с этой восьмизарядной верной смертью в руке, я попросту обмер. Это могло означать только одно: Экселенц был готов убить Льва Абалкина. Именно убить, потому что Экселенц никогда не обнажал оружия для того, чтобы пугать, грозить или вообще производить впечатление,— только для того, чтобы убивать.

Я был так ошеломлен, что забыл обо всем на свете. Но тут в мастерскую ворвался толстый столб яркого белого света, и, зацепившись в последний раз за прилолку, в дверь проследовал лже-Абалкин.

Вообще-то говоря, он был даже чем-то похож на Льва Абалкина: крепенький, ладный, невысокого роста, с длинными черными волосами до плеч. Он был в белом просторном плаще и держал перед собой электрический фонарик «турист», а в другой руке у него был то ли маленький чемоданчик, то ли большой портфель. Войдя, он остановился, провел лучом фонарика по стеллажам и произнес:

— Ну, кажется, это здесь.

Голос у него был скрипучий, а тон — нарочито бодрый. Таким тоном говорят сами с собой люди, когда им страшновато, неловко, немножечко стыдно,— словом, когда чувствуют себя не в своей тарелке. «Одной ногой в канаве»,— как говорят хонтийцы.

Теперь я видел, что это, собственно, старый человек. Может быть, даже старше Экселенца. У него был длинный острый нос с горбинкой, длинный острый подбородок, впалые щеки и высокий, очень белый лоб. В общем, он был похож не столько на Льва Абалкина, сколько на Шерлока Холмса. Пока я мог сказать о нем с совершенной точностью только одно: этого человека я раньше никогда в жизни не видел.

Бегло оглядевшись, он подошел к столу, поставил на цветастый платок прямо рядом с нашим бруском свой чемодан-портфель, а сам, подсвечивая себе фонариком, принялся осматривать стеллажи, неторопливо и методично, полку за полкой, секцию за секцией. При этом он непрерывно бормотал что-то себе под нос, но разобрать можно было только отдельные слова: «...Ну, это всем известно... бур-бур-бур... Обыкновенный иллюзиум... бур-бур-бур... Хлам и хлам... бур-бур... Может

быть, и не на месте... Засунули, запихали, запрятали... бур-бур-бур...»

Экселенц следил за всеми этими манипуляциями заложивши руки за спину, и на лице его было очень непривычное и несвойственное ему выражение какой-то безнадежной усталости или, может быть, усталой скуки, словно было перед ним нечто безмерно надоевшее, осточертевшее на всю жизнь и вместе с тем неотвязное, чему он давно уже покорился и от чего давно уже отчаялся избавиться. Признаться, поначалу меня несколько удивило, что же это он отказался от такого естественного намерения — взять за грудки обеими руками и с наслаждением встряхнуть. Однако теперь, глядя на его лицо, я понимал: это было бы бессмысленно. Встряхивай, не встряхивай — ничего не изменится, все вернется на круги своя: будет ползать и шарить, бормотать под нос, стоять на одной ноге в канаве, опрокидывать экспонаты в музеях и срывать тщательно подготовленные и продуманные операции...

Когда старик добрался до самой дальней секции, Экселенц тяжело вздохнул, подошел к столу, уселся на край его рядом с портфелем и сказал брезгливо:

— Ну что вы там ищите, Бромберг? Детонаторы?

Старик Бромберг тоненько взвизгнул и шарахнулся в сторону, повалив стул.

— Кто здесь?— завопил он, лихорадочно шаря лучом вокруг себя.— Кто это?

— Да я это, я!— отозвался Экселенц еще более брезгливо.— Перестаньте вы трястись!

— Кто? Вы? Какого дьявола!— Луч уперся в Экселенца.— А! Сикорски! Ну, я так и знал!..

— Уберите фонарь,— приказал Экселенц, заслоняя лицо ладонью.

— Я так и знал, что это ваши штучки!— завопил старикан Бромберг.— Я сразу понял, кто стоит за всем этим спектаклем!

— Уберите фонарь, а то я его расколочу!— гаркнул Экселенц.

— Попрошу на меня не орать!— взвизгнул Бромберг, но луч отвел.— И не смейте прикасаться к моему портфелю!

Экселенц встал и пошел на него.

— Не смейте ко мне подходить!— завопил Бромберг.— Я вам не мальчишка. Стыдитесь! Вы же старик!

Экселенц подошел к нему, отобрал фонарь и поставил на ближайший столик рефлектором вверх.

— Присядьте, Бромберг,— сказал он.— Надо поговорить.

— Эти ваши разговоры...— пробурчал Бромберг и уселся.

Поразительно, но теперь он был совершенно спокоен. Бодренький почтенный старичок. По-моему, даже веселый.

4 июня 78 года. АЙЗЕК БРОМБЕРГ. БИТВА ЖЕЛЕЗНЫХ СТАРЦЕВ.

— Давайте попробуем поговорить спокойно,— предложил Экселенц.

— Попробуем, попробуем!— бодро отозвался Бромберг.— А что это за молодой человек подпирает стену у дверей? Вы обзавелись телохранителем?

Экселенц ответил не сразу. Может быть, он намеревался отослать меня: «Максим, ты свободен»,— и я бы, конечно, ушел. Но это бы меня оскорбило, и Экселенц, разумеется, это понимал. Вполне допускаю, впрочем, что у него были и еще какие-то соображения. Во всяком случае, он слегка повел рукой в мою сторону и сказал:

— Это Максим Каммерер, сотрудник КОМКОНа. Максим, это доктор Айзек Бромберг, историк науки.

Я поклонился, а Бромберг немедленно заявил:

— Я так и знал. Разумеется, вы побоялись, что не справитесь со мной один на один, Сикорски... Садитесь, садитесь, молодой человек, устраивайтесь поудобнее. Насколько я знаю вашего руководителя, разговор у нас получится длинный...

— Сядь, Мак,— сказал Экселенц.

Я сел в знакомое кресло для посетителей.

— Так я жду ваших объяснений, Сикорски,— произнес Бромберг.— Что означает эта засада?

— Я вижу, вы сильно напугались.

— Какой вздор!— мгновенно воспламенился Бромберг.— Чушь какая! Слава богу, я не из пугливых! И уж если кто меня сумеет испугать, Сикорски...

— Но вы так ужасно завопили и повалили так много мебели...

— Ну, знаете ли, если бы у вас над ухом в абсолютно пустом здании ночью...

— Абсолютно незачем ходить в абсолютно пустые здания по ночам...

— Во-первых, это абсолютно не ваше дело, Сикорски, куда и когда я хожу! А во-вторых, когда еще вы мне прикажете ходить? Днем меня не пускают. Днем здесь устраивают какие-то подозрительные ремонты, какие-то нелепые перемены экспозиции... Слушайте, Сикорски, сознайтесь: ведь это ваша затея — закрыть доступ в Музей! Мне нужно срочно освежить в памяти кое-какие данные. Я являюсь сюда. Меня не пускают. Меня! Члена Ученого совета этого Музея. Я звоню директору: в чем дело? Директор, милейший Грант Хочикян, мой, в каком-то смысле, ученик... Бедняга мнется, бедняга красен от стыда за себя и передо мной... Но он ничего не может сделать, он обещал! Его попросили весьма уважаемые люди, и он обещал! Любопытно узнать, кто его попросил? Может быть, некий Рудольф Сикорски? Нет! О нет! Никто здесь даже не слышал имени Рудольфа Сикорски! Но меня не проведешь! Я-то сразу понял, чьи уши торчат из-за кулис! И я бы все-таки хотел узнать, Сикорски, почему вы вот уже битый час молчите и не отвечаете на мой вопрос? Зачем вам все это понадобилось, спрашиваю я! Закрытие Музея! Позорная попытка изъять из Музея принадлежащие ему экспонаты! Ночные засады! И кто, черт подери, выключил здесь электричество? Я не знаю, что бы я стал делать, если бы у меня в глайдере не оказалось фонарика. Я шишку набил себе вот здесь, черт бы вас побрал! И я там что-то повалил! От души надеюсь — хочу надеяться! — что это был всего лишь макет... И молитесь бога, Сикорски, чтобы это был только макет, потому что, если это оригинал, вы у меня сами будете его собирать! До последнего веллинга. А если этого последнего веллинга не окажется, вы у меня как миленький отправитесь на Тагору...

Голос сорвался, и он мучительно заперхал, стуча себя обеими кулаками по груди.

— Я получу когда-нибудь ответы на мои вопросы? — яростно просипел он сквозь перханье.

Я сидел, как в театре, и все это производило на меня впечатление скорее комическое, но тут я глянул на Экселенца и обомлел.

Экселенц, Странник, Рудольф Сикорски, эта ледяная

глыба, этот покрытый изморозью гранитный монумент Хладнокровия и Выдержки, этот безотказный механизм для выкачивания информации,— он до макушки налился темной кровью, он тяжело дышал, он судорожно сжимал и разжимал костлявые веснушчатые кулаки, а знаменитые уши его пылали и жутковато подергивались. Впрочем, он еще сдерживался, но, наверное, только он один знал, чего это ему стоило.

— Я хотел бы знать, Бромберг,— сдавленным голосом произнес он,— зачем вам понадобились детонаторы.

— Ах, вы хотели бы это знать!— ядовито прошептал доктор Бромберг и подался вперед, заглядывая Экселенцу в лицо с такого малого расстояния, что длинный нос его едва не оказался в зубах у моего шефа.— А что бы вы еще хотели обо мне знать? Может быть, вас интересует мой стул? Или, например, о чем я давеча беседовал с Пильгуем?

Упоминание имени Пильгуя в таком контексте мне не понравилось. Пильгуй занимался биогенераторами, а мой отдел уже второй месяц занимался Пильгуем. Впрочем, Экселенц пропустил Пильгуя мимо ушей. Он сам просунулся вперед, да так стремительно, что Бромберг едва успел отшатнуться.

— Вашим стулом извольте интересоваться сами!— прорычал он.— А я хотел бы знать, почему это вы позволяете себе взламывать Музей и почему тянете свои лапы к детонаторам, хотя вам было совершенно ясно сказано, что на ближайшие несколько дней...

— Вы, кажется, собираетесь критиковать мое поведение? Ха! Кто? Сикорски! Меня! Обвинять во взломе! Хотел бы я знать, как вы сами проникли в этот музей! А? Отвечайте.

— Это не относится к делу, Бромберг!

— Вы — взломщик, Сикорски!— объявил Бромберг, простирая к Экселенцу длинный извилистый палец.— Вы докатились до взлома!

— Это вы докатились до взлома, Бромберг!— взревел Экселенц.— Вы! Вам было совершенно ясно и недвусмысленно сказано: доступ в Музей прекращен! Любой нормальный человек на вашем месте...

— Если нормальный человек сталкивается с очередным актом тайной деятельности, его долг...

— Его долг — немножечко пошевелить мозгами, Бромберг! Его долг — сообразить, что он живет не в средние

века. Если он столкнулся с тайной, с секретом, то это не чей-то каприз и не злая воля...

— Да, не каприз и не злая воля, а ваша потрясающая самоуверенность, Сикорски, ваша смехотворная, поистине средневековая, идиотски-фантастическая убежденность в том, что именно вам надо решать, чему быть скрытым, а чему — открытым! Вы — глубокий старик, Сикорски, но вы так и не поняли, что это прежде всего аморально!..

— Мне смешно разговаривать о морали с человеком, который ради удовлетворения своего детского чувства протеста идет на взлом! Вы не просто старик, Бромберг, вы — жалкий старикашка, впавший в детство!..

— Прекрасно! — сказал Бромберг, вдруг снова успокаиваясь. Он сунул руку в карман своего белого плаща, извлек оттуда и со стуком положил на стол перед Экселенцем какой-то блестящий предмет. — Вот мой ключ. Мне, как и всякому сотруднику этого Музея, полагается ключ от служебного хода, и я им воспользовался, чтобы прийти сюда.

— Посреди глухой ночи и вопреки запрету директора Музея? — У Экселенца не было ключа, у него была магнитная отмычка, и ему оставалось одно: наступать.

— Посреди глухой ночи, но все-таки с ключом! А где ваш ключ, Сикорски? Покажите мне, пожалуйста, ваш ключ!

— У меня нет ключа! Он мне не нужен! Я нахожусь здесь по долгу, а не потому, что мне попала вожжа под хвост, старый вы истерический дурак!

И что тут началось! Я уверен, что никогда раньше стены этой скромной мастерской не слышали таких взрывов сиплого рева вперемешку со скрипучими воплями. Таких эпитетов. Такой вакханалии эмоций. Таких абсурдных доводов и еще более абсурдных контрдоводов. Да что там стены! В конце концов это были всего лишь стены тихого академического учреждения, далекого от житейских страстей. Но я, человек уже не первой молодости, всякого, казалось бы, повидавший, даже я никогда и нигде не слыхивал ничего подобного — во всяком случае, от Экселенца.

То и дело поле сражения совершенно заволакивалось дымом, в котором не различить было уже предмета спора, и только подобно раскаленным ядрам, пронеслись навстречу друг другу разнообразные «безответс-

твенные болтуны», «феодалыные рыцари плаща и кинжала», «провокаторы-общественники», «плешивые агенты тайной службы», «склеротические демагоги», «старые ослы», «ядовитые сморчки» и «маразматики» всех видов сыпались градом, наподобие шрапнели...

Однако порой дым рассеивался, и тогда моему изумленному и замороженному взору открывались воистину поразительные ретроспективы. Я понимал тогда, что сражение, случайным свидетелем которого я оказался, было лишь одной из бесчисленных, невидимых миру схваток беззвучной войны, начавшейся еще в те времена, когда родители мои только оканчивали школу.

Довольно быстро я вспомнил, кто такой этот Айзек Бромберг. Разумеется, я слышал о нем и раньше, может быть, еще когда сопливым мальчишкой работал в Группе Свободного Поиска. Одну из его книг — «Как это было на самом деле» — я, безусловно, читал: это была история «Массачусетского кошмара». Книга эта, помнится, мне не понравилась — слишком сильно было в ней памфлетное начало, слишком усердствовал автор, сдирая романтические покровы с этой действительно страшной истории, и слишком много места уделил он подробностям дискуссии о политических принципах подхода к опасным экспериментам, дискуссии, которой в те времена я нисколько не интересовался.

В определенных кругах, впрочем, имя Бромберга было известно и пользовалось достаточным уважением. Его можно было бы назвать «крайним левым» известного движения дзюиистов, основанного еще Ламондуа и провозглашавшего право науки на развитие без ограничений.

Экстремисты этого движения исповедуют принципы, которые, на первый взгляд, представляются совершенно естественными, а на практике сплошь да рядом оказываются неисполнимыми при каждом заданном уровне развития человеческой цивилизации (помню, огромный шок, который я испытал, ознакомившись с историей цивилизации Тагоры, где эти принципы соблюдались неукоснительно с незапамятных времен их Первой Промышленной Революции).

Каждое научное открытие, которое может быть реализовано, обязательно будет реализовано. С этим принципом трудно спорить, хотя и здесь возникает целый ряд оговорок. А вот как поступить с открытием, когда оно уже реализовано? Ответ: держать его последствия

под контролем. Очень мило. А если мы не предвидим всех последствий? А если мы переоцениваем одни последствия и недооцениваем другие? Если, наконец, совершенно ясно, но мы просто не в состоянии держать под контролем даже самые очевидные и неприятные последствия? Если для этого требуются совершенно невообразимые энергетические ресурсы и моральное напряжение? (Как это, кстати, и случилось с Массачусетской машиной, когда на глазах у ошеломленных исследователей зародилась и стала набирать силу новая, нечеловеческая цивилизация Земли.)

Прекратить исследование! — приказывает обычно в таких случаях Мировой Совет.

Ни в коем случае! — провозглашают в ответ экстремисты. — Усилить контроль? Да. Бросить необходимые мощности? Да. Рискнуть? Да! В конце концов, «кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет» (из выступления патриарха экстремистов Дж. Гр. Пренсона). Но никаких запретов! Морально-этические запреты в науке страшнее любых этических потрясений, которые возникали или могут возникнуть в результате самых рискованных поворотов научного прогресса. Точка зрения, безусловно, импонирующая своей динамикой, находящая безотказных апологетов среди научной молодежи, но чертовски опасная, когда подобные принципы исповедует крупный и талантливый специалист, сосредоточивший под своим влиянием динамичный талантливый коллектив и значительные энергетические мощности.

Именно такие экстремисты-практики и были основными клиентами нашего КОМКОНа-2. Старикан же Бромберг был экстремистом-теоретиком, и именно по этой причине, вероятно, он ни разу не попал в поле моего зрения. Зато у Экселенца, как я теперь видел, он всю жизнь сидел в почках, печени и в желчном пузыре.

По роду своей деятельности мы в КОМКОНе-2 никогда никому и ничего не запрещаем. Для этого мы просто недостаточно разбираемся в современной науке. Запрещает Мировой Совет. А наша задача сводится к тому, чтобы реализовать эти запрещения и преграждать путь к утечке информации, ибо именно утечка информации в таких случаях сплошь и рядом приводит к самым жутким последствиям.

Очевидно, Бромберг либо не хотел, либо не мог понять

этого. Борьба за уничтожение всех и всяческих барьеров на пути распространения научной информации сделалась буквально его идеей-фикс. Он обладал фантастическим темпераментом и неиссякаемой энергией. Связи его в научном мире были неисчислимы, и стоило ему прослышать, что где-то результаты многообещающих исследований сданы на консервацию, как он приходил в зоологическое неистовство и рвался разоблачать, обличать и срывать покровы.

Ничего решительно невозможно было с ним сделать. Он не признавал компромиссов, поэтому договориться с ним было невозможно, он не признавал поражений, поэтому его невозможно было победить. Он был неуправляем, как космический катаклизм.

Но, по-видимому, даже самая высокая и абстрактная идея нуждается в достаточно конкретной точке приложения. И такой точкой, конкретным олицетворением сил мрака и зла, против которых он сражался, стал для него КОМКОН-2 вообще и наш Экселенц в особенности. «КОМКОН-2!» — ядовито шипел он, подсакивая к Экселенцу и тут же отскакивая назад. — О, ваше иезуитство!.. Взять всем известную аббревиатуру — Комиссия по Контактam с иными цивилизациями! Благородно, возвышенно! Прославленно! И спрятать за нею вашу зловонную контору! Комиссия по Контролю, видите ли! Команда Консерваторов, а не Комиссия по Контролю! Компания Конспираторов!..»

Экселенцу он за эти полвека надоел безмерно. Причем: насколько я понял, именно надоел — как надоедает кусачая муха или назойливый комар. Разумеется, он был не в состоянии нанести нашему делу сколько-нибудь существенный вред. Это было просто не в его силах. Но зато в его силах было непрерывно гундеть и бубнить, галдеть и трещать, отрывать от дела, не давать покоя, запускать ядовитые шпильки, требовать неукоснительного выполнения всех формальностей, возбуждать общественное мнение против засилья формалитета, одним словом — утомлять до изнеможения. Я не удивился бы, если бы оказалось, что двадцать лет назад Экселенц нырнул в кровавую кашу на Саракше главным образом для того, чтобы хоть немножко отдохнуть от Бромберга. Мне было особенно обидно за Экселенца еще и потому, что Экселенц, человек не только принципиальный, но и в высшей степени справедливый, полностью, видимо,

отдавал себе отчет в том, что деятельность Бромберга, если отвлечься от формы ее, несет и некую положительную социальную функцию: это был тоже вид социального контроля — контроль над контролем.

Но уж что касается ядовитого старикана Бромберга, то он был, по-видимому, начисто лишен самого элементарного чувства справедливости и всю нашу работу отметал с порога, считал безусловно вредной и пламенно, искренне ненавидел. При этом формы, в которые выливалась эта ненависть, были настолько идиозны, сами манеры этого настырного старикана были до такой степени невыносимы, что Экселенц, при всем своем хладнокровии и нечеловеческой выдержке, совершенно терял лицо и превращался в склочного, глупого и злобного крикуна, по-видимому, каждый раз, когда сталкивался вот так, лицом к лицу, с Бромбергом. «Вы — незежественный мозгляк! — сорванным голосом хрипел он. — Вы паразитируете на промахах гигантов! Сами вы не способны изобрести соуса к макаронам, а беретесь судить о будущем науки! Вы же только дискредитируете дело, которое хватаетесь защищать, вы — смакователь дешевых анекдотов!..»

Видимо, старики давненько не сталкивались нос к носу и теперь с особенным остервенением изливали друг на друга накопившиеся запасы яда и желчи. Зрелище это было во многих отношениях поучительным, хотя оно и находилось в вопиющем противоречии с широко известными тезисами о том, что человек по природе добр и что он же звучит гордо. Больше всего они походили не на человек, а на двух старых облезлых бойцовых петухов. Впервые я заметил, что Экселенц уже глубокий старик.

Однако при всей своей неэстетичности этот спектакль обрушил на меня целую лавину поистине бесценной информации. Многих намеков я просто не понял — речь, видимо, шла о делах, давно уже закрытых и забытых. Некоторые упоминавшиеся истории были мне хорошо знакомы. Но кое-что я и услышал, и понял впервые.

Я узнал, например, что такое операция «Зеркало». Оказывается, так были названы глобальные, строго засекреченные маневры по отражению возможной агрессии извне (предположительно — вторжения Странников), проведенные четыре десятка лет назад. Об этой операции знали единицы, а миллионы людей, принимавших в ней

участие, даже не подозревали об этом. Несмотря на все меры предосторожности, как это почти всегда бывает в делах глобального масштаба, несколько человек погибло. Одним из руководителей операции и ответственным за сохранение секретности был Экселенц.

Я узнал, как возникло дело «Урод». Как известно, Ионафан Перейра по собственной инициативе прекратил свою работу в области теоретической евгеники. Консервируя всю эту область, Мировой Совет следовал, по сути, именно его рекомендациям. Оказывается, это наш дорогой Бромберг разнюхал, а затем пламенно разболтал детали теории Перейры, в результате чего пятерка дьявольски талантливых сорвиголов из Швейцеровской лаборатории в Бамако затеяла и едва не довела до конца свой эксперимент с новым вариантом хомо супер.

История с андроидами в общих чертах была мне известна и раньше — главным образом потому, что ее всегда приводят в качестве классического примера неразрешимой этической проблемы. Однако любопытно было узнать, что доктор Бромберг отнюдь не считает вопрос с андроидами закрытым. Проблема «субъект или объект» в данном случае для него не существует вовсе. На тайну личности ученых, занимавшихся андроидами, ему наплевать, а право андроидов на тайну личности он полагает нонсенсом и катахрезой. Все подробности этой истории должны быть опубликованы в назидание потомству, а работы с андроидами должны продолжаться...

И так далее.

Среди историй, о которых я никогда ничего не слышал раньше, мое внимание привлекла одна. Речь шла о каком-то предмете, который они называли то саркофагом, то инкубатором. С этим саркофагом-инкубатором они в своем споре каким-то неуловимым образом связывали «детонаторы» — по-видимому, те самые, за которыми явился Бромберг и которые лежали сейчас на столе передо мною, накрытые цветастой шалью. О детонаторах, впрочем, упоминалось вскользь, хотя и неоднократно, а главным образом склока клубилась вокруг «дымовой завесы отвратительной секретности», поставленной Экселенцем вокруг саркофага-инкубатора. Именно в результате этой секретности доктор имярек, получивший уникальные результаты по антропометрии и физиологии кроманьонцев (при чем тут кроманьонцы?), вынужден

был держать эти свои результаты под спудом, тормозя таким образом развитие палеоантропологии. А другой доктор имярек, разгадавший принцип работы саркофага-инкубатора, оказался в двусмысленном и стыдном положении человека, которому научная общественность приписывает открытие этого принципа, в результате чего он вообще оставил научное поприще и малюет теперь посредственные пейзажи...

Я насторожился. Детонаторы были связаны с таинственным саркофагом. За детонаторами явился сюда Бромберг. Детонаторы Экселенц выставил как приманку для Льва Абалкина. Я стал слушать с удвоенным вниманием, надеясь, что в пылу свары старики выболтают что-нибудь еще и наконец узнаю нечто существенное о Льве Абалкине. Но я услышал это существенное только тогда, когда они уgomонились.

4 июня 78 года. ЛЕВ АБАЛКИН У ДОКТОРА БРОМБЕРГА.

Они уgomонились разом, одновременно, как будто у них одновременно иссякли последние остатки энергии. Замолчали. Перестали сверлить друг друга огненными взорами. Бромберг, отдуваясь, вытащил старомодный носовой платок и принялся утирать лицо и шею. Экселенц, не глядя на него, полез за пазуху (я испугался — не за пистолетом ли), извлек капсулу, выкатил на ладонь белый шарик и положил его под язык, а капсулу протянул Бромбергу.

— И не подумай!— заявил Бромберг, демонстративно отворачиваясь.

Экселенц продолжал протягивать ему капсулу. Бромберг искоса, как петух, посмотрел на нее. Потом сказал с пафосом:

— Яд, мудрецом тебе предложенный, возьми, из рук же дурака не принимай бальзама...

Он взял капсулу и тоже выкатил себе на ладонь белый шарик.

— Я в этом не нуждаюсь!— объявил он и кинул шарик в рот.— Пока еще не нуждаюсь...

— Айзек,— сказал Экселенц и причмокнул.— Что вы будете делать, когда я умру?

— Спляшу качучу,— сказал Бромберг мрачно.— Не говорите глупостей.

— Айзек,— сказал Экселенц.— Зачем вам все-таки понадобились детонаторы?.. Подождите, не начинайте все сначала. Я вовсе не собираюсь вмешиваться в ваши личные дела. Если бы вы заинтересовались детонаторами неделю назад или на будущей неделе, я бы никогда не стал задавать вам этот вопрос. Но они понадобились вам именно сегодня. Именно в ту ночь, когда за ними должен был прийти совсем другой человек. Если это просто невероятное совпадение, то так и скажите, и мы расстанемся. У меня голова разболелась...

— А кто это должен был за ними прийти?— подозрительно спросил Бромберг.

— Лев Абалкин,— сказал Экселенц утомленно.

— Кто это такой?

— Вы не знаете Льва Абалкина?

— В первый раз слышу,— сказал Бромберг.

— Верю,— сказал Экселенц.

— Еще бы!— сказал Бромберг высокомерно.

— Вам я верю,— сказал Экселенц.— Но я не верю в совпадения... Слушайте, Айзек, неужели это так трудно — просто, без кривляний, рассказать, почему вы именно сегодня пришли за детонаторами...

— Мне не нравится слово «кривлянья»!— сказал Бромберг сварливо, но уже без прежнего задора.

— Я беру его назад,— сказал Экселенц.

Бромберг снова принялся утираться.

— У меня секретов нет,— объявил он.— Вы знаете, Рудольф, я ненавижу все и всяческие секреты. Это вы сами поставили меня в положение, когда я вынужден кривляться и ломать комедию. А между тем все очень просто. Сегодня утром ко мне явился некто... Вам обязательно нужно имя?

— Нет.

— Некий молодой человек. О чем мы с ним говорили — несущественно, я полагаю. Разговор носил достаточно личный характер. Но во время разговора я заметил у него вот здесь...— Бромберг ткнул пальцем в сгиб локтя правой руки,— довольно странное родимое пятно. Я даже спросил его: «Это что — татуировка?» Вы знаете, Рудольф, татуировка — мое хобби... «Нет,— ответил он.— Это родимое пятно». Больше всего оно было похоже на букву «Ж» в кириллице или, скажем, на японский иероглиф «сандзю»—«тридцать». Вам это ничего не напоминает, Рудольф?

— Напоминает,— сказал Экселенц.

Мне это тоже что-то напоминало, что-то совсем недавнее, что-то, показавшееся и странным, и несущественным одновременно.

— Вы что — сразу сообразили? — спросил Бромберг с завистью.

— Да,— сказал Экселенц.

— А вот я — не сразу. Молодой человек уже давно ушел, а я все сидел и вспоминал, где я мог видеть такой значок... Причем не просто похожий на него, а именно такой в точности. В конце концов вспомнил. Мне надо было проверить, понимаете? Под рукой — ни одной репродукции. Я бросаюсь в Музей — Музей закрыт...

— Мак,— сказал Экселенц,— будь добр, подай нам сюда эту штуку, которая под шалью.

Я повиновался.

Брусочек был тяжелый и теплый на ощупь. Я поставил его на стол перед Экселенцем. Экселенц придвинул его поближе к себе, и теперь я видел, что это действительно футляр из гладко отполированного материала ярко-янтарного цвета с едва заметной идеальной прямой линией, отделяющей слегка выпуклую крышку от массивного основания. Экселенц попытался приподнять крышку, но пальцы его скользили и ничего у него не получалось.

— Дайте-ка мне,— нетерпеливо сказал Бромберг. Он оттолкнул Экселенца, взялся за крышку обеими руками, поднял ее и отложил в сторону.

Все эти штуки, они, по-видимому, и называли детонаторами: круглые серые блямбы миллиметров семидесяти в диаметре, уложенные одним рядом в аккуратные гнезда. Всего детонаторов было одиннадцать, и еще два гнезда были пусты, и видно было, что дно их выстлано белесоватым ворсом, похожим на плесень, и ворсинки эти заметно шевелились, словно живые, — да они, вероятно, и были в каком-то смысле живые.

Однако прежде всего в глаза мне бросились довольно сложные иероглифы, изображенные на поверхности детонаторов, по одному на каждом и все разные. Они были большие, розовато-коричневые, слегка расплывшиеся, как бы нанесенные цветной тушью на влажную бумагу. И один из них я узнал сразу — чуть расплывшаяся стилизованная буква «Ж» или, если угодно, японский иероглиф «сандзю» — маленький оригинал уве-

личенной копии на обороте листа № 1 в деле № 07. Этот детонатор был третьим слева, если смотреть от меня, и Экселенц, подвесив над ним свой длинный указательный палец, произнес:

— Он?

— Да, да,— нетерпеливо отозвался Бромберг, отпиная его руку.— Не мешайте. Вы ничего не понимаете...

Он вцепился ногтями в края детонатора и принялся осторожными движениями как бы вывинчивать его из гнезда, бормоча при этом: «Здесь совсем не в этом дело... Неужели вы воображаете, что я был способен перепутать... Чушь какая...» И он вытянул наконец детонатор из гнезда и стал осторожно поднимать его над футляром все выше и выше, и видно было, как тянутся за серым толстеньким диском тонкие белесоватые нити, утоньшаются, лопаются одна за другой. И когда лопнула последняя, Бромберг перевернул диск нижней поверхностью вверх, и я увидел там среди шевелящихся полупрозрачных ворсинок тот же иероглиф, только черный, маленький и очень отчетливый, словно его вычеканили в сером материале.

— Да!— сказал Бромберг торжествующе.— Точно такой. Я так и знал, что не могу ошибиться.

— В чем именно?— спросил Экселенц.

— Размер!— сказал Бромберг.— Размер, детали, пропорции. Вы понимаете, родимое пятно у него не просто похоже на этот значок — оно в точности такое же...— Он пристально посмотрел на Экселенца.— Слушайте, Рудольф, услуга за услугу. Вы что — вы их всех поместили?

— Нет, конечно.

— Значит, у них это было с самого начала?— спросил Бромберг, постукивая себя пальцем по сгибу правой руки.

— Нет. Эти значки появились у них в возрасте десяти-двенадцати лет.

Бромберг осторожно ввинтил детонатор обратно в гнездо и удовлетворенно повалился в кресло.

— Ну что ж,— произнес он,— так я все это и понял... Ну-с, господин полицей-президент, чего же стоит вся эта ваша секретность? Канал его у меня есть, и едва золотоперстый Феб озарит верхушки этих ваших архитектурных уродов, как я немедленно свяжусь с ним, и мы всласть поговорим... И не пытайтесь меня от-

говаривать, Сикорски!— вскричал он, размахивая пальцем перед носом Экселенца.— Он сам пришел ко мне, а я сам — понимаете?— сам, вот этой своей старой головой сообразил, кто передо мной, и теперь он мой! Я не проникал в ваши паршивые тайны! Немножко везенья, немножко сообразительности...

— Хорошо, хорошо,— сказал Экселенц.— Ради бога. Никаких возражений. Он ваш, встречайтесь, говорите. Но только с ним, пожалуйста. Больше ни с кем.

— Н-ну...— с ироническим сомнением протянул Бромберг.

— А впрочем, как вам будет угодно,— сказал вдруг Экселенц.— Все это сейчас не важно... Скажите, Айзек, о чем вы с ним разговаривали?

Бромберг сложил руки на животе и покрутил большими пальцами. Победы, одержанные им над Экселенцем, были настолько велики и очевидны, что он, без сомнения, мог позволить себе быть великодушным.

— Разговор, надо признаться, был довольно сумбурный,— сказал он.— Теперь-то я, конечно, понимаю, что этот кроманьонец просто морочил мне голову...

Сегодня, а вернее — вчера утром к нему явился молодой человек лет сорока — сорока пяти и представился как Александр Дымок, конфигуратор сельскохозяйственной автоматики. Роста среднего, очень бледное лицо, длинные черные прямые волосы, как у индейца. Он пожаловался, что на протяжении многих месяцев пытается и никак не может выяснить обстоятельства исчезновения своих родителей. Он изложил Бромбергу в высшей степени загадочную и чертовски соблазнительную в своей загадочности легенду, которую он якобы собрал по крупинкам, не брезгуя даже самыми мало-достоверными слухами. Легенда эта у Бромберга записана во всех подробностях, но излагать ее сейчас вряд ли имеет смысл. Собственно, визит Александра Дымка преследовал единственную цель: не может ли Бромберг, крупнейший в мире знаток запрещенной науки, пролить хоть какой-нибудь свет на эту историю.

Крупнейший знаток Бромберг окунулся в свою картотеку, но ничего о супругах Дымок не обнаружил. Молодой человек был заметно огорчен этим обстоятельством и совсем уже собрался было уходить, когда в голову ему пришла счастливая мысль. Не исключено, сказал он, что фамилия его родителей вовсе и не Дымок. Не

исключено также, что вся его легенда не имеет ничего общего с действительностью. Может быть, доктор Бромберг попытается вспомнить, не происходило ли в науке каких-то загадочных и впоследствии запрещенных к широкой публикации событий в годы, близкие к дате рождения Александра Дымка (февраль 36-го), поскольку родителей своих он потерял то ли в годовалом, то ли в двухлетнем возрасте...

Знаток Бромберг снова полез в свою картотеку, на этот раз в хронологическую ее часть. За период с 33-го по 39-й год он обнаружил в общей сложности восемь различных инцидентов, в том числе и историю с саркофагом-инкубатором. Вместе с Александром Дымком они тщательно проанализировали каждый из этих инцидентов и пришли к выводу, что ни один из них не может быть связан с судьбой супругов Дымок.

«Стсюда я, старый дурак, сделал заключение, что судьба подарила мне историю, которая в свое время совершенно ускользнула из поля моего зрения. Представляете себе? Не запрет ваш какой-нибудь паршивый, а исчезновение двух биохимиков! Уж этого бы я вам не простил, Сикорски!» И еще битых два часа Бромберг допрашивал Александра Дымка, требуя от него вспомнить все самые мельчайшие подробности, любые, даже самые нелепые, слухи, взял с него торжественное обещание пройти глубокое ментоскопирование¹, так что молодой человек на протяжении последнего часа явно мечтал только об одном — поскорее убраться восвояси...

Уже в самом конце разговора Бромберг совершенно случайно заметил «родимое пятно». Это родимое пятно, не имеющее, казалось бы, никакого отношения к делу, каким-то необъяснимым образом застряло у Бромберга в мозгу. Молодой человек уже давно ушел. Бромберг уже успел сделать несколько запросов в БВИ, поговорить с двумя-тремя специалистами по поводу супругов Дымок (безрезультатно), но этот проклятый значок никак не шел у него из головы. Во-первых, Бромберг был совершенно уверен, что уже видел его где-то и когда-то, а во-вторых, его не покидало ощущение, что об этом значке или о чем-то, связанном с этим значком, упо-

¹ Ментоскопирование (фантастич.) — исследование подсознания с помощью прибора, «читающего мысли» (ментоскопа).

миналось в его беседе с Александром Дымком. И только восстановив самым скрупулезным образом в памяти всю эту беседу, фразу за фразой, он добрался наконец до саркофага, вспомнил детонаторы, и поразительная догадка о том, кто такой на самом деле Александр Дымок, осенила его.

Первым его движением было немедленно позвонить мальчику и сообщить, что тайна его происхождения раскрыта. Но присущая ему, Бромбергу, научная добросовестность требовала прежде всего абсолютной достоверности, не допускающей никаких инотолкований. Он, Бромберг, знал совпадения и покруче. Поэтому он бросился сначала звонить в Музей...

— Все понятно,— сказал Экселенц мрачно.— Спасибо вам, Айзек. Значит, теперь он знает о саркофаге...

— А почему бы ему об этом и не знать?— вскинулся Бромберг.

— Действительно,— медленно проговорил Экселенц.— Почему бы и нет?

ТАЙНА ЛИЧНОСТИ ЛЬВА АБАЛКИНА.

21 декабря 37 года отряд Следопытов под командой Бориса Фокина высадился на каменистом плато безымянной планетки в системе ЕН 9173, имея задачей обследовать обнаруженные здесь еще в прошлом веке развалины каких-то сооружений, приписываемых Странникам.

24 декабря интравизонная съемка зафиксировала под развалинами наличие обширного помещения в толще скальных пород на глубине более трех метров.

25 декабря Борис Фокин с первой же попытки и без всяких неожиданностей проник в это помещение. Оно было выполнено в форме полусферы радиусом в десять метров. Полусфера эта была облицована янтаринном, весьма характерным для цивилизации Странников, и содержала громоздкое устройство, которое, с легкой руки одного из Следопытов, стали называть саркофагом.

26 декабря Борис Фокин запросил и получил из соответствующего отдела КОМКОНа разрешение на обследование саркофага своими силами.

Действуя по своему обыкновению изнуряюще методично и осторожно, он провозился с саркофагом трое

суток. За это время удалось определить возраст находки (сорок — сорок пять тысяч лет), обнаружить, что саркофаг потребляет энергию, и даже установить несомненную связь между саркофагом и расположенными над ним развалинами. Уже тогда была высказана гипотеза, впоследствии подтвердившаяся, что указанные «развалины» вовсе развалинами не являются, а представляют собой часть обширной, охватывающей всю поверхность планетки системы, предназначенной для поглощения и трансформации всех видов даровой энергии, как планетарной, так и космической (сейсмика, флюктуации магнитного поля, метеоявления, излучение центрального светила, космические лучи и так далее).

29 декабря Борис Фокин связался непосредственно с Комовым и потребовал к себе лучшего специалиста-эмбриолога. Комов, разумеется, запросил объяснений, но Борис Фокин от объяснений уклонился и предложил Комову прибыть лично, но при этом обязательно в сопровождении эмбриолога. Когда-то в далекой молодости Комову приходилось работать вместе с Фокиным, и у него осталось от Фокина впечатление скорее не лестное. Поэтому сам он лететь и не подумал, однако эмбриолога послал — правда, далеко не самого лучшего, а просто первого же согласившегося: некоего Марка Ван Блеркома (впоследствии Комов неоднократно рвал на себе волосы, вспоминая об этом своем решении, ибо Марк Ван Блерком оказался закадычным другом небызвестного Айзека П. Бромберга).

30 декабря Марк Ван Блерком убыл в распоряжение Бориса Фокина и уже через несколько часов отправил Комову открытым текстом поразительное сообщение. В этом сообщении он утверждал, что так называемый саркофаг представляет собой на самом деле не что иное, как своего рода эмбриональный сейф совершенно фантастической конструкции. В сейфе содержатся тринадцать оплодотворенных яйцеклеток вида хомо сапиенс, причем все они представляются вполне жизнеспособными, хотя и пребывают в латентном состоянии.

Необходимо отдать должное двум участникам этой истории: Борису Фокину и члену КОМКОНа Геннадию Комову. Борис Фокин каким-то шестым чувством угадал, что об этой находке не следует орать на весь мир: радиограмма Марка Ван Блеркома была первой и последней открытой радиограммой в последующем радио-

обмене отряда с Землей. Поэтому вся эта история отразилась в потоке массовой информации на нашей планете лишь в виде коротенького сообщения, впоследствии не подтвердившегося и потому почти не привлекавшего внимания.

Что же касается Геннадия Комова, то он не только сразу ухватил суть возникающей на глазах проблемы, но и каким-то образом сумел представить себе целый ряд вообразимых последствий этой проблемы. Прежде всего он потребовал от Фокина и Блеркома подтверждения полученных данных (спецкодом по сверхсрочному каналу), а получив это подтверждение, немедленно собрал совещание тех руководителей КОМКОНа, которые являлись одновременно членами Мирового Совета. Среди них были такие корифеи, как Леонид Горбовский и Август-Иоганн Бадер, молодой и горячий Кирилл Александров, осторожный, вечно сомневающийся Махино Синода, а также энергичный шестидесятидвухлетний Рудольф Сикорски.

Комов информировал собравшихся и поставил вопрос ребром: что теперь делать? Очевидно, можно было закрыть саркофаг и оставить все, как есть, ограничившись на будущее пассивным наблюдением. Можно было попытаться инициировать развитие яйцеклеток и посмотреть, что из этого получится. Наконец, можно было во избежание грядущих осложнений уничтожить находку.

Разумеется, Геннадий Комов, человек в то время уже достаточно опытный, прекрасно понимал, что ни это чрезвычайное совещание, ни даже десяток последующих проблему не решат. Своим нарочито резким выступлением он преследовал только одну цель — шокировать собравшихся и побудить их к дискуссии.

Надо сказать, цели своей он достиг. Из всех участников совещания только Леонид Горбовский и Рудольф Сикорски сохранили видимое хладнокровие. Горбовский — потому что был разумным оптимистом, Сикорски же — потому что уже тогда был руководителем КОМКОНа-2. Было произнесено множество слов: безудержно горячих и нарочито спокойных, вполне легкомысленных и исполненных глубокого смысла, давно ныне забытых и таких, что вошли впоследствии в лексикон докладов, легенд, отчетов и рекомендаций. Как и следовало ожидать, единственное решение совещания свелось к тому, чтобы завтра же собрать новое, расширенное

совещание с привлечением других членов Мирового Совета — специалистов по социальной психологии, педагогике и средствам массовой информации.

На протяжении всего совещания Рудольф Сикорски молчал. Он не чувствовал себя достаточно компетентным, чтобы высказаться за то или иное решение проблемы. Однако долгий опыт работы в области экспериментальной истории, а также вся совокупность известных ему фактов о деятельности Странников однозначно приводили его к выводу: какое бы решение ни принял бы в конце концов Мировой Совет, решение это, как и все обстоятельства дела, надлежит на неопределенное время сохранить в кругу лиц с самым высоким уровнем социальной ответственности. В этом смысле он и высказался под занавес. «Решение оставить все как есть и пассивно наблюдать — решением на самом деле не является. Истинных решений всего два: уничтожить или инициировать. Неважно, когда будет принято одно из этих решений — завтра или через сто лет, — но любое из них будет неудовлетворительным. Уничтожить саркофаг — это значит совершить необратимый поступок. Мы все здесь знаем цену необратимым поступкам. Инициировать — это значит пойти на поводу у Странников, намерения которых нам, мягко выражаясь, непонятны. Я ничего не предпрещаю, и вообще не считаю себя вправе голосовать за какое бы то ни было решение. Единственное, о чем я прошу и на чем я настаиваю, — разрешите мне немедленно принять меры против утечки информации. Ну, хотя бы для того только, чтобы нас не захлестнуло океаном некомпетентности...»

Эта маленькая речь произвела известное впечатление, и разрешение было дано единогласно, тем более что все понимали: спешить не следует, а создать условия для спокойной и обстоятельной работы совершенно необходимо.

31 декабря состоялось расширенное совещание. Присутствовало восемнадцать человек, и в том числе приглашенный Горбовским Председатель Мирового Совета по социальным проблемам. Все согласились, что саркофаг был найден совершенно случайно, а значит — преждевременно. Все согласились далее, что, прежде чем принимать какое бы то ни было решение, надобно попытаться понять, а если и не понять, то по крайней мере представить себе изначальный замысел Странников.

Было высказано несколько более или менее экзотических гипотез.

Кирилл Александров, известный своими антропоморфистскими взглядами, высказал предположение, что саркофаг есть хранилище генофонда Странников. «Все известные мне доказательства негуманоидности Странников,— заявил он,— являются по сути своей косвенными. На самом же деле Странники вполне могут оказаться генетическими двойниками человека. Такое предположение не противоречит ни одному из доступных фактов». Исходя из этого, Александров предлагал все исследования прекратить, вернуть находку в первоначальное состояние и покинуть систему ЕН 9173.

По мнению Августа-Иоганна Бадера, саркофаг есть — да! — хранилище генофонда, но никаких не Странников, а именно землян. Сорок пять тысяч лет тому назад Странники, допуская теоретически возможность генетического вырождения немногочисленных тогда племен хомо сапиенс, попытались таким образом принять меры к восстановлению земного человечества в будущем.

Под тем же лозунгом: «Не будем плохо думать о Странниках» — выступил и престарелый Пак Хин. Он, как и Бадер, был убежден, что мы имеем дело с генофондом землян, но полагал, будто Странники выступают здесь с целями скорее просветительскими. Саркофаг есть своеобразная «бомба времени», вскрыв которую современные земляне получают возможность воочию ознакомиться с особенностями облика, анатомии и физиологии своих далеких предков.

Геннадий Комов поставил вопрос значительно шире. По его мнению, любая цивилизация, достигшая определенного уровня развития, не может не стремиться к контакту с иным разумом. Однако контакт между гуманоидными и негуманоидными цивилизациями чрезвычайно затруднен, если только вообще возможен. Не имеем ли мы дело с попыткой применить принципиально новый метод контакта — создать существо-посредника, гуманоида, в генотипе которого закодированы некие существенные характеристики негуманоидной психологии. В этом смысле мы должны рассматривать находку как начало принципиально нового этапа и в истории землян, и в истории негуманоидных Странников. По мнению Комова, яйцеклетки должны быть несомненно и немедленно иницированы. Его, Комова, мало смущает за-

ведомая преждевременность находки: Странники, рассчитывая темпы развития человечества, легко могли ошибиться на несколько столетий.

Гипотеза Комова вызвала оживленную дискуссию, во время которой впервые прозвучало сомнение в том, что современная педагогика способна успешно применить свою методiku к воспитанию людей, психика которых в значительной степени отличается от гуманоидной.

Одновременно осторожнейший Махино Синода, крупный специалист по Странникам, задал вполне резонный вопрос: почему, собственно, уважаемый Геннадий, да и некоторые другие товарищи, так уверены в благорасположении Странников к землянам? Мы не имеем никаких свидетельств того, что Странники вообще способны на благорасположение к кому бы то ни было, в том числе и к гуманоидам. Напротив, факты (немногочисленные, правда) свидетельствуют скорее о том, что Странники абсолютно равнодушны к чужому разуму и склонны относиться к нему как к средству для достижения своих целей, а вовсе не как к партнеру по контакту. Не кажется ли уважаемому Геннадию, что высказанную им гипотезу можно в равной степени развить в прямо противоположном направлении, а именно — предположить, что гипотетические существа-посредники должны, по замыслу Странников, выполнять задачи, с нашей точки зрения скорее негативные. Почему бы, следуя логике уважаемого Геннадия, не предположить, что саркофаг есть, так сказать, идеологическая бомба замедленного действия, а существа-посредники — своего рода диверсанты, предназначенные для внедрения в нашу цивилизацию. «Диверсанты», разумеется, слово одиозное. Но вот у нас сейчас появилось новое понятие — Прогрессор — человек Земли, деятельность которого направлена на ускорение прогресса отсталых гуманоидных цивилизаций. Почему не допустить, что гипотетические существа-посредники — это своего рода Прогрессоры Странников. Что мы, в конце концов, знаем о точке зрения Странников на темпы и формы нашего, человеческого прогресса?..

Совещание немедленно раскололось на две фракции — оптимистов и пессимистов. Точка зрения оптимистов представлялась, разумеется, гораздо более правдоподобной. Действительно, трудно и даже, пожалуй, невозможно было представить себе сверхцивилизацию, спо-

собную не то чтобы на грубую агрессию, но хотя бы даже на сколько-нибудь бестактное экспериментирование с младшими братьями по разуму. В рамках всех существующих представлений о закономерностях развития Разума точка зрения пессимистов выглядела, мягко выражаясь, искусственной, надуманной и архаичной. Но, с другой стороны, всегда оставался шанс, пусть даже ничтожный, на какой-то просчет. Могла ошибиться общая теория прогресса. Могли ошибаться ее интерпретаторы. И главное, могли ошибиться и сами Странники. Последствия такого рода ошибок для судеб земного человечества не поддавалась ни учету, ни контролю.

Именно тогда воображению Рудольфа Сикорски впервые представился апокалипсический образ существа, которое ни анатомически, ни физиологически не отличается от человека, более того, ничем не отличается от человека психически — ни логикой, ни чувствами, ни мироощущением, — живет и работает в самой толще человечества, несет в себе неведомую грозную программу, и страшнее всего то, что оно само ничего не знает об этой программе и ничего не узнает о ней даже в тот неопределимый момент, когда программа эта включится наконец, взорвет в нем землянина и поведет его... куда? К какой цели? И уже тогда Рудольфу Сикорски стало безнадежно ясно, что никто — и в первую очередь он, Рудольф Сикорски, — не имеет права успокаивать себя ссылкой на ничтожную вероятность и фантастичность такого предположения.

В самый разгар совещания Геннадия Комову передали очередную шифровку от Фокина. Он прочитал ее, изменился в лице и надтреснутым голосом объявил: «Плохо дело — Фокин и Ван Блерком сообщают, что все тринадцать яйцеклеток совершили первое деление».

Это был скверный Новый год для всех посвященных. С раннего утра 1 января и до вечера 3 января Нового, 38-го года шло практически непрерывное заседание спонтанно образовавшейся Комиссии по инкубатору. Саркофаг теперь называли инкубатором и обсуждали, по сути дела, только один вопрос: как, учитывая все обстоятельства, организовать судьбу тринадцати будущих новых граждан планеты Земля?

Вопрос об уничтожении инкубатора более не поднимался, хотя все члены Комиссии, в том числе и те, кто изначально ратовал за инициацию яйцеклеток,

чувствовали себя не в своей тарелке. Их не покидала смутная тревога, им казалось, что 31 декабря они в каком-то смысле утратили самостоятельность и теперь вынуждены следовать плану, навязанному извне. Впрочем, обсуждение носило вполне конструктивный характер.

Уже в эти дни были в общих чертах сформулированы принципы режима воспитания будущих новорожденных, намечены их няни, наблюдающие врачи, Учителя, возможные Наставники, а также основные направления антропологических, физиологических и психологических исследований. Были назначены и немедленно направлены в группу Фокина специалисты по ксенотехнологии вообще и по ксенотехнике Странников в частности — на предмет самого тщательного изучения саркофага-инкубатора, для предупреждения «неловких действий», а главным образом — в надежде, что удастся обнаружить какие-то детали этой машины, которые впоследствии помогут уничтожить и конкретизировать программу предстоящей работы с «подкидышами». Были даже разработаны различные варианты организации общественного мнения на случай реализации каждой из высказанных гипотез о целях Странников...

Рудольф Сикорски в дискуссии участия не принимал. Слушал он вполуха, все внимание свое сосредоточил на том, чтобы учесть каждого, кто хоть в малейшей степени оказывался причастным к развивающимся событиям. Список рос с угнетающей быстротой, но он понимал, что с этим пока ничего сделать нельзя, что так или иначе в этой странной и опасной истории обязательно окажется замешано много людей.

Вечером 3 января на заключительном заседании, когда были подведены итоги и стихийно образовавшиеся подкомиссии были оформлены организационно, он потребовал слова и объявил примерно следующее:

— Мы сделали здесь неплохую работу и подготовились более или менее к возможному развитию событий — насколько это возможно при нашем нынешнем уровне информированности и в той, прямо скажем, бездарной ситуации, в которой мы оказались помимо своей воли и по воле Странников. Мы договорились не совершать необратимых поступков — в этом, собственно, суть всех наших решений. Но! Как руководитель КОМКОНа-2, организации, ответственной за безопасность земной цивилизации в целом, я предлагаю вам

ряд требований, которые вам надлежит неукоснительно выполнять в нашей деятельности впредь.

Первое. Все работы, хотя бы мало-мальски связанные с этой историей, должны быть объявлены закрытыми. Сведения о них не подлежат разглашению ни при каких обстоятельствах. Основание: всем хорошо известный Закон о тайне личности.

Второе. Ни один из «подкидышей» не должен быть посвящен в обстоятельства своего появления на свет. Основание: тот же Закон.

Третье. «Подкидыши» немедленно по появлении на свет должны быть разделены, а в дальнейшем надлежит принять меры к тому, чтобы они не только ничего не знали друг о друге, но и не встречались бы друг с другом. Основание: достаточно элементарные соображения, которые я не намерен здесь приводить.

Четвертое. Все они должны получить в дальнейшем внеземные специальности с тем, чтобы сами обстоятельства их жизни и работы естественным образом затрудняли бы им возвращение на Землю даже на короткие сроки. Основание: та же элементарная логика. Мы вынуждены пока идти на поводу у Странников, но должны делать все возможное, чтобы в дальнейшем (и чем скорее, тем лучше) с проторенной для нас дороги свернуть.

Как и следовало ожидать, «Четыре требования Сикорски» вызвали взрыв недоброжелательства. Участники совещания, как и все нормальные люди, терпеть не могли каких бы то ни было тайн, закрытых тем, умалчиваний, да и вообще КОМКОНа-2. Но Сикорски правильно предвидел, что психологи и социологи, отдавши дань понятным эмоциям, возмутятся за ум и решительно встанут на его сторону. С Законом о тайне личности шутки плохи. Можно было легко и без всяких натяжек представить себе целый ряд неприятнейших ситуаций, которые могли бы возникнуть в будущем при нарушении первых двух «Требований». Попробуйте-ка представить себе психику человека, который узнает о себе, что появился он на свет из инкубатора, запущенного сорок пять тысяч лет тому назад неведомыми чудовищами с неведомой целью, да еще при этом знает, что и всем вокруг это известно. А если у него хоть мало-мальски развито воображение, он с неизбежностью придет к

представлению о том, что он, землянин до мозга костей, никогда ничего не знавший и не любивший, кроме Земли, несет в себе, может быть, какую-то страшную угрозу для человечества. Представление это способно нанести человеку такую психическую травму, с которой не справятся и самые лучшие специалисты.

Доводы психологов были подкреплены внезапным и необычайно резким выступлением Махиры Синоды, который прямо заявил, что все мы здесь слишком много думаем о тринадцати еще не родившихся сопляках и слишком мало думаем о потенциальной опасности, которую они могут представлять для древней Земли. В результате все «Четыре требования» были приняты большинством голосов и Рудольфу Сикорски было тут же поручено разработать и провести в жизнь соответствующие мероприятия. И вовремя.

5 января Рудольфу Сикорски позвонил слегка встревоженный Леонид Андреевич Горбовский. Оказывается, полчаса назад он имел беседу со своим старым другом — тагорским ксенологом, аккредитованным последние два года при Московском университете. В ходе беседы тагорянин как бы вскользь осведомился, подтвердилось ли промелькнувшее несколько дней назад сообщение о необычной находке в системе ЕН 9173. Застигнутый этим невинным вопросом врасплох, Горбовский принялся мямлить нечто невразумительное насчет того, что он давно уже не Следопыт, что это вне его сферы интересов, что он в общем-то не в курсе, и в конце концов с облегчением и совершенно искренне объявил, что сообщения этого не читал. Тагорянин немедленно перевел разговор на другую тему, но у Горбовского тем не менее остался от этой части беседы самый неприятный осадок.

Рудольф Сикорски понял, что этот разговор еще будет иметь продолжение. И не ошибся.

7 января его неожиданно посетил только что прибывший с Тагоры коллега, так сказать, по роду деятельности — высокопочтенный доктор Ас-Су. Целью этого визита было уточнение ряда действительно существенных деталей, касающихся намеченного расширения сферы деятельности официальных наблюдателей Тагоры на нашей планете. Когда деловая часть разговора была закончена и маленький доктор Ас-Су принялся за свой

любимый земной напиток (холодный ячменный кофе с синтетическим медом), высокие стороны принялись обмениваться забавными и страшными историческими анекдотами, излагать которые друг другу они были издавна большими мастерами и любителями.

В частности, доктор Ас-Су рассказал, как полтора-два земных лет назад при закладке фундамента Третьей Большой Машины тагорские строители обнаружили в базальтовой толще Приполярного Континента паразитическое устройство, которое в терминах землян можно было бы назвать хитроумно сконструированным садком, содержащим двести три личинки тагорян в латентном состоянии. Возраст находки сколько-нибудь точно установить не удалось, однако ясно было, что этот садок был заложен задолго до Великой Генетической Революции, то есть еще в те времена, когда каждый тагорянин в своем развитии проходил стадию личинки...

— Поразительно, — пробормотал Сикорски. — Неужели уже в те времена ваш народ обладал настолько развитой технологией?

— Разумеется, нет! — ответил доктор Ас-Су. — Безусловно, это была затея Странников.

— Но зачем?

— Слишком трудно ответить на этот вопрос. Мы даже и не пытались на него ответить.

— И что же дальше случилось с этими двумя сотнями маленьких тагорян?

— Хм... Вы задаете странный вопрос. Личинки начали спонтанно развиваться, и мы, разумеется, немедленно уничтожили это устройство со всем его содержимым... Неужели вы можете представить себе народ, который поступил бы в этой ситуации иначе?

— Могу, — сказал Сикорски.

На другой день, восьмого января 38-го года, Высокий Посол Единой Тагоры отбыл на родину в связи с состоянием здоровья. Еще через несколько дней на Земле и на всех других планетах, где селились и работали земляне, не осталось ни одного тагорянина. А через месяц все без исключения земляне, работавшие на Тагоре, были поставлены перед необходимостью вернуться на Землю. Связь с Тагорой прекратилась на двадцать пять лет.

ТАЙНА ЛИЧНОСТИ ЛЬВА АБАЛКИНА (Продолжение).

Они все родились в один день — 6 октября 38-го года, — пять девочек и восемь мальчиков, крепкие, горластые, абсолютно здоровые человеческие младенцы. К моменту их появления на свет все уже было готово. Их приняли и осмотрели медицинские светила, члены Мирового Совета и консультанты Комиссии по Тринадцати, обмыли и спеленали их и в тот же день в специально оборудованном корабле доставили на Землю. К вечеру в тринадцати яслях, разбросанных по всем шести материкам, заботливые няни уже хлопотали над тринадцатью сиротами и посмертными детьми, которые никогда не увидят своих родителей и единой матерью которых отныне становилось все огромное доброе человечество. Легенды об их происхождении уже были подготовлены самим Рудольфом Сикорски и, по специальному разрешению Мирового Совета, введены в БВИ.

Судьба Льва Вячеславовича Абалкина, как и судьбы остальных двенадцати его «единоутробных» сестер и братьев, была отныне запрограммирована на много лет вперед, и много лет она абсолютно ничем не отличалась от судеб сотен миллионов его обычных земных сверстников.

В яслях он, как и полагается всякому младенцу, сначала лежал, потом ползал, потом ковылял, потом начал бегать. Его окружали такие же младенцы, и над ними хлопотали заботливые взрослые, такие же, как и в сотнях тысяч других яслей планеты.

Правда, ему повезло, как немногим. В тот самый день, когда его принесли в ясли, туда же поступила на работу простым наблюдающим врачом Ядвига Михайловна Леканова — один из крупнейших в мире специалистов по детской психологии. Почему-то захотелось ей спуститься с горных высот чистой науки и вернуться к тому, с чего она начинала несколько десятилетий назад. А когда шестилетний Лева Абалкин был переведен со всей своей группой в Сыктывкарскую школу-интернат 241, та же Ядвига Михайловна сочла, что пора ей теперь поработать с детишками школьного возраста, и перевелась наблюдающим врачом в эту же школу.

Лева Абалкин рос и развивался как вполне обычный мальчик, склонный, может быть, к легкой меланхолии

и замкнутости, но никакие отклонения его психотипа от нормы не превышали средних значений и значительно уступали крайним возможным отклонениям. Так же благополучно обстояло у него дело и с физическим развитием. Он не отличался от прочих ни повышенной хрупкостью, ни какой-нибудь выдающейся силой. Короче говоря, он был крепкий, здоровый, вполне обыкновенный мальчик, выделявшийся среди своих одноклассников, по преимуществу славян, разве что иссиня-черными прямыми волосами, которыми он очень гордился и все норовил отращивать до плеч. Так было до ноября 47-го года.

16 ноября, проводя регулярный осмотр, Ядвига Михайловна обнаружила у Левы на сгибе правого локтя небольшой синяк с припухлостью. Синяк у мальчишки — невеликая редкость, и Ядвига Михайловна не обратила на него никакого внимания, а потом, разумеется, забыла бы о нем, если бы через неделю, 23 ноября, не оказалось, что синяк не только не исчез, но странно трансформировался. Его уже, собственно, нельзя было назвать синяком, это было уже нечто вроде татуировки — желто-коричневый маленький значок в виде стилизованной буквы «Ж». Осторожные расспросы показывали, что Лева Абалкин понятия не имеет, откуда у него это взялось и почему. Было совершенно ясно, что до сих пор он попросту не знал и не замечал, что у него что-то там появилось на сгибе правого локтя.

Поколебавшись, Ядвига Михайловна сочла своей обязанностью сообщить об этом маленьком открытии доктору Сикорски. Доктор Сикорски принял информацию без всякого интереса, однако в конце декабря вдруг вызвал Ядвигу Михайловну по видеofону и осведомился, как обстоят дела с родимым пятном у Льва Абалкина. «Без изменений», — ответила несколько удивленная Ядвига Михайловна. «Если вас не затруднит, — попросил доктор Сикорски, — как-нибудь незаметно для мальчика сфотографируйте это пятно и перешлите фотографию мне».

Лев Абалкин был первым из «подкидышей», у кого на сгибе правого локтя появился значок. В течение последующих двух месяцев родимые пятна, имеющие более или менее замысловатые формы, появились еще у восьми «подкидышей» при совершенно сходных обстоятельствах: синяк с припухлостью вначале, никаких внешних причин, никаких болезненных ощущений, а че-

рез неделю — желто-коричневый значок. К концу 48-го года «клеймо Странников» носили уже все тринадцать. И тогда было сделано поистине удивительное и страшноватое открытие, вызвавшее к жизни понятие «детонатор».

Кто первым ввел это понятие — определить теперь уже невозможно. По мнению Рудольфа Сикорски, оно как нельзя более точно и грозно определяло суть дела. Еще в 39-м году, через год после рождения «подкидышей», ксенотехники, занимавшиеся демонтажем опустевшего инкубатора, обнаружили в его недрах длинный ящик из янтарина, содержащий тринадцать серых круглых дисков со значками на них. В недрах инкубатора были обнаружены тогда предметы и более загадочные, чем этот ящик-футляр, и поэтому никто особого внимания на него не обратил. Футляр был транспортирован в Музей Внеземных Культур, описан в закрытом издании «Материалов по саркофагу-инкубатору» как элемент системы жизнеобеспечения, успешно выдержал вялый натиск какого-то исследователя, попытавшегося понять, что это такое и для чего может пригодиться, а затем отфутболен в уже переполненный спецсектор предметов материальной культуры невыясненного назначения, где и был благополучно забыт на целых десять лет.

В начале 49-го года помощник Рудольфа Сикорски по делу «подкидышей» (назовем его, например, Иванов) вошел в кабинет своего начальника и положил перед ним проектор, включенный на 211-й странице 6-го тома «Материалов по саркофагу». Экселенц глянул и обомлел. Перед ним была фотография «элемента жизнеобеспечения 15156А»: тринадцать серых круглых дисков в гнездах янтарного футляра. Тринадцать замысловатых иероглифов, тех самых, над которыми он даже уже перестал ломать голову, прекрасно знакомых по тринадцати фотографиям тринадцати сгибов детских локтей. По значку на локоть. По значку на диск. По диску на локоть.

Это не могло быть случайностью. Это должно было что-то означать. Что-то очень важное. Первым движением Рудольфа Сикорски было немедленно затребовать из Музея этот «элемент 15156А» и спрятать к себе в сейф. От всех. От себя. Он испугался. Он просто испугался. И страшнее всего было то, что он даже не понимал, почему ему страшно.

Иванов был тоже испуган. Они взглянули друг на друга и поняли друг друга без слов. Одна и та же картина стояла перед их глазами: тринадцать загорелых, исцарапанных бомб с веселым гиканьем носятся по-над речками и лазают по деревьям в разных концах земного шара, а здесь, в двух шагах, тринадцать детонаторов к ним в зловещей тишине ждут своего часа.

Это была минута слабости, конечно. Ведь ничего страшного не произошло. Ниоткуда, собственно, не следовало, что диски со значками — это детонаторы к бомбам, возбудители скрытой программы. Просто они привыкли уже предполагать самое худшее, когда дело касалось «подкидышей». Но если даже эта паника воображения и не обманывала их, даже в этом самом крайнем случае ничего страшного пока не произошло. В любой момент детонаторы можно было уничтожить. В любой момент их можно было изъять из Музея и отправить за тридевять земель, на край обитаемой Вселенной, а при необходимости — и еще дальше.

Рудольф Сикорски позвонил директору Музея и попросил его доставить экспонат номер такой-то в распоряжение Мирового Совета — к нему, Рудольфу Сикорски, в кабинет. Последовал несколько удивленный, безукоризненно вежливый, но недвумысленный отказ. Выяснилось (Сикорски прежде и представления об этом не имел), что экспонаты из Музея, причем не только из Музея Внеземных Культур, но из любого музея на Земле, не выдаются — ни частным лицам, ни Мировому Совету, ни даже господу богу. Если бы даже самому господу богу потребовалось бы поработать с экспонатом номер такой-то, ему пришлось бы для этого явиться в Музей, предъявить соответствующие полномочия и там, в стенах Музея, производить необходимые исследования, для которых, впрочем, ему, господу богу, были бы созданы все необходимые условия: лаборатории, любое оборудование, любая консультация и так далее и тому подобное.

Дело оборачивалось неожиданной стороной, но первый шок уже прошел. В конце концов хорошо уж и то, что бомбе для воссоединения с детонатором понадобятся по меньшей мере «соответствующие полномочия». И в конце концов только от Рудольфа Сикорски зависело сделать так, чтобы Музей превратился в тот же самый сейф, только размерами побольше. И вообще, какого

дьявола? Откуда бомбам знать, где находится детонаторы и что они вообще существуют? Нет-нет, это была минута слабости. Одна из немногих подобных минут в его жизни.

Детонаторами занялись вплотную. Соответственно подобранные люди, снабженные соответствующими полномочиями и рекомендациями: провели в прекрасно оборудованных лабораториях Музея цикл тщательно продуманных исследований. Результаты этих исследований можно было бы со спокойной совестью назвать нулевыми, если бы не одно странное и даже, прямо скажем, трагическое обстоятельство.

С одним из детонаторов был проведен эксперимент на регенерацию. Эксперимент дал отрицательные результаты: в отличие от многих предметов материальной культуры Странников детонатор номер 12 (значок «М» готическое), будучи разрушен, не восстановился. А спустя два дня в Северных Андах попала под горный обвал группа школьников из интерната «Темпладо» — двадцать семь девчонок и мальчишек во главе с Учителем. Многие получили ушибы и ранения, но все остались живы, кроме Эдны Ласко (личное дело № 12, значок «М» готическое).

Безусловно, это могло быть случайностью. Но исследования детонаторов были приостановлены, и через Мировой Совет удалось провести их как запрещенные.

И было еще одно происшествие, но много позже, уже в 62-м году, когда Рудольф Сикорски, по местному прозвищу Странник, резидентствовал на Саракше.

Дело в том, что именно благодаря его отсутствию на Земле группе психологов, входящих в состав Комиссии по Тринадцати, удалось добиться разрешения на частичное раскрытие тайны личности одному из «подкидышей». Для эксперимента был выбран Корней Яшмаа (номер 11, значок «Эльбрус»). После тщательной подготовки ему была рассказана вся правда о его происхождении. Только о нем. Больше ни о ком.

Корней Яшмаа кончал тогда Школу Прогрессоров. Судя по всем обследованиям, это был человек с чрезвычайно устойчивой психикой и очень сильной волей, весьма незаурядный человек по всем своим задаткам. Психологи не ошиблись. Корней Яшмаа воспринял информацию с поразительным хладнокровием — видимо, окружающий мир интересовал его много больше, чем

тайна собственного происхождения. Осторожное предупреждение психологов о том, что в нем, возможно, заложена скрытая программа, которая в любой момент может направить его деятельность против интересов человечества,— это предупреждение нисколько его не взволновало. Он откровенно признался, что хотя и понимает свою потенциальную опасность, но совершенно в нее не верит. Он охотно согласился на регулярное самонаблюдение, включающее, между прочим, ежедневное обследование индикатором эмоций, и даже сам предложил сколь угодно глубокое ментоскопирование. Словом, Комиссия могла быть довольна: по крайней мере один из «подкидышей» стал теперь сознательным и сильным союзником Земли.

Узнав об этом эксперименте, Рудольф Сикорски поначалу разозлился, но потом решил, что в конечном итоге такой эксперимент может оказаться полезным. С самого начала он настаивал на сохранении тайны личности «подкидышей», прежде всего из соображений безопасности Земли. Он не хотел, чтобы в распоряжении «подкидышей», когда (и если) программа заработает, кроме этой подсознательной программы были бы еще и вполне сознательные сведения о них самих и о том, что с ними происходит. Он предпочел бы, чтобы они стали метаться, не зная, чего они ищут, и с неизбежностью совершая нелепые и странные поступки. Но в конце концов для контроля было даже полезно иметь одного (но не больше!) из «подкидышей», располагающего полной информацией о себе. Если программа вообще существует, то она безусловно организована так, что никакое сознание справиться с нею будет не в силах. Иначе Странникам не стоило и огород городить. Но, без всякого сомнения, поведение человека, осведомленного о программе, должно будет резко отличаться от поведения прочих.

Однако психологи и не думали останавливаться на достигнутом. Ободренные успехом с Корнеем Яшмаа, они спустя три года (Рудольф Сикорски все еще сидел на Саракше) повторили эксперимент с Томасом Нильсоном (номер 02, значок «Косая звезда»), зрителем заповедника на Горгоне. Показания были вполне благоприятны, и несколько месяцев Томас Нильсон действительно продолжал благополучно работать, по всей видимости нимало не смущенный тайной своей личности.

Он вообще был человеком скорее флегматичным и не склонным к проявлению эмоций.

Он аккуратно выполнял все рекомендованные процедуры по самонаблюдению, относился к своему положению даже с некоторым свойственным ему тяжеловатым юмором, но, правда, наотрез отказался от ментоскопирования, сославшись при этом на чисто личные причины. А на сто двадцать восьмой день после начала эксперимента Томас Нильсон погиб на своей Горгоне при обстоятельствах, не исключающих возможности самоубийства.

Для Комиссии вообще и для психологов в особенности это был страшный удар. Престарелый Пак Хин объявил о своем выходе из Комиссии, бросил институт, учеников, родных и удалился в самоизгнание. А на сто тридцать второй день сотрудник КОМКОНа-2, в обязанности которого входил, в частности, ежемесячный осмотр янтарного футляра, доложил в панике, что детонатор номер 02, значок «Косая звезда», исчез начисто, не оставив после себя в гнезде, высланном шевелящимися волокнами псевдоэпителія, даже пыли.

Теперь существование некой, мягко выражаясь, полумистической связи между каждым из «подкидышей» и соответствующим детонатором не вызвало никаких сомнений. И никаких сомнений ни у кого из членов Комиссии не вызвало теперь, что в обозримом будущем землянам, пожалуй, не дано будет разобраться в этой истории.

4 июня 78 года. ДИСКУССИЯ СИТУАЦИИ.

Все это и еще многое другое рассказал мне Экселенц той же ночью, когда мы вернулись из Музея к нему в кабинет.

Уже светало, когда он кончил рассказывать. Замолчав, он грустно поднялся, не глядя на меня, и пошел заваривать кофе.

— Можешь спрашивать, — проворчал он.

К этому моменту лишь одно чувство, пожалуй, владело мною почти безраздельно — огромное, безграничное сожаление о том, что я все это узнал и вынужден был теперь принимать в этом участие. Конечно, будь на моем месте любой нормальный человек, ведущий нормальную жизнь и занятый нормальной работой, он

воспринял бы эту историю как одну из тех фантастических и грозных баек, которые возникают на самых границах между освоенным и неведомым, докатываются до нас в неузнаваемо искаженном виде и обладают тем восхитительным свойством, что как бы грозны и страшны они ни были, к нашей светлой и теплой Земле они прямого отношения не имеют и никакого существенного влияния на нашу повседневную жизнь не оказывают,— все это как-то кем-то и где-то всегда улаживалось, улаживается сейчас или непременно уладится в самом скором времени.

Но я-то, к сожалению, не был нормальным человеком в этом смысле слова. Я, к сожалению, и был как раз одним из тех, на долю которых выпало улаживать. И я понимал, что с этой тайной на плечах мне ходить теперь до конца жизни. Что вместе с тайной я принял на себя еще одну ответственность, о которой не просил и в которой, право же, не нуждался. Что отныне я обязан принимать какие-то решения, а значит — должен теперь досконально понять хотя бы то, что уже понято до меня, а желательно и еще больше. А значит — увязнуть в этой тайне, отвратительной, как все наши тайны, и даже, наверное, еще более отвратительной, чем они,— увязнуть в ней еще глубже, чем до сих пор. И какую-то совсем детскую благодарность ощущал я к Экселенцу, который до последнего момента старался удержать меня на краю этой тайны. И какое-то еще более детское, почти капризное раздражение против него — за то, что он все-таки не удержал.

— У тебя нет вопросов?— осведомился Экселенц.

Я спохватился.

— Значит, вы полагаете, что программа заработала и он убил Тристана?

— Давай рассуждать логически.— Экселенц расставил чашечки, аккуратно разлил кофе и уселся на место.— Тристан был его наблюдающим врачом. Регулярно раз в месяц они встречались где-то в джунглях, и Тристан проводил профилактический осмотр. Якобы в порядке рутинного контроля за уровнем психической напряженности Прогрессора, а на самом деле — для того, чтобы убедиться: Абалкин остается человеком. На всем Саракше один только Тристан знал номер моего спецканала. Тридцатого мая — самое позднее тридцать

первого — я должен был получить от него три семерки, «все в порядке». Но двадцать восьмого, в день, назначенный для осмотра, он гибнет. А Лев Абалкин бежит на Землю. Лев Абалкин бежит на Землю, Лев Абалкин скрывается, Лев Абалкин звонит мне по спецканалу, который был известен только Тристану... — Он залпом выпил свой кофе и помолчал, жуя губами. — По-моему, ты не понял самого главного, Мак. Мы теперь имеем дело не с Абалкиным, а со Странниками. Льва Абалкина больше нет. Забудь о нем. На нас идет автомат Странников. — Он снова помолчал. — Я, откровенно говоря, вообще не представляю, какая сила была способна заставить Тристана назвать мой номер кому бы то ни было, а тем более — Льву Абалкину. Я боюсь, его не просто убили...

— Значит, вы полагаете, что программа гонит его на поиски детонатора?

— Мне больше нечего предполагать.

— Но ведь он понятия не имеет о детонаторах... Или это тоже Тристан?

— Тристан ничего не знал. И Абалкин не знает. Знает программа!

— А как ведет себя Яшмаа? И остальные?

— Все в пределах нормы. Но ведь и значки появились у них не одновременно. Абалкин был первым.

Это надо было понимать так, что в отношении остальных Экселенц уже принял необходимые меры, и, слава богу, мне не надо было знать, что это за меры. Меня это не касалось. Я сказал:

— Вы только поймите меня правильно, Экселенц. Не подумайте, что я стараюсь смягчить, сгладить, приуменьшить... Но ведь вы не видели его. И вы не видели людей, с которыми он общался... Я все понимаю: гибель Тристана, бегство, звонок по вашему спецканалу; скрывается, выходит на Глумову, у которой хранятся детонаторы... Выглядит это совершенно однозначно. Этакая безупречная логическая цепочка. Но ведь есть и другое! Встречается с Глумовой — и ни словечка о Музее, только детские воспоминания и любовь. Встречается с Учителем — и только обида, будто бы Учитель испортил ему жизнь... Разговор со мной — обида, будто я украл у него приоритет... Кстати, зачем ему вообще было встречаться с Учителем? Со мной еще — туда-сюда — скажем, он хотел проверить, кто его отслеживает... А с Учителем

зачем? Теперь Шекн — дурацкая просьба об убежище, что вообще уже ни в какие ворота не лезет!

— Лезет, Мак. Все лезет. Программа — программой, а сознание — сознанием. Ведь он не понимает, что с ним происходит. Программа требует от него нечеловеческого, а сознание тшится трансформировать это требование во что-то хоть мало-мальски осмысленное... Он мечется, он совершает странные и нелепые поступки. Что-то вроде этого я и ожидал... Для того и нужна была тайна личности: мы имеем теперь хоть какой-то запас времени... А насчет Шекна ты не понял ни черта. Никакой просьбы об убежище там и не было. Голованы почуяли, что он больше не человек, и демонстрируют нам свою лояльность. Вот что там было...

Он не убедил меня. Логика его была почти безупречна, но ведь я видел Абалкина, я разговаривал с ним, я видел Учителя и Майю Тойвовну, я разговаривал с ними. Абалкин метался — да. Но совершал странные поступки — да, но эти поступки не были нелепыми. За ними стояла какая-то цель, только я никак не мог понять — какая. И потом, Абалкин был жалок, он не мог быть опасен...

Но все это была только моя интуиция, а я знал цену интуиции — это из области человеческого опыта, а мы как-никак имели дело со Странниками...

— Можно еще кофе? — спросил я.

Экселенц поднялся и пошел заваривать новую порцию.

— Я вижу, ты сомневаешься, — сказал он, стоя ко мне спиной. — Я бы и сам сомневался, если бы только имел на это право. Я — старый рационалист, Мак, и я навидался всякого, я всегда шел от разума, и разум никогда не подводил меня. Мне претят все эти фантастические кунштюки, все эти таинственные программы, составленные кем-то там сорок тысяч лет назад, которые, видите ли, включаются и выключаются по непонятному принципу, все эти мистические внепространственные связи между живыми душами и дурацкими кругляшками, запрятанными в футляр... Меня с души воротит от всего этого!

Он принес кофе и разлил по чашкам.

— Если бы мы с тобой были обыкновенными учеными, — продолжал он, — и просто занимались бы изучением некоего явления природы, с каким бы наслаждением я объявил бы все это цепью идиотских слу-

чайностей! Случайно погиб Тристан — не он первый, не он последний. Подруга детства Абалкина случайно оказалась хранительницей детонаторов. Он совершенно случайно набрал номер моего спецканала, хотя собирался звонить кому-то другому... Клянусь тебе, это маловероятное сцепление маловероятных событий казалось бы мне все-таки гораздо более правдоподобным, чем идиллическое, бездарное предположение о какой-то там вельзевуловой программе, якобы заложенной в человеческие зародыши... Для ученых все ясно: не изобретай лишних сущностей без самой крайней необходимости. Но мы-то с тобой не ученые. Ошибка ученого — это, в конечном счете, его личное дело. А мы ошибаться не должны. Нам разрешается прослыть невеждами, мистиками, суеверными дураками. Нам одного не простят: если мы недооценили опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто не имеем права пускаться в рассуждения о молекулярных флюктуациях — мы обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами, и принять соответствующие меры, вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах. И слава богу, если окажется, что это была всего лишь флюктуация, и над нами будет хохотать весь Мировой Совет и все школяры в придачу... — Он с раздражением отодвинул от себя чашку. — Не могу я пить этот кофе, и есть я не могу уже четвертый день подряд...

— Экселенц, — сказал я, — ну что вы, в самом деле... Ну почему обязательно черт с рогами? В конце концов, что плохого мы можем сказать о Странниках? Ну возьмите вы операцию «Мертвый мир»... Ведь они там как-никак население целой планеты спасли! Несколько миллиардов человек!

— Утешаешь... — сказал Экселенц, мрачно усмехаясь. — А ведь они там не население спасли. Они планету спасли от населения! И очень успешно... А куда делось население — этого нам знать не дано...

— Почему — планету? — спросил я, растерявшись.

— А почему — население?

— Ну ладно, — сказал я. — Дело даже не в этом. Пусть вы правы: программа, детонаторы, черт с рогами... Ну что он нам может сделать? Ведь он один.

— Мальчик, — сказал Экселенц почти нежно, — ты думаешь над этим едва полчаса, а я ломаю голову

вот уже сорок лет. И не только я. И мы ничего не придумали, вот что хуже всего. И никогда ничего не придумаем, потому что самые умные и опытные из нас — это всего-навсего люди. Мы не знаем, чего они хотят. Мы не знаем, что они могут. И никогда не узнаем. Единственная надежда — что в наших метаниях, судорожных и беспорядочных, мы будем то и дело совершать шаги, которых они не предусмотрели. Не могли они предусмотреть все. Этого никто не может. И все-таки каждый раз, решаясь на какое-то действие, я ловлю себя на мысли, что именно этого они от меня и ждали, что именно этого-то делать не следует. Я дошел до того, что, старый дурак, радуюсь, что мы не уничтожили этот проклятый саркофаг сразу же, в первый же день... Вот тагоряне уничтожили — и посмотри теперь на них! Этот жуткий тупик, в который они уперлись... Может быть, это как раз и есть следствие того самого разумного, самого рационального поступка, который они совершили полтора века назад... Но ведь, с другой-то стороны, сами себя они в тупике не считают! Этот тупик с нашей человеческой точки зрения! А со своей точки зрения, они процветают и благоденствуют, и, безусловно, полагают, что обязаны этим своевременному радикальному решению... Или вот мы решили не допускать взбесившегося Абалкина к детонаторам. А может быть, именно этого они от нас и ждали?

Он положил лысый череп на ладони и замотал головой.

— Мы все устали, Мак,— проговорил он.— Как мы все устали! Мы уже больше не можем думать на эту тему. От усталости мы становимся беспечными и все чаще говорим друг другу: «А, обойдется!». Раньше Горбовский был в меньшинстве, а теперь семьдесят процентов Комиссии приняли его гипотезу. «Жук в муравейнике». Ах, как это было бы прекрасно! Как хочется верить в это! Умные дяди из чисто научного любопытства сунули в муравейник жука и с огромным прилежанием регистрируют все нюансы муравьиной психологии, все тонкости их социальной организации... А муравьи-то перепуганы, а муравьи-то суетятся, переживают, жизнь готовы отдать за родимую кучу, и невдомек им, беднягам, что жук сползет в конце концов с муравейника и убредет своей дорогой, не причинив никому никакого вреда... Представляешь, Мак?

Никакого вреда! Не суетитесь, муравьи! Все будет

хорошо... А если это не «Жук в муравейнике»? А если это «Хорек в курятнике»? Ты знаешь, что это такое, Мак, «Хорек в курятнике»?..

И тут он взорвался. Он грохнул кулаками по столу и заорал, уставясь на меня бешеными зелеными глазами:

— Мерзавцы! Сорок лет они у меня вычеркнули из жизни! Сорок лет они делают из меня муравья! Я ни о чем другом не могу думать! Они сделали меня трусом! Я шарахаюсь от собственной тени, я не верю собственной бездарной башке... Ну что ты вытаращился на меня? Через сорок лет ты будешь такой же, а может быть и гораздо скорее, потому что события пойдут вскачь! Они пойдут так, как мы, старичьс, и не подозревали, и мы всем гуртом уйдем в отставку, потому что нам с этим не справиться. И все это навалится на вас! А вам с этим тоже не справиться! Потому что вы...

Он замолчал. Он уже смотрел не на меня, а поверх моей головы. И он медленно поднимался из-за стола. Я обернулся.

На пороге, в проеме распахнутой двери, стоял Лев Абалкин.

4 июня 78 года. ЛЕВ АБАЛКИН В НАТУРЕ.

— Лева! — произнес Экселенц изумленно-растроганным голосом. — Боже мой, дружище! А мы с ног сбились, вас разыскивая!

Лев Абалкин сделал движение и вдруг сразу оказался возле стола. Без сомнения, это был настоящий Прогрессор новой школы, профессионал, да еще из лучших, наверное, — мне приходилось прилагать изрядные усилия, чтобы удерживать его в своем темпе восприятия.

— Вы — Рудольф Сикорски, начальник КОМКО-На-2, — произнес он тихим, удивительно бесцветным голосом.

— Да, — отозвался Экселенц, радушно улыбаясь. — А почему так официально? Садитесь, Лева...

— Я буду говорить стоя, — сказал Лев Абалкин.

— Бросьте, Лева, что за церемонии? Садитесь, прошу вас. Нам предстоит долгий разговор, не правда ли?

— Нет, неправда, — сказал Абалкин. На меня он даже не взглянул. — У нас не будет долгого разговора. Я не хочу с вами разговаривать.

Экселенц был потрясен.

— Как это — не хотите? — спросил он. — Вы, дорогой, на службе, вы обязаны отчетом. Мы до сих пор не знаем, что случилось с Тристаном... Как это — не хотите?

— Я — один из «тринадцати»?

— Этот Бромберг... — проговорил Экселенц с досадой. — Да, Лева. К сожалению, вы — один из «тринадцати».

— Мне запрещено находиться на Земле? И я всю жизнь должен оставаться под надзором?

— Да, Лева. Это так.

Абалкин великолепно владел собой. Лицо его было совершенно неподвижно, и глаза были полузакрыты, словно он дремал стоя. Но я-то чувствовал, что перед нами человек в последнем градусе бешенства.

— Так вот я пришел сюда сказать, — произнес Абалкин все тем же тихим бесцветным голосом, — что вы поступили с нами глупо и гнусно. Вы исковеркали мою жизнь и в результате ничего не добились. Я — на Земле и более не намерен Землю покидать. Прошу вас иметь в виду, что и надзора вашего я больше не потерплю и избавляться от него буду беспощадно.

— Как от Тристана? — небрежно спросил Экселенц.

Абалкин, казалось, не слышал этой реплики.

— Я вас предупредил, — сказал он. — Теперь пеняйте на себя. Я намерен теперь жить по-своему и прошу больше не вмешиваться в мою жизнь.

— Хорошо. Не будем вмешиваться. Но скажите мне, Лев, разве вам не нравилась ваша работа?

— Теперь я сам буду выбирать себе работу.

— Очень хорошо. Великолепно. А в свободное от работы время пораскινήте, пожалуйста, мозгами и попробуйте представить себя на нашем месте. Как бы вы поступили с «подкидышами»?

Что-то вроде усмешки промелькнуло на лице Абалкина.

— Здесь нет материала для размышлений, — сказал он. — Здесь все очевидно. Надо было мне все рассказать, сделать меня своим сознательным союзником...

— А вы бы через пару месяцев покончили с собой? Страшно ведь, Лева, ощущать себя угрозой для человечества, это не всякий выдержит...

— Чепуха. Это все бредни ваших психологов. Я — землянин! Когда я узнал, что мне запрещено жить на Земле, я чуть не спятил! Только андроидам запрещено

жить на Земле. Я мотался, как сумасшедший,— искал доказательств, что я не андроид, что у меня было детство, что я работал с головами... Вы боялись свести меня с ума? Ну так это вам почти удалось!

— А кто сказал, что вам запрещено жить на Земле?

— А что — это неправда?— осведомился Абалкин.— Может быть, мне разрешено жить на Земле?

— Теперь — не знаю... Наверное, да. Но посудите сами, Лева! На всем Саракше только один Тристан знал, что вы не должны возвращаться на Землю. А он вам этого сказать не мог... Или все-таки сказал?

Абалкин молчал. Лицо его по-прежнему оставалось неподвижным, но на матово-бледных щеках проступили серые пятна, словно следы старых лишаев,— он сделался похож на пандейского дервиша.

— Ну, хорошо, — сказал, подождав, Экселенц. Он демонстративно разглядывал свои ногти.— Пусть Тристан вам это все-таки рассказал. Не понимаю, почему он это сделал, но — пусть. Тогда почему он не рассказал вам остального? Почему он не рассказал вам, что вы — «подкидыш»? Почему не объяснил причин запрета? Ведь были же причины,— и весьма существенные, что бы вы об этом ни думали...

Медленная судорога прошла по серому лицу Абалкина, и оно вдруг потеряло твердость и словно бы обвисло — рот полуоткрылся, и широко раскрылись, как бы в удивлении, глаза, и я впервые услышал его дыхание.

— Я не хочу об этом говорить...— громко и хрипло произнес он.

— Очень жаль, — сказал Экселенц.— Нам это очень важно.

— А мне важно только одно, — сказал Абалкин.— Чтобы вы оставили меня в покое.

Лицо его сделалось, как прежде, твердым, опустились веки, с матовых щек медленно сходили серые пятна. Экселенц заговорил совсем другим тоном:

— Лева, разумеется, мы оставим вас в покое. Но я умоляю вас: если вы вдруг почувствуете в себе что-то непривычное, непривычные ощущения... какие-нибудь странные мысли... просто больным себя почувствуете... Умоляю, сообщите об этом. Ну пусть не мне. Горбовскому. Комову. Бромбергу, в конце концов...

Тут Абалкин повернулся к нему спиной и пошел к

двери. Экселенц почти кричал ему вслед, протягивая руку:

— Только сразу же! Сразу! Пока вы еще землянин! Пусть я виноват перед вами, но Земля-то не виновата ни в чем!..

— Сообщу, сообщу,— сказал Абалкин через плечо.— Лично вам.

Он вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Несколько секунд Экселенц молчал, вцепившись обеими руками в подлокотники кресла, и напряженно прислушивался. Затем скомандовал вполголоса:

— За ним. Ни в коем случае не упускать. Связь через браслет. Я буду в Музее...

4 июня 78 года. ЗАВЕРШЕНИЕ ОПЕРАЦИИ.

Выйдя из здания КОМКОНа-2, Лев Абалкин неторопливо, праздной походкой проследовал по улице Красных Кленов, зашел в кабину уличного видеофона и с кем-то переговорил. Разговор длился две минуты с небольшим, после чего Лев Абалкин все так же неторопливо, заложив руки за спину, свернул на бульвар и устроился там на скамейке возле постамента с барельефом Строгова.

По-моему, он очень внимательно прочитал все, что было высечено на постаменте, потом рассеянно огляделся и минут двадцать сидел в позе человека, отдыхающего от тяжелой работы: раскинул руки поверх спинки скамьи, откинул голову и вытянул на середину аллеи скрещенные ноги. К нему собрались белки, одна прыгнула на плечо и ткнулась мордочкой в ухо. Он громко рассмеялся, взял ее в ладони и, подобрав ноги, посадил на колено. Белка так и осталась сидеть. По-моему, он разговаривал с нею. Солнце только что взошло, улицы были почти пусты, а на бульваре кроме него не было ни души.

Я не питал, конечно, никаких иллюзий, что мне удалось остаться незамеченным. Безусловно, он знал, что я не спускаю с него глаз, и, наверное, уже прикинул про себя, как ему от меня избавиться при необходимости. Но не это меня занимало. Меня беспокоил Экселенц. Я не понимал, что он затеял.

Он приказал мне найти Абалкина. Он хотел встретиться с Абалкиным, чтобы поговорить с ним один на

один. По крайней мере, так было вначале, три дня назад. Потом он убедился, а точнее сказать — убедил себя, что Абалкин неизбежно должен выйти на детонаторы. Тогда он устроил засаду. О разговорах тет-а-тет речи уже не было. Был приказ — «брать его, как только он прикоснется к платку». И был пистолет. По-видимому, на тот случай, если взять не удастся. Хорошо. Теперь Абалкин приходит к нему сам. И простым глазом видно, что Экселенцу нечего сказать Абалкину. Ничего удивительного: Экселенц убежден, что программа работает, а в этом случае разговаривать с Абалкиным бессмысленно. (Работает ли программа на самом деле — на этот счет были разные мнения, но это роли не играло. Прежде всего мне надо было понять замысел Экселенца.)

Итак, он отпускает Абалкина. Вместо того чтобы взять его прямо в кабинете и отдать в распоряжение врачей и психологов, он его отпускает. Над Землей нависла угроза. Чтобы ее предотвратить, достаточно изолировать Абалкина. Это можно было бы сделать самыми элементарными средствами. И поставить точку по крайней мере на этом деле. Но он отпускает Абалкина, а сам идет в Музей. Это может означать только одно: он совершенно уверен, что Абалкин в ближайшее время тоже явится в Музей. За детонаторами. За чем же еще? (Казалось бы, чего проще — сунуть этот янтарный футляр в списанный «призрак» и загнать в подпространство до окончания времен... К сожалению, делать этого, конечно, нельзя: это был бы необратимый поступок.)

Абалкин является в Музей (или прорывается с боем — ведь там его ждет Гриша Серосовин)... В общем, он является в Музей и снова видит там Экселенца. Картина. И вот там-то происходит настоящий разговор...

Экселенц его убьет, подумал я. Господи помилуй, в панике подумал я. Он сидит здесь и играет с белочками, а через час Экселенц его убьет. Ведь это же просто, как репа. Экселенц для того и ждет его в Музее, чтобы досмотреть это кино до конца, чтобы понять, своими глазами увидеть, как это все происходит, как автомат Странников отыскивает дорогу, как он находит янтарный футляр (глазами? по запаху? шестым чувством?), как он открывает этот футляр, как выбирает свой детонатор, что он намеревается делать с детонатором... только намеревается, не больше, ведь в ту же секунду Экселенц

нажмет спусковой крючок, потому что рисковать дальше будет уже нельзя.

И я сказал себе: ну нет, этого не будет. Нельзя сказать, чтобы я тщательно продумал все последствия своего поступка. Если говорить откровенно, я их не продумал вовсе. Просто я вошел в аллею и направился прямо к Абалкину.

Когда я подошел, он глянул на меня искоса и отвернулся. Я сел рядом.

— Лева,— сказал я,— уезжайте отсюда. Сейчас же.

— По-моему, я просил оставить меня в покое,— сказал он прежним тихим и бесцветным голосом.

— Вас не оставят в покое. Дело зашло слишком далеко. Никто не сомневается в вас лично. Но вы для нас больше не Лева Абалкин. Левы Абалкина больше нет. Вы для нас — автомат Странников.

— А вы для меня — банда взбесившихся от страха идиотов.

— Не спорю,— сказал я.— Но именно поэтому вам надо удирать отсюда, как можно дальше и как можно быстрее. Летите на Пандору, Лева, поживите там несколько месяцев, докажите им, что никакой программы внутри вас нет.

— А зачем?— сказал он.— Чего ради я должен кому-то что-то доказывать? Это, знаете ли, унинительно.

— Лева,— сказал я.— Если бы вы встретили перепуганных детей, неужели вам показалось бы унинительным повалять дурака перед ними, чтобы их успокоить?

Он впервые глянул мне прямо в глаза. Он смотрел долго, почти не мигая, и я понял, что он не верит ни одному моему слову. Перед ним сидел взбесившийся от страха идиот и старательно врал, чтобы снова загнать его на край Вселенной, но теперь без всякой надежды на возвращение.

— Бесполезно,— сказал он.— Прекратите эту болтовню и оставьте меня в покое. Мне пора.

Он осторожно отогнал белок и поднялся. Я тоже поднялся.

— Лева,— сказал я,— вас убьют.

— Ну, это не так просто сделать,— небрежно отозвался он и пошел вдоль аллеи.

Я пошел рядом с ним. Я все время говорил. Нескую-то чушь, что-де это не тот случай, когда можно позволить себе обижаться, что глупо-де рисковать

жизнью из-за одной только гордости, что-де стариков тоже надо бы понять — они сорок лет живут как на иголках... Он отмалчивался или отвечал колкостями. Раз или два он даже улыбнулся — мое поведение, кажется, забавляло его. Мы прошли до конца аллеи и свернули на Сиреневую улицу. Мы шли к площади Звезды.

Людей на улице было уже довольно много. Это не входило в мои планы, но и не особенно им мешало. Может же человеку стать дурно на улице, и в таких случаях должен же кто-то доставить потерявшего сознание человека к ближайшему врачу... Я доставлю его на наш ракетодром, это недалеко, он даже не успеет очухаться. Там всегда наготове два-три дежурных «призрака». Я вызову туда Глумову, и мы втроем высадимся на зеленой Ружене, в моем старом лагере. По дороге я ей все объясню, и провались она в тартарары — тайна личности Льва Абалкина... Так. Вон у обочины подходящий глайдер. Свободный. То, что нужно...

Когда я очухался, голова моя покоилась на теплых коленях незнакомой пожилой женщины, и я был словно на дне колодца, и на меня сверху вниз встревоженно глядели незнакомые лица, и кто-то предлагал не тесниться и дать мне больше воздуха, и еще кто-то заботливо подсовывал к моему носу ядовито пахнущую ампулу, а рассудительный голос вещал в том смысле, что оснований для тревоги никаких нет — может же стать человеку дурно на улице...

Тело мое казалось мне туго надутым воздушным шаром, который с тихим звоном колышется над самой землей. Боли не было. Судя по всему, я попался на самый обыкновенный «поворот вниз», проведенный, правда, из такой позиции, из которой его никто и никогда не проводит.

— Ничего, он уже очухался, все будет в порядке...

— Лежите, лежите, пожалуйста, вам стало дурно...

— Сейчас будет врач, ваш друг уже побежал за ним.

Я сел. Меня поддерживали за плечи. Внутри меня по-прежнему звенело, но голова была совершенно ясной. Я должен был встать, однако пока это было не в моих силах. Сквозь частокол ног и тел, окружавших меня, я видел, что глайдер исчез. И все-таки Абалкин не сумел довести дело до конца. Попади он на два сантиметра левее, я провалился бы без памяти до вечера.

Но то ли он промахнулся, то ли сработал у меня защитный рефлекс...

Со свистящим шелестом рядом опустился глайдер, и прямо через борт его сквозь толпу устремился сухопарый мужчина, на ходу вопрошая: «Что тут случилось? Я врач!»

И откуда только у меня ноги взялись! Я вскочил ему навстречу и, схватив за рукав, толкнул к пожилой женщине, которая только что поддерживала мою голову и все еще стояла на коленях.

— Женщине плохо, помогите ей...

Язык едва слушался меня. В ошарашенной тишине я пробрался к глайдеру, перевалился через борт на сиденье и включил двигатель. Я еще успел услышать изумленно-протестующий вопль: «Но позвольте же!..», а в следующее мгновение подо мной распахнулась залитая утренним солнцем площадь Звезды.

Все было как в повторном сне. Как шесть часов назад. Я бежал из зала в зал, из коридора в коридор, лавируя между стендами и витринами, среди статуй и макетов, похожих на бессмысленные механизмы, среди механизмов и аппаратов, похожих на уродливые статуи, только теперь все вокруг было залито ярким светом, и я был один, и ноги подо мной подкашивались, и я не боялся опоздать, потому что был уверен, что обязательно опоздаю.

Уже опоздал. Уже.

Треснул выстрел. Негромкий сухой выстрел из «герцога». Я споткнулся на ровном месте. Все. Конец. Я побежал из последних сил. Впереди справа мелькнула между безобразными формами фигура в белом халате. Гриша Серосовин по прозвищу Водолей. Тоже опоздал.

Треснули еще два выстрела, один за другим... «Лева. Вас убьют». — «Это не так просто сделать...» Мы ворвались в мастерскую Майи Глумовой одновременно — Гриша и я.

Лев Абалкин лежал посередине мастерской на спине, а Экселенц, огромный, сгорбленный, с пистолетом в отставленной руке, мелкими шажками осторожно приближался к нему, а с другой стороны, придерживаясь за край стола обеими руками, к Абалкину приближалась Глумова.

У Глумовой было неподвижное, совсем равнодушное

лицо, а глаза ее были страшно и неестественно скошены к переносице.

Шафрановая лысина и слегка обвисшая обращенная ко мне щека Экселенца была покрыта каплями пота.

Остро, кисло, противоестественно воняло пороховой гарью.

И стояла тишина.

Лев Абалкин был еще жив. Пальцы его правой руки бессильно и упрямо скребли по полу, словно пытались дотянуться до лежащего в сантиметре от них серого диска детонатора. Со знаком в виде то ли стилизованной буквы «Ж», то ли японского иероглифа «сандзю».

Я шагнул к Абалкину и опустился возле него на корточки. (Экселенц каркнул мне что-то предостерегающее.) Абалкин стеклянными глазами смотрел в потолок. Лицо его было покрыто давешними серыми пятнами, рот окровавлен. Я потрогал его за плечо. Окровавленный рот шевельнулся, и он проговорил:

— Стояли звери около двери...

— Лева,— позвал я.

— Стояли звери около двери,— повторил он настойчиво.— Около двери...

И тогда Майя Тойвовна Глумова закричала.

Ноябрь 1978— апрель 1979

СОДЕРЖАНИЕ

Испытание «СКР»	5
Частные предположения	24
Ночь в пустыне	41
Чрезвычайное происшествие	56
Попытка к бегству. <i>Повесть</i>	73
Жук в муравейнике. <i>Повесть</i>	177

ИБ № 45544

СТРУГАЦКИЙ А., СТРУГАЦКИЙ Б.
ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ

Редактор Л. Усачева.
Художественный редактор Д. Брейкш.
Технический редактор С. Балодэ.
Корректор И. Грузнова.

Сдано в набор 18.07.85. Подписано в печать
03.01.86. Формат 84×108/32. Типографская бу-
мага № 2. Литературная гарнитура. Высокая пе-
чать. 18,48 усл. печ. л.; 19,22 усл. кр. отт.;
19,00 уч.-изд. л. Тираж 20 000 экз. Заказ № 916-5.
Цена 1р. 40 коп. Издательство «Лиезма», 226047
Рига, бульвар Падомью, 24. Изд. №
40/32247/P-142

Издание подготовлено с использованием диа-
логовой издательской системы ДИС при участии
ОВЦКП. Программист — Г. Захарычев.

Отпечатано в типографии «Циня» Государст-
венного комитета Латвийской ССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли,
226011 Рига, ул. Блауманя, 38/40. Обложка
отпечатана в Образцовой типографии, 226004
Рига, Виеннибас гатве, 11.

- Стругацкий А., Стругацкий Б.**
С 87 Жук в муравейнике: Рассказы и повести/ Сост
В. Щербацкая; Худож. М. Дубинина. — Р..
Лиесма, 1986.—349 с., илл.—(Приключения,
фантастика, путешествия).

В сборнике сделана попытка показать, как в творчестве Стругацких постепенно раскрывалась тема морально-этического совершенствования человека на фоне научно-технического прогресса. Главные проблемы их произведений связаны с социальными вопросами, которые решаются людьми будущего коммунистического общества.

4702010200—40

С ————— 159—86

М 801(11)—86

84К7—44

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ